A1 8/57

Г. М. Барацъ.

10

Критико-сравнительный анализъ

ДОГОВОРОВЪ РУСИ съ ВИЗАНТІЕЙ.

Возстановленіе текста, переводъ, комментарій и сравненіе съ другими правовыми памятниками, въ частности— съ Русскою Правдою.

КІЕВЪ.
Типографія 1-й Кіевской Артели Печатнаго Дѣла. Трехсвятительская № 5.
1910.

А 1 8/57

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	V—XII.
ГЛАВА ПЕРВАЯ. **Походъ Олега на Царьградъ и договоръ съ Византіею 907 г.**	1—34
ГЛАВА ВТОРАЯ. **Существующій текстъ Договоровъ:**	
I. Договоръ Олега 912 г.	35—38
II. Договоръ Игоря 945 г.	38—42
III. Договоръ Святослава 971 г.	42
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. **Критика текста и объясненіе договорныхъ статей:**	
Отдѣлъ I. Заглавія Договоровъ	43—54
Отдѣлъ II. Вступительныя статьи Договоровъ	54—74
Отдѣлъ III. Переходъ къ договорнымъ главамъ и статья о мирѣ и любви	74—79
Отдѣлъ IV. Статья о судопроизводствѣ	79—86
Отдѣлъ V. *Статьи, относящіяся къ уголовному праву:*	
§ 1. Преступленіе убійства	86—101
§ 2. О безнаказанности убійства вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія и сопротивляющагося своему задержанію	101—106
§ 3. О раненіи и изувѣченіи (о враждѣ)	106—117
§ 4. О самовольномъ взятіи своего и насильственномъ похищеніи чужого имущества	117—124
§ 5. О воровствѣ—кражѣ	124—128
§ 6. О похищеніи и продажѣ людей	128—131
§ 7. О помощи при кораблекрушеніи и угрозѣ наказаніемъ за похищеніе чего-либо изъ морского или рѣчного судна, претерпѣвшаго аварію	131—136
Отдѣлъ VI. Статьи о выкупѣ рабовъ и плѣнныхъ . . .	136—146
Отдѣлъ VII. О похищеніи и укрывательствѣ бѣглаго раба.	146—151
Отдѣлъ VIII. О возвратѣ найденныхъ вещей потерявшему ихъ	151—154
Отдѣлъ IX. Статья о наслѣдованіи и опекѣ	154—163
Отдѣлъ X. Статьи, относящіяся къ порядку пріѣзда руссовъ въ Константинополь и пребыванію ихъ тамъ .	163—172
Отдѣлъ XI. О торговыхъ правахъ Руси въ Греціи . .	172—183

Отдѣлъ XII. Объ оказаніи путевого пособія русскимъ, возвращающимся изъ Греціи домой . . . . . 183—184
Отдѣлъ XIII. Международныя постановленія: о корсунской области, объ устьяхъ Днѣпра и о взаимной руссовъ и грековъ военной помощи . . . . . 184—189
Отдѣлъ XIV. Формула ратификаціи и даты Договоровъ. 189—192

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. **Возстановленіе текста и объясненіе параллельныхъ Договорной Правдѣ статей Русской Правды:**
I. *Статьи о преступленіяхъ противъ жизни:*
Наличный и возстановленный тексты . . . . . 193—195
Объясненіе:
1. Общее заглавіе памятника . . . . . 195—198
2. Къ статьѣ: „Судъ Ярославль о душегубствѣ“ . . . . 198—199
3. Къ замѣткѣ редактора Русской Правды, касательно постановленія Ярославичей . . . . . 200—204
4. Къ статьѣ „Судъ Ярославлихъ дѣтей объ убійствѣ“ . . 204—207
5. Къ статьѣ объ общинной вирѣ . . . . . 207—214
6. Къ статьѣ о выдачѣ общиною предумышленнаго убійцы 214
II. *О случаяхъ безнаказанности убійства:*
а) О ненаказуемости убійства вора . . . . . 214—219
б) О ненаказуемости или уменьшенной наказуемости убійства раба . . . . . 219—220
III. *О нанесеніи побоевъ и ранъ* . . . . . 220—226

ГЛАВА ПЯТАЯ. **Полный исправленный текстъ договорныхъ грамотъ, клятвенныхъ формулъ и относящихся къ заключенію и утвержденію Договоровъ лѣтописныхъ разсказовъ:**
I. Лѣтописные разсказы объ отправкѣ русскими князьями пословъ къ царямъ греческимъ для заключенія Договоровъ . . . . . 227—228
Примѣчанія . . . . . 228—231
II. Договорныя грамоты съ переводомъ ихъ на современный русскій языкъ . . . . . 331—244
III. Лѣтописные разсказы о ратификаціи Договоровъ:
А. Къ Договору Олега 912 г. 244
Примѣчанія . . . . . 244—246
Б. Къ Договору Игоря 945 г. . . . . 246—248
Примѣчанія . . . . . 248—250
IV. **Рота присяги русскаго великаго князя и русскихъ пословъ и гостей.**
а) Клятвенное обѣщаніе великаго князя . . . . . 250—251
б) Клятвенное обѣщаніе русскихъ пословъ и гостей . . 251—252
Примѣчанія . . . . . 252—257
Указатели:
I. Указатель объясненныхъ и обсужденныхъ словъ и выраженій . . . . . 258—259
II. Указатель личныхъ именъ . . . . . 259—264
III. Указатель географическій . . . . . 264—265
Замѣченныя опечатки и погрѣшности 266

Г. М. Барацъ.
А1 8/57
745.

Предисловіе.

Nil tam difficile est, quin qaerendo investigari possiet.
(Девизъ Ritschl-a, по цитатѣ проф. Лециуса).

Авг. Люд. Шлецеръ, дошедши въ своемъ „Несторѣ“ до перевода и объясненія Договора кн. Олега съ греками 907 г., высказалъ: „Вотъ гдѣ начинается мука *для толкователей*. Всѣ списки такъ искажены, что... на многихъ мѣстахъ совершенно ничего не поймешь“. Такъ же отозвался онъ и о Договорѣ Олега 912 г: „Незнающіе, совершенно грубые переписчики списывали памятникъ этотъ съ неслыханною нерадивостію, отъ чего и происходятъ уродливыя, часто смѣшныя ошибки, отъ которыхъ еще и теперь... многія мѣста остаются... совершенно неизъяснимыми“. То же самое повторилъ онъ и при обсужденіи Договора Игоря съ греками 945 г. и грамоты Святослава 971 г., которую онъ назвалъ „изодраннымъ лоскутомъ“ („Несторъ“, II, 641, 694; III, 209—210, 592).

Но, констатировавъ въ рѣзкой формѣ невразумительность и безтолковость многихъ мѣстъ упомянутыхъ четырехъ Договоровъ, какъ прямое слѣдствіе невообразимой ихъ искаженности,—незабвенный основатель русской исторической критики тѣмъ не менѣе настоятельно рекомендовалъ воздерживаться отъ исправленія ихъ текста личными догадками и „прежде всего ожидать *лучшихъ и древнѣйшихъ* списковъ“.

Однако, прошло со времени даже изданія въ русскомъ переводѣ перваго тома „Нестора“ болѣе ста лѣтъ, впродолженіе коихъ открыты и бо̀льшею частью уже напечатаны въ исправнѣйшемъ видѣ всѣ, какіе только можно было отыскать, списки русскихъ лѣтописей, а между тѣмъ, не взирая на безпрерывныя усилія виднѣйшихъ историковъ и юристовъ, направленныя къ разъясненію сказанныхъ актовъ, послѣдніе и до сихъ поръ все еще остаются темными и загадочными. Не разсѣяла окутывающей ихъ тьмы и посвященная имъ, вышедшая въ 1904 г., специальная монографія

А. В. Лонгинова, не смотря на весьма богатую ея ученую обстановку и на тщательную ея отдѣлку.

При такомъ положеніи вещей, нужно признать, что запретъ, наложенный Шлецеромъ на разработку нашихъ памятниковъ всякимъ другимъ, кромѣ сличенія списковъ, способомъ, въ настоящее время уже потерялъ силу, какъ погашенный вѣковою давностью, и что теперь наступила крайняя необходимость, не предаваясь болѣе несбыточной надеждѣ на возможность появленія еще „лучшихъ и древнѣйшихъ“ списковъ, чѣмъ какіе нынѣ существуютъ, попытаться достигнуть реставраціи первоначальнаго текста и истолкованія означенныхъ документовъ пріемами филологической, преимущественно конъектуральной (дивинаторной), критики въ связи съ юридико-сравнительнымъ ихъ изученіемъ.

Посильный опытъ изслѣдованія Договоровъ по такому методу и представляетъ собою предлежащій трудъ, къ изготовленію и изданію котораго меня поощрила высказанная акад. *И. И. Срезневскимъ* мысль, что занимающіеся научными работами ни въ какомъ случаѣ не должны руководствоваться боязнью быть пристыженными за неизбѣжныя ошибки, такъ какъ и невѣрные выводы „могутъ принести свою долю пользы даже своею невѣрностью, пробуждая желаніе дойти до истины болѣе счастливыми путями“. (Изв. Ак. Наукъ, III, 66).

Чтобы дать предварительно понятіе о способахъ и пріемахъ, употребленныхъ мною при возсозданіи подлиннаго текста Договоровъ и уясненіи ихъ смысла, изложу слѣдующее:

Не смущаясь вышеприведенными жалобами Шлецера на крайнюю испорченность текста нашихъ мирныхъ трактатовъ, ученые, за немногими исключеніями, смотрятъ на него чуть-ли не такъ, какъ въ концѣ XVI в. велѣно было Папою добрымъ католикамъ смотрѣть на вновь изданный тогда латинскій переводъ Библіи,— считать его „истиннымъ, правильнымъ, подлиннымъ и несомнѣннымъ и не позволять себѣ измѣненія въ немъ хотя-бы малѣйшей частицы“ (ne minima particula mutata). Причину же непонятности многихъ мѣстъ Договоровъ изслѣдователи въ одинъ голосъ объясняютъ единственно лишь неумѣлостью переводчиковъ этихъ актовъ съ греческаго языка. Мнѣніе это опредѣленно выражено *И. Д. Бѣляевымъ*. „Въ сущности, говоритъ онъ, *подлинникъ перевести нѣтъ никакой возможности*, ибо, если сохранить порядокъ словъ подлинника, то, какъ бы его ни переводили, всегда будетъ переводъ теменъ и неправиленъ, всегда останется нѣсколько словъ, какъ-бы не относящихся къ дѣлу или лишнихъ; но на самомъ дѣлѣ составитель подлинника не сказалъ ни одного лишняго слова, и только по не-

опытности не умѣлъ совладѣть съ кучею связанныхъ предложеній, находящихся, можетъ быть, въ греческомъ оригиналѣ, и разставилъ ихъ безъ связи, и тѣмъ затемнилъ свое изложеніе до крайности“. („Русь въ первыя сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика“, с. 44—5).

Между тѣмъ, вникая въ разсмотрѣніе помянутыхъ актовъ, нельзя не убѣдиться, что безсмысленность ихъ происходитъ не отъ чего другого, какъ только отъ допущенныхъ писцами самыхъ разнообразныхъ погрѣшностей, изъ коихъ главнѣйшія суть: 1) замѣна буквъ **н** и **о** буквами **и** и **ѿ**, 2) смѣшеніе частицы **и** въ значеніи союза съ **и́**,—винит. падежомъ личнаго мѣстоименія 3 л., м. р., 3) ошибочное принятіе буквенныхъ знаковъ за числительные, и наоборотъ, 4) искаженіе словъ чрезъ перестановку входящихъ въ составъ ихъ буквъ, 5) многоразличныя ошибки при выводѣ словъ, писанныхъ сокращенно, изъ-подъ титловъ, 6) ошибочное опущеніе надстрочныхъ буквъ и т. д. Но всѣ эти описки и промахи, какъ они ни затрудняютъ пониманіе договорныхъ грамотъ, маловажны сравнительно съ самымъ кардинальнымъ грѣхомъ переписчиковъ, заключающимся въ *перестановкахъ* цѣлыхъ статей, періодовъ, фразъ и отдѣльныхъ словъ. На этотъ родъ порчи, отъ котораго въ бо́льшей или меньшей степени страдаютъ всѣ, вообще, произведенія древне-русской письменности, мнѣ приходилось уже неоднократно указывать въ цитируемыхъ въ настоящемъ трудѣ прежнихъ своихъ посильныхъ работахъ. Но на сей разъ перестановки, по чрезмѣрному ихъ множеству, превосходятъ всякое представленіе. Въ каждой изъ трактуемыхъ грамотъ не найдется **по**чти ни одного предложенія, которое не было бы осложнено излишними, совершенно чуждыми его содержанію, словами и фразами, занесенными въ него изъ другихъ мѣстъ не только данной грамоты, но и изъ остальныхъ грамотъ, или же, наоборотъ, не замѣчалось бы отсутствіе нужныхъ, по смыслу, словъ и выраженій, которыя, послѣ тщательныхъ розысковъ, можно найти спрятанными въ другомъ мѣстѣ одной изъ грамотъ, а иногда даже въ одномъ изъ лѣтописныхъ извѣстій о событіяхъ княженій Олега, Игоря и Святослава. Произошла же, можно думать, эта путаница, между прочимъ, оттого, что составитель одного изъ предшествовавшихъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ бытописательныхъ сводовъ имѣлъ подъ руками подлинные черновики грамотъ, испещренные помарками, поправками и выносками и, по ветхости, разорванные на мельчайшіе клочки, изъ коихъ нѣкоторые совсѣмъ утратились, а въ оставшихся иныя слова были вырваны или неразборчивы. Эти-то клочки, перемѣшанные и перепутанные, сводчикъ и списалъ въ свой сборникъ и затѣмъ, раздобывъ, быть можетъ, об-

рывки другихъ копій грамотъ, вносилъ по нимъ на поляхъ рукописи или между столбцами страницъ, на коихъ изложены грамоты, а иногда даже въ пробѣлахъ одного изъ послѣдующихъ за ними или предшествующихъ имъ листовъ сборника, различныя поправки и дополненія, отмѣчавъ выносными знаками, къ какимъ мѣстамъ Договоровъ они относятся. При дальнѣйшихъ же переписках на эти знаки не обращали вниманія или же они со временемъ стерлись, почему поправки, стоявшія на поляхъ, напр., въ концѣ страницы, попадали въ текстъ ближайшей договорной статьи, хотя онѣ, въ дѣйствительности, относились къ статьѣ, помѣщенной въ самомъ началѣ страницы, или даже чрезъ нѣсколько страницъ впереди или назади.

При такомъ печальномъ состояніи текста нашихъ памятниковъ единственное средство для реконструкціи ихъ подлинныхъ чертъ,—это устраненіе изъ каждаго даннаго предложенія словъ и фразъ, ошибочно туда приплетенныхъ переписчиками, и перестановка ихъ въ тѣ мѣста какъ самыхъ же договорныхъ грамотъ, такъ и лѣтописныхъ повѣстей, гдѣ они должны стоять и первоначально несомнѣнно стояли, но, по оплошности списателей, были пропущены, а также перенесеніе съ однихъ мѣстъ на другія цѣлыхъ сегментовъ и періодовъ. Работа эта, сходная съ т. н. въ типографскомъ дѣлѣ переборкою строкъ и переверсткою полосъ,—мелочная, кропотливая, требующая напряженной внимательности и большого прилежанія. „Незнающіе“, выражаясь словами Шлецера, „смѣются такому труду, считая его безполезнымъ педантствомъ“, а многіе „знающіе“, надо прибавить, относятся къ нему съ полнымъ отрицаніемъ и осужденіемъ. А между тѣмъ, безъ означенныхъ операцій никоимъ образомъ нельзя обойтись, если желаемъ, чтобы Договоры, вмѣсто тарабарской грамоты, какою они оказываются въ изложеніи наличныхъ списковъ, предстали въ своемъ подлинномъ видѣ, отличаясь замѣчательною ясностью, точностью и выразительностью языка и высокимъ внутреннимъ достоинствомъ содержанія,—составляя по-истинѣ одну изъ величайшихъ достопамятностей всего средневѣковья, по выраженію опять-таки Шлецера.

Льщу себя надеждою, что мнѣ, при помощи вышеописаннаго способа, и удалось вполнѣ возстановить наши драгоцѣнные памятники, причемъ, между прочимъ, открылось, въ отношеніи формы, что договорные пункты грамотъ Олега 912 г. и Игоря 945 г., составляющіе, вмѣстѣ взятые, одно нераздѣльное цѣлое, снабжены всѣ, *безъ изъятія*, заглавіями, числомъ всего 37, не считая четырехъ особыхъ надписаній, стоящихъ въ началѣ и концѣ мирной грамоты

Олега; со стороны же **содержанія**, обнаружилось, что всѣ договорныя статьи не заключаютъ въ себѣ ни одного сомнительнаго или неподходящаго выраженія, а имѣютъ ясный, разумный смыслъ, часто совершенно отличный отъ общепринятаго, причемъ выявились нѣкоторыя новыя статьи, закопанныя, такъ сказать, въ существующихъ лѣтописныхъ сводахъ подъ словесными насыпями (о неправоспособности къ принятію присяги, объ опекѣ надъ малолѣтними, о надзорѣ за правильностью торговыхъ мѣръ и вѣсовъ, о непритѣсненіи должниковъ и пр.); со стороны **системы**, выяснилось, что постановленія Договоровъ расположены въ удивительно выдержанномъ стройно-логическомъ порядкѣ; наконецъ, касательно **лексическаго состава,** оказались въ Договорахъ довольно большое количество словъ, имѣющихъ неотмѣченное доселѣ значеніе, отсутствіе грецизмовъ, но за то чрезвычайное обиліе гебраизмовъ и нѣсколько полонизмовъ.

Важнымъ подспорьемъ же въ моей работѣ послужило мнѣ сравнительно-правовое изученіе нашихъ памятниковъ, благодаря которому многія мои конъектуры пріобрѣтаютъ силу неоспоримой достовѣрности. Для сравненія я привлекъ правовые источники римско-византійскіе, славянскіе и русскіе, начиная съ Русской Правды, а также нѣкоторыя изъ Варварскихъ Правдъ и изданный проф. *Θ. И. Леонтовичемъ* „Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій“. Главнымъ образомъ же я сличалъ наши акты, равно какъ и приведенныя мною соотвѣтственныя имъ статьи Р. Правды и относящіеся къ Договорамъ лѣтописные разсказы, съ данными еврейскаго языка и еврейской литературы и нормами моисеево-талмудическаго права. Въ результатѣ этого сличенія вполнѣ, какъ мнѣ кажется, подтвердился защищаемый мною давно тезисъ о непосредственномъ и интенсивномъ воздѣйствіи сказаннаго права на древне-русскій юридическій бытъ и о вліяніи, вообще, еврейской книжности на древнерусскую словесность. Къ этому положенію въ русскихъ ученыхъ кругахъ относятся съ недовѣріемъ и неудовольствіемъ. Но я укажу на то, что проф. D. H Müller и V. Aptowitzer въ своихъ рефератахъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ философско-историч. отдѣленія Академіи Наукъ въ Вѣнѣ въ 1906 и 1907 г., доказали, вслѣдъ за знатоками древне-армянскаго права, что армянскіе юридическіе кодексы Семпада (13 в.) и, въ особенности, Мехитара Гоша (12 в.) многое несомнѣнно заимствовали изъ библейско-*талмудическаго* законодательства, и что въ обширномъ докладѣ, читанномъ въ засѣданіи названнаго отдѣленія той же Академіи въ 1909 г., второй изъ упомянутыхъ изслѣдователей доказалъ также, что издан-

ные недавно три сирійскихъ юридическихъ кодекса, составленные тремя архипастырями, или, какъ они сами себя называютъ, патріархами восточнаго несторіанскаго христіанства, жившими и дѣйствовавшими: одинъ, *Хинанишо Ксеніасъ*, въ послѣдней четверти VII в. въ Селевкіи, а другіе два—*Тимоѳеосъ* и *Іезубарнунъ* въ 1-й четверти IX в. въ Багдадѣ,—содержатъ рѣшенія и юридическія правила, составленныя подъ очевиднымъ вліяніемъ *талмудо-раввинскаго* права, а законная книга Тимоѳеоса заключаетъ въ себѣ каноны и узаконенія, прямо реципированные изъ того же права *). Въ виду такихъ явленій, объясняемыхъ главнѣйше сношеніями, существовавшими между евреями и христіанами въ Арменіи и Вавилоніи, едва-ли позволительно отвергать a priori даже возможность зависимости отъ моисево-талмудическаго права и юридическихъ постановленій, содержащихся въ нашихъ Договорахъ, тогда какъ послѣдніе, какъ увидимъ дальше, сами ссылаются на „Божіе законоданіе“, подъ которымъ, какъ и подъ Lex Dei, обыкновенно разумѣется, въ частности, Законъ Моисеевъ,—не говоря уже о томъ, что, судя по нѣкоторымъ признакамъ, имѣется основаніе предположить, что въ числѣ посланныхъ для заключенія Договоровъ русскихъ пословъ и гостей были и нѣсколько іудео-хазаръ и евреевъ, о чемъ поговорю въ надлежащемъ мѣстѣ.

Что же касается **плана** настоящаго труда, то онъ представляется въ такомъ видѣ: *Первая глава* имѣетъ своимъ предметомъ возстановленіе текста и объясненіе лѣтописнаго разсказа, точнѣе,—сказки о походѣ Олега на Царьградъ въ 907 г. и о заключенномъ будто-бы тогда же между Русью и Византіею мирномъ договорѣ **). Во *второй главѣ* я помѣстилъ дошедшіе до насъ тексты Договоровъ Олега 912 г., Игоря 945 г. и Святослава 971 г., перепечатавъ ихъ изъ „Христоматіи по исторіи русскаго права“ проф *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*, какъ пользующейся заслуженною извѣстностью и большою распространенностью и пережившей уже много изданій ***).

---

*) См. „Beiträge zur mosaischen Rezeption im armenischen Recht“ von V. Aptowitzer., W., 1907, и его же: „Die syrischen Rechtsbücher und das mos.-talmudische Recht.,“ W., 1909.

**) Предлагая свои поправки текста, я въ настоящей главѣ, какъ и въ остальныхъ отдѣлахъ своей работы, обозначаю прямыми скобками слова и фразы, перенесенныя изъ другихъ мѣстъ самыхъ трактуемыхъ лѣтописныхъ статей или договорныхъ грамотъ, курсивомъ и полукруглыми скобками—слова и фразы, взятыя изъ другого какого-либо памятника или прибавленныя мною гадательно, а многоточіемъ—слова, исключенныя изъ текста.

***) Въ ссылкахъ обозначаю ее сокращенно: „Х—тія“.

Глава третья посвящена подробному критико-сравнительному анализу договорныхъ статей. Разбирая каждую статью порознь, я привожу почти всѣ, предложенныя до настоящаго времени комментаторами, толкованія ея, доказываю ихъ неудовлетворительность, обусловленную испорченностью текста, и потому устанавливаю прежде всего правильное, на мой взглядъ, чтеніе каждой данной статьи посредствомъ исправленія въ ней явныхъ описокъ, съ указаніемъ, притомъ, самаго процесса ихъ происхожденія, но преимущественно путемъ перестановокъ словосочетаній и періодовъ съ однихъ мѣстъ на другія, не выбрасывая, впрочемъ, рѣшительно *ни одного* слова, *ни одной* „малѣйшей частицы“,—въ каковомъ отношеніи моя работа, надѣюсь, выдержитъ строжайшій повѣрочный экзаменъ; въ тѣхъ же, надо замѣтить, сравнительно немногихъ, случаяхъ, когда та или другая статья страдаетъ пропускомъ нѣкоторыхъ словъ и фразъ, коихъ, не смотря на всѣ поиски, нельзя найти нигдѣ ни въ договорныхъ грамотахъ, ни въ сопровождающихъ ихъ лѣтописныхъ повѣстяхъ, очевидно, потому, что ихъ недоставало уже при самомъ внесеніи актовъ въ лѣтописные сборники,—я восполняю пробѣлы словами и фразами, взятыми изъ однопредметныхъ статей другихъ памятниковъ: Закона Суднаго, церковныхъ уставовъ св. Владиміра и Всеволода Мстислановича и пр., или же изрѣдка—по личной догадкѣ. Затѣмъ, исправленное мною, такимъ образомъ, чтеніе я обосновываю посредствомъ сличенія аналогичныхъ статей разныхъ юридическихъ памятниковъ и, въ особенности, постановленій моисеево-талмудическаго права. Параллельныя же статьи Русской Правды, я, по важности ихъ, выдѣлилъ въ особую, *четвертую*, *главу*, производя и надъ ними, для исправленія ихъ текста, такія же операціи, какъ и надъ Договорами. Наконецъ, въ *главѣ пятой* я представляю исправленные тексты предшествующихъ изложенію договорныхъ грамотъ и послѣдующихъ за нимъ лѣтописныхъ извѣстій о заключеніи и ратификаціи мирныхъ Договоровъ и формулъ клятвенныхъ обѣщаній какъ русскихъ князей, такъ иословъ и гостей, сопровождая тексты подробными пояснительными примѣчаніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ я, для цѣльности впечатлѣнія, излагаю снова въ этой же главѣ исправленный текстъ Договоровъ въ полномъ ихъ видѣ съ параллельнымъ переводомъ ихъ на современный языкъ. Въ этомъ текстѣ я лишь опустилъ перечень **именъ** русскихъ словъ и гостей, потому, что всѣ гипотезы ученыхъ, а равно и мои посильныя догадки, направленныя къ установкѣ правильнаго чтенія этихъ именъ, все же не болѣе, какъ догадки; для подтвержденія же ихъ нельзя пользоваться тѣми способами, при помощи кото-

рыхъ можно безошибочно возстановить первоначальный видъ самыхъ договорныхъ статей.

Въ видѣ заключительной главы, я первоначально предполагалъ представить возстановленный мною текстъ и объясненіе лѣтописной легенды о призваніи варяжскихъ князей,—съ цѣлью доказать, что она вся и, въ особенности, содержащаяся въ ней глосса, служащая главною опорою догмата норманнистовъ: „сице бо тіи звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие“ и пр., возникли подъ вліяніемъ еврейской письменности. Коснуться же этого вопроса въ своей работѣ я находилъ умѣстнымъ, потому, что, по глубоко вѣрному замѣчанію *С. А. Гедеонова*, никто не въ состояніи „приступить къ многотрудному изученію... языка, юридическихъ особенностей, религіозныхъ вѣрованій и т. п. въ договорахъ Олега, Игоря и Святослава, когда у него за плечами призракъ норманнизма твердитъ: договоры—скандинавская принадлежность“. Но во время печатанія настоящей книги я, по нѣкоторымъ соображеніямъ, рѣшилъ посвятить означенной легендѣ отдѣльную статью, „отъ сего дѣла особо“.

Въ концѣ книги приложены *указатели* заключающихся въ ней личныхъ и мѣстныхъ именъ, а также объясненныхъ и обсужденныхъ словъ и выраженій.

На послѣдней страницѣ помѣщенъ списокъ замѣченныхъ опечатокъ и погрѣшностей. Авторъ усердно проситъ читателей словами стариннаго переписчика: „аже вы кдѣ криво налѣзете, то исправивъше, чтьтѣте же“.

Сентябрь 1910 г.
Кіевъ.

Глава первая.

Походъ Олега на Царьградъ и договоръ съ Византіею 907 г.

Разсказъ Начальной лѣтописи объ этомъ походѣ большинствомъ русскихъ историковъ признается нелѣпою баснею. *Шлецеръ*, по своему обыкновенію приписывать всякія несообразности въ показаніяхъ т. н. Несторовой лѣтописи не ея составителю, а переписчикамъ, по поводу приведеннаго въ лѣтописной повѣсти эпизода объ Олеговомъ судоходствѣ по суху, выразился: „я стыжусь говорить здѣсь объ этой глупости, но, какъ многіе *писцы* разсказываютъ ее съ смѣшною важностію, какъ будто истинное происшествіе, то и долженъ я истратить на нее страницы двѣ, чтобы въ предбудущее время очистить отъ такого вздора достойную уваженія исторію Олега“ („Несторъ“, II, 628). И не только Шлецеръ, не только, вслѣдъ за нимъ, представители скептической школы въ русской исторіографіи, но и самый ожесточенный противникъ этой школы, усерднѣйшій защитникъ „историческаго православія“,—*М. П. Погодинъ*, не безъ вліянія котораго одно время установилось въ оффиціальныхъ сферахъ мнѣніе о „вредѣ безвѣрія въ наши лѣтописи“ [1]),—даже Погодинъ считалъ все извѣстіе о походѣ „истаго норманна“—Олега на грековъ лишь одною изъ исландскихъ сагъ, сохранившихся въ преданіи, или въ пѣсняхъ, или полученныхъ Несторомъ изустно [2]). Въ особенности же знаменитый ученый, подобно Шлецеру, считалъ легендарною повѣсть

---

[1]) См. *Милюкова:* „Глав. теченія рус. историч. мысли“, I, изд. 2-е, 1898 г., стр. 285.

[2]) „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи“, I, стр. 177—178 и passim.

о томъ, что Олегъ велѣлъ поставить свои лодьи на колеса и, распустивъ паруса, при попутномъ вѣтрѣ явился подъ самымъ Константинополемъ, а затѣмъ, удаляясь отъ города, приказалъ своимъ руссамъ-норманнамъ сдѣлать паруса изъ драгоцѣнныхъ тканей (паволочиты), а славянамъ изъ полотна (кропинные), которые, однакоже, были разорваны вѣтромъ.

Но съ другой стороны, немало весьма почтенныхъ дѣятелей науки высказались за фактическую достовѣрность означенной повѣсти. Такъ, кн. *Оболенскій* полагалъ, что стóитъ только принять предложенное имъ толкованіе слова: *колесо* или *коло* въ значеніи колесницы, телѣги, воза, и слова: *прь* въ значеніи хоругви, знамени, а не паруса, и тотчасъ въ лѣтописномъ извѣстіи „исчезаетъ всякая сказочность, и оно является во всемъ своемъ простомъ, естественномъ, дѣйствительно историческомъ смыслѣ“, ибо оказывается, что „Олегъ не дожидается никакого попутнаго вѣтра для того, чтобы сѣсть съ войскомъ на судна и ѣхать по суху на парусахъ къ Царьграду, когда гораздо удобнѣе онъ могъ сдѣлать это самымъ обыкновеннымъ образомъ, просто двинувъ къ послѣднему свои пѣшія и конныя войска, что̀ онъ и сдѣлалъ, поставивъ свои лодьи съ разными боевыми припасами на колесницы...“ [1]). Послѣ кн. Оболенскаго, проф. *Ламбинъ*, полемизируя „въ раздраженіи и запальчивости“ съ *Д. И. Иловайскимъ*, упрекавшимъ изслѣдователей русской старины въ склонности „прибѣгать ко всевозможнымъ натяжкамъ для того, чтобы подкрѣпить басни старинныхъ бытописателей яко-бы научными изысканіями“, и находившимъ, въ частности, въ повѣсти о походѣ Олега на Царьградъ всѣ признаки легенды,—высказалъ по сему предмету довольно своеобразный взглядъ [2]). Авторъ полагаетъ, что лѣтописецъ имѣлъ предъ собою совершенно отдѣльныя, независимыя другъ отъ друга, письменныя сказанія, изъ коихъ одно, неразрывно связанное съ условіями мирнаго договора Олега съ греками, представляется вполнѣ достовѣрнымъ памятникомъ, писаннымъ въ началѣ X в., а другое, позднѣйшее, написанное при Ярославѣ,—баснословно, являясь, однако, не вымысломъ книжника, а легендою, передающею подъ сказочною оболочкою историческій фактъ. Эти-то оба извѣстія лѣтописецъ, по догадкѣ Ламбина, разрѣзалъ, такъ сказать, каждое на 3 сегмента и потомъ, наладивъ эти шесть сегментовъ, согласно съ ихъ содержаніемъ, въ перемежку, сшилъ

---

[1]) „Нѣсколько словъ о первонач. рус. лѣтописи“, М., 1870 г.
[2]) „Дѣйствительно ли походъ Олега подъ Царьградъ—сказка?“, Ж. М. Н. П. за 1873 г., кн. 7.

ихъ вмѣстѣ. Если же распоремъ швы лѣтописца и будемъ читать сказаніе подъ 907 г. чрезъ сегментъ, то получимъ оба извѣстія въ ихъ первоначальномъ видѣ.

Еще прямѣе въ защиту достовѣрности трактуемаго сказанія выступилъ *Д. Я. Самоквасовъ*. Въ своей университетской актовой рѣчи, а затѣмъ въ своихъ печатныхъ лекціяхъ, сѣтуя на то, что Шлецеръ, „такъ долго пользовался незаслуженнымъ авторитетомъ непогрѣшимаго законоположника исторической критики", названный профессоръ силился доказать, что „баснословіе извѣстія о побѣдоносномъ приступѣ Олега къ стѣнамъ Царьграда коренится не въ подлинномъ текстѣ русской лѣтописи, а въ его толкованіи Шлецеромъ", ибо, по точному смыслу лѣтописнаго подлинника, воины Олега *шли* съ кораблями, поставленными на колеса, а не *плыли* по сушѣ на корабляхъ, какъ выразился Шлецеръ. Равнымъ образомъ послѣдній неправильно-де объясняетъ выраженія „прѣ паволочиты" и „прѣ крапинные"—парусы парчевые и парусы изъ крапивы, тогда какъ здѣсь разумѣются парусы изъ шелковой и изъ бумажной или ситцевой матеріи. На этомъ основаніи, подкрѣпленномъ, впрочемъ, еще нѣкоторыми другими аргументами, нашъ историкъ-юристъ и выставилъ, въ качествѣ „доказанной научной истины", положеніе, что лѣтописное повѣствованіе о походѣ и договорѣ съ греками русскаго князя въ 907 г. *исторически достовѣрно* [1]).

Между тѣмъ внимательный анализъ интересующей насъ лѣтописной статьи приводитъ къ рѣшительному, на мой взглядъ, заключенію, что она не только не содержитъ записи о дѣйствительно случившихся происшествіяхъ, но и не служитъ вовсе отголоскомъ народно-поэтическаго, либо дружиннаго преданія, дошедшаго, по мнѣнію изслѣдователей, къ лѣтописцу въ исландскихъ сагахъ, или славяно-русскихъ пѣсняхъ и былинахъ, а является, подобно многочисленнымъ другимъ лѣтописнымъ сообщеніямъ, разсмотрѣннымъ мною въ прежнихъ моихъ печатныхъ работахъ, издѣліемъ книжника, сочинившаго свидѣтельство о небываломъ походѣ Олега на грековъ въ 907 г. по образцу извѣстій о походахъ на Константинополь Аскольда и Дира, князей Игоря, Святослава Игоревича и Владиміра Ярославича, а также болгарскаго царя Симеона, и использовавшаго, для описанія подробностей мнимаго событія, мотивы, образы и выраженія, заимствованные отчасти изъ *библейско-агадической письменности*.

---

[1]) Варш. Унив. Изв. за 1886 г., кн. 6, стр. 1—10. „Древнее русское право", М. 1903 г.

Чтобы убѣдить въ этомъ, я первымъ дѣломъ возстановлю текстъ сказанной статьи, въ высшей степени искаженный, какъ замѣтили уже, кромѣ Шлецера, также и *С. М. Соловьевъ* и *В. И. Сергьевичъ*, грубыми описками, вставками и особенно перестановками отдѣльныхъ словъ, фразъ и цѣлыхъ періодовъ. Съ этою цѣлію я, для бо̀льшаго удобства, разбилъ всю статью не на шесть сегментовъ, изъ коихъ она первоначально сштукована была, по гипотезѣ Ламбина, а на четырежды шесть неодинаковаго объема отрывковъ.

Вотъ извлеченный изъ большинства изданныхъ лѣтописныхъ сборниковъ сводный текстъ нашей статьи [1]).

1). Въ лѣто 6415. Иде Олегъ на Грекы, а Игоря остави въ Киевѣ; поя же множество Варягъ, и Словенъ, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Сѣверо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци, яже суть толковины: си (вси) звахуся отъ Грекъ Великая Скуѳь.

2). И съ сими со всѣми поиде Олегъ на конехъ и кораблехъ, и бѣ числомъ кораблей 2000 (и поплѣниша землю всю).

3). И прiиде къ Царюграду; и Греци замкоша Судъ, (сирѣчь, пропяша чѣпь, протяженную отъ Галаты до Лахернскiа церкви), а градъ затвориша.

4). И выиде Олегъ на брегъ, (и повелѣ корабли извлещи на брегъ) и воевати нача около града, и много убийство сотвори Грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви; а ихже имаху плѣнники, овѣхъ посѣкаху, другиа же мучаху, иныя же растреляху, а другыя въ море вметаху, и ина многа зла творяху Русь Грекомъ, еликоже ратнии творять.

5). И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставити на колеса корабля; и бывшю покосну вѣтру, въсняша парусы (прѣ) и идяху чрезъ (съ) поля ко граду.

6). И видѣвше Греци, и убояшася, выслаша изъ града ко Олгови (многи Епископи, и Игумены и попы), и рекоша: „не погубляй града, имемъ ти ся по дань, якоже хощеши“.

7). И устави Олегъ воя свои.

8). И вынесоша ему Греки изъ града брашно и вино, и не прiа его: бѣ бо устроено со отравою.

9. И убояшася Греци и рѣша: „нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрей, посланъ на ны отъ Бога“.

10). И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 кораблей по 12 гривенъ на человѣка, и въ корабли по 40 мужь; и яшася Греци по се.

---

[1]) См. *Л. И. Лейбовича:* „Сводная лѣтопись“, 1876 г., стр. 26—29.

11). И почаша Греци мира просити, да бы не воевалъ Грецкые земли (гражанъ и по пристанище).

12). Олегъ же мало отступивъ отъ града, нача миръ творити со царьма Грецкима, со Леономъ и Александромъ (съ Васильевичи), посла къ нимъ въ градъ Карла, Фарлоѳа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя имъ: „имите ми ся по дань“.

13). И рѣша Греци: „чего хощеши, дамы ти“.

14). И заповѣда Олегъ даяти воемъ на 2000 корабль по 12 гривенъ на ключь.

15) И потомъ даяти уклады на Рускыа грады: (первое) на Киевъ, таже на Черниговъ, і на Переяславль, (і на Новгородъ) (і на Полтѣскъ), і на Ростовъ, (и на Смоленскъ), і на Любечь и прочаа городы: по тѣмъ бо городомъ седяху (велиции) князи, подъ Олгомъ суще.

16). „Да приходячи (Русь) слюбное емлють, елико хотячи; а иже придутъ гости, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць, хлѣбъ и вино, и мясо, и рыбы и овощь; и да творять имъ мовь, елико хотятъ; поидучи же домовь, въ Русь, да емлють у царя вашего на путь брашно и якори, и ужа и парусы, и елико имъ надобе“.

17). И яшася Греци, и рѣста царя и боярьство все.

18). „Аще придуть Русь безъ купли, да не взимають мѣсячины; да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости въ селѣхъ в странѣ нашей; приходяше Русь да витають у святаго Мамы, и послеть царство наше, и да испишють имена ихъ, и тогда возмуть мѣсячное свое (гостіе),— первое отъ города Киева, и паки исъ Чернигова, и исъ Переяславля, и прочии гради; и да входять въ градъ одними вороты со царевымъ мужемъ, без оружья, мужь 50, и да творять куплю, якоже имъ надобе, не платяче мыта ни в чемъ же“.

19). Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгомъ, имшеся по дань и ротѣ заходивше межы собою, и целовавше сами крестъ, а Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону (и языку) кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ скотьимъ богомъ, и утвердиша миръ.

20). И рече Олегъ: „исшийте парусы (прѣ) паволочиты Руси, а Словеномъ кропиньныя“, и бысть тако.

21). И повѣси щитъ свой въ вратехъ града, показуа побѣду, и поиде отъ Царяграда.

22). И воспяша Русь парусы (пре) паволочиты, а Словене кропиньны, и раздра ѧ вѣтръ; и рѣша Словени: „имемся своимъ толстипамъ, не даны суть Словѣномъ прѣ (кропинныя).

23). И приде Олегъ къ Киеву (и ко Игорю), неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье.

24). И прозваша Олга вѣщій: бяху бо людие погани и невѣголоси.

Займусь теперь подробнымъ разборомъ каждаго сегмента приведенной статьи въ отдѣльности.

I. При ближайшемъ разсмотрѣніи **перваго**, по порядку, **отрывка**:

„Иде Олегъ на Грекы..., поя же множество Варягъ, и Словенъ, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю.... и Вятичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци, яже суть толковины: си (вси) звахуся отъ Грекъ Великая Скуѳь“,—

нельзя не обратить вниманія на фразу: „яже суть толковины“. Реченіе *толковины*, встрѣчающееся также и въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“, въ разсказѣ о сновидѣніи Святослава Кіевскаго,—въ стихахъ: „сыпахоуть ми тоулы поганыхъ тълковинъ великый женчюгъ на лоно“, подверглось, какъ извѣстно, самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Предоставляя себѣ въ особой замѣткѣ разобрать всѣ эти толкованія и предложить свое собственное объясненіе всего упомянутаго разсказа при помощи сближенія его фразеологіи съ данными библейскаго языка, я здѣсь укажу лишь на мнѣніе покойнаго проф. *А. А. Потебни:*

„*Тълковины*, говоритъ онъ..., образованное отъ *толков—ати*, можетъ значить только *толкованіе*. Въ „Словѣ о П. Игоревѣ“ оно внесено книжникомъ, который взялъ это слово изъ лѣтописи, принявши его за названіе народа. Въ лѣтописи могло стоять первоначально: и Хорваты, и Дулѣбы и Тиверци, яже суть тълковины: Великая Скуѳь. Потомъ, въ видѣ глоссы къ „яже суть тълковины“, приписано: „вси си звахуть ся“, но переписчикъ переписалъ все въ строку“ [1]).

Въ этомъ объясненіи безспорно только то, что слово *тълковинъ* не можетъ означать ничего другого, кромѣ *толкованія*; въ остальномъ же догадка проф. Потебни слишкомъ искусственна и маловѣроятна, какъ это уже отмѣчено *Н. В. Молчановскимъ* [2]). Съ своей же стороны позволяю себѣ утверждать, что между *тълковинъ* „Слова о П. Иг.“ и *толковины*, находящимся въ вышеуказанномъ мѣстѣ лѣтописи, нѣтъ ничего общаго, такъ какъ съ увѣренностію можно принять, что въ разсматриваемой лѣтописной статьѣ

---

[1]) А. Потебня: „Слово о Полку Игоревѣ“, Воронежъ, 1878 г., стр. 90.

[2]) „Очерки извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г.“, К., 1883 г., стр. 31.

первоначально имѣлась фраза: „яже суть *шолквинны*“, стоявшая въ рукописи на полѣ, въ видѣ глоссы къ читаемому въ отрывкѣ, означенномъ мною цифрою **20**, сочетанію: „И рече Олегъ: исшийте парусы (или прѣ) *паволочиты*“, но переписчикъ перенесъ маргинальную глоссу въ самый текстъ, поставивъ ее невпопадъ въ трактуемомъ сегментѣ послѣ словъ: „и Хорваты и Дулѣбы, и Тиверци“, а затѣмъ послѣдующій писецъ безсмысленно переправилъ „шолковинны“ на „толковины“.

Такою же, какъ упомянутая фраза, вставкою является и весь перечень сѣверныхъ, средне-русскихъ и южно-русскихъ племенъ, участвовавшихъ будто-бы въ походѣ Олега. Принадлежащими же къ подлинному тексту можно признать только названія словѣнъ и варяговъ, вслѣдъ за которыми въ „Россійской Исторіи“ Татищева поставлено еще слово: „Руси“. *Д. И. Иловайскій* справедливо указалъ на крайнюю сомнительность извѣстія, будто Олегъ совокупилъ войска изъ всѣхъ перечисленныхъ въ лѣтописи народовъ, такъ какъ это были народы, большею частью только-что завоеванные, для удержанія коихъ въ покорности нужна была значительная и однородная масса завоевателей; притомъ же, морской походъ Олега на Царьградъ предполагаетъ опытныхъ и безстрашныхъ моряковъ, но едва-ли въ этомъ морскомъ ополченіи можно допустить присутствіе элементовъ въ родѣ Мери, Радимичей и т. п. народовъ, живших внутри Россіи и совсѣмъ незнакомыхъ съ моремъ („Разыск. о нач. Руси“, стр. 6). Къ этому надо добавить, что вставочный характеръ перечня племенъ обнаруживается уже изъ того, что въ Архангелогор. сп. опущены племена: Чюдь, Кривичи, Меря и Вси (названіе послѣдняго народа скрыто въ Лавр. и Ип. сп., въ сочетаніи „си *вси* звахуться отъ Грекъ“), а также Вятичи, Хорваты, Дулѣбы и Тиверци. Приведенныя соображенія только подкрѣпляютъ выводъ Шлецера (II, 605), что изложенное въ нашемъ сегментѣ перечисленіе племенъ, заканчивающееся замѣткою „си вси звахуться отъ Грекъ Великая Скуѳь“, составляетъ лишь повтореніе въ данномъ мѣстѣ перечня народовъ, содержащагося въ лѣтописной статьѣ безъ годового числа, которая начинается: „Поляномъ же, живущимъ особѣ“ и оканчивается тѣмъ же замѣчаніемъ: „да то ся звахy отъ Грекъ Великая Скуѳь“ (Лавр., изд. 1872 г., стр. 11—12). И такъ, по очисткѣ нашего сегмента отъ чуждыхъ ему наслоеній, получимъ текстъ его въ слѣдующемъ видѣ:

„Иде Олегъ на Грекы, а Игоря остави въ Киевѣ; поя же множество Варягъ, и Словенъ, и Русь“,

—и только. Правильность этого чтенія подтверждается со-

поставленіемъ съ извѣстіемъ подъ 944 г. о походѣ Игоря на Царьградъ, въ каковомъ походѣ, по Ип. лѣтописи, участвовали Варяги, Русь и Словѣны (Поляне и Кривичи упомянуты отдѣльно, очевидно, лишь по недоразумѣнію), далѣе,—съ извѣстіемъ подъ 1018 г.: „Ярославъ же совокупивъ Русь, и Варягы, и Словѣнѣ“, и съ сообщеніемъ о походѣ, предпринятомъ на Константинополь въ 1043 г. Владиміромъ Ярославичемъ, гдѣ фигурируютъ уже одни только Русь и Варяги.

II. Перехожу ко **второму**, по порядку, **сегменту** нашей статьи:

„И съ сими со всѣми пойде Олегъ на конехъ и кораблехъ, и бѣ числомъ кораблей 2000“.

Выраженіе „на конехъ и кораблехъ“ (или въ лодьяхъ)—стереотипное, встрѣчающееся въ повѣстяхъ о походахъ: Игоря на Константинополь 944 г., Владиміра—на Болгаръ 985 г., Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей и Всеслава Брячиславича Полоцкаго—на Торкы въ 1060 г. и т. п. Но откуда взялись 2000 кораблей? Отвѣчая на этотъ вопросъ, *Д. И. Иловайскій* попытался сблизить разбираемое сообщеніе съ греко-латинскими извѣстіями о знаменитомъ походѣ скиѳовъ изъ странъ Меотійскихъ въ Геллеспонтъ и Эгейское море во второй половинѣ III в, въ каковомъ походѣ число скиѳскихъ кораблей, по свидѣтельству Амміана Марцелина, опредѣлялось именно въ 2000 („Разысканія“, стр. 156). Но догадка эта едва-ли вѣроятна, такъ какъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что лѣтописцу извѣстенъ былъ Амміанъ хотя-бы только по имени. Мнѣ же кажется, что слова: „2000 кораблей“ составляютъ лишь обрывокъ сегмента, означеннаго мною **№ 10**:

„И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль по 12 гривенъ на человѣка и въ корабли (по) 40 мужь“.

Къ этому послѣднему сегменту я еще вернусь въ дальнѣйшемъ изложеніи. Но пока я выдѣляю изъ него фразу: „*на 2000 корабль .....и въ корабли (по) 40 мужъ*“. Вмѣсто словъ: „на 2000 кораблей“, имѣющихся въ Лавр. и Ипат. сводахъ, въ Толстовскомъ спискѣ Новгородской I-й лѣтописи читается „на съто корабль“, а въ Коммиссіонномъ спискѣ той же лѣтописи: „на 100,200 корабль“ [1]). Нѣтъ надобности доказывать, что въ этомъ послѣднемъ

---

[1]) См. *А. А Шахматова*: „Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ“. С.-П.Б., 1907 г., стр. 542, вын. *н*.

спискѣ числовая буква .с̃. (200) составляетъ поправку стоящей рядомъ буквы .р̃. (100), которую писецъ по небрежности забылъ зачеркнуть. Такимъ образомъ мы можемъ безошибочно принять, что въ первичномъ текстѣ лѣтописной статьи 907 г., вмѣсто: „на 2000 кораблей, или кораблевъ, или корабль“, стояло *на 200 коѣабль*“,—каковое показаніе заимствовано изъ лѣтописнаго же извѣстія о нападеніи руссовъ на Константинополь въ 866 (860) г.,—извѣстія, скопированнаго почти дословно у продолжателя хроники Георгія Амартола:

„Иде Аскольдъ и Диръ на Греки... и *въ двою сту корабль* Царьградъ оступиша“.

Остается теперь разсмотрѣть вторую часть вынутой изъ сегмента № 10 фразы: „и въ корабли (по) 40 мужь“. Исходя изъ настойчиво проведенной *Д. И. Иловайскимъ* въ своихъ „Разысканіяхъ“, а равно высказанной и нѣкоторыми другими изслѣдователями вѣрной мысли, что составитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ туземныхъ историческихъ записей о русскихъ событіяхъ не имѣлъ ранѣе XI вѣка, за исключеніемъ развѣ договоровъ съ греками, умѣстно, и относительно показанія о числѣ человѣкъ на кораблѣ, поставить вопросъ: откуда лѣтописецъ взялъ это свѣдѣніе? *Костомаровъ* усматривалъ въ извѣстіи о 40 воинахъ на кораблѣ, какъ и о дани въ 12 гривенъ на ключъ, о которой рѣчь будетъ ниже, слѣды пѣсеннаго склада, ибо числа 40 и 12 суть обычныя въ нашихъ пѣсняхъ и сказкахъ. Но я рѣшаюсь иначе объяснить происхожденіе цифры 40. Сочинитель нашей лѣтописной статьи зналъ, что, по сообщенію Льва Грамматика и нѣкоторыхъ другихъ византійскихъ лѣтописателей, руссы, напавшіе на Царьградъ въ 941 г., явились не на 10.000 *корабляхъ*, какъ показываютъ иные хронографы, а на корабляхъ въ числѣ 10.000 *человѣкъ* [1]). Сообразно тому, нашъ авторъ и отмѣтилъ первоначально, что на каждомъ изъ 200 Олеговыхъ кораблей было по 50 человѣкъ, итого 10.000 человѣкъ. При послѣдующей, однако, перепискѣ лѣтописныхъ сборниковъ, вмѣсто цифровой буквы .н̃., по ошибкѣ, поставлена была буква .м̃. (40). Эту ошибку затѣмъ исправили, означивъ на полѣ рукописи „н̃. мужь“. Но при дальнѣйшей перепискѣ эта напольная замѣтка перенесена была некстати въ самый текстъ сегмента нашей лѣтописной статьи подъ № 18,—въ договорный пунктъ, составляющій только варіантъ соотвѣтственнаго пункта Договора

---

[1]) „Anno 941... Russi ad millia decem adversus CPolin classem paraverunt“. См. Шлецера „Несторъ“, III, 229, и. 9*

Игоря и гласящій: „Да входять в градъ одними вороты, съ царевымъ мужемъ, безъ оружья, *мужь 50*“. А что послѣднія подчеркнутыя два слова въ данномъ мѣстѣ интерполированы—это вытекаетъ изъ приведеннаго *Кругомъ* историческаго свидѣтельства о томъ, что греки дозволяли франкамъ входить въ Константинополь разомъ въ числѣ не болѣе 5-и или 6-и человѣкъ, [1])—въ виду чего невозможно допустить, чтобы греки были менѣе осторожны въ отношеніи руссовъ и дозволяли послѣднимъ входить въ городъ толпами въ 50 человѣкъ. Итакъ, первоначальное чтеніе второго сегмента нашей лѣтописной статьи было, по моему, таково:

„И съ сими со всѣми поиде Олегъ на конехъ и кораблехъ, и бѣ числомъ кораблей *200* [и въ корабли (по) 50 мужь]“.

III. **Третій**, по порядку, **сегментъ** гласитъ:

„И прінде къ Царюграду; и Греки замкоша Судъ, а градъ затвориша“.

Послѣ словъ: „замкоша Судъ“, въ двухъ спискахъ, бывшихъ въ рукахъ Шлецера, добавлено отсутствующее въ Лавр. и Ипат. сводахъ выраженіе: „веригами желѣзными“, а въ позднихъ Тверской и Львовской лѣтописяхъ имѣется: „сирѣчь, пропяша чѣпь, протяженную отъ Галаты до Лахернскіа церкви“. Эта замѣтка несомнѣнно заимствована у Льва Діакона, который, описывая войну Святослава Игоревича съ болгарами и греками, сообщаетъ, что византійскій императоръ Никифоръ, приготовляясь къ отраженію руссовъ, усилилъ греческія войска и укрѣпилъ Царьградъ, приказавъ протянуть очень тяжелую цѣпь отъ одного берега до другого при входѣ въ Судъ или Лименъ Галатскій, извѣстный у византійцевъ подъ именемъ „Стенонъ“ [2]). Но отрывокъ нашъ долженъ быть дополненъ еще однимъ, пропущеннымъ въ старшихъ лѣтописныхъ сборникахъ, выраженіемъ, очутившимся неумѣстно въ **сегментѣ № 14:** „И заповѣда Олегъ даяти воемъ на 2000 корабль по 12 гривенъ *на ключь*“. Комментаторы, словно Крыловскіе „мудрецы механики“, вертѣли *ключь* на всѣ стороны, полагая, что это какое-то особенно рѣдкое и мудреное реченіе, и пытались объяснить его каждый на свой особый ладъ. Одни, говоритъ проф. *Н. П. Загоскинъ*, [3]) отождествляли „ключь“ съ понятіемъ лодьи,

---

[1]) См. *Погодина*: „Изслѣдов., зам. и лекціи“, I, стр. 129.

[2]) См. въ „Рус. Историч. Сборникѣ“, т. VI, кн. 3 и 4, изслѣдованіе *А. Д. Черткова*: „Описаніе похода вел. кн. Святослава Игоревича на болгаръ и грековъ въ 967—971 г.“, стр. 211 и 371.

[3]) „Курсъ исторіи рус. права“, т. II, стр. 188—190, прим. 1.

другіе видѣли здѣсь уключины, въ которыя вставляются весла, третьи находили здѣсь указаніе на отдѣльныхъ воиновъ, имѣя въ виду существовавшій будто-бы у славянъ обычай носить ключъ привязаннымъ къ поясу. Отъ себя же лично проф. Загоскинъ, ссылаясь на „интересное“, какъ онъ выразился, обстоятельство, что въ польскомъ языкѣ clucz, какъ видно изъ лексикона Линды, значитъ: рядъ помѣстій, составляющихъ одно владѣніе, предлагаетъ принять здѣсь *ключь* „въ смыслѣ напр., земско-общиннаго расчлененія племенныхъ волостей“. Подобное же толкованіе сказаннаго слова, въ смыслѣ сотоварищества, братства, предложилъ, въ видѣ догадки, гораздо раньше еще *Эверсъ* [1]), также ссылающійся на лексиконъ Линды. Между тѣмъ, если перенести слова *на ключь* изъ сегмента № 14 въ занимающій насъ теперь сегментъ № 3, то окажется, что значеніе ихъ „просто открывается“: греки, готовясь отражать нашествіе руссовъ, заградили гавань цѣпями, а городъ, т. е. крѣпостныя ворота, заперли *на ключь* или засовъ.

IV. Обращаюсь къ **сегменту № 4.**

„И выиде (вылѣзе) Олегъ на брегъ (въ Ипат. и нѣкоторыхъ другихъ спискахъ прибавлено: и повелѣ корабли извлещи на брегъ) и воевати нача около града, и много убийства сотвори Грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви; а ихже имаху плѣнники, овѣхъ посѣкаху, другиа же мучаху, иныя же растреляху, а другыя въ море вметаху, и ина многа зла творяху Русь Грекомъ, *еликоже ратнии творятъ*“.

Для приведенія текста означеннаго сегмента въ его первоначальный видъ, необходимо его дополнить двумя выраженіями, вынутыми изъ дальнѣйшихъ отрывковъ, и исключить одну излишнюю фразу, подлежащую перенесенію въ другое мѣсто нашей статьи. А именно: послѣ словъ: „и повелѣ Олегъ корабли извлещи“ надо помѣстить слова, читающіяся въ непосредственно слѣдующемъ, 5-мъ, отрывкѣ: „и поставити... корабля“. Такимъ образомъ, содержаніе начальнаго предложенія разсматриваемаго сегтента—слѣдующее: Олегъ, вышедши изъ корабля, приказалъ своимъ воинамъ вытащить корабли и поставить ихъ „на брегъ“ (сушу). Далѣе, предложеніе: „*а иже имаху плъпиникы, овъхъ посѣкаху и пр.*“ должно быть дополнено словомъ *гражанъ*, взятымъ изъ конца сегмента № 11: „И почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецкые земли *гражанъ по пристаниищемъ*“. Послѣднія три слова

---

[1]) „Древн. рус. право“, стр. 250.

читались въ сгорѣвшемъ Троицкомъ пергаментномъ спискѣ и читаются въ Тверской лѣтописи [1]). Но очевидно, что здѣсь сочетаніе: „гражанъ по пристанищемъ“—вздорная вставка. Вынутое изъ этого-то сочетанія слово „гражанъ“ должно быть перенесено въ нашъ сегментъ и поставлено предъ словомъ „ихже“, такъ, что получается чтеніе: „а *гражанъ*, ихже имаху плѣнникы, овѣхъ посѣкаху и т. д.“ Останавливаясь засимъ на заключительномъ предложеніи нашего сегмента „и ина многа зла творяху Русь Грекомъ, *сликоже ратнии творятъ*“, нельзя не признать, что послѣднія три подчеркнутыя мною слова представляютъ явную несообразность. Возможно-ли допустить, что авторъ нашей статьи, не пожалѣвшій самыхъ яркихъ красокъ для изображенія необыкновенной жестокости и неслыханнаго варварства руссовъ, закончилъ свое описаніе замѣткою, что военные люди такъ обычно и поступаютъ? Ясно, что замѣтка поставлена здѣсь только по ошибкѣ переписчиковъ, и я ниже укажу надлежащее ея мѣсто.

Что же касается общаго содержанія нашего сегмента, то оно, какъ указано уже Шлецеромъ, походитъ на заключающееся въ лѣтописной статьѣ подъ 941 г. описаніе жестокости руссовъ въ неудачномъ походѣ *Игоря* на Царьградъ,—описаніе, заимствованное дословно изъ византійскихъ временниковъ. Для сличенія, приведу здѣсь соотвѣтственную выдержку изъ хроники продолжателя Георгія *Амартола* въ переводѣ проф. *Ф. А. Терновскаго*: „Они выжгли все такъ называемое Στενὸν, а плѣнниковъ иныхъ распинали, иныхъ пригвождали къ землѣ, а иныхъ, поставивши какъ цѣль, разстрѣливали изъ луковъ. А если брали въ плѣнъ кого-либо изъ свящ. чина, то, связавъ руки назадъ, пронзали плѣнникамъ сквозь голову желѣзный шестъ; много также и св. храмовъ россы предали огню“ [2]). Въ этомъ отрывкѣ достойны примѣчанія двѣ характерныхъ фразы: 1-я: „*а иныхъ, поставивши какъ цьль, разстрьливали изъ луковъ*“, соотвѣтствующая выраженію нашей лѣтописи: „другиа, аки страпь поставляюще, и стрѣляху въ нея“, и 2-я: „*связавъ руки назадъ*“, или, по выраженію лѣтописи, „опаки руки съвязывахуть“. Первая изъ этихъ двухъ фразъ заимствована изъ библейской книги „Плачъ Іереміи“ (III, 12): „Натянулъ лукъ Свой и поставилъ меня *какъ бы цьлію для стрьлъ*“. Вторая—взята изъ вступительной части древняго еврейскаго сбор-

---

[1]) См. Лавр. лѣт. изд. 1872 г., стр. 30, вын. 6. и Твер. лѣтопись, стр. 38.

[2]) „Изученіе византт. исторіи и ея тенденц., прилож. въ древ. Руси“. Стр. 116—117.

ника толкованій на сказанную библейскую книгу, подъ заглавіемъ: „*Мидрашъ Эха*“, гдѣ говорится, что, когда Моисей, увѣдомленный пророкомъ Іереміею о сожженіи іерусалимскаго храма и уводѣ евреевъ въ плѣнъ вавилонскій, пошелъ искать заступничества за плѣнниковъ у вселенскихъ патріарховъ, то послѣдніе спросили его: „что́ учинили враги нашимъ чадамъ“? И отвѣтилъ Моисей: „однихъ они умертвили, *другимъ связали руки назадъ*, иныхъ оковывали желѣзными цѣпями и т. д. Тогда праотцы поднялн плачъ и рыданіе и пр.“ [1]) Вотъ, замѣчу мимоходомъ, доказательство на частномъ примѣрѣ, что не только русскіе, но и византійскіе хронографы нерѣдко пользовались агадическими (легендарными) сказаніями Талмуда и Мидраша.

Закончу разборъ настоящаго сегмента указаніемъ на то, что изображеніе безчеловѣчныхъ злодѣйствъ русскихъ воиновъ при нападеніи Игоря на Царьградъ въ 941 г. безцеремонно списано авторомъ повѣсти о нашествіи *Батыя* на Рязанскую область въ 1237 г. [2]). Мѣсто изъ статьи объ Игоревомъ походѣ: „Иже придоша и приплуша и почаша воевати Вифинскія страны и плѣновахy по Понту до Ираклиа... и судъ весь пожгоша“ авторъ означенной повѣсти передѣлалъ такимъ образомъ: „На зиму придоша... безбожніи татарн и почаша воевати рязанськую землю, и плѣновахy ѝ до Пронська, поплѣнивше Рязань весь и пожгоша...“ Но далѣе сочинитель разсказа подъ 1237 г. машинально переписалъ, уже безъ всякаго измѣненія, цѣлый, длинный періодъ: „ихже емше, овы распинахуть, другыа же стрѣлами растрѣляху въ ня“ и т. д. до словъ: „имѣнья не мало обою страну взяша“,—нисколько не заботясь о томъ, что въ данномъ случаѣ выраженіе „*обою страну*“ не даетъ положительно никакого смысла.

V. **Пятый сегментъ** содержитъ пресловутый разсказъ о *судоходствѣ по сушѣ:*

> „И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и востaвити корабля на колеса (кола); и бывшю покосну вѣтру, въсняша парусы (прѣ) и идяху чрезъ (съ) поля ко граду“ [3]).

Кн. *Оболенскій* въ вышеуказанномъ своемъ изслѣдованіи переводитъ данное мѣсто такъ; „И приказалъ Олегъ воинамъ сво-

---

[1]) См. Сборникъ „Ялкутъ Шимони“, т. II, Варшава, 1876—1877 г., стр. 1044, § 997.

[2]) П. С. Р. Л., т. I, изд. 1846 г.

[3]) Лавр. сп., изд. 1872 г., стр. 29. Ипат. сп., изд 1871 г., стр. 17.

имъ изготовить телѣги, и поставить корабли на эти телѣги. И *подъ вліяніемъ благопріятныхъ вѣстей* приказалъ двинуть стяги съ поля (сняться со становища) и идти на приступъ къ Царюграду“. При этомъ авторъ поясняетъ, что *вспятить* или *взлачать пръ* значило поднять знамена, или флаги, т. е. тронуться съ мѣста. Но на дѣлѣ *вспяти* не имѣетъ другого значенія, кромѣ: возвратить или возвратиться; во всякомъ же случаѣ перевести „бывшю покосну вѣтру“: подъ вліяніемъ благопріятныхъ вѣстей— уже совсѣмъ произвольно. Неудовлетворительно также и объясненіе проф. *Самоквасова*, который вторую часть нашего отрывка пореводитъ: „и при попутномъ вѣтрѣ, натянувшемъ паруса *съ поля*, пошелъ на крѣпость“. Ни въ одномъ памятникѣ древне-русской письменности не найдется глаголъ „въспятить“ со значеніемъ: *натянуть*. Притомъ же, нашъ ученый не принялъ во вниманіе, что во многихъ спискахъ, напр., въ Кенигсбергскомъ (стр. 24), имѣется: „вспяша парусы, и преидяху *чрезъ поля* ко граду“, а при такомъ чтеніи совершенно уже не годится толкованіе, что вѣтеръ натянулъ паруса *съ поля*. Между тѣмъ всѣ затрудненія, представляемыя даннымъ мѣстомъ, разсѣятся окончательно, если устранимъ изъ него вставленныя здѣсь, относящіяся къ другимъ мѣстамъ лѣтописи, двѣ фразы: „*въспяша пръ*“ и „*бывшю покосну вѣтру*“. Первая фраза составляетъ начальный клочекъ сегмента нашей статьи, отмѣченнаго мною номеромъ **21**: „*И въспяша Русь* прѣ паволочиты“, гдѣ, однако, какъ будетъ мною объяснено далѣе, выраженіе: „въспяша Русь“ не имѣетъ ничего общаго съ сосѣдними словами: „прѣ паволочиты“, а должно читаться: „*въспѣша Русь*“, т. е. руссы, въ знакъ побѣды, *запѣли*. Вторая же фраза должна быть перенесена обратно въ заимствованную изъ хроники продолжателя Георгія Амартола лѣтописную статью, помѣщенную (неправильно) подъ 866 г., въ заключительной части которой говорится о чудесномъ избавленіи грековъ отъ нападенія руссовъ послѣ торжественнаго молебствія царя и патріарха во Влахернскомъ храмѣ св. Богородицы и погруженія въ море ризы Богоматери:

> „Тишинѣ сущи (чит.: *сущей*) и морю укротившюся, абье буря въста съ вѣтромъ, и волнамъ вельямъ вставшимъ засобь безбожныхъ Руси корабля смяте, и къ берегу приверже, и изби я́...“.

Можно съ увѣренностью принять, что къ сочетанію: „и морю укротившюся“ пріурочено было въ первоначальной рукописи отмѣченное на полѣ разночтеніе: „*и бывшю покосну вѣтру*“, но этотъ варіантъ при послѣдующихъ переписках лѣтописнаго сборника

попалъ въ средину обсуждаемаго сегмента статьи 907 г. Такимъ образомъ, послѣдній, по удаленіи изъ него сказанныхъ двухъ фразъ, долженъ читаться такъ:

„И повелѣ Олегъ воемъ колеса (вар.: *кола*, т. е. телѣги) издѣлати, и идяху [на колеса] (чит.: *на колесехъ*,—*колахъ*) чрезъ поля ко граду“.

Смыслъ настоящаго сегмента, въ связи съ началомъ предшествующаго отрывка,—тотъ, что Олегъ, пришедши къ Царюграду и находя гавань загроможденною желѣзными цѣпями, приказалъ вытащить корабли и поставить ихъ *на сушу* („на брегъ“) и затѣмъ распорядился изготовить повозки, на которыхъ войско и отправилось полемъ на крѣпость. Какъ на параллель къ трактуемому сообщенію, можно указать на лѣтописное же извѣстіе подъ 1103 г. о наступательномъ походѣ русскихъ князей на половцевъ: „И поидоша *на коних̑ъ и въ лодьяхъ*, и придоша ниже порогъ... *и всѣдоша на кони*, и пѣшцы *изъ лодей выседше, идоша въ поле*“...

VI. Слѣдующій затѣмъ эпизодъ о *предложеніи греками Олегу брашна и вина, устроенныхъ съ отравою*, изложенъ въ сегментахъ подъ №№ **6**, **8**, **20** и **24**, текстъ которыхъ возстановленъ мною въ такой формѣ:

„И видѣвше Греци, и убояшася, выслаша изъ града ко Олгови многи Епископы и Игумены и попы.....,и вынесоша ему... изъ града брашно и вино, и не пріа его: бѣ бо устроено со отравою, [и бысть тако]. [И прозваша (Греки) Олга вѣщій]“.

Вымышленность этого сообщенія признана была уже *М. П. Погодинымъ* („Изслѣд.“, I, 177). Вопросъ можетъ быть только о томъ, откуда оно взято? Думаю, что источникомъ его могло послужить лѣтописное показаніе, относящееся къ болѣе позднему времени: подъ 1066 г. лѣтопись повѣствуетъ, что греки (корсунскіе), чтобы избавиться отъ тмутараканскаго князя Ростислава Владиміровича, взимавшаго дань отъ кавказскихъ косоговъ и другихъ сосѣднихъ племенъ, подослали къ нему греческаго начальника или катапана, который, подольстившись къ русскому князю, отравилъ его, преподнесши ему на пиру чашу вина, смѣшаннаго съ ядомъ. Но еще вѣроятнѣе, что данный отрывокъ составленъ подъ вліяніемъ болгарскихъ извѣстій о войнахъ царя Симеона съ Византіею: нѣкоторые писатели высказываютъ предположеніе, что Симеонъ

въ 944 году отравленъ былъ подосланнымъ греческимъ наемникомъ [1]).

Относительно фразы: „И прозваша Греки Олга вѣшій“, надо замѣтить, что она въ старшихъ спискахъ помѣщена на самомъ концѣ статьи 907 г. и сопровождается объяснительною замѣткою: „*бяху бо людіе погани и невѣголоси*“. Но очевидно, что, *во 1-хъ*, надлежащее мѣсто означенной фразы не въ концѣ *статьи*, послѣ предложенія: „И приде Олегъ къ Киеву, неся злато, и паволоки и пр.“, а именно—въ концѣ разсматриваемаго *отрывка*, заключающаго въ себѣ разсказъ о присылкѣ греками Олегу устроенныхъ съ отравою брашна и вина, ибо вѣщимъ Олегъ прозванъ не за иное что, какъ только за свою прозорливость,—за угаданіе, что греки желаютъ его отравить, и *во 2-хъ*, что во всякомъ случаѣ упомянутая пояснительная замѣтка сюда рѣшительно не подходитъ, такъ какъ эпитеты: язычники и темные невѣжды—совершенно не приложимы не только къ грекамъ, но и къ руссамъ, между коими во время Олега уже было много христіанъ. Полагаю, поэтому, что приведенная замѣтка, опущенная, впрочемъ, въ Архангелогородскомъ спискѣ, составляетъ здѣсь неумѣстную вставку, ошибочно перенесенную сюда изъ конца лѣтописной *статьи 983 г.*, содержащей сказаніе о двухъ варягахъ-мученикахъ, гдѣ она первоначально стояла на полѣ рукописи, въ видѣ варіанта къ предложенію: „Бяху бо тогда *человѣци* невѣголоси и погани“.

Самое же прозвище „вѣщій“, взятое, какъ думаютъ, изъ области народно-поэтическаго творчества объ Олегѣ [2]), въ дѣйствительности сочинено подъ вліяніемъ библейскихъ повѣстей. Въ Пятикнижіи Іосифъ, чрезъ своего домоправителя, укорялъ своихъ братьевъ, что они будто-бы украли у него серебряную чашу, изъ которой онъ пьетъ, и гадаетъ на ней, а затѣмъ лично повторилъ укоръ, говоря: „что это вы сдѣлали? Развѣ вы не знали, что такой человѣкъ, какъ я, непремѣнно угадаетъ?“ (Быт. 44. 5, 15). Эти послѣднія слова Іосифа въ славянскомъ переводѣ Библіи переданы: „не вѣдасте ли, яко нѣсть волхователь человѣкъ, якоже азъ“, А такъ какъ по лѣтописному разсказу Олегъ не принялъ предложеннаго ему греками вина, догадавшись, что оно съ отравою, каковая догадка оправдалась („и бысть тако“, вмѣсто: „якоже

---

[1]) См. *М. С. Дринова*: „Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ“ въ „Чт. О-ва Ист. и Древн. Рос.“, за 1875 г., кн. III, стр. 25.

[2]) См. напр,, рецензію *А. Котляревскаго* на соч. *И. Забѣлина*: „Ист. рус. жизни съ др. временъ“. Кіев. Ун. Изв. за 1880 г., кн. II, стр. 472.

и бысть"),[1]) то сочинитель, по ассоціаціи мыслей, вспомнивъ о чашѣ, изъ которой пилъ Іосифъ, наградилъ также и Олега прозвищемъ вѣщаго—волхвователя, волшебника.

Что нашему автору вспоминалась именно повѣсть о свиданіи Іосифа съ своими братьями, видно изъ того, что въ ней сказано, что послѣдніе, удрученные суровымъ съ ними обращеніемъ Іосифа, говорили другъ другу: „истинно, мы несемъ кару за грѣхъ противъ брата нашего..., за то и постигло насъ горе сіе" (Быт. 42, 21) и далѣе: „замерло ихъ сердце, и, вострепетавъ, сказали другъ другу: „что̀ это Богъ сдѣлалъ съ нами?" (т. ж., стихъ 28). Подобную же рѣчь, выраженную только иными, но опять—таки библейскими оборотами, нашъ авторъ влагаетъ въ уста грекамъ въ непосредственно слѣдующемъ сегментѣ,—къ эмендаціи текста и объясненію котораго я и перехожу:

VII. Сегментъ № 9. „И убояшася Греци и рѣша: „нѣсть *се* Олегъ (въ Хронографѣ 1-й рус. редакціи: „нѣсть *сей* Олегъ"), но святый Димитрій посланъ на ны отъ Бога".

Упоминаніе въ этомъ отрывкѣ о св. Димитріѣ вызывало всегда недоумѣніе у толкователей лѣтописи. „Что это за сравненіе Олега съ св. Димитріемъ? Почему Димитрій, а не Георгій, или иной святой?"—спрашиваетъ Д. И. *Иловайскій.* Загадку эту почтенный авторъ пытается объяснить тѣмъ, что, по извѣстіямъ вышеупомянутаго римскаго историка IV вѣка Амміана Марцелина, скиѳы, во второй половинѣ III-го столѣтія, осаждали Солунь, а извѣстно, что въ Солуни мѣстночтимый святой былъ Димитрій. Поэтому, полагаетъ Д. И. Иловайскій, „очень *можетъ быть*, что о нашествіи варваровъ составилась мѣстная солунская легенда, въ которую занесенъ былъ и св. Димитрій, а такъ какъ въ Солунской области въ послѣдующую эпоху обитало много болгарскихъ славянъ, то, *вѣроятно*, солунская легенда вошла и въ болгарскіе переводные сборники, откуда съ разными измѣненіями и передѣлками перешла къ намъ. (Разысканія, стр. 157).

Въ такомъ же родѣ высказался и академикъ А. А. *Шахматовъ* въ своемъ новѣйшемъ трудѣ. „Могло-ли, говоритъ онъ, придти въ голову русскому лѣтописцу, знавшему, что Олегъ язычникъ, приписать грекамъ приведенныя отъ ихъ имени слова: „это

---

[1]) Татищевъ (Ист. Рос., II, 19), повидимому, такъ и читалъ: „Греки... прислали Олгу и его войску брашно и вино, и онъ не принялъ того: вѣдая коварство грекъ, дабы съ отравою не приготовили, *еже и суще бысть*, („якоже и бысть"), отвергнулъ".

не Олегъ, а святой Димитрій?..“ „Но, вспомнивъ, что Димитрій Солунскій былъ святымъ, особенно чтимымъ болгарами..., признаемъ *вѣроятнымъ*, что болгарская лѣтопись въ повѣствованіи о походахъ Симеона на Царьградъ *могла* содержать сходное съ приведеннымъ мѣсто, причемъ греки отождествили съ св. Димитріемъ не язычника, а христіанина Симеона, наводившаго страхъ на византійскую имперію“. (Разысканія о древ. рус. лѣтоп. сводахъ, стр. 466—467).

Указанныя объясненія представляютъ собою лишь догадки на догадки. *Могла* сложиться легенда о нашествіи скиѳовъ на Солунь, въ которую *могло* быть занесено имя св. Димитрія; *могло* быть это имя занесено въ болгарской лѣтописи въ описаніе войнъ царя Симеона съ Византіею; *могли* переводные болгарскіе сборники, содержащіе предполагаемую солунскую легенду, или сказанія болгарской лѣтописи, служить источникомъ для нашего лѣтописнаго разсказа. Но вѣдь изъ того, что все это *могло быть*, отнюдь нельзя заключить, что оно дѣйствительно такъ и *было*. Я же позволяю себѣ утверждать, что въ трактуемую статью имя св. Димитрія попало совершенно случайно; настоящее же мѣсто этому имени—въ помѣщенномъ въ Лавр. сп. *подъ 898 г.* повѣствованіи о преложеніи св. Меѳодіемъ священныхъ книгъ. Въ составѣ этого послѣдняго повѣствованія есть одно предложеніе, заимствованное дословно изъ Паннонскихъ Житій, но только съ пропускомъ заключительныхъ словъ подлинника. А именно: въ Житіи св. Меѳодія читается: „Скончавь-же, достойную хвалу и славу Богу въздасть дающему такую благодѣть *и поспѣхъ, и святое вознесеніе тайное съ клиросомъ своимъ вознесъ, сътвори память святаго Димитрія*“. Въ нашей же лѣтописи подчеркнутыя здѣсь слова, слѣдующія за реченіемъ „благодѣть“, опущены, но за то прибавлена фраза: „*Епископу Мефодью, настолнику Анъдроникову*“, отсутствующая въ Паннонскомъ Житіи и перенесенная въ данную статью изъ другого мѣста лѣтописнаго свода[1]). Означенный пропускъ въ нашей лѣтописи свѣдѣнія объ окончаніи св. Меѳодіемъ перевода священныхъ книгъ ко дню св. Димитрія Солунскаго проф. *А. В. Горскій* въ своей статьѣ: „О св. Кириллѣ и Меѳодіѣ“ объяснялъ тѣмъ, что послѣднее обстоятельство важно было въ жизнеописаніи Меѳодія, уроженца Солунскаго, но для

---

[1]) См. мою брошюру: „О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ Начальной рус. лѣтописи. Отд. оттискъ изъ журнала „Україна“. Кіевъ, 1907 г., стр. 9.

русскаго лѣтописца не имѣло особеннаго значенія[1]). Но основательнѣе будетъ, мнѣ кажется, допустить, что сказанный пропускъ произошелъ сначала лишь по небрежности списателей, а затѣмъ ошибка была замѣчена и опущенныя слова вынесены были на боковое, либо нижнее поле рукописи, откуда при крайней перепутанности текста, отличающей нашу Начальную лѣтопись, слова: „св. Димитрій“ очутились въ сказаніи о походѣ Олега на Царьградъ, помѣщенномъ почти непосредственно вслѣдъ за извѣстіемъ о переводѣ книгъ.

Достовѣрность моей конъектуры подтверждается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ имя св. Димитрія вовсе не упомянуто. Такъ, Радзивиловскій списокъ, а также „Россійская Исторія“ Татищева (II, 19) имѣютъ: „Нѣсть се Олегъ, но *гнѣвъ*, грѣхъ дѣля нашихъ, посланъ на ны отъ Бога“; Воскресенская лѣтоп. даетъ: „но Богъ *сіе* посла на ны *казнь* грѣхъ ради“; въ одномъ изъ варіантовъ Софійской I-й Лѣтописи выраженіе: „*нѣсть се Олегъ, но св. Дмитрій*“ помарано, а въ поле вынесено: „но Богъ посла на ны *казнь*, грѣхъ ради нашихъ“. (П. С. Р. Л., т. V, стр. 98, вын. і).

Въ виду приведенныхъ разночтеній можно, не колеблясь, принять, что первоначальный текстъ нашего отрывка былъ таковъ:

„И убоящася Греци и рѣша (варіантъ, ошибочно перенесенный въ сегментъ № 17: „и рѣста царя и боярьство все): *нѣсть сіе, но сей* Олегъ, грѣхъ ради нашихъ, посланъ на ны отъ Бога“.

При этомъ нужно замѣтить, что оборотъ: „*нѣсть сіе, но*“, значащій: „это не что иное, какъ только“—гебраизмъ, напоминающій стихъ 17 гл. 28 кн. Бытія: „И убояся (Іаковъ), и рече: „нѣсть сіе, но домъ Божій“. Да и вообще разсужденіе грековъ, что постигшее ихъ бѣдствіе послано на нихъ Богомъ за ихъ грѣхи, отражаетъ взглядъ библейскій, выраженный, между прочимъ, какъ мы видѣли, въ рѣчахъ братьевъ Іосифа, и весьма часто повторяемый въ русской лѣтописи; такъ, напр., въ вышеупомянутомъ сказаніи о нашествіи Батыя находимъ почти тѣ же выраженія, какъ и въ нашемъ отрывкѣ: „И рекоста оба князя: си вся наведе на ны Богъ, грѣхъ ради нашихъ“.

VIII. За разсмотрѣннымъ мною только-что отрывкомъ слѣдовалъ, полагаю, въ подлинникѣ *эпизодъ о парусахъ паволочитыхъ и кропинныхъ*, который въ наличныхъ сводахъ отнесенъ списа-

---

[1]) Ср. *Сухомлинова*: „О древ.-рус. лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ“, стр. 75.

телемъ, лишь по недоразумѣнію, къ моменту отступленія Олега отъ Царьграда и изложенъ въ концѣ статьи въ двухъ, обозначенныхъ мною номерами 20 и 22, отрывкахъ, гласящихъ такъ:

Отрывокъ 20-ый: „И рече Олегъ: ишийте пре паволочити Руси, а Словѣномъ кропинныя (Татищевъ прибавляетъ: *а Варягамъ холстинные)*, и бысть тако:

Отрывокъ 22-й: И воспяша Русь пре паволочитыѣ, а Словѣне кропинныя, и раздра я вѣтръ; и ркоша Словенѣ: „имемъся своимъ толъстинамъ, не дапы суть Словѣномъ пре кропинныя“ (Ип. лѣтоп., изд. 1871 г., стр. 19).

Разберу сперва первый изъ приведенныхъ двухъ отрывковъ. Проф. *Самоквасовъ* едва-ли не единственный изыскатель русскихъ древностей, который съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, отстаиваетъ историческую достовѣрность свидѣтельства о парусахъ, сдѣланныхъ, по приказанію Олега, для русскаго флота. Я же постараюсь показать, что какъ въ данномъ, такъ и въ слѣдующемъ сегментѣ, о парусахъ для русскихъ и славянскихъ лодокъ нѣтъ и рѣчи,—что подъ словомъ „*пре*“ разумѣется здѣсь, какъ и полагалъ кн. Оболенскій, ничто иное, какъ знамена, стяги, и что все, интересующее насъ теперь, яко-бы историческое, „свидѣтельство“ имѣетъ своимъ источникомъ *Таргумъ*,—арамейское толкованіе на Пятикнижіе *Іонаѳана бенъ-Узіель*, точнѣе, Псевдо-Іонаѳана, оказывающееся вавилонскою переработкою іерусалимскаго арамейскаго же перевода Пятикнижія. (Таргумъ Іерушалми). Съ этою цѣлью я предварительно возстановлю текстъ нашего сегмента посредствомъ удаленія изъ него ненадлежаще приплетеннаго къ нему глагола и прибавки выраженій и фразъ, въ немъ пропущенныхъ и попавшихъ совершенно некстати въ другія статьи лѣтописи [1]).

---

[1]) А именно: *исключеніе* изъ нашего отрывка подлежитъ глаголъ: „ишийте“, который въ разныхъ лѣтописныхъ сводахъ изображенъ различно: ишийте, щити, ишейте, спіите, шіити. (см Шлецеръ, II, 667), а въ Радзивил. спискѣ и „Росс. Исторіи“ Татищева: *ищите*; въ дѣйствительности же это слово должно читаться: „*и щиты*“, какъ составляющее варіантъ къ выраженію сосѣдняго, 21-го, сегмента: „и повѣси щитъ“ или, по другому чтенію, „и повѣсиша щиты“,—о чемъ рѣчь будетъ ниже. *Прибавить же* надлежитъ къ нашему отрывку слѣдующія слова и сочетанія: 1) слова сегмента № 8 нашей же статьи: „*И устави Олегъ воя*“; 2) изъ конца сегмента № 11: „И почаша Греци миръ просити дабы не воевалъ Грецкые земли *гражанъ по пристанищемъ*“—въ нашъ отрывокъ должны быть перенесены слова: „по пристанищемъ“

По производствѣ этихъ операцій сегментъ подъ № 20 явится въ такомъ видѣ:

„И устави Олегъ воя свои [по пристанищемъ], [и рече...воемъ [своимъ]: повивайте главы своя убрусы (и) знаменайтеся] прѣ [разноличны цвѣты]: Руси [вар.: Русь]—прѣ паволочиты (глосса: яже суть толковины, чит.: *шелковинны*—взята изъ сегмента № 1). Словѣпомъ [вар.: Словѣне]—прѣ кропинны (глосса: (*яже*) суть *полотняны*—взята изъ Архангелогород. сп., или *бумажны*—изъ „Рос. Исторіи“ Татищева), а Варягомъ — *холстинны* (взято оттуда же).

Прототипомъ возстановленнаго такимъ образомъ разсказа о *пристанищахъ* (станахъ) и *знаменахъ* послужило, какъ замѣчено выше, упомянутое толкованіе Таргума (а также Мидраша) на Пятикнижіе, а именно на гл. 2 кн. *Чиселъ*. „Сыны Израилевы, сказано въ этой главѣ, должны каждый ставить станъ свой при знамени своемъ, при знакахъ семействъ своихъ... Съ передней стороны къ востоку ставятъ станъ: знамя стана Іудина по ополченіямъ ихъ..., подлѣ его ставитъ станъ колѣно Иссахорово..., далѣе—колѣно Завулоново и проч.“ Переводя означенную главу, Таргумъ Іонаѳана объясняетъ, что изъ числа 12-ти колѣнъ израилевыхъ каждые три колѣна имѣли по одному трехцвѣтному знамени. Такъ, упомянутыя колѣна Іудино, Иссахарово и Завулоново имѣли *шелковое знамя* (ср.: „прѣ паволочиты“) цвѣтовъ краснаго, зеленаго и смарагдоваго, соотвѣтственно цвѣтамъ одного изъ четырехъ рядовъ драгоцѣнныхъ камней, вставленныхъ въ такъ называемый напершникъ судный, носимый первосвященникомъ: рубина, топаза и изумруда, на коихъ выгравированы были имена тѣхъ трехъ колѣнъ. На знамени изображены были: гербъ—юный левъ,

---

(относительно слова „*гражанъ*“, я выше (стр. 12) указалъ, что оно подлежитъ перенесу въ сегментъ № 4,—въ сочетаніе: „а гражанъ, ихже имаху“); 3) въ разсказѣ о походѣ Олега на Аскольда и Дира, кончающемся въ Архангелогород. спискѣ на стр. 7-й, на которой начинается извѣстіе о походѣ Олега на Царьградъ, между прочимъ, говорится: „и пріидоста подъ Смоленскъ,... и шатры изставиша многи *разноличны цвѣты*“: послѣднія два слова не имѣютъ смысла въ приложеніи къ шатрамъ и представляются очевидною вставкою, но они,какъ увидимъ дальше, совершенно умѣстны въ разсматриваемомъ сегментѣ 20-мъ статьи 907 г., и 4) въ извѣстіи подъ 1016 г. о борьбѣ Ярослава Владиміровича со Святополкомъ имѣется въ нѣкоторыхъ спискахъ вставка, нарушающая послѣдовательность разсказа и отсутствующая вовсе въ спискахъ: Лавр., Ипат., Никон. и Львовскомъ: „и рече Ярославъ воемъ (вар.: дружинѣ): знаменайтеся, повивайте главы своя убрусомъ (или убрусы)“; все это предложеніе должно быть перенесено въ нашъ сегментъ.

и девизъ—„возстани, Господи, и да разсыплются врази Твои“. Прочія колѣна имѣли трехцвѣтныя знамена, сообразно цвѣтамъ остальныхъ трехъ рядовъ камней, съ особенными также гербами и девизами. По образцу этого-то апокрифическаго сказанія и сочиненъ трактуемый отрывокъ нашей лѣтописной статьи. А что вообще русскіе хронисты и лѣтописцы нерѣдко пользовались арамейскими парафразами ветхозавѣтныхъ книгъ и еврейскими сборниками агадическихъ толкованій на сіи книги,—это, какъ мною изложено въ другомъ мѣстѣ, [1]) видно, между прочимъ, изъ того, что составитель „Лѣтописца Еллинскаго и Римскаго“ въ заглавіи этой книги самъ указываетъ, что источниками ея послужили, кромѣ греческихъ хроникъ Іоанна Малалы и Георгія Амартола, Моисеево Пятикнижіе, четыре книги Царствъ, а также *Азматъ Азматскихъ*, книги Эздры и *Истирии*. По поводу Азматъ Азматскихъ, т. е. Пѣсни Пѣсней, авторъ „Обзора хронографовъ рус. редакціи, А. Н. *Поповъ*, замѣтилъ, что эта библейская книга, по своему содержанію, не могла входить въ число источниковъ „Лѣтописца“, а потому нужно думать, что составитель послѣдняго имѣлъ въ виду какое-либо *толкованіе* на Пѣснь Пѣсней. Слово же *Истирии* названный авторъ находилъ непонятнымъ, а по мнѣнію А. М. *Лазаревскаго*, оно испорчено изъ Asterius. Я же доказывалъ, что подъ „Истирии“ разумѣется таргумъ на библейскую книгу „Эсѳирь“, причемъ обратилъ вниманіе, что отчасти изъ этого же источника, какъ явствуетъ изъ приведеннаго мною параллельнаго сопоставленія, несомнѣнно заимствована помѣщенная въ одномъ Хронографѣ русской редакціи по рукописи 1494 г. легендарная повѣсть о Соломонѣ и Царицѣ Южской.

Остается разсмотрѣть продолженіе разсказа яко-бы о парусахъ, изложенное въ поцитованномъ выше сегментѣ № 22 и переданное проф. *Самоквасовымъ* такъ: „Натянули руссы паруса шелковые, а славяне ситцевые, и послѣдніе разодралъ вѣтеръ. И сказали славяне: „обратимся къ своимъ холстинамъ; не пригодны славянамъ ситцевые паруса“. А. А. *Шахматовъ* въ вышеупомянутомъ его трудѣ (стр. 334—5) пытался разрѣшить вопросъ, кому принадлежитъ этотъ эпизодъ, кіевлянину-ли, или же новгородцу? „Можетъ казаться, пишетъ онъ, что въ этомъ разсказѣ выразилась насмѣшка кіевлянина надъ новгородцемъ и что, слѣдовательно, разсказъ составленъ кіевляниномъ. Но не слишкомъ-ли добродуш-

---

[1]) См. мою статью: Замѣтки дилеттанта на сочиненіе проф. И. Малышевскаго: „Свв. Кириллъ и Меѳодій“. Труды Кіев. Духов. Академіи“ за 1889 г.

на эта насмѣшка? Не отнесся-ли бы кіевлянинъ съ бо̀льшей ироніей къ словѣнамъ, не умѣющимъ управлять тонкими парусами?..“ „Болѣе вѣроятнымъ, продолжаетъ академикъ Шахматовъ, представляется мнѣ новгородское происхожденіе разсматриваемаго эпизода, (а при такомъ предположеніи) чтеніе: „раздра я́ вѣтръ“ (Пов. вр. лѣтъ) предпочтительнѣе чтенія: „и раздра вѣтръ кропинныя“ (Новг. 1 л.): очевидно, вѣтеръ разорвалъ не только кропинные паруса словѣнъ, но и паволочитые русскихъ“. Но я смѣю думать, что досточтимый изслѣдователь древне-русскихъ лѣтописныхъ сводовъ совершенно напрасно трудился надъ разгадкою личности составителя означеннаго эпизода о парусахъ, такъ какъ въ дѣйствительности отрывокъ, въ которомъ этотъ эпизодъ изложенъ, заключаетъ въ себѣ наборъ словъ и фразъ, составляющихъ варіанты, или повторенія, или дополненія словосочетаній, относящихся къ другимъ мѣстамъ первоначальнаго подлинника,—чѣмъ и объясняется, что въ Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго сказанный отрывокъ отсутствуетъ совсѣмъ, а въ Архангелогород. сп. имѣется только начало его, а остальное содержаніе, отъ словъ: „и раздра я́ вѣтръ“ до конца,—опущено.

Для убѣжденія въ этомъ, я разберу по-одиночкѣ каждое выраженіе даннаго отрывка, держась чтенія Ип. списка:

1. **„И въспяша“.** Я уже замѣтилъ выше, что этотъ глаголъ рѣшительно не можетъ означать „натянули“, или „подняли“, какъ его переводятъ комментаторы, а долженъ быть читаемъ „*вспѣша*“ (руссы запѣли пѣсни) и перенесенъ въ конецъ нашей лѣтописной статьи.

2. **„Русь пре паволочити, а Словѣне кропиньни“** — это варьяція стоящей въ разсмотрѣнномъ мною выше сегментѣ № 20 фразы— „паволочити Руси, а Словѣномъ кропинныя“.

3. **„И раздра я́ вѣтръ“**. Если принять, какъ полагаетъ А. А *Шахматовъ* и какъ значится прямо въ „Рос. Ист.“ *Татищева* (см. Шлецеръ, II, 673), что сильный вѣтеръ изорвалъ какъ шелковые парусы руссовъ, такъ и полотняные или бумажные словѣнъ, то совершенно непонятно, какимъ же образомъ лодьи Олега могли продолжать путь и прибыть цѣлыми и невредимыми въ Кіевъ? Правда, дальше сказано, что словѣне рѣшили замѣнить изодранные кропинные паруса холщевыми, но удалось-ли имъ при сильномъ вѣтрѣ исполнить тотчасъ свое рѣшеніе?—исторія умалчиваетъ; во всякомъ же случаѣ лодьи русскихъ такъ и остались безъ парусовъ. Дѣло, однако, въ томъ, что фраза: „*и раздра я́ вѣтръ*“ поставлена здѣсь неумѣстно, а относится, какъ и выраженіе: „и

бывшю покосну вѣтру“ сегмента № 5, къ заключительной части статьи подъ 6374 г. о походѣ на Царьградъ Аскольда и Дира: „тишинѣ сущей, и морю укротившюся, *и бывшю покосну вѣтру*, абье буря съ вѣтромъ въста и т. д., и безбожныхъ Руси корабля смяте, *и раздра я̀ вѣтръ*“,—т. е. вѣтеръ разрушилъ *корабли*, подобно тому, какъ въ Новг. 1 л. подъ 6633 г. говорится: „Бяше боура велiка... *и хоромы разъдра*“ (см. Словарь Срезневскаго).

4. „**И ркоша Словенѣ: имемъся своимъ толъстинамъ, не даны суть Словѣномъ пре**“. Слова: *и ркоша* представляютъ собою лишь повтореніе стоящихъ выше „*и ркоша*“ (царя и боярьство). Слово „*Словенъ*“ —варіантъ стоящаго строкою выше слова *Словѣне*. *Имемъся* въ связи со словами *не даны* образуетъ сочетаніе, испорченное изъ стоящей въ сегментѣ № 6 фразы: *имемъ ся по дань*. Слово „*своимъ*“ служитъ дополненіемъ къ фразѣ: И рече (Олегъ) *воемъ*. Слово *суть*—уцѣлѣвшій обрывокъ пропущенной въ Лавр. и Ипат. спискахъ фразы: *яже суть полотняны*. Слово **толъстинамъ**—также обрывокъ сохраненной *Татищевымъ* фразы: а *Варягомъ-холстинные*. Наконецъ, слова *Словѣномъ пре* образуютъ разночтеніе имѣющихся выше словъ *Словѣномъ кротиньныя*.

Такимъ образомъ весь трактуемый сегментъ не только не содержитъ историческаго преданія, но и не составляетъ даже продукта сочинительства, а оказывается, повторяю, безтолковымъ словосплетеніемъ, явившимся въ Повѣсти временныхъ лѣтъ дѣломъ рукъ писцовъ—„поденщиковъ“, какъ ихъ называлъ Шлецеръ.

IX. Дальнѣйшіе сегменты содержатъ **эпизодъ о предложеніи мира и назначеніи дани**, изложенный, какъ указалъ уже проф. В. И. *Сергьевичъ*[1]), въ двухъ редакціяхъ. По одной, греки просятъ Олега не губить города, предлагая платить такую дань, какая русскому князю будетъ угодна. Олегъ назначилъ дань на 2.000 кораблей по 12 гривенъ на человѣка, а въ кораблѣ по 40 человѣкъ, —потребовалъ, значитъ, дани въ суммѣ 960.000 гривенъ, или, если принять чтеніе: 200 кораблей,—96.000 гривенъ, на что̀ греки согласились (сегменты за №№ 11, 10 и 6). Но вслѣдъ затѣмъ въ нашей статьѣ помѣщена другая редакція, по которой не греки просятъ о мирѣ, а Олегъ посылаетъ въ городъ пятерыхъ пословъ съ требованіемъ на 2.000 кораблей по 12 гривенъ „*на ключь*“ и, сверхъ того, укладовъ на русскіе города,—на что̀ греки опять изъявили согласіе (сегменты 12—15). Уже одна эта двоякость разсказа объ одномъ и томъ же событіи обнаруживаетъ его дѣланность, сочиненность. Но въ этомъ мы убѣдимся еще болѣе, если возста-

[1]) Лекціи и изслѣд. по ист. рус. права, 1883 г., I, стр. 101—21.

новимъ подлинныя черты обѣихъ версій этого разсказа. Такъ, *первая* редакція эпизода о мирѣ и дани должна быть воспроизведена въ такомъ видѣ:

„И почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецкые земли [вар.: и рѣша...: не погубляй града, имемъ ся по дань, якоже хощеши]: [мало отступивъ отъ града] (чит.: *мало бо не оступи градъ*, т. е.: ибо онъ, Олегъ, чуть не окружилъ крѣпость). И заповѣда Олегъ дань даяти... по 12 (чит.: *2*) гривенъ (гривнѣ) на человѣка“.

Достовѣрность предлагаемаго мною чтенія подтверждается параллельнымъ мѣстомъ лѣтописной статьи подъ 971 г. о походѣ *Святослава* на грековъ: „И посла царь, глаголя сице: не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши; *за маломъ бо бъ не дошедъ Царьграда*“. Интересно, что выраженіе настоящаго отрывка статьи подъ 907 г.: „не погубляй града“, употребленное вмѣсто соотвѣтственныхъ словъ статьи подъ 971 г.: „не ходи къ граду“,—библейскаго происхожденія, напоминая фразу: „яко Господь *погубляетъ градъ*“ (Быт. 19, 14)—что̀ опять доказываетъ книжный характеръ первой изъ сказанныхъ двухъ статей. Основанія же для предложеннаго мною измѣненія текста „заповѣди“ Олега, касательно размѣра дани съ грековъ, суть слѣдующія. Какъ объяснено выше (стр. 8), опредѣленіе числа Олеговыхъ судовъ и количества людей въ каждомъ судн ѣдолжно быть перенесено въ начальный сегментъ статьи, такъ, что въ настоящемъ мѣстѣ остается неприкосновеннымъ только сообщеніе о требованіи Олегомъ дани по 12 гривенъ на человѣка. Но сомнительность цифры „12“ замѣтна съ перваго же взгляда, ибо лѣтописецъ ничего не знаетъ о размѣрѣ дани, возложенной на грековъ Игоремъ и Святославомъ; откуда же онъ могъ почерпнуть свѣдѣніе о количествѣ дани, назначенной Олегомъ? Академикъ *Шахматовъ* (ук. соч., стр. 478) думаетъ, что размѣръ Олеговой дани въ 12 гривенъ на человѣка опредѣляло преданіе. Но мыслимо-ли, чтобы, при отсутствіи письменныхъ источниковъ, устное преданіе сохранилось въ точности въ продолженіе слишкомъ двухъ столѣтій, если и считать, что статья о походѣ Олега на Царьградъ написана не позже первой четверти XII в. составителемъ Повѣсти вр. лѣтъ? Не гораздо естественнѣе-ли предположить, что число .кѣ. (12) простая описка, вмѣсто стоявшей въ подлинникѣ числительной буквы .к. (два)? За основательность этой догадки говоритъ, *во 1-хъ*, то, что такая же ошибка, какъ мною указано въ своемъ этюдѣ: „О судебныхъ до-

казательствахъ по Рус. Правдѣ“[1]), встрѣчается не разъ въ древнерусскихъ бытописательныхъ и правовыхъ памятникахъ. *Во 2 хъ*, лѣтопись еще и въ другихъ мѣстахъ сообщаетъ о поголовной дани въ двѣ единицы денежнаго, мѣховаго или металлическаго, счисленія. Такъ, въ статьѣ подъ 976 г., о походѣ кн. Ольги съ своимъ сыномъ на древлянъ, въ Переяславской Лѣтоп. читаемъ: „и возложи на ня дань тяжьку *по двѣ куни чрѣныхъ, по двѣ вевериці*“..; въ статьѣ же подъ 980 г., по Лавр. сп., о борьбѣ Владиміра I съ братомъ своимъ Ярополкомъ, сказано: „Посемь рѣша варязи Володимеру: се градъ нашъ: мы прияхомъ и́, да хочемъ имати окупъ на нихъ *по 2 гривнѣ отъ человѣка*“. *Въ 3-хъ*, утраченный Троицкій сп. на соотвѣтственномъ мѣстѣ имѣетъ не *гривенъ*, а *гривнѣ*, (Лавр., изд. 1872 г., стр. 30, вар. 3)—что̀ также служитъ, хотя лишь косвеннымъ, указаніемъ, что предъ этимъ словомъ въ подлинникѣ стояло число два, а не двѣнадцать. *Въ 4-хъ*, есть возможность обозначить и самый источникъ, откуда взято сообщеніе о поголовной двугривенной дани. Этотъ источникъ—книга Флавія Іосифа о іудейской войнѣ,—изъ которой, какъ указалъ *Е. В. Барсовъ*, сдѣланы и вообще обильныя заимствованія образовъ, оборотовъ и выраженій, какъ въ Повѣсть врем. лѣтъ, такъ и въ Слово о Полку Игоревѣ. Въ названной книгѣ содержится извѣстіе, что Веспасіанъ установилъ въ честь Юпитера Капитолійскаго поголовный налогъ на іудеевъ въ пользу императорской казны (fiscus judaicus) въ размѣрѣ двухъ драхмъ въ годъ, взамѣнъ того же налога, взимавшагося прежде на нужды іерусалимскаго храма (I. B. VII, 6, 6). Этотъ-то налогъ и принятъ былъ составителемъ лѣтописнаго свода за норму для опредѣленія размѣра *тяжкой* дани съ покоренныхъ племенъ или побѣжденныхъ народовъ, причемъ двѣ драхмы переложены, конечно, произвольно, на двѣ куницы, или двѣ веверицы, или двѣ гривны.

Вторая редакція свидѣтельства нашей статьи о мирныхъ переговорахъ и требованіи дани изложена, какъ уже замѣчено выше, въ сегментахъ за № № 12 по 15.

Сегментъ № 12, по исключеніи изъ него фразы „мало отступивъ отъ города“, которая относится къ стоящему предъ нимъ сегменту № 11, долженъ быть читаемъ такъ:

„Олегъ же... нача миръ творити со царьма Грецькими со Леономъ и Александромъ; посла къ нима въ градъ Карла, Фарлоѳа, Вельмуда, Рулава и Стемида [и прочи], глаголя: иміте ми ся по дань“.

Добавленное мною къ тексту выраженіе: „*и прочи*“ взято изъ

---

[1]) Журналъ: „Вѣстникъ Права“ за 1906 г., кн. 2, стр. 329—31, 334.

помѣщенной въ Лавр. лѣтоп. въ статьѣ подъ 882 г. о походѣ Олега на Кіевъ фразы: „И бѣша (или быша) у него Варязи и Словѣни *и прочи* прозвашася Русью“. По выводамъ А. А. *Шахматова* (ук. соч., стр. 299—304), въ этой фразѣ слова: *„и прочи“* вставлены въ Повѣсть врем. лѣтъ подъ вліяніемъ тенденціозной теоріи варяжскаго происхожденія Руси; смыслъ же ея—тотъ, что „Русью прозвались не одни „мужи“, но и всѣ вообще бывшіе подъ Олегомъ Варяги, Словѣне и прочіе“. Но позволяю себѣ думать, что означенная фраза, которой авторъ удѣлилъ слишкомъ много вниманія, усиливаясь найти въ ней подпору своимъ соображеніямъ, касательно происхожденія разсказа о призваніи сѣверными племенами варяжскихъ князей,—не выражаетъ никакой опредѣленной мысли, а является спайкою трехъ клочковъ различныхъ фразъ. А именно: 1) сочетаніе *„И бѣша у него* (Олега) *Варязи и Словѣни“*, составляетъ варіантъ, относящійся къ самому началу статьи подъ 907 г.: „Иде Олегъ на Грекы... поя же множество Варягъ и Словѣнъ“; 2) слова́: *„и прочи“*, какъ уже объяснено, должны быть переставлены въ интересующій насъ теперь отрывокъ статьи 907 г. объ отправкѣ Олегомъ пословъ въ Царьградъ для переговоровъ о мирѣ, и 3) слова́: *„прозвашася Русью“*—суть повтореніе тѣхъ же словъ, имѣющихся въ концѣ статьи 898 г. о переводѣ священныхъ книгъ,—въ предложеніи: „отъ Варягъ бо прозвашася (или прозвася) Русью“, о чемъ поговорю ниже.

И такъ, по дополненіи разбираемаго сегмента № 12 словами: *„и прочи“*, обнаруживается, что онъ не содержитъ въ себѣ исторически достовѣрнаго свидѣтельства, а оказывается лишь передѣлкою лѣтописнаго сообщенія подъ 912 г.: „Посла́ мужи свои Олегъ построити мира и положити рядъ межю Русью и Грекы, *глаголя“*. Видоизмѣнивъ редакцію этого сообщенія, авторъ статьи подъ 907 г. послѣ: „посла́ мужи свои Олегъ“ думалъ было привести самыя названія этихъ „мужей“—пословъ, заимствовавъ таковыя изъ вступительной части Олегова же Договора 912 г., но привелъ только первыя, по порядку, четыре имени: Карла. Фарлоѳа, Веремуда и Рулава (Инегелдъ почему-то пропущенъ) и имя послѣдняго посла—Стемида (Стемира); названій же остальныхъ перечисленныхъ въ томъ Договорѣ 10-ти пословъ онъ уже полѣнился списать, а поставилъ: *„и прочи“*; затѣмъ, послѣ слова „глаголя“ онъ изложилъ самое содержаніе предполагаемой рѣчи пословъ: „иміте ми ся по дань“.

X. Другіе **три отрывка за № 13, 14, и 17.** „И рѣша Греци: „чего хощеши дамы ти; и заповѣда Олегъ даяти воемъ на

2000 корабль по 12 гривенъ на ключь, и яшася греци“—не даютъ повода къ новымъ замѣчаніямъ въ дополненіе къ тѣмъ, которыя уже представлены мною выше при разборѣ параллельныхъ сегментовъ за № № 6, 10 и 11. Добавлю только: *1—е*, что выраженіе *на ключь* въ Переяславскомъ спискѣ замѣнено словами *на человъка*, что́ и подтверждаетъ мою догадку, что слова́: „*на ключь*“ относятся къ сегменту № 3: „и Греци замкоша Судъ... и градъ затвориша *на ключь*“, и *2-е*, что приписываемое грекамъ заявленіе: „чего хощеши дамы ти“ напоминаетъ 17-е письмо патріарха Николая Мистика къ царю Симеону, появившемуся въ 923 г. съ сильными отрядами войска въ окрестностяхъ Царьграда: „Чего ты ни пожелаешь отъ грековъ, дани ли, или другого чего, объяви, и я употреблю все ходатайство предъ державною властію, чтобы требованіе ваше было исполнено“ [1]).

XI. Болѣе подробнаго разсмотрѣнія требуетъ **сегментъ № 15:**

„И потомъ даяти уклады на Рускыа грады: первое на Кневъ, таже на Черниговъ, і на Переяславль, і на Полтѣскъ, і на Ростовъ (въ нѣкот. сп.: и на Смоленскъ), и на Любечь и прочаа городы: по тѣмъ бо городомъ седяху велиции князи подъ Олгомъ суще“ (Лавр., 30).

Шлецеръ (II, 647—8) призналъ это извѣстіе страннымъ, сомнѣвался въ его достовѣрности и находилъ, что во всякомъ случаѣ объ укладахъ со значеніемъ постоянной ежегодной дани не можетъ быть даже и рѣчи. Напротивъ того, послѣдующіе русскіе историки, вообще, и историки-юристы, въ частности, считаютъ, по выраженію проф. *Д. И. Самоквасова*, безспорною научною истиною, что по договору 907 г., заключенному подъ стѣнами Царьграда, греки обязались, сверхъ взноса единовременнаго выкупа по числу воиновъ Олега, давать ежегодно „*уклады*“, т. е. оклады, денежныя суммы, на каждый изъ городовъ, въ которыхъ сидѣли русскіе князья, состоявшіе подъ властію Олега: „сначала на Кіевъ, потомъ на Черниговъ, Переяславъ, Полоцкъ... и прочіе города“. Но нельзя не удивляться, что видивѣйшіе дѣятели науки до сихъ поръ нисколько не затруднялись допускать возможность постановленія такого, дѣйствительно, несообразнаго, какъ полагалъ Шлецеръ, договорнаго пункта. Несообразность же послѣдняго проявляется, по моему, въ томъ, что сумма укладовъ не опредѣлена точною цифрою,—что обязательство выдавать уклады не ограничено никакимъ срокомъ и оказывается такимъ образомъ какъ-бы вѣчнымъ,

[1]) См. М. С. *Дринова:* „Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ“ 1875 г., стр. 23.

а между тѣмъ уже въ Договорѣ Олега 912 г. объ этомъ обязательствѣ нѣтъ болѣе и помину,—что уклады, безъ всякой уважительной причины, условлено выдавать не сразу всѣмъ городамъ, а послѣдовательно, въ порядкѣ будто-бы старшинства городовъ, хотя никакой табели о рангахъ для всѣхъ „прочихъ“, кромѣ Кіева, городовъ вовсе не существовало,—и главное, что таковой порядокъ выдачи укладовъ отдѣльно каждому изъ перечисленныхъ въ лѣтописи городовъ мотивируется подчиненностію мѣстныхъ князей Олегу,—тогда какъ подвластность этихъ князей можно было-бы выставить скорѣе всего, какъ основаніе къ выдачѣ укладовъ не имъ, а непосредственно верховному князю, которому они были подручны.

Всѣ эти странности наводятъ на мысль, что занимающій насъ сегментъ попалъ въ статью подъ 907 г. по грубой оплошности переписчиковъ, что въ немъ дѣло идетъ о ежегодной дани, взимавшейся не съ грековъ въ пользу русскихъ городовъ, а съ городовъ, въ коихъ сидѣли зависимые отъ кіевскаго великаго князя племенные князья, *въ пользу Кіева*, и что поэтому сказанный сегментъ долженъ быть перенесенъ въ то, заканчивающее статью подъ 882 г., по Лавр. списку, мѣсто, которое содержитъ сообщеніе о дани и укладахъ или урокахъ, наложенныхъ Олегомъ на покоренныя имъ племена и области, и гласитъ слѣдующее:

> „*Се* (или *сей*) же Олегъ нача городы ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери, и устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ“.

Мѣсто это мною уже разсмотрѣно попутно въ упомянутой моей работѣ, посвященной реконструкціи текста и комментированію, при помощи данныхъ еврейской письменности, лѣтописныхъ повѣствованій о св. Владимірѣ [1]). Указавъ на неудовлетворительность объясненій М. П. *Погодина* и Д. И. *Иловайскаго*, изъ коихъ первый находилъ, что новгородцы уплачивали ежегодно 300 гривенъ варягамъ заморскимъ, а второй—содержимому въ Новгородѣ варяжскому гарнизону, я проводилъ ту мысль, что въ цитированномъ мѣстѣ говорится о платѣ новгородцами не 300 гривенъ въ пользу варягъ, а ежегоднаго оклада въ суммѣ *3000* гривенъ *въ пользу Кіева*. Толко-

---

[1]) „Библейско-агадическія параллели къ лѣтописнымъ сказаніямъ о Владимірѣ Святомъ“. Кіевъ, 1908 г., стр. 123—126.

ваніе это явилось результатомъ приведенныхъ мною соображеній объ испорченности текста и предложеннаго мною способа къ его эмендаціи. Прилаживая теперь къ возстановленному уже мною отчасти тексту извѣстія 882 г. изслѣдуемый сегментъ статьи подъ 907 г.,—получимъ такое чтеніе:

„Се же Олегъ (въ Новг. I-ой Лѣтоп.—Игорь) нача городы ставити и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери, [еже... даяше Варягомъ] (*и не дастъ имъ*) [Варягомъ дань даяти]. [И устави... даяти уклады на Киевъ (чит.: *Киеву*) на Рускыа грады: ....на Черниговъ, и на Переяславль, и на Полтѣскъ, и на Ростовъ (и на Смоленскъ), и на Любечь и на прочаа городы] (по) [2000], [а отъ Новагорода гривенъ 300 (чит.: *3000*) на лѣто] (глосса Архангелогород. сп.: еже нынѣ не дають), [по тѣмъ бо городомъ седяху... князи подъ Олгомъ суще“ [1]).

Изложенное въ такой формѣ извѣстіе вполнѣ гармонируетъ съ другими лѣтописными показаніями. Такъ, подъ 883 и 884 годами лѣтопись сообщаетъ о возложеніи Олегомъ на Сѣверянъ и Радимичей дани, которую они прежде платили хазарамъ; подъ 1014 г.-объ урокѣ, въ суммѣ 3000 гривенъ, который новгородскіе князья и посадники до Ярослава I уплачивали ежегодно кіевскому великому князю,—изъ каковой суммы 2000 гривенъ шли Кіеву, а 1000—Вышегороду (такъ, по моему, слѣдуетъ исправить въ дошедшемъ до насъ текстѣ ошибочно написанное слово „*Новгородъ*“); подъ 1133 г.:—„Ярополкъ посла Мстиславича Изъяслава къ братьи Новугороду, и даша дани Печерскыѣ *и отъ Смолинска даръ*“,—изъ чего покойный проф. П. В. *Голубовскій* вывелъ, что и Смоленскъ, уже имѣя своего князя, вносилъ, очевидно, нѣкоторое время, по древнему обычаю, опредѣленную договорную дань кіевскому князю [2]); подъ 1060г.:—„ходи Изъяславъ (Ярославичъ) на Сосолы и дань заповѣда даяти *по 2000 гривенъ*“.

---

[1]) Въ названной моей работѣ я указалъ на вставочный характеръ выраженій: „мира дѣля“ и „до смерти Ярославли“ и означилъ предположительно тѣ лѣтописныя статьи, откуда они попали въ данное мѣсто. Число „2000“ перенесено мною сюда изъ сочетанія „2000 корабль“ Ошибочность написанія цифры 300, вмѣсто 3000, гривенъ предполагалъ и Эверсъ („Древнѣйшее рус. право“, переводъ Платонова, стр. 43. прим. 8). Исключенныя мною слова: „*потомъ*“, „*первое*“ и „*также*“—должны быть перемѣщены во вступительную статью Договора Олега 912 г., о чемъ будетъ рѣчь ниже.

[2]) „Исторія Смоленской земли“. К., 1895 г., стр. 230, примѣч. 1.

Все сказанное обнаруживаетъ полную несостоятельность мнѣній нѣкоторыхъ авторовъ областныхъ монографій, будто-бы подъ „укладами“ разумѣется часть добычи, выдававшаяся племенамъ, главные города которыхъ перечислены въ лѣтописи, какъ награда за участіе въ походѣ на Византію [1]).

Закончу свои сужденія по поводу разобраннаго отрывка указаніемъ на то, что при возстановленномъ мною чтеніи Олеговой „заповѣди“ о дани само собою устраняется отмѣченное проф. В. И. *Сергѣевичемъ* недоумѣніе, почему въ перечнѣ городовъ, въ коихъ „сѣдяху князи подъ Олгомъ суще“, не упомянутъ Новгородъ? Этотъ пропускъ, какъ думаетъ почтенный профессоръ, даетъ право заключить, что власть Олега не простиралась на этотъ городъ (Рус. юрид. древности, изд. 2-е, I, 17). Между тѣмъ, если принять предлагаемыя мною поправки текста, то оказывается, что Новгородъ не только былъ подвластенъ Олегу, но обложенъ былъ окладомъ въ пользу Кіева въ бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ Черниговъ, Переяславъ и прочіе города.

XII. Переходя къ дальнѣйшему содержанію изслѣдуемой статьи, необходимо признать вѣрность давно уже выставленнаго нѣкоторыми учеными положенія, что заключающіеся въ сегментахъ за №№ 16 и 18 **договорные пункты**, касательно права русскихъ гостей на полученіе отъ греческаго правительства мѣсячнаго корма, права пользованія мовницами, т. е. банями, какъ обыкновенно объясняютъ это слово, а по чтенію, предлагаемому мною—*мытницами*, товарными складами, и т. д., составляютъ, вмѣстѣ взятые, не отдѣльный договоръ,а рядъ статей, выхваченныхъ изъ Договоровъ 912 и 945 г. и ошибочно занесенныхъ лѣтописцемъ подъ 907 г. Проф. Ф. М. *Влад.—Будановъ*, цитируя въ своемъ „Обзорѣ исторіи русскаго права“ означенное положеніе, опровергаетъ его на томъ основаніи, что, „отсюда слѣдовало бы, что Олегъ вовсе не воспользовался плодами побѣдоноснаго похода 907 г.,—не заключалъ тогда никакого договора, и что дань отъ грековъ потребована не подъ вліяніемъ одержанной побѣды, а 4 года спустя“. Но аргументація уважаемаго профессора далеко не убѣдительна, ибо прежде всего надлежало бы доказать, что „побѣдоносный походъ“ Олега въ 907 г., не смотря на невѣроятность его подробностей и на полнѣйшее молчаніе о немъ византійцевъ,—

---

[1]) См. проф. М. В. *Довнаръ-Запольскаго*: „Очеркъ ист. Кривич. и Драгович. земель“, К. 1891 г., стр. 69; проф. В. *Ласкеронскаго:* „Ист. Переясл. земли“, К., 1897 г., стр. 271.

историческій фактъ, а не домыселъ грамотѣя. Но, если бы историчность сообщенія объ этомъ походѣ и была неопровержимо доказана, то все же отсюда нисколько еще не вытекаетъ, что въ томъ же 907 г. на самомъ дѣлѣ заключенъ былъ внесенный въ лѣтописные своды договоръ, отрывочность и вставочность котораго прямо бьютъ въ глаза. И дѣйствительно, въ послѣдующемъ изложеніи, при разборѣ сводnаго текста Договоровъ Олега 912 г. и Игоря 945 г., я укажу, что статьи т. н. Договора 907 г. отчасти состоятъ изъ отдѣльныхъ словъ и фразъ, пропущенныхъ въ сказанныхъ Договорахъ, а отчасти являются варіантами къ статьямъ послѣднихъ.

XIII. Равнымъ образомъ нельзя не признать интерполяціею и **сегментъ № 19**, гдѣ говорится, что цари Леонъ и Александръ заключили мирный договоръ съ Олегомъ, согласившись на дань, и потвердили миръ взаимною клятвою. Совершенно ясно, что весь этотъ сегментъ первоначально помѣщенъ былъ непосредственно вслѣдъ за текстомъ Договора Олега 912 г., послѣ даты: „Мѣсяца сентября 2, недѣли 15, в лѣто созданиа мира 6420“, такъ какъ нельзя себѣ и представить, что лѣтописецъ находилъ нужнымъ сообщить сравнительно пространно объ утвержденіи мнимаго Договора 907 г., не имѣющаго ни начала, ни окончанія, и умолчалъ вовсе о ратификаціи Договора 912 г., обнаруживающаго всѣ признаки международнаго дипломатическаго акта. Нѣкоторымъ же подтвержденіемъ тому, что сказанный сегментъ, дѣйствительно, стоитъ здѣсь не у мѣста, можетъ служить отсутствіе его въ Архангелогород. сп., хотя извѣстіе о походѣ Олега на Царьградъ сообщено въ этомъ спискѣ почти съ тѣми же подробностями, какъ и въ Лавр. и Ипат. спискахъ, но только не подъ 907, а подъ 900 и 922 г.

XIV. Заключительная часть нашей статьи изложена въ **сегментахъ №№ 21 и 23**. По присоединеніи къ послѣднимъ начальныхъ словъ сегмента № 22 и конечной фразы сегмента № 4, получимъ такое чтеніе:

> **а)** „[И въспяша (чит.: *въстьша*) Русь] и повѣсиша прѣ [ищите] (чит.: *и щиты*) своя въ вратехъ града, показующе побѣду, [еликоже ратнии творять], и поиде отъ Царяграда. **б)** И приде Олегъ къ Киеву, неся золото, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье“ (Ип., 19).

Первый абзацъ возстановленнаго мною такимъ образомъ окончанія нашей статьи живо напоминаетъ мѣсто изъ сочиненія Флавія Іосифа о іудейской войнѣ (VI, 8, 5): „римляне, занявъ стѣны (Іеру-

салима), водрузили свои знамена на башняхъ и при ликующихъ рукоплесканіяхъ запѣли побѣдную пѣснь“. Въ этой цитатѣ не достаетъ выраженія, равносильнаго словамъ нашей статьи (по моему чтенію): „еликоже ратнии творять“, но оно имѣется въ соотвѣтственномъ мѣстѣ древняго славянскаго извлеченія изъ названной книги Флавія, подъ заглавіемъ „Повѣсть о полоненіи Іерусалима“, гласящемъ: „Римляне же съ кликаніемъ въспѣша, *якоже обыче имъ*“ [1]). Что же касается оборота: „*и повьсиша щиты*“, то уже Шлецеръ замѣтилъ, что онъ встрѣчается въ кн. пророка Іезекіиля (27. 10): „щиты и шлемы повѣсиша въ тебѣ“.

Второй абзацъ представляетъ собою несомнѣнно варіантъ окончанія статьи подъ 944 г. о походѣ *Игоря* на Византію: „Послуша ихъ Игорь..., а самъ вземъ у Грекъ злато и паволоки, и на вся вои, и възвратися въспять, и приде къ Киеву въ свояси“. Въ нашемъ абзацѣ, кромѣ привезенныхъ Олегомъ золота и паволокъ, значатся еще „овощи, и вина, и всякое узорочье“, но очевидно, что эти слова не принадлежатъ къ первоначальному подлиннику, а вставлены позднѣйшимъ писцомъ, судя по тому, что ихъ нѣтъ въ Архангелогород. спискѣ (стр. 9), гдѣ читается: „И приде Ольгъ ко Игорю въ Кіевъ, и принесе злато много и паволоки“—и ничего больше. Можно даже догадываться откуда попала эта вставка въ данное мѣсто: въ ст. подъ 882 г. о завладѣніи Олега Кіевомъ Лавр. лѣтопись даетъ: „и посла (Олегъ) ко Асколду и Дирови, глаголя, яко гость есмь (или гостье есмы) и идемъ въ Греки“; въ Никоновской же лѣтописи послѣ словъ „гость есмь“ слѣдуетъ:... „имамъ много великаго и драгаго бисера *и всякаго узорочія*“; по всей вѣроятности, здѣсь первоначально отмѣчены были на полѣ рукописи, въ дополненіе къ „бисеру“, также заманчивыя „овощи и вина“, которыя потомъ, вмѣстѣ со „всякимъ узорочьемъ“, и перенесены въ конецъ статьи 907 г. о походѣ Олега на Царьградъ.

И такъ, предыдущее изложеніе подтверждаетъ основательность выставленнаго мною въ началѣ настоящей главы тезиса, что разобранная лѣтописная статья, хотя она, послѣ очистки ея текста отъ описокъ и ошибочныхъ перестановокъ, и не содержитъ въ себѣ ничего нелѣпаго и смѣшного, не соотвѣтствуетъ, однако, исторической правдѣ и не отражаетъ также вліянія народнаго или дружиннаго эпоса, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, а оказывается произведеніемъ чисто книжнаго сочинительства.

Въ заключеніе представлю исправленный текстъ обслѣдованной статьи въ полномъ, цѣлостномъ видѣ:

---

[1]) См. *Е. В. Барсова*: „Слово о П. Игоревѣ“, т. III, Лексикологія Слова, стр. 365.

„Въ лѣто 6415. Иде Олегъ на грекы, а Игоря остави въ Киевѣ; поя же множество Варягъ, и Словенъ, [и Русь]... И съ сими со всѣми поиде Олегъ на конехъ и кораблехъ, и бѣ числомъ кораблей 2000 (чит.: *200*), а въ корабли (по) 40 человѣкъ (первоначальнѣе: [50 мужь]).

И прінде къ Царюграду; и Греци замкоша Судъ (сирѣчь прияша чѣпь, протяженную отъ Галаты до Лахерискіа церкви), а градъ затвориша [на ключь]. И вылѣзе Олегъ на брегъ, и повелѣ воемъ корабли извлещи [и поставити корабли] на брегъ, и воевати нача около града, и много убийства створи Грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви; а [гражанъ], ихже имаху плѣнникы, овѣхъ посѣкаху, другиа же мучаху, иныя же растрѣляху, а другыа въ море вметаху, и ина многа зла творяху Русь Грекомъ...

И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса (вар.: кола) изъдѣлати.., и идяху [на колеса (хъ)] чрезъ поля ко граду. И видѣвше Греци, и убояшася, выслаша изъ града ко Олгови (многи Епископи и Игумени и попы), и вынесоша ему Греки изъ града брашно и вино, и не пріа его: бѣ бо устроено со отравою, [и бысть тако]. [И прозваша (Греки) Олга вѣщій]. И убояшася Греци и рѣша (вар.: и рѣста цяря и боярьство все): „нѣсть сіе, но сей Олегъ грѣхъ ради нашихъ посланъ на ны отъ Бога“.

И устави Олегъ воя свои [по пристанищемъ], [и рече воемъ своимъ]: [повивайте главы своя убрусы (и) знаменайтеся] прѣ [разноличны цвѣты]: Руси [вар.: Русь]—прѣ паволочиты, (яже суть толковины, чит.: *шелковинны*), Словѣномъ [вар: Словѣне]—прѣ кропинны (яже суть полотняны), а Варягомъ—холстинны.

И почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецкые земли (вар.: и рѣша...: не погубляй града, имемъ ся по дань, якоже хощеши): [мало бо отступивъ (чит.: *отступи*) отъ града (чит.: *града*)]. И заповѣда Олегъ дань даяти по 12 (чит.: *2*) гривнѣ на человѣка. И яшася Греци по се.

(Другая редакція послѣдняго абзаца: „Олегъ же... пача миръ творити со царьма Грецкими, со Леономъ и Александромъ; посла къ нима въ градъ Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида [и прочи], глаголя: „имите ми ся по дань“. И рѣша Греци: „чего хощеши дамы ти“; и заповѣда Олегъ даяти воемъ по 12 (чит.: *2*) гривнѣ на человѣка. [И яшася Греци].)

И въспяша (чит.: *въстьша*) Русь; и повѣсиша прѣ и щиты своя въ вратехъ града, показующе побѣду, [еликоже ратнии творять], и поиде отъ Царяграда. И приде Олегъ къ Киеву, неся злато и паволоки...“

Глава вторая.

Существующій текстъ Договоровъ [1]).

I.

Договоръ Олега 912 г.

(По Ипатскому списку).

Въ лѣто 6420. Посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Грекы и Русью; и посла глаголя:

Равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царихъ Лва и Александра.

1. Мы отъ рода рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидульфостъ, Стемиръ, иже послани отъ Олга, великаго князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ, къ вамъ, Львови и Александру и Констянтину, великымъ о Бозѣ самодержьцемъ, царемъ Грецкымъ, на удержаніе и на извѣщеніе отъ многыхъ лѣтъ межю Христіаны и Русью бывшюю любовь, похотѣньемъ нашихъ князь и по повелѣнію, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ Руси. Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящихъ же о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшюю межю Христіаны и Русью, многажды право судихомъ, но точью простословесенъ, и писаніемъ и клятвою твердою, кленшеся оружьемъ своимъ, такую любовь извѣстити и утвердити по вѣрѣ и по закону нашему.

---

[1]) Перепечатка изъ „Христоматіи по исторіи рус. права“, состав. проф. Владимірскимъ-Будановымъ.

2. Суть, яко понеже мы ся имали о Божіи вѣрѣ и любви, главы таковыя:—По первому слову да умиримся съ вами, Грекы, да любимъ другъ друга отъ всея душа и изволенья, и не вдадимъ, елико наше изволеніе быти отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ, никакому же съблазну или винѣ; но потщимся, елико по силѣ, на схраненіе прочихъ и всегда лѣтъ съ вами Грекы исповѣданіемъ и написаніемъ съ клятвою извѣщаемую любовь непревратну и непостыжну. Такоже и вы, Греци, да храните таку же любовь къ княземъ же свѣтлымъ нашимъ рускымъ и къ всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего, не съблазнену и непреложну всегда и въ вся лѣта.

3. А о головахъ, иже ся ключитъ проказа, урядимся сице: да елико явѣ будеть показаніи явлеными, да имѣютъ вѣрное о тацѣхъ явленіи; а емуже начнуть не яти вѣры, да не кленется часть та, иже ищеть неятью вѣры, да егда кленется по вѣрѣ своеи, будетъ казнь, якоже явится съгрѣшеніе о семъ.

4. Аще кто убіеть Крестьяна Русинъ, или Христьянинъ Русина, да умреть, идѣже аще створить убійство. Аще ли убѣжить створивый убїйство, аще есть имовитъ, да часть его, сирѣчь иже его будеть по закону, да возьметь ближніи убьенаго, а и жена убившаго да имѣеть толцѣмь же прибудеть по закону; аще ли есть неимовитъ створивый убойство и убѣжавъ, да держится тяжи, донdeже обрящется, яко да умреть.

5. Аще ли ударитъ мечемь или бьеть кацѣмъ любо ссудомъ, за то удареніе или убьеніе да вдасть литръ 5 сребра по закону Рускому; аще ли будеть неимовитъ тако створимый, да вдасть елико можеть и да сометь въ себе и ты самыя порты своя, въ нихъ же ходять, а опрочѣ да ротѣ ходить своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребываетъ тяжа оттолѣ невзискаема о семъ.

6. Аще украдеть Русинъ что любо у Крестьянина, и паки Христьянинъ у Русина, и ятъ будеть въ томъ часѣ тать, егда татьбу створить, отъ погубившаго что любо, аще приготовится татьбу творяїи и убіенъ будеть: да не взыщется смерть его ни отъ Христьянъ, ни отъ Руси, но паче убо да взъметь свое, иже будеть погубилъ. И аще въдасть руцѣ украдый, да ятъ будеть тѣмъ же, у него же будеть украдено, и связанъ будеть, и отдасть то, еже смѣ створить, и створить трижды о семь.

7. Аще ли кто, или Русинъ Хрестьяну, или Хрестьянъ Русину, мученія образомъ искусъ творити и насилье явѣ, или въземеть что либо дружинне, да вспятить троичь.

8. Аще выверженa лодья будеть вѣтромъ великомъ на землю

чюжю, и обрящються тамо иже отъ насъ Руси, да аще кто идеть снабдѣти лодью съ рухломъ своимъ, и отсылати пакы на землю Крестьяньску, да проводимъ ю сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже придетъ въ бестрашно мѣсто; аще и таковая лодья, и отъ буря или бороненія земнаго боронима, не можеть възборонитися въ своя си мѣста, спотружаемъся гребцомъ тоя лодья мы Русь, и допровадимъ съ куплею ихъ поздорову, ти аще ключится близъ земли Грецькы; аще ли ключится такоже проказа лодьи Рустѣй, да проводимъ ю въ Рускую землю, и да продають рухло тоя лодья, и аще что можеть продати отъ лодья, воволочимъ имъ мы Русь, да егда ходимъ въ Грекы, или съ куплею, или въ солбу къ цареви вашему, да пустимъ я съ честью проданное рухло лодья ихъ; аще ли ключится кому отъ тоя лодья въ ней убьену быти, или бьену быти отъ насъ Руси, или взяти что любо, да повиньни будуть то створшіи преждереченую епетемьею.

9. Отъ тѣхъ аще полоняникъ обою страну, держимъ есть, или отъ Руси или отъ Грекъ, проданъ въ ину страну, оже обрящеться или Русинъ или Гречинъ, да не купять и възвратять и скупленое лице въ свою страну, и възмуть цѣну его купящіи, или мниться въ куплю на дань челядиная цѣна; такоже аще отъ рати ятъ будетъ, да отъ тѣхъ Грекъ такоже да възвратится въ свою страну, и отдана будетъ цѣна его, якоже речено есть, якоже есть купля.

10. Егда же требуеть на войну идти, егда же потребу творите, и си хотять почестити царя вашего, да аще въ кое время елико ихъ придеть и хотять остати у царя вашего, своею волею да будуть.

11. О Руси о полоненьи: многажды отъ коея убо страны пришедшимъ въ Русь и продаемымъ въ Крестьяны, и еще же и отъ христіанъ полонныхъ мьногажды отъ коея либо страны приходящимъ въ Русь: се продаеми бываютъ по 20 золота и да придутъ въ Грекы.

12. О томъ аще украденъ будеть челядинъ Рускый, или въскочить, или понужи проданъ будеть, и жаловати начнуть Русь, да покажеться таковое отъ челядина, да имуть въ Русь; но и гостье погубиша челядинъ, и жалують, да ищуть, и обрѣтаемое да имуть е́, аще ли кто искушенія сего не дасть створити, мѣстникъ да погубить правду свою.

13. О работающихъ въ Грецѣхъ Руси у хрестьянского царя: аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ци и своихъ не имать, да възвратить имѣнье къ малымъ ближикамъ въ Русь; аще ли створить обряженіе, таковый възметь уряженое его, кому будеть писалъ наслѣдити имѣнье, да наслѣдить е́ отъ взимающихъ куплю Руси отъ различныхъ ходящихъ въ Грекы и удолжающихъ.

14. Аще злодѣй възвратится въ Русь, да жалують Русь христьяньскому царству, и ятъ будеть таковый и възвращенъ будеть не хотяй въ Русь.

15. Си же вся да творять Русь Грекомъ, идѣже аще ключится таково. На утвержєніе же и неподвижєніе быти межи вами Хрестьяны и Русью, бывшій миръ сътворихомъ Ивановомъ написаніемъ на двою харотью, царя вашего и своею рукою, предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею, единаго истиньнаго Бога нашего, извѣсти и дасть нашимъ словомъ; мы же кляхомся къ царю вашему, иже отъ Бога суще яко Божіе зданіе по закону, и по покону языка нашего, не переступати ни намъ, ни иному отъ страны нашея, отъ уставленныхъ главъ мира и любве. И таково написаніе дахомъ царства вашего на утвержєніе обоему пребывати, таковому свѣщанію, на утвержєніе и извѣщеніе межи вами бывающаго мира, мѣсяца себтября въ 2, а въ недѣлю 15, въ лѣто созданія міру 6420.

II.

Договоръ Игоря 945 г.

(По Лаврентьевскому списку).

Въ лѣто 6453. Присла Романъ, и Костянтинъ, и Степанъ слы к Игореви построити мира первого; Игорь же глагола с ними о мирѣ. Посла Игорь мужѣ своя къ Роману, Романъ же созва боляре и сановники. Приведоша Рускія слы, и велѣша глаголати, псати обоихъ рѣчи на харатьѣ:

Равно другаго свѣщанья, бывшаго при цари Романѣ, и Костянтинѣ, и Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ.

1. Мы отъ рода рускаго съли и гостье, Иворъ, солъ Игоревъ великаго князя Рускаго, и объчіи слы: Вуефастъ, Святъславль, сына Игорева; Искусеви Ольги княгини; Слуды Игоревъ, нети Игоревъ; Улѣбъ Володиславль; Каницаръ Передъславинъ; Шихъберн Сфанъдръ, жены Улѣблѣ; Прасьтѣнъ Турдуви; Либи Аръфастовъ; Гримъ Сфирьковъ; Прастѣнъ Акунъ, нети Игоревъ; Кары Тудковъ; Каршевъ Туръдовъ; Егри Евлисковъ; (Воистъ) Воиковъ; Истръ Аминодовъ; Прастѣнъ Берновъ; Явтягъ Гунаревъ; Шибридъ Алдань; Колъ Клековъ; Стегги Етоновъ, Сфирка...; Алвадъ Гудовъ; Фудри Туадовъ; Мутуръ Утинъ; купецъ Адунь, Адулбъ,

Игивладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Турбидъ, Фурьстѣнъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Игелъдъ, Туръбернъ, Моны, Руалдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тиленъ, Апубьксарь, Вузлѣвъ, Синко, Боричь, посланіи отъ Игоря великаго князя Рускаго, и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій Рускія земля. И отъ тѣхъ заповѣдано обновити ветъхій миръ, ненавидящаго добра, и враждолюбьца дьявола разорити, отъ многъ лѣтъ, и утвердити любовь межю Греки и Русью. И великій князь нашъ Игорь (и князи) и боляре его, и людье вси Рустіи послаша ны къ Роману, и Костянтину, и къ Стефану, къ великимъ царемъ Гречьскимъ, створити любовь съ самѣми цари, со всѣмъ болярьствомъ, и со всѣми людьми Гречьскими на вся лѣта, дондеже съяеть солнце и весь міръ стоить.

И иже помыслить отъ страны Рускія разрушити таку любовь, и елика ихъ крещенье пріяли суть (отъ страны Рускыя), да пріимуть месть отъ Бога Вседержителя, осуженье на погибель въ весь вѣкъ, въ будущій; и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будуть раби въ весь вѣкъ, въ будущій.

2. А великій князь Рускій и боляре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ Гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и съ гостьми, якоже имъ уставлено есть.

Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; нынѣ же у вѣдѣлъ есть князь вашь посылати грамоты ко царству нашему; иже посылаеми бываютъ отъ нихъ (посли) и гостье, да приносять грамоту пишюче сице: яко послахъ корабль селико. И отъ тѣхъ да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходять. Аще ли безъ грамоты придуть, и предани будуть намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему; аще ли руку не дадять и противятся, да убьени будуть, да не изищется смерть ихъ отъ князя вашего; аще ли убѣжавше в Русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять. Аще придуть Русь бесъ купли, да не взимають мѣсячѣна.

Да запрѣтить князь сломъ своимъ и приходящимъ Руси сде, да не творять бещинья въ селѣхъ, ни въ странѣ нашей. И приходящимъ имъ, да витають у святаго Мамы; да послеть царство наше, да испишеть имяна ваша, тогда возмуть мѣсячное свое, съли слебное, а гостье мѣсячное, первое отъ города Кіева, паки изъ Чернигова и Переяславля (и ис прочихъ городовъ). Да входять въ городъ однѣми вороты со царевымъ мужемъ безъ оружья, мужь 50, и да творять куплю якоже имъ надобѣ, паки да исходять; и

мужь царства нашего да хранить я, да аще кто отъ Руси или отъ Грекъ створить криво, да оправляѥть то. Входяще же Русь въ градъ, да (не творять пакости и) не имѣють волости купити па волокъ лише по 50 золотникъ; и отъ тѣхъ паволокъ аще кто крьнеть, да показываеть цареву мужю, и тъ е запечатаеть и дасть имъ. И отходящеи Руси отсюда взимають отъ насъ, еже надобѣ, брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, якоже уставлено есть преже, и да возъвращаются съ спасеніемъ въ страну свою, да не имѣють власти зимовати у святаго Мамы.

3. Аще ускочить челядинъ отъ Руси, по не же придуть въ страну царствія нашего, и отъ святаго Мамы, аще будеть, да поимуть и́; аще ли не обрящется, да на роту идуть наши хрестеяне Руси по вѣрѣ ихъ, а не хрестеяніи по закону своему: ти тогда взимають отъ насъ цѣну свою, якоже уставлено есть преже, 2 паволоцѣ за челядинъ.

4. Аще ли кто отъ людий царства нашего, ли отъ города нашего, или отъ инѣхъ городъ, ускочить челядинъ нашь къ вамъ, и принесеть что, да вспятить и́ опять; и еже что принеслъ будеть, все цѣло, и да возьметь отъ него золотника два.

5. Аще ли кто покусится отъ Руси взяти что отъ людий царства нашего, иже то створить, покажненъ будеть вельми; аще ли взялъ будеть, да заплатить сугубо. И аще створить (тоже) Грьчинъ Русину, да приметь ту же казнь, якоже пріялъ есть и онъ.

6. Аще ли ключиться украсти Русину отъ Грекъ что или Грьчину отъ Руси, достойно есть да възворотить (е) не точью едино, но и цѣну его; аще украденное обрящеться продаемо, да вдасть и цѣну его сугубо, и тъ показненъ будеть по закону Гречьскому, и по уставоу и по закону Рускому.

7. Елико Хрестеянъ отъ власти нашея плѣнена приведуть Русь, ту аще будеть уноша, или дѣвица добра, да вдадять златникъ 10 и поимутъ и́; (аще ли есть средовѣчь, да вдаеть золотникъ) 8, и поимуть и́; аще ли будеть старъ, или дѣтещь, да вдасть златникъ 5. Аще ли обрящются Русь работающе у Грекъ, аще суть плѣьницы, да искупають е́ Русь по 10 златникъ; аще ли купилъ и будеть Грьчинъ, подъ хрестомь достоить ему, да возьметь цѣну свою, елико же далъ будеть на немь.

8. А о Корсуньстѣй странѣ: елико же есть городовъ на тоій части, да не имате волости князи Рустіи, да воюете на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ; и тогда аще просить вой у насъ князь Рускій, да воюеть, да дамь ему, елико ему будеть требѣ.

9. И о томъ, аще обрящуть Русь кубару Гречьскую въвержену на коемь любо мѣстѣ, да не преобидять ея; аще ли отъ нея

возьметь кто что, ли человѣка поработить, или убьеть, да будеть повинень закону Руску и Гречьску.

10. Аще обрящуть въ вустьѣ Днѣпрьскомь Русь Корсуняны рыбы ловяща, да не творять имъ зла никакоже. И да не имѣють власти Русь зимовати въ вустьѣ Днѣпра, Бѣлъбережи, ни у святаго Ельферья: но егда придеть осень, да идуть въ домы своя в Русь.

11. А о сихъ, оже то приходять Чернии Болгаре, и воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ князю Рускому, да ихъ не пущаеть: пакостять странѣ его.

12. Аще ли ключится проказа нѣкака отъ Грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имате власти казнити я, но повелѣньемь царства нашего да пріиметь, якоже будеть створилъ.

13. Аще убьеть Хрестеянинъ Русина, или Русинъ Хрестеянина, да держимъ будеть створивый убийство отъ ближнихъ убьенаго, да убьють и. Аще ли ускочить створивый убой и убѣжить, аще будеть имовітъ, да возмуть имѣнье его ближьніи убьенаго; аще ли есть неимовитъ (створивый убийство) и ускочить же, да ищють его, дондеже обрящется; аще ли обрящется, да убьенъ будеть.

14. Или аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ любо оружьемъ Русинъ Грьчина, или Грьчинъ Русина, да того дѣля грѣха заплатить сребра литръ 5, по закону русскому; аще ли есть неимовитъ, да како можетъ, втолько же проданъ будеть, ако да и порты, въ нихъ же ходить, да и то съ него сняти, а опроцѣ да на роту ходить по своей вѣрѣ, яко не имѣя ничтоже, ти тако пущенъ будеть.

15. Аще ли хотѣти начнеть наше царство отъ васъ вой на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть къ намъ, елико же хочемъ: и оттоле увѣдять ины страны, каку любовь имѣють Грьци съ Русью.

16. Мы же съвѣщанье се написахомъ на двою харатью, и едина харатья есть у царства нашего (на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваши и гостье ваши. А отходяче посломъ царства нашего) да допроводять къ великому князю Рускому Игореви и к людемъ его; и ти пріимающе харатью, на роту идуть хранити истину, яко мы свѣщахомъ, напсахомъ харатью сію, на ней же суть имяна наша написана.

Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней, не преступити отъ него ничтоже; а иже преступить се отъ страны нашея, ли князь, ли инъ кто, ли крещенъ, или некрещенъ, да не имуть помощи отъ Бога, и да будеть рабъ въ весь вѣкъ въ буду-

щій, и да заколенъ будеть своимъ оружьемъ. А (некрещеная) Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и (прочая) оружья, да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатьи сей, хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ боляръ и отъ всѣхъ людій отъ страны Рускія, въ прочая лѣта и воину. Аще ли же кто отъ князь или отъ людій Рускихъ, ли хрестеянъ, или не хрестеянъ, преступить се, еже есть писано на харатьи сеи, будеть достоинъ своимъ оружьемъ умрети, и да будеть клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву. Да аще будеть добрѣ, Игорь великій князь да хранить си любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце сьяеть и весь міръ стоить, въ нынѣшнія вѣки и въ будущая.

III.

Договоръ Святослава 971 г.

(По Лаврентьевскому списку).

Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князѣ Рустѣмь, и при Свѣналъдѣ, писано при Фефелѣ Синкелѣ и к Ивану, нарицаемому Цѣмьскию, царю Гречьскому, въ Дерестрѣ, мѣсяца июля, индикта въ 14, въ лѣто 6479.

Азъ Святославъ, князь Руский, якоже кляхъся, и утвержаю на свѣщаньѣ семь роту свою: хочю имѣти миръ и свершену любовь со всякимь великимь царемъ Гречьскимъ, съ Васильемъ и Костянтиномъ, и съ богодухновеными царі, и со всѣми людьми вашими, и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка. Яко николиже помышлю на страну вашю, ни сбираю вой, ни языка иного приведу на страну вашю и елико есть подъ властью Гречьскою, ни на властъ Корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну Болгарьску; да аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся с нимъ. Якоже кляхъся ко царемъ Гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая свѣщанья; аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ (не) съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ негоже вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти, яко золото, и своимъ оружьемь да исѣчени будемъ. Се же имѣйте во истину, якоже сотворихомъ нынѣ къ вамъ (и) написахомъ на харатьи сей и своими печатьми запечатахомъ.

Глава третья.

Критика текста и объясненіе договорныхъ статей.

ОТДѢЛЪ I.

Заглавія Договоровъ.

Мирныя грамоты Олега 912 г., Игоря 945 г. и Святослава 971 г. снабжены особыми надписаніями, изъ коихъ каждое начинается словами: „Равно другаго свѣщания, бывшаго при“ и проч. Эти заглавныя формулы до второй половины прошлаго столѣтія обыкновенно объяснялись такъ: согласно условіямъ предшествовавшаго соглашенія, происходившаго при такихъ-то царяхъ. Но затѣмъ почти всѣ наши историки и историки-юристы стали придерживаться толкованія сказанныхъ заглавій, предложеннаго въ 1853 г. Н. А. *Лавровскимъ*, удѣлившимъ объясненію послѣднихъ значительную часть своего извѣстнаго изслѣдованія: „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками“.

Остановившись сначала на фразѣ: „равно другаго свѣщания“, названный ученый замѣтилъ, что съ одной стороны, неизмѣнное присутствіе этой фразы въ Договорахъ и, притомъ, всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, свидѣтельствуетъ о ея оффиціальномъ значеніи, а съ другой—ея синтаксическое построеніе, вовсе не отличающееся славянскимъ, а тѣмъ менѣе русскимъ характеромъ, рѣшительно доказываетъ буквальный, насильственный переводъ ея съ греческаго языка. Занявшись затѣмъ филологическимъ разборомъ входящихъ въ составъ заглавій словъ, Лавровскій, на основаніи цѣлаго ряда соображеній, подкрѣпленныхъ множествомъ цитатъ и примѣровъ, извлеченныхъ изъ произведеній византійской

письменности и славянскихъ ихъ переводовъ, пришелъ къ выводу, что слово „равно“ представляетъ собою не нарѣчіе, а имя существительное, „прямо и несомнѣнно“ соотвѣтствующее греческому τὸ ἴσον, которое, происходя отъ прилагательнаго ἴσος —равный, одинаковый, означаетъ, какъ терминъ юридическій, копію, списокъ, а въ болѣе обширномъ смыслѣ—автографъ, изготовляемый для какой-либо цѣли въ нѣсколькихъ экземплярахъ; слово „съвѣщание“ не можетъ и должно быть ничѣмъ инымъ, кромѣ перевода греческаго реченія συμβόλαιον, съ которымъ оно тождественно по понятію, хотя не совпадаетъ съ нимъ по этимологическому составу; далѣе, причастіе „бывшаго“ соотвѣтствуетъ греческому γινομένου— „находящейся, а не γενομένου—находившейся, а предлогъ „при“ въ выраженіяхъ: „при царьхъ“, „при цари“, „при велищѣмь князи“, составляя буквальный переводъ πρός, поставленъ вмѣсто предлога *у*. Такимъ образомъ, по объясненію Лавровскаго, общій смыслъ разсматриваемыхъ заглавій таковъ: копія *другой* грамоты, находящейся у греческихъ царей, или у русскаго великаго князя и пр.

Но съ такимъ толкованіемъ, не смотря на все богатство ученой аргументаціи, которою оно обставлено, невозможно помириться.

Прежде всего, нельзя признать безспорнымъ принятое всѣми безъ изъятія изслѣдователями, „отъ большаго и до меньшаго чину“, исходное положеніе, что договоры составлены греками, и что въ Древнюю лѣтопись занесены копіи переводовъ съ греческихъ подлинниковъ. Изъ содержанія самыхъ Договоровъ явствуетъ только, что они составлены были въ двухъ экземплярахъ „съвѣщание се написахомъ на двою хоротью“, но, чтобы они были редактированы греками и написаны первоначально по гречески,— этого ни откуда не видно, а предполагать это a priori не представляется никакихъ основаній. Намъ, напротивъ того, извѣстно изъ эпохъ, правда, болѣе позднихъ, что употребленіе того или другого языка въ трактатахъ, заключенныхъ разными русскими городами и землями съ нѣмцами и другими народами, не подчинялось никакимъ правиламъ и, по справедливому замѣчанію проф. *Андреевскаго*, было скорѣе всего дѣломъ случая [1]). Такъ, древнѣйшій изъ сохранившихся до насъ договоровъ Новгорода съ нѣмцами 1195 г. писанъ на *русскомъ* языкѣ; другой договоръ Новгорода съ нѣмцами, заключенный въ 1270 г. при кн. Ярославѣ Яро-

[1]) См. Ив. Андреевскаго: „О договорѣ Новгорода съ нѣм. городами и Готландомъ“ С.-П.Б., 1855 г., стр. 10.

славичѣ и дошедшій до насъ въ переводѣ на нижне-нѣмецкій языкъ, по мнѣнію *Сартопіуса*, былъ также изложенъ въ подлинникѣ на *русскомъ* же языкѣ [1]); договоръ или проэктъ договора Новгорода съ нѣмецкими городами, составленный, какъ полагаютъ, между 1209 и 1270 г., писанъ на *латинскомъ* языкѣ; договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229—1230 г. написанъ сперва на *латинскомъ* языкѣ и затѣмъ уже переведенъ былъ на *русскій* или *нѣмецкій* языкъ [2]); договоры новгородцевъ съ шведами 1323 и норвежцами 1326 г. признаются переводами съ *русскихъ* подлинниковъ [3]). Въ виду этихъ данныхъ нѣтъ основанія отвергать безусловно предположеніе, что Договоры первыхъ русскихъ князей съ греками суть копіи съ оффиціальныхъ подлинниковъ, написанныхъ на томъ самомъ языкѣ, на которомъ тѣ копіи и дошли до насъ: на древне-русскомъ-ли, какъ полагаютъ *Срезневскій* и *Лавровскій*, или церковно-славянскомъ (болгарскомъ)—по мнѣнію проф. *Соболевскаго* [4]). Что же касается указанія изслѣдователей, что русскіе въ X вѣкѣ, по степени своей культуры, будто-бы „не могли еще выработать своихъ собственныхъ дипломатическихъ формъ и пріемовъ, и потому, естественно, принуждены были, вообще, играть несамостоятельную, пассивную роль въ дѣлѣ внѣшней формулировки текста договоровъ, предоставивъ таковую византійскимъ дипломатамъ,“ [5])—то съ этимъ доводомъ едва-ли нужно считаться, ибо изъ самыхъ обсуждаемыхъ грамотъ видно, что договорныя отношенія между Русью и Византіею существовали съ давнихъ временъ („на удержание и извѣщение отъ многыхъ лѣтъ межю Христіаны и Русью бывшюю любовь“) и что, слѣдовательно, въ эпоху составленія нашихъ Договоровъ руссы далеко не были новичками въ дѣлѣ внѣшней формулировки трактатовъ и не вынуждены были писать, какъ школьники, подъ диктовку грековъ.

Для бо́льшаго обоснованія переводнаго характера нашихъ Договоровъ, *Эверсъ*, а за нимъ *Погодинъ*, *Лавровскій* и др., а въ недавнее время г. *Дмитріу*, [6]) ссылаются на описанный Менандромъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 9, прим. 30.

[2]) См. *П. В. Голубовскаго*: „Исторія Смоленской земли до начала XV в., стр. 125.

[3]) См. *Андреевскаго*, ук. соч., стр. 10, прим. 32.

[4]) См. Кіев. Унив. Изв. за 1885 г., № 9, отдѣлъ критики и библіографіи, стр. 308.

[5]) См. „Лекціи по внѣш. ист. рус. права“ *М. Н. Ясинскаго*“, вып. I, с. 49.

[6]) См. статью послѣдняго: „Къ вопросу о договорахъ Русскихъ съ Греками“, помѣщенную въ „Византійскомъ Временникѣ“ за 1895 г., т. II, вып. 4.

порядокъ заключенія въ 628 г. договора между Византіею и Персіею, состоявшій въ слѣдующемъ: послѣ преній обѣихъ сторонъ, каждая составляетъ свой проэктъ договора на своемъ языкѣ; затѣмъ персидскій экземпляръ переводится на греческій, а греческій на персидскій языкъ; обѣ стороны сличаютъ переводный экземпляръ съ собственнымъ проэктомъ договора, а найденныя различія согласуютъ; когда обѣ стороны нашли проэкты договора подходящими, то изготовляются двѣ грамоты: персидская и греческая, причемъ каждая сторона употребляетъ свои канцелярскія и дипломатическія формулы; наконецъ, происходитъ обмѣнъ договорами: греки получаютъ персидскій экземпляръ, а персы—греческій; кромѣ того, греческіе послы получаютъ греческій переводъ съ персидскаго, а персы—персидскій переводъ съ греческаго экземпляра.

Но приведенное свидѣтельство Менандра, въ сущности, не только не подтверждаетъ, а скорѣе опровергаетъ сдѣланную на него упомянутыми учеными ссылку, ибо, если персы въ началѣ второй четверти VII в. имѣли свои канцелярскіе и дипломатическіе обычаи и если персидскіе послы въ то время способны были формулировать свои трактаты съ Византіею на своемъ родномъ языкѣ, то по какому праву можемъ мы предполагать, что въ X в. руссы, среди коихъ было уже много христіанъ и которые, вообще, уже стояли тогда на значительно высокой ступени гражданственности, настолько были несвѣдущи по части формулировки текста Договоровъ, что вынуждены были всецѣло предоставить послѣднюю византійскимъ посламъ?

Но, допуская даже, что наши документы, дѣйствительно, являются лишь переводными копіями съ греческихъ оригиналовъ, все же, однако, не вѣрится, чтобы переводчикъ, который, по словамъ Лавровскаго, въ иныхъ мѣстахъ обнаруживаетъ превосходное знаніе своего дѣла, могъ споткнуться при переводѣ самыхъ начальныхъ словъ Договоровъ и какъ-разъ тутъ же сдѣлать грубѣйшія грамматическія ошибки, заключающіяся въ нелѣпомъ несогласованіи падежей, происходящемъ отъ невѣрнаго прочтенія и неправильнаго пониманія греческаго подлинника, какъ это, между прочимъ, сказывается въ заглавіи Олегова Договора, въ фразѣ: „при тѣхъ же царьхъ *Лва и Александра*“, или въ Игоревомъ Договорѣ—въ сочетаніи: „при цари Романѣ и Костянтинѣ и Стефанѣ, *христолюбивыхъ владыкъ*“. Кромѣ того, и по самому содержанію своему, предполагаемый Лавровскимъ греческій текстъ заглавій нашихъ договорныхъ грамотъ представляется явно несообразнымъ. Въ оффиціальныхъ международныхъ трактатахъ, какъ и

вообще въ актахъ законодательныхъ, лишнія слова никоимъ образомъ не должны имѣть мѣста, а между тѣмъ въ начальной фразѣ: „копія другой грамоты“ реченіе „другой“ положительно излишне: точно также нельзя себѣ представить, что въ греческомъ текстѣ употреблено было такое неловкое и неумѣстное выраженіе, какъ „копія грамоты, находящейся у такихъ-то греческихъ царей *и* ихъ сановниковъ: вѣдь дипломатическіе акты находятся, хранятся въ канцеляріяхъ и архивахъ, но вовсе не у самихъ царей, а тѣмъ менѣе одновременно у нихъ самихъ *и* у вельможъ ихъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, отвергая общепринятое толкованіе заглавій нашихъ Договоровъ, я позволю себѣ предложить иное ихъ объясненіе, предварительно установивъ правильное ихъ чтеніе при помощи практикуемыхъ мною пріемовъ исправленія текста.

Начну, по порядку, съ заглавія *Договора Олега 912 г.* Я полагаю, что въ основной рукописи оно начиналось словомъ: „*равнодругъ*“, построеннымъ на подобіе сложныхъ словъ: равноангелъ, равноапостолъ и т. п. и означающимъ: *списокъ*, *экземпляръ*, при чемъ конечная буква *г* написана была надъ строкою. Но переписчикъ, не понявъ смысла этого реченія и принявъ вынесенную надъ строку букву *г* за сокращенное окончаніе косвеннаго падежа, написалъ, вмѣсто одного слова „равнодругъ“, два отдѣльныхъ слова: „равно другаго“, согласовавъ послѣднее въ падежѣ съ сосѣднимъ: „съвѣщания“.

Другія погрѣшности переписчика проявились въ фразѣ: „*при тѣхъ же царьхъ*“. Здѣсь слова „тѣхъ же“, очевидно, вставныя, ибо, разъ мы признаемъ, что заглавная формула, неизмѣнно повторяющаяся во всѣхъ трехъ договорныхъ грамотахъ, имѣетъ оффиціальное значеніе, то мыслимо ли, чтобы въ подлинной грамотѣ, или оффиціальной копіи съ нея, помѣщено было въ самомъ заглавіи выраженіе; „при *тѣхъ же* царьхъ“, въ то время, какъ о царяхъ здѣсь впервые лишь заходитъ рѣчь? Такимъ образомъ, слова: „тѣхъ же“ должны быть исключены изъ приведенной фразы, въ которую они попали только по ошибкѣ, и я въ дальнѣйшемъ изложеніи укажу, что настоящее ихъ мѣсто—ниже черезъ нѣсколько строчекъ, а именно—въ началѣ вступительной статьи Договора Олега 912 г., вслѣдъ за поименованіемъ нѣкоторыхъ пословъ и гостей.

Далѣе, въ сказанной фразѣ слово: „царьхъ“, по моему, написано ошибочно, вмѣсто стоявшаго въ подлинной рукописи подтительнаго реченія „цесарьствѣ“ или „царствѣ“. Наконецъ, въ нашемъ заглавіи пропущены слова: „*христолюбивыхъ владыкъ*“, которыя, по недосмотру, переставлены были переписчикомъ въ заглавіе Договора *Игоря*, гдѣ они и являются несогласованными въ па-

дежахъ съ предшествующими имъ словами, управляемыми предлогомъ *при*: „при Романѣ и Костянтинѣ и Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ“.

Итакъ, за указанными корректурами, подлинный текстъ разбираемаго заглавія приметъ такой видъ:

„Равподругъ съвѣщания, бывшаго при царствѣ Лва и Александра, христолюбивыхъ владыкъ“,

т. е. копія или противень договора, совершеннаго въ царствованіе Льва и Александра, христолюбивыхъ государей.

Коль скоро же данное мѣсто, по исправленіи ошибокъ, происшедшихъ исключительно по винѣ писцовъ, оказывается уже совершенно свободнымъ отъ всякихъ погрѣшностей противъ словоуправленія и словосогласованія, то сама собою рушится основанная единственно на этихъ погрѣшностяхъ гипотеза о безсмысленной скопировкѣ его съ греческаго подлинника.

Но есть и болѣе прямыя доказательства того, что разбираемое заглавіе Договора Олега, подобно заглавіямъ Договоровъ Игоря и Святослава, составлено вполнѣ самостоятельно, и, что, если на немъ и отразилось вліяніе чужеземнаго языка, то развѣ только *языка еврейскаго*.

Такъ, прежде всего нужно замѣтить, что формула: „вотъ списокъ грамоты“, озаглавливающая всѣ три Договора, встрѣчается многократно въ библейской письменности, на что и указываетъ оріенталистъ Іоаннъ Буксторфъ: „Quâ formâ, пишетъ онъ, quandoque uti solent Judaei in inscriptionibus suarum Epistolarum“ [1]). Отсюда позволительно заключить, что послы отъ крещенной Руси, имѣвшей уже давно Св. Писаніе на славянскомъ языкѣ, не говоря уже о послахъ изъ евреевъ и іудео-хазаръ, могли и сами усвоить себѣ заглавную формулу договорныхъ грамотъ, заимствуя ее непосредственно изъ библейскихъ книгъ, а вовсе не вынуждены были, какъ увѣряютъ изслѣдователи, скопировать ее слѣпо съ греческаго оригинала. Въ особенности же къ такому заключенію нужно придти по ближайшемъ анализѣ отдѣльныхъ словъ означенной формулы.

1. Возьмемъ слово: **списокъ** или **противень**. Въ греческомъ текстѣ библіи оно передается постоянно посредствомъ ἀντίγραφον, напр., 1 Мак., XII, 5. Поэтому, надо полагать, что тоже слово употреб-

---

[1]) Lexicon chaldaicum, talmudicum et rabbinicum, 1639, s. v. „Diatagma“.

лено было и въ греческомъ экземплярѣ Договора Олега. Между тѣмъ ни отдѣльное слово „равно“, которое, впрочемъ, какъ имя существительное нигдѣ въ русской письменности не встрѣчается, ни предполагаемое мною сложное слово „равнодругъ“ и однородныя съ послѣднимъ выраженія: *подругъ*, *друга*, *дружка* [1]), по своему этимологическому составу, рѣшительно ничего общаго не имѣютъ съ реченіемъ „антиграфъ“, и, слѣдовательно, о переводности этихъ выраженій съ греческаго языка не можетъ быть и рѣчи. Если же желать непремѣнно доискиваться этимологическаго родства словъ „равнодругъ“ и „подругъ“ съ какимъ-либо чужеязычнымъ выраженіемъ, то съ бо́льшимъ основаніемъ можно допустить сродство ихъ съ еврейскимъ словомъ *mischne*, которое, происходя отъ числительнаго scheni,—второй, другой, и глагола schanah—повторить, значитъ, между прочимъ: копія, экземпляръ, какъ, напр., въ сочетаніи: списокъ закона (mischne ha—thora), или иначе—*другыи законъ*, второзаконіе (Пятокнижіе Моисея, кн. V, гл. 17, ст. 18) [2]). Доказательствомъ же существованія таковой связи можетъ служить еще и то, что, въ числѣ прочихъ своихъ знаменованій, mischne означаетъ также: второй за кѣмъ, или по комъ, товарищъ, помощникъ по должности, напр., въ выраженіи mischne l'melech—второй по царѣ, вице-король (Эсѳ., X, 3), каковой смыслъ реченіе: *другой* имѣетъ также и въ русскомъ языкѣ.

2. *Съвѣщание*. Слово это, какъ замѣчено выше, общепринято считать переводомъ съ греческаго συμβόλαιον. Но вѣдь прежде всего требуется еще доказать, что въ греческомъ подлинникѣ Договора стояло именно слово συμβόλαιον, а не другое однозначащее выраженіе, напр., употребленное въ греческомъ текстѣ 1-й кн. Маккавейской (XIII, 42) слово συνάλλαγμα, передаваемое въ славянскомъ переводѣ Библіи, по смыслу, чрезъ „*съвѣщаніе*“, хотя между обоими этими реченіями нѣтъ никакого этимологическаго сходства. Но за то можно сблизить „съвѣщаніе“ какъ и другія, однознаменательныя русскія выраженія: *сговоръ*, *договоръ*, *слово*, *рѣчка*, съ по-библейскимъ erussin (сговоръ), производнымъ, какъ полагаютъ, отъ arescheth—слово, рѣчь [3]).

---

[1]) Ср. договоръ 1229 г. Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ: „а *подругъ* (другой образецъ) его лежитъ въ Нѣмецкой божници“ („Русскія Достопамятности“, ч. II, стр. 269).

[2]) Таргумъ (халдейскій перифразъ Библіи) выраженіе: mischne hathora, второй законъ, переводитъ: pathschegen oraita; слово же pathschegen передается въ Таргумѣ же въ другомъ мѣстѣ „*antigraphon*“.

[3]) См. соч. И. Б. *Левинзона*: „Шорше Леванонъ“. Вильно, 1841 г., стр. 177.

3. Что касается причастія „**бывшаго**“, въ смыслѣ: совершившагося, совершеннаго, то оно безспорно представляетъ собою не грецизмъ, а явный гебраизмъ. Достаточно указать, напр., на фразу: „и было (т. е. случилось, совершилось) въ дни Артаксеркса (Эсѳ., I, 1).

4. Выраженіе же: „**при царствѣ**“ (вмѣсто: въ царство, или въ царствованіе) точно также не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ буквальнаго перевода съ греческаго, а является вполнѣ славяно-русскимъ оборотомъ рѣчи, встрѣчающимся особенно часто въ записяхъ переписчиковъ книгъ. Такъ, напр., въ послѣднемъ листѣ „Поученій Ефрема Сирина“ XIII в., сохранившихся въ спискѣ 1492, имѣется запись о времени написанія этой книги: „*при царствѣ* благовѣрнаго Владимѣра, сына Василькова; въ записи „Евангельскихъ Чтеній“, написанныхъ въ 1357, читается: „*при княженіи* великаго князя Ивана Ивановича“; въ послѣсловіи къ первой печатной славянской книгѣ, вышедшей въ 1491 г. въ Краковѣ, значится: „*при державѣ* великаго короля польскаго Казимира“; въ записи новгородскаго Апостола 1495 г.: „*при державѣ* великаго князя Ивана Васильевича и т. п.

5. Остается еще разсмотрѣть послѣднее выраженіе нашего заглавія въ возстановленномъ мною его видѣ: „*христолюбивыхъ владыкъ*“ Оно, дѣйствительно, оказывается буквальнымъ переводомъ выраженія: τῶν φιλοχριστῶν βασιλέων. Но изъ того, что русскіе послы, по настоянію, надо думать,ословъ греческихъ, воздали кесарямъ кесарево, придавъ греческимъ царямъ предикатъ, употреблявшійся обыкновенно въ заголовкахъ грамотъ этихъ царей къ русскимъ князямъ,—нисколько еще нельзя вывести заключенія, что наши Договоры во всемъ ихъ объемѣ изложены были въ подлинникахъ на греческомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что означенное выраженіе употреблено исключительно только въ разбираемомъ заглавіи, не встрѣчаясь болѣе нигдѣ въ текстахъ Договоровъ.

Переходя къ разбору остальныхъ двухъ надписаній, считаю болѣе удобнымъ разсмотрѣть сперва заглавіе **Святославова Договора**, для чего приведу его текстъ полностью:

> „Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмь князи Рустѣмь и при (воеводѣ его) Свѣнальдѣ, писано при Фефелѣ синкелѣ, и къ Ивану, нарицаемому Цѣмьскию, царю Грецьскому, въ Дерестрѣ, мѣсяца Іюля, индикта въ 14, въ лѣто 6479“.

„Заглавіе это, замѣтилъ Лавровскій, заключаетъ въ себѣ такую запутанность, такую безпорядочность и въ расположеніи словъ, и въ употребленіи предлоговъ, и, вообще, такъ непонятно

въ его настоящемъ видѣ, что ясно обличаетъ самый грубый, буквальный переводъ съ византійскаго подлинника". Вотъ почему и основываясь, притомъ, на предположеніи, что предлогъ *при* въ выраженіи: *при Святославѣ*, а равно предлогъ *къ* въ сочетаніи: „*къ Ивану*", соотвѣтствуютъ одному и тому же греческому πρός, Лавровскій истолковалъ данное мѣсто такъ: „списокъ *съ другой* договорной грамоты, находящейся у Святослава, великаго князя русскаго, и у Свѣнальда, и у Іоанна, именуемаго Цимисхіемъ, писанъ при Θеофилѣ Синкелѣ въ Дерестрѣ, мѣсяца іюля, индикта 14, въ лѣто 6479". Но натянутость этого объясненія очевидна сама собою. Въ особенности же бросается въ глаза указанная уже выше несообразность, заключающаяся въ томъ, что оригиналъ грамоты находился будто-бы въ одно и тоже время у великаго князя Святослава, а также у греческаго царя Іоанна и у его вельможи. Но дѣло въ томъ, что собственно къ тексту нашего заглавія относится только начало его: отъ слова: „*Равно*" до слова „*Свѣнальдѣ*", вся остальная же его часть: отъ слова: „*писано*" до конца, состоитъ изъ словъ и выраженій, ошибкою привнесенныхъ сюда изъ другихъ мѣстъ текста. Такъ, фраза: „*къ Ивану, нарицаемому Цѣмьскию*", не имѣющая, какъ признаетъ и Лавровскій, никакой связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ содержаніемъ грамоты, поставлена здѣсь не впопадъ, а должна быть, по-моему, передвинута внизъ чрезъ двѣ-три строки. А именно: текстъ самой грамоты Святослава, непосредственно слѣдующій за разбираемымъ заголовкомъ ея, начинается такъ: „Азъ Святославъ, князь Руский, якоже кляхъся, и утвержаю на свѣщаньѣ семь роту свою". Сюда-то и надлежитъ перенести означенную фразу, и тогда получится такое чтеніе: „Азъ Святославъ, князь Руский, якоже кляхъся *къ Ивану, нарицаемому Цѣмьскию*, и утвержаю на свѣщаньѣ семь роту свою" Такимъ образомъ, вся аргументація Лавровскаго, опирающаяся на соотвѣтствіи яко бы предлога *къ* греческому πρός, падаетъ сама собою. Далѣе, относительно фразы: „*при Фефелѣ синкелѣ*" Лавровскій замѣтилъ, что она неправильно помѣщена предъ поименованіемъ греческаго императора Іоанна, тогда какъ слѣдовало ожидать, что о вельможѣ Фефелѣ синкелѣ будетъ упомянуто послѣ названія императора, подобно тому, какъ сперва говорится о русскомъ великомъ князѣ Святославѣ, а затѣмъ уже о его воеводѣ Свѣнальдѣ. Но, въ дѣйствительности, сказанная фраза должна быть вовсе исключена изъ даннаго заголовка и перемѣщена въ заглавіе договора Игоря,—какъ это я и объясню подробнѣе вслѣдъ за симъ.

Остальныя затѣмъ выраженія: „писано... въ Дерестрѣ, мѣся-

ца Іюля и проч.“, какъ служащія къ обозначенію времени написанія грамоты, должны занять мѣсто въ самомъ концѣ ея,—къ чему я еще возвращусь въ дальнѣйшемъ изложеніи.

И такъ, подлинный текстъ нашего заглавія, по очисткѣ его отъ приплетенныхъ къ нему, по недомыслію переписчиковъ, совершенно постороннихъ для него словъ и выраженій, представится въ слѣдующей простой формѣ:

„Равнодругъ свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмь князи Рустѣмь и при (воеводѣ его) Свѣнальдѣ“.

И точка. Но въ этомъ своемъ видѣ, сказанное заглавіе, не заключая въ себѣ никакихъ погрѣшностей противъ этимологіи и синтаксиса русскаго языка, не даетъ уже ни малѣйшаго повода къ предположенію о переводномъ его характерѣ.

Обращаюсь теперь къ **заголовку Договора Игоря**. Текстъ его, на основаніи всего вышеизложеннаго, долженъ читаться слѣдующимъ образомъ:

„Равнодругъ свѣщанья, бывшаго при цари (хъ) Романѣ, и Костянтинѣ и Степанѣ, и *при Фефелѣ Синкелѣ*“.

Для оправданія же перенесенія послѣдней, подчеркнутой фразы изъ заголовка обязательной грамоты Святослава въ данное мѣсто, остановлюсь на вопросѣ: кого собственно представлялъ собою Фефель, или, по нѣкоторымъ спискамъ, Феофилъ, и какова была его роль при заключеніи договора между греками и русью? Если не ошибаюсь, этимъ вопросомъ никто изъ изслѣдователей даже и не задавался, за исключеніемъ развѣ Н. А. *Лавровскаго* и Д. И. *Прозоровскаго*. Послѣдній въ своей статьѣ: „Объ Ивановомъ написаніи“, помѣщенной въ Трудахъ 2-го Археолог. Съѣзда (вып. I), замѣтилъ (стр. 39), что въ Святославовъ договоръ имя Ѳеофила внесено потому, что онъ, Ѳеофилъ, и былъ составителемъ этого акта, какъ лицо, уполномоченное на веденіе переговоровъ. „Безъ сомнѣнія, продолжаетъ авторъ, въ подлинномъ договорѣ стояло: „писано Ѳеофелемъ синкелемъ“..., позднѣйшій же переписчикъ, по ошибкѣ или недоразумѣнію, приставилъ къ имени Ѳеофила частицу *при*, имѣющую правильный смыслъ лишь при именахъ Святослава и Свѣнальда“. Но предлагаемое нашимъ ученымъ измѣненіе текста произвольно, какъ ничѣмъ не обоснованное. Съ другой же стороны, хотя необходимо признать вполнѣ вѣрнымъ, по существу, замѣчаніе Лавровскаго, что званіе греческаго синкелла Фефеля, или Феофила, соотвѣтствовало, сравнительно, званію русскаго воеводы Свѣнальда, но такому заключенію препятствуетъ, *во 1-хъ*, то что синкеллъ (συγκέλλος, concellaneus, сокелейникъ) озна-

чаетъ, по объясненію Дюканжа, преимущественно духовный санъ при патріархахъ и епископахъ (Шлецеръ, III, стр. 593), почему названіе это не идетъ вовсе къ свѣтскому вельможѣ, военачальнику, и *во 2-хъ*, то обстоятельство, что о Фефелѣ, какъ военачальникѣ при греческомъ царѣ Іоаннѣ Цимисхіѣ, или при его непосредственныхъ предшественникахъ, вовсе не упоминается ни въ византійскихъ хроникахъ, ни въ русскихъ лѣтописяхъ. Поэтому, нельзя не предпочесть чтеніе, принятое „Россійскою Исторіею„ В. Н. *Татищева* (I, 53), имѣющею, вмѣсто „при Фефелѣ синкелѣ“ —*Θеофанъ, сигклитъ греческій*“ [1]).

Такимъ образомъ, предъ нами тотъ именно греческій патрицій Θеофанъ, который въ 941 г., въ правленіе византійскаго царя Романа Лакапина, по свидѣтельству продолжателя Амартола, повторяемому и другими византійскими писателями, а также и нашею Древнею лѣтописью, побѣдоносно отразилъ нашествіе руссовъ на Византію, сжегши русскіе корабли посредствомъ знаменитаго греческаго огня. Отсюда и обнаруживается несомнѣнно, что имя Θеофана внесено было первоначально въ заголовокъ договора Игоря, а не Святослава.

Слѣдуетъ еще объяснить приложеніе къ Θеофану прозванія „сигклитъ“. Продолжатель Георгія Амартола титулуетъ Θеофана „патриціемъ, соправителемъ царя и протовестіаріемъ“ [2]). Въ свою очередь русскіе лѣтописные сборники, пользовавшіеся славянскимъ переводомъ хроники Амартола, также титулуютъ Θеофана „патрикіемъ“ или „патеркѣемъ“ [3]). Почему же составители Договоровъ остановились именно на предикатѣ „сигклитъ“? Для объясненія этого замѣчу, что въ еврейской письменности, не смотря на то, что она изобилуетъ массою непереведенныхъ греческихъ словъ и выраженій, не встрѣчаются ни названіе патриція, ни другія два названія, примѣненныя продолжателемъ Амартола къ греческому вельможѣ Θеофану, но за то слово sinklit (множ. число sinklitin), или sinklitikos, въ смыслѣ ближайшаго совѣтника царя, укоренилось въ ней въ такой степени, что употребляется метафорически даже для обозначенія ангеловъ, въ качествѣ высшихъ совѣтниковъ Небеснаго Царя (sinklitin sehel malah“[4]). Отсю-

---

[1]) Чтеніе это принято и такъ называемою Львовскою лѣтописью. См. „Лѣтописецъ русскій“, ч. I, изд. Н. Л., С.-П.Б., 1792 г., стр. 87.

[2]) См. Хронику Георгія Амартола (Зап. 2-го Отд. Имп. Ак. Наукъ, кн. VI), стр. 841.

[3]) Соф. I. (П. С. Р. Л. т. V, стр. 98). Воскр. (П. С. Р. Л. т. VII, стр. 278), Архангелегород. лѣтоп., стр. 8.

[4]) См. Sam. *Krauss*: Griechische und lateinische Lehnwörter im Talmud, Midrasch u. Targum“, Berlin, I, p. 211, II, p. 404.

да можно, по аналогіи, заключить, что реченіе „сигклитъ“, въ смыслѣ сенатора, издавна получило право гражданства и въ древнерусской литературѣ. Тоже, кстати, нужно сказать и относительно другихъ, употребленныхъ въ разсматриваемыхъ трактатахъ греческихъ реченій, оставшихся безъ перевода, какъ-то: *грамота*, *хартія*, *литра* и др., которыя усвоены и еврейскою словесностію, не касаясь иныхъ семитическихъ языковъ, почему присутствіе этихъ терминовъ въ нашихъ Договорахъ, само по себѣ нисколько еще не указываетъ на переводность послѣднихъ и во всякомъ случаѣ не говоритъ въ пользу рабскаго перевода ихъ съ греческаго оригинала.

Въ заключеніе, еще одно замѣчаніе. Въ заголовкѣ и въ контекстѣ вступительной части Договора Игоря, имя Константина пишется: „Костянтинъ“. Спрашивается, случайная ли это ошибка, или же особая манера написанія, могущая быть подведенною подъ извѣстное правило? Для разрѣшенія этого вопроса надлежитъ опять-таки обратиться къ еврейской письменности, въ которой, по наблюденію д-ра Краусса (ук. соч., I, стр. 127), въ вокабулахъ, заимствованныхъ изъ языковъ греческаго и латинскаго, согласныя *н* и *м*, слѣдующія за звукомъ *о*, весьма часто опускаются. Такъ, напр., пишется: *kostantina* (Константинополь), *spog*, —*spongos* (губка), *kopandarja—compendiaria* (кратчайшій путь), *kopromisin--kopromissa* и проч. Такимъ образомъ оказывается, что даже при транскрибированіи греческихъ именъ составители нашихъ Договоровъ не механически копировали подлинникъ, а придерживались своеобразныхъ правилъ орѳографіи, и, притомъ, тѣхъ, которыя приняты и въ еврейской письменности.

ОТДѢЛЪ II.

Вступительныя статьи Договоровъ.

Непосредственно за разобранными мною надписаніями слѣдуетъ какъ въ Олеговомъ трактатѣ 912 г., такъ и въ Игоревомъ 945 г., однородная по своему содержанію вступительная статья, заключающая въ себѣ перечень именъ русскихъ пословъ, поименованіе лицъ, ихъ уполномочившихъ, и греческихъ императоровъ, къ коимъ они были отряжены, и означеніе цѣли ихъ посольства.

Разсмотримъ сперва вступленіе къ *Договору Олега*.

Н. А. Лавровскій, а за нимъ и другіе толкователи нашихъ

Договоровъ, причину темноты и сбивчивости этой статьи объясняютъ, по обыкновенію, ничѣмъ инымъ, какъ только грубостію перевода съ греческаго языка, вліяніе котораго отразилось и на конструкціи періодовъ и на синтаксическихъ особенностяхъ рѣчи, и на выборѣ отдѣльныхъ переводныхъ словъ и оборотовъ. Однако, попытки уяснить нашу статью посредствомъ обратнаго перевода ея на греческій языкъ нисколько не помогли дѣлу.

Такъ, остановимся на слѣдующемъ, напр., предложеніи: „Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи еже (по другимъ спискамъ: хотящихъ же) о Бозѣ удержати (и) известити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью“. Къ кому относится выраженіе: „*наша свѣтлость*“? Относить его къ великому князю невозможно потому, что во всей разсматриваемой статьѣ говорящими являются только русскіе *послы*: Карлы, Инегелдъ и т. д., а не великій князь. Притомъ же, въ Древней лѣтописи вообще, а въ Договорахъ въ частности, pluralis majestaticus при имени великаго князя никогда не встрѣчается: великій князь всегда говоритъ о себѣ и о немъ постоянно другіе говорятъ не иначе, какъ въ единственномъ числѣ. Напр.: „*Азъ*, Святославъ, князь Руский, якоже *кляхъся*“; „тако *глаголетъ* князь нашъ“; „да пишемъ къ великому князю вашему и *послетъ* къ намъ“ и т. д. [1]). Нельзя упустить изъ виду и того, что слово „свѣтлость“, по свидѣтельству самаго Лавровскаго, вовсе не употребительно въ памятникахъ древнѣйшей русской письменности, не только какъ отвлеченное понятіе титула, но и въ прямомъ, обыкновенномъ его смыслѣ, такъ, что присутствіе этого реченія въ данномъ мѣстѣ само по себѣ очень загадочно. Но еще болѣе непонятнымъ представлялось бы выраженіе „наша свѣтлость“, если бы допустить, что оно относится не къ великому князю, а къ посламъ и гостямъ, ибо кому-кому, а купцамъ уже ни въ какомъ случаѣ не пристало величать себя такимъ громкимъ, отнюдь имъ не подобающимъ, титуломъ. Въ особенности же лишены всякаго человѣческаго смысла дальнѣйшія выраженія:—„болѣ инѣхъ хотящихъ“ (или хотящи), еже о Бозѣ удержати и проч.“ Насколько извѣстно, никто изъ комментаторовъ даже и не попытался хоть кое-какъ объяснить это словосплетеніе. Одинъ лишь проф. *Д. И. Самоквасовъ* взялъ на себя неблагодарный трудъ какъ-нибудь истолковать означенныя

---

[1]) Указаніе проф. Ламбина въ ст. „О Тмутарак. Руси“ (Ж. М. Н. Пр. 1874 г., кн. I, стр. 60) на два случая отступленія отъ этого правила основано исключительно на недоразумѣніи, какъ это будетъ отмѣчено мною ниже при анализѣ подлежащихъ статей Договора.

выраженія, которыя онъ передаетъ такимъ образомъ: „мы, т. е. послы, болѣе другихъ желающіе, съ помощью Божіею, сохранить и выразить сказанную дружбу“ и пр. При этомъ нашъ ученый въ примѣчаніи объясняетъ, что посольство Олега 911 (912) г. было особенно заинтересовано въ вѣрномъ соблюденіи дружественнаго союза съ греками потому, что состояло изъ мужей, заключившихъ договоръ 907 г. и клявшихся въ неизмѣнной ему вѣрности“[1]). И такъ, по объясненію проф. Самоквасова, русскіе послы были будто-бы лично заинтересованы въ соблюденіи мирнаго договора съ греками и, притомъ, въ бо̀льшей мѣрѣ, нежели какіе-то „другіе“, надо полагать, менѣе въ томъ заинтересованные. Всякій, я думаю, согласится, что подобное толкованіе крайне неудовлетворительно. Но въ свою очередь и Лавровскій нисколько не способствовалъ лучшему пониманію какъ самаго означеннаго предложенія, такъ и связанныхъ съ нимъ другихъ мѣстъ разбираемоï статьи, тѣмъ, что перевелъ ихъ почти цѣликомъ на греческій языкъ. Ничего иного, впрочемъ, и нельзя было ожидать: вѣдь безсмыслица остается таковою, на какомъ бы языкѣ она ни была передаваема.

Неудовлетворительно также и толкованіе *А. В. Лонгинова*. Фразу: „наша свѣтлость“ онъ переводитъ: „наши князья Олегъ и прочіе, ему подручные“ (но тогда слѣдовало бы сказать: „наши свѣтлости“); подъ выраженіемъ же: „болѣ инѣхъ“ онъ усматриваетъ „*намекъ*“ на русскихъ предшественниковъ Олега, заключавшихъ мирные договоры съ греками (но въ такомъ случаѣ было бы прямо выражено: „болѣе нашихъ предковъ“).

Я же полагаю, что для уврачеванія всей нашей, искалѣченноï переписчиками, статьи необходимо подвергнуть ее цѣлому ряду хирургическихъ операцій, проще говоря, установить правильное ея чтеніе при помощи радикальныхъ исправленіï текста. Съ этою цѣлью я разберу порознь каждую фразу и каждое слово нашей статьи.

а) Званіе и достоинство лицъ, участвовавшихъ въ заключеніи Договоровъ.

1) „Мы отъ рода Рускаго“. Что собственно изображали изъ себя говорящія здѣсь лица?—объ этомъ узнаемъ изъ параллельнаго мѣста Игорева Договора: „Мы отъ рода Рускаго, сли и гостье... и обычии сли“ По поводу фразы „*мы отъ рода Рускаго*“ *Гедеоновъ*

---

[1]) „Свидѣтельства современ. источниковъ о воен. и договорныхъ отношеніяхъ славяноруссовъ къ грекамъ“. Статья Д. И. Самоквасова. (Варшав. Унив. Изв. за 1886 г., № 6, стр. 17).

(Варяги и Русь, 273—4) высказался, что грекамъ не было дѣла до рода, въ смыслѣ благородства происхожденія русскихъ пословъ и гостей, а тѣмъ менѣе до яснаго опредѣленія той народности, которой они были представителями; сказанная же фраза соотвѣтствуетъ, по мнѣнію названнаго автора, обычнымъ формуламъ договорныхъ актовъ, писанныхъ греческою канцеляріею отъ имени варварскихъ, преимущественно скиѳскихъ, народовъ, для обозначенія которыхъ служило γένος—*родъ*: „для грековъ каждый русскій посолъ, будь онъ родомъ норманнъ, славянинъ, хазаринъ—былъ ἐκ γένους τῶν Ρῶς—отъ рода русскаго“. Но въ высшей степени сомнительно, чтобы русскіе послы согласились, въ угоду византійской дипломатикѣ, обозначить свою національность неточнымъ терминомъ: отъ русскаго рода, —въ смыслѣ γένος, вмѣсто того, чтобы назвать себя опредѣленно: „мы отъ Руси“, или „мы отъ всѣхъ людий Руския земля“, какъ они и назвали себя во вступительной статьѣ Игорева Договора.

А. В. Лонгиновъ объясняетъ употребленное здѣсь слово родъ въ значеніи *народа*. Но изъ текста Олегова Договора видно, что понятіе народа выражалось терминами: „людье“, „люди“, „языкъ“.

Между тѣмъ, не рискуя ошибиться, можно допустить, что какъ въ Олеговомъ, такъ и въ Игоревомъ Договорѣ, стояло въ подлинникахъ, вмѣсто: „Мы отъ рода Рускаго“—„Мы отъ *Ряда* или Уряда Рускаго“, т. е. мы Паны-Рады, члены русскаго Верховнаго Совѣта, Боярской Думы[1]).

2) Выраженіе: „**съли и гостье**“ не требуетъ объясненія. Замѣчу только, что, по сообщенію императора Константина Багрянороднаго, греки называли русскихъ пословъ *ἀποκρισιάριοι*[2]). Реченіе же „съли“ переведено не съ этого греческаго слова, съ которымъ оно этимологически вовсе не совпадаетъ, а съ еврейскаго *шліах*, посланецъ, отъ глагола *шалах* — посылать. Да и по внутренному своему значенію „съли“ соотвѣтствуетъ именно еврейскому *шліах*, употребляемому, какъ техническій терминъ, въ смыслѣ уполномоченнаго, повѣреннаго, представителя чьей-либо юридической личности, дѣйствія котораго вполнѣ обязательны для довѣрителя или представляемаго лица, почему талмудическія пареміи, въ пе-

---

[1]) Слово „рядъ“, въ смыслѣ „Думы“, въ лѣтописяхъ не встрѣчается, но за то находимъ выраженіе: *рядьцъ*, чередующееся съ „*думецъ*“: „Посла Игорь *рядци* укрѣпить миръ“ (Ипат. подъ 944 г.); рекоша Игорови *думци* (Ип. подъ 1183 г.).

[2]) См. *И. И. Срезневскаго*: „Договоры съ греками“, Изв. Имп. Ак. Наукъ, т. III, стр. 266.

реводѣ Іоанна Буксторфа, гласятъ: „Nuncius (schliach) hominis mittentis est sicut ipsemet mittens“, или „Legatus (schliach) Regis est sicut rex ipse“ [1])

3) Что касается выраженія „**объчии сли**“, то *Срезневскій*, указавъ, что въ польскомъ языкѣ и доселѣ *obcy* (общій) значитъ *чужой*, *посторонній*, полагалъ, что именно въ этомъ смыслѣ и должно понимать означенное выраженіе,—въ смыслѣ пословъ не народныхъ, а постороннихъ (?). Къ этому толкованію присоединился и проф. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, поясняя, впрочемъ, что подъ посторонними послами разумѣются „послы другихъ лицъ, не князя Игоря“. Такое же мнѣніе высказано было и *Лавровскимъ*. „Вѣроятно, говоритъ онъ (стр. 136) подъ объчими послами разумѣются послы отъ *свѣтлыхъ князей* Олегова договора или отъ *боляръ*, какъ они переименованы въ Игоревомъ“. Но ни съ однимъ изъ этихъ объясненій невозможно согласиться, ибо къ посламъ, принимавшимъ непосредственное участіе въ совершеніи и подписаніи Договора, хотя бы они дѣйствовали только отъ имени членовъ княжеской семьи, а не самаго князя, эпитетъ: чужой, посторонній, никоимъ образомъ не подходитъ. Да едва-ли отыщется примѣръ употребленія подобнаго выраженія въ какомъ-либо другомъ дипломатическомъ актѣ, русскомъ или иноземномъ. Принимая, однако, во вниманіе, что Ип. сп., вмѣсто „сли“ имѣетъ „*посли*“, можно заключить, что въ подлинникѣ въ послѣднемъ словѣ надстрочно написанъ былъ слогъ „*ус*“, такъ, что читалось: объчии *послуси*,—каковое выраженіе, подъ формою „чужіе“ или „сторонніе люди“, т. е. свидѣтели или понятые, встрѣчается въ Русской Правдѣ, Псковской Судной Грамотѣ, Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа XVI в. и въ Уложеніи Ц. Ал. М. [2]).

Такимъ образомъ, между лицами, подписавшими Договоры были: 1) *послы*—повѣренные, уполномоченные, 2) *гости*—высшій классъ купцовъ и 3) *сторонніе послухи*. Въ числѣ пословъ, судя по ихъ именамъ были и духовныя особы. Гости же и послухи были „умные мужи“, „добрые люди“, избранные гражданами Кіева и дру-

---

[1]) Lexicon chaldaicum, talmudicum et rabbinicum, a. 1639, s. v. *Schliach*.

[2]) См. въ Христ. по исторіи рус. права проф. Вл.-Буданова вып. I: Рус. Правду (Карам. сп.), ст. 88: „а слѣдъ гонить съ *чюжими людьми* и съ послухы“; Пск. Суд. Грамоту—ст. 51, 55 и 87; вып. III., Устав. Книгу Разбойн. Приказа“—ст. 25: „А гдѣ учинится разбой, и которые *сторонніе люди* слышючи крикъ и пр.“; Улож. ц. Ал. Мих., гл X, ст. 208: „А будетъ кто... загонитъ къ себѣ изъ своего хлѣва, или съ некошенныхъ луговъ чьи лошади... и ему про то явя *стороннимъ людямъ*“ и т. д.

гихъ русскихъ городовъ, что́ въ оригиналѣ и выражено словами: [тѣхъ же, чит.: *тъ же*], [таже] [(первое) отъ города Киева и (паки) исъ Чернигова и съ Переяславля и прочии гради"], или, какъ исправле́но въ Договорѣ Игоря 945 г.: „изъ прочихъ градовъ", каковыя слова оригинала переписчиками дошедшихъ къ намъ списковъ лѣтописныхъ сборниковъ были, по ошибкѣ, разъединены и разбросаны по разнымъ мѣстамъ договорныхъ грамотъ. Предположеніе это можетъ быть подтверждено сличеніемъ съ параллельнымъ мѣстомъ договора смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Ганзою по списку XIII в. (послѣ 1274 г.): „А си грамота написана бы(с)... при Рижьскихъ моужихъ и при многыхъ коупцихъ цр(с)тва... А се же соуть *послоуси* томоу: Регембодъ, Тетартъ, Адамъ, *горожане на Готьскомъ березе*; Мѣмберь, Вередрикъ, Доумомь, *ти соуть* (или: ти были) *из Любка*" и пр. [1]) Подобно тому и въ нашихъ трактатахъ значилось первоначально, что такіе-то („*тъже*) гости и послухи были изъ Кіева, а такіе-то („таже", тѣже) изъ Чернигова и т. д. [2]).

б) Имена пословъ, гостей и послуховъ.

Основатели и послѣдователи скандинавской или норманской теоріи происхожденія русской народности и русской государственности считали и считаютъ понынѣ сказанныя имена, въ ихъ подавляющемъ большинствѣ, безусловно скандинавскими и въ этомъ обстоятельствѣ усматриваютъ самую надежную опору ученія норманизма. Къ числу русскихъ археологовъ, наиболѣе категорично высказавшихся по сему вопросу, принадлежитъ Д. И. *Бѣляевъ*. „Въ именахъ Олеговыхъ пословъ", пишетъ онъ, „мы, во первыхъ, видимъ, что лѣтописецъ нашъ передавалъ доходившіе до насъ памятники съ *замѣчательною точностію*. Во вторыхъ, эти имена свидѣтельствуютъ, что какъ Олегъ, такъ и большая часть окружавшихъ его мужей *были скандинавы*. Изъ четыренадцати посольскихъ именъ только два—Карнъ и Стемидъ или Стемиръ звучатъ по-славянски, или корнями своими примыкаютъ къ славянскому языку... Всѣ же прочія имена Олеговыхъ пословъ—*чисто скандинавскія*, такъ, что почти каждое изъ нихъ мы найдемъ въ исландскихъ сагахъ, иныя рѣшительно безъ измѣненія сохраненныя лѣ-

---

[1]) См. П. В. Голубовскаго: „Исторія Смоленской земли до начала XV в.", К. 1895 г., стр. 169, столб. 2.

[2]) Въ предложеніи, начинающемся: „*первое* изъ Кіева и *паки* изъ Чернигова" слова: „*первое*" и „*паки*" вставлены изъ другихъ мѣстъ, какъ это мною будетъ объяснено ниже.

тописцемъ *съ удивительною точностію*, а другія съ небольшими измѣненіями". (Изв. Ак. Наукъ, I, 319).

Д. И. Иловайскій же убѣдительно доказалъ всю несостоятельность ономастическаго довода, на который, какъ онъ выразился, норманская система опирается, какъ на каменные столбы, и съ своей стороны предложилъ объясненія нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ Договорахъ личныхъ именъ изъ славянскаго языка.

Да позволено будетъ и мнѣ представить свои посильныя соображенія и догадки по сему предмету.

Анализъ собственныхъ именъ, фигурирующихъ въ договорныхъ грамотахъ Олега и Игоря, убѣждаетъ, что, вопреки рѣшительному увѣренію Бѣляева и другихъ ученыхъ, только нѣкоторыя, сравнительно немногія, имена сохранены лѣтописцемъ, или, вѣрнѣе, переписчиками лѣтописныхъ сводовъ, безъ всякаго измѣненія, или съ незначительными измѣненіями; всѣ остальныя же имена дошли къ намъ въ крайне искаженномъ видѣ.

Изъ именъ первой категоріи возьмемъ въ первую очередь упоминаемое въ Договорѣ Игоря имя посла, начинающееся на букву А: 1) **Аминодовъ**. Норманисты не отыскали двойника этого личнаго имени ни у скандинавовъ, ни у франковъ; точно также и антинорманисты не указали наличности такого имени у славянскихъ народовъ. И это вполнѣ естественно: Аминодовъ—имя *еврейское*, встрѣчающееся многократно въ Библіи и до настоящаго времени употребительное среди т. н. горскихъ евреевъ на Кавказѣ [1]). Если засимъ принять во вниманіе, что евреи, издревле поселенные въ части Дагестана, поддерживали живыя сношенія съ хазарами и, вслѣдствіе принятія хазарскими хаганами іудейскаго исповѣданія, получили возможность проживать всюду въ Хазаріи, то легко предположить, что имя Аминодовъ, какъ оно произносится литовскими евреями, или Аминадавъ (по греческой и славянской транскрипціи), принадлежало послу или гостю—еврею, предки котораго переселились съ Кавказа въ Кіевъ, либо въ другой русскій городъ во время владычества хазаръ въ Приднѣпровьи.

За вѣроятность моей догадки говоритъ то, что средневѣковая исторія представляетъ намъ не одинъ примѣръ участія евреевъ въ междугосударственныхъ дипломатическихъ миссіяхъ. Такъ, общеизвѣстно, говоритъ еврейскій историкъ Гретцъ, посольство, снаряженное въ 797 г. Карломъ Великимъ къ могущественному халифу Гарунъ-аль-Рашиду, въ составѣ какового посольства входилъ

---

[1]) См. Всев. *Миллера*: „Матеріалы для изученія еврейско-татскаго языка". СПБ. 1892 г., стр. XII, примѣч.

еврей по имени *Исаакъ*, который игралъ сначала только роль переводчика при дворянахъ Ландфридѣ и Сигизмундѣ, но былъ посвященъ въ дипломатическія тайны Карла, и потому, когда оба посла умерли въ дорогѣ, у него остались на рукахъ и отвѣтное письмо, и богатые подарки халифа, и императоръ принялъ его въ Ахенѣ въ торжественной аудіенціи (Gesch. der Iuden, 1909, V, p. 206.) О другомъ евреѣ, *Ибнъ-Шалбибъ* или *Амрамъ бенъ-Исаакъ*, арабскіе хронографы сообщаютъ, что онъ въ 1086 г. посланъ былъ, въ качествѣ уполномоченнаго со стороны Альфонса VI Кастильскаго, ко двору абадида Алмутамеда (Op. cit., 2-е изд., VI, p. 82). Въ свитѣ епископа Рецемунда, посланнаго въ 955 г. испанскимъ халифомъ Абдуррахманомъ III съ дипломатическимъ порученіемъ къ императору Оттону I, находился, какъ полагаютъ изслѣдователи, упомянутый уже мною въ одномъ изъ прежнихъ моихъ работъ испанскій еврей *Ибрагимъ-Ибнъ Якубъ*, составившій около 965 г. описаніе своихъ путешествій по разнымъ странамъ, которое содержитъ также извѣстія о славянахъ и руси и „скорѣе производитъ впечатлѣніе политическаго донесенія, чѣмъ бѣглаго путеваго очерка“[1]). Въ виду такихъ данныхъ, весьма возможно, повторяю, что и въ составѣ пословъ, и особенно гостей, отправленныхъ русскими князями для заключенія мирныхъ договоровъ съ греками, находились и евреи, такъ какъ, по словамъ *Срезневскаго*, цитируемымъ *И. М. Красноперовымъ*, евреи, проникшіе первоначально въ Кіевъ еще задолго до образованія русскаго государства, были первыми на Руси, какъ и въ западной Европѣ, представителями торгово-промышленной дѣятельности. „Тамъ, гдѣ русскіе не знали торгово-промышленныхъ путей, или почему-либо не отважились пускаться въ далекій путь безъ опытныхъ, знающихъ людей, евреи вездѣ почти являлись проводниками каравановъ на морѣ и на сушѣ, и они тѣмъ болѣе могли облегчить намъ торговыя сношенія съ востокомъ, что это были единственные тогда люди, которые могли объясняться на всевозможныхъ языкахъ: персидскомъ, арабскомъ, *греческомъ*, испанскомъ“ [2]).

2) Истиръ съ варіантомъ **Стиръ**. Это имя принимаютъ за принадлежащее послу. Но вѣроятнѣе, что оно имя женское, еврейское—*Эстеръ* (Эсѳирь), которое съ выговоромъ „*Истиръ*“ или „*Истиръ*“ употребительно до сихъ поръ въ еврейскомъ населеніи Кавказа,

---

[1]) См. „Изв. Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ“, ч. I., СПБ., 1878 г., стр. 12—15, 74.

[2]) См. изслѣдованіе И. М Красноперова: „Очеркъ промышл. и торговли Смолен. княжества“ въ „Историч. Обозрѣніи“ за 1894 г., стр. 75.

и принадлежало, надо думать, женѣ или дочери одного изъ родственниковъ князя Игоря. Да и въ древне-русской письменности имя „Эстеръ“ встрѣчается подъ формою „Истирь“,—напр., въ приведенномъ мною выше (стр. 22) заглавіи „Лѣтописца Эллинскаго и Римскаго“.

3) **Гуды.** По словамъ *Д. И. Иловайскаго*, это имя своимъ окончаніемъ на **ы**, безъ сомнѣнія, соотвѣтствуетъ духу древне-рvсскаго, или, вообще, славянскаго языка гораздо болѣе, чѣмъ скандинавскаго. Но я позволяю себѣ думать, что оно опять-таки еврейское: Iehudah, которое въ позднѣйшихъ литовскихъ юридическихъ актахъ пишется: „*Игуда*“[1]). И если изъ имени Истиръ, по опущеніи начальной буквы **и**, получилось „Стиръ“, то такимъ же образомъ изъ „Игуда“ сдѣлалось Гуды“, причемъ **ы**, замѣняетъ окончаніе на **а**.

4) Не останавливаясь затѣмъ на такихъ, уцѣлѣвшихъ отъ поврежденія, именахъ, какъ **Акунъ** (Якунъ), **Ятвягъ**, **Муторъ** (въ Новгородѣ былъ посадникъ Муторица), **Улѣбъ** (Глѣбъ), **Алданъ** (въ лѣтописи упоминается половецкій князь *Алтунопа*), **Утинъ**, **Куци** (=*Кочій*, имя половецкаго хана), въ которыхъ самому завзятому норманисту не удастся услышать ни одного скандинавскаго звука, возьмемъ еще имена:

5) **Лидулфостъ** и **Стемиръ**. Послѣднее имя даже Бѣляевъ, какъ замѣчено выше, готовъ былъ считать славянскимъ, какъ сокращенное Станимиръ, но за то онъ не пожелалъ отказаться совершенно отъ признанія скандинавизма имени Лидулфоста, предположивъ, что, быть можетъ, оно скрываетъ въ себѣ два имени: *Лидулъ* или *Лидалъ* и *Фостъ*, двойниковъ которымъ можно найти въ исландскихъ сагахъ (Изв. Ак. Наукъ, I, 320). Между тѣмъ, если отдѣлить окончаніе *ост* и присоединить его къ слѣдующему имени *Стемиръ*, какъ это и сдѣлано въ „Рос. лѣтописи по списку софѣйскому Вел. Новаграда“, то получится Остстемиръ, въ которомъ уже легко распознать имя *Остромиръ*. *Лидулфъ* же, дѣйствительно, имя инородческое, нѣмецкое. И замѣчательно, что подобное же имя носилъ въ 1210 г. богатый купецъ, нѣмецъ Ludolf, проживавшій въ Смоленскѣ и пользовавшійся такимъ довѣріемъ, что полоцкій князь Владиміръ отправилъ его въ Ригу для заключенія договора съ рижскимъ епископомъ (*Голубовскій*: ук. соч., стр. 133—4). Фактъ же избранія въ уполномоченные лицъ не-русской національности только подтверждаетъ высказанное мною предпо-

---

[1]) См. *С. А. Бершадскаго*: „Документы и регесты по исторіи литов. евреевъ“. СПБ., 1882 г., стр. 314—317.

ложеніе, что имена Аминодовъ и Гуды могли принадлежать посламъ или гостямъ—іудеямъ.

6) Къ числу именъ, сохраненныхъ въ цѣлости или съ незначительными измѣненіями относится также читаемое въ Олеговомъ договорѣ имя **Веремудъ**, или по нѣкоторымъ спискамъ, *Вельмудръ*. Имя это—русское, но не существительное, а прилагательное, встрѣчающееся подъ формою „велеумный“ въ примѣненіи, напр., къ князю Владиміру [1]), а подъ формою „мудрый“ употребительное въ примѣненіи къ боярамъ и посламъ: „мужи мудри“, такъ, что въ данномъ случаѣ это имя прилагательное относится къ стоящему предъ нимъ имени „Фарлоѳъ“.

Перехожу къ именамъ, *искаженнымъ* переписчиками. Замѣчается порча троякаго рода: нѣкоторыя имена являются сокращенными вслѣдствіе опущенія въ срединѣ или концѣ словъ буквъ, первоначально написанныхъ надъ строкою,—подобно тому, какъ, напр., *Норци* является сокращеніемъ имени Новогородци, *Нифовъ*—Никифоровъ (Лавр. подъ 945 г.) и пр.; другія имена переворочены вслѣдствіе перестановки буквенныхъ знаковъ, подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчается, напр., *Оленъ*, вм. Леонъ, *Колецъ*, вм. Коцель, *Голбаре*, вм. Болгаре, *Гоборисъ*, вм. Богорисъ и мн. др.; въ иныхъ же именахъ, вмѣсто одной какой-либо ожидаемой буквы, поставлена ошибочно другая.

Такъ, 1) возьмемъ только-что упомянутое имя **Фарлоѳъ**. *Бѣляевъ*, при всемъ желаніи, не нашелъ подобнаго имени въ исландскихъ сагахъ, но, по догадкѣ редакціи „Изв. Имп. Ак. Наукъ“ (т. I, стр. 320, прим.), „звуки Фарлоѳа напоминаютъ Farulfr - Farulfs - Farulfi - Farulf“. Но будетъ, мнѣ кажется, ближе къ истинѣ принять, что разсматриваемое имя искажено изъ встрѣчающагося, между прочимъ, и у евреевъ подъ формою Бар-Талми, имени *Варѳоломея* или *Велъфромея* (такъ назывался одинъ изъ новогородскихъ посадниковъ). 2) **Вуефастъ**. Ни *Бѣляевъ*, ни *Погодинъ* не отыскали подобозвучнаго имени у скандинавовъ: оно греческое—*Евстафъ*, *Евстафій*, *Остафья* (имя новогор. посадника). 3) **Сфандръ**. Это сокращеніе имени *Искандра*, *Александра* [2]). 4) **Слуды**—*Судило* (имя новгор. посадника). 5) **Егріи Евлисковъ** – *Ег(о)рій Елис(ей)ковъ*. 6) **Прастѣнъ** и **Фрастѣнъ**, по сходству буквъ *и* и *н*—*Протасей*, *Протасъ*. 7) **Гримъ**—*Г(е)р(ас)имъ* (имя новог. посадника). 8) **Туръдовъ** и **Тудковъ**—*Ту(до)рвъ* и *Туд(ор)ковъ*. 9) **Воиковъ** – *Во(дов)иковъ* (имя новг. посадника).

---

[1]) См. Степен. Книги, ч. I, изд. 1908 г., стр. 124: „Велеумный Владиміръ рече“ и пр.

[2]) У евреевъ понынѣ употребительно сокращеніе: *Сендеръ* или *Сандеръ*.

10) **Шибридъ**—*Свирид*ъ. 11) **Сфирка**—*Свир(ид)ко*. 12) **Алвадъ**—*Давлад*ъ или *Девлет*ъ[1]). 13) **Адулбъ** и **Адулобъ**. Судя по тому, что нѣкоторыя имена половецкихъ князей, упоминаемыхъ въ лѣтописи, оканчиваются на *оба*, *апа*, *опа* и *епа*, соотвѣтствующія русскимъ окончаніямъ на *овъ*, *евъ* и *вичъ* [2]), можно считать и сказанное имя половецкимъ: *Абдулоба*. 14) **Тиленъ**, **Апубьксарь**. Присоединивъ *апу* къ имени „Тиленъ“, получимъ: *Тиленапу*,—имя, повидимому, опять-таки, половецкое; имя же *Бьксарь* окончаніемъ своимъ напоминаетъ также имя половецкаго князя *Сурьбаря*. 15) **Свѣнь**—*Смень*, Смене. 16) **Синко**—*Си(мео)нко*. 17) **Боричь**—*Борисъ*.

Такимъ образомъ оказывается, что посольскія имена въ большинствѣ своемъ—чисто русскія, отчасти же половецкія, литовскія и еврейскія, и что попадается также имя, несомнѣнно нѣмецкое, но не видно между ними ни одного мужскаго имени скандинавскаго. Если бы, однако, среди немногихъ именъ, не поддающихся *пока* никакому объясненію, вслѣдствіе крайней ихъ испорченности, и обнаружилось даже нѣсколько именъ, дѣйствительно, скандинавскихъ, то отсюда все-таки нельзя было бы еще извлечь довода въ сторону ученія норманистовъ, а это означало бы только, что въ составѣ населенія русскихъ городовъ находились въ X столѣтіи и скандинавы, изъ коихъ нѣкоторые, подобно нѣмцу Лудольфу въ Смоленскѣ, пользовались довѣріемъ князей и гражданъ и потому избраны были послами.

в) Отъ кого и къ кому отправлено было русское посольство?

На этотъ вопросъ находимъ отвѣтъ въ слѣдующемъ, исправленномъ мною, мѣстѣ Договора Олега 912 г.:

„иже послани отъ Олга, великаго, [о Бозѣ], князя Рускаго и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ бояръ (въ Ип. лѣтоп. правильнѣе: и свѣтлыхъ бояръ, безъ прибавки эпитета: „великихъ“) [и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его... Руси], [еже] [инѣхъ (чит.: и҃нѣ)] [сущихъ] и [потомъ] [быти] [хотящи] (чит: хотящихъ), къ вамъ, Львови и Александру и Костянтину, великымъ, о Бозѣ, самодержцемъ, царемъ Греческимъ.

Изложенное въ такомъ видѣ чтеніе установлено мною путемъ перестановки словъ и фразъ, имѣющихся въ самой разсматриваемой вступительной статьѣ, и посредствомъ исправленія слова

---

[1]) См. П. С. Р. Л. т. XVII, Супрасльскій сп., стр. 67, гдѣ въ имени *Давладъ* конечная буква *д* написана надъ строкою.

[2]) Напр.: *Урусоба*, *Аръсланапа*, *Китанопа*, *Ченегрепа*. См. Лавр. лѣт. изд. 1872 г., стр. 268 и 269.

„инѣхъ“ въ *нънѣ*, и добавленія словъ „*быти*“ и „*сущихъ*“, вынутыхъ изъ стоящаго ниже въ слѣдующей (2-й) Договорной статьѣ несвязнаго и невразумительнаго сочетанія: „елико наше изволеніе *быти* отъ *сущихъ* подъ рукою нашихъ (князь) свѣтлыхъ“, а также реченія „*потомъ*“, взятаго изъ читаемой впереди, въ Договорѣ Олега 907 г., фразы: „И заповѣда Олегъ дати... по 12 гривенъ на ключь и *потомъ* даяти уклады“.

Смыслъ же сказаннаго мѣста, по воспроизведенному мною означеннымъ способомъ чтенію его, таковъ:

> мы..., посланные отъ Олега, великаго, Божьею милостью, князя русскаго, и отъ всѣхъ, состоящихъ подъ его властію свѣтлыхъ бояръ, и отъ всѣхъ, находящихся подъ его властью руссовъ, какъ нынѣ сущихъ, такъ и тѣхъ, которые будутъ впослѣдствіи („*хотящихъ быти*“), къ вамъ, Льву, Александру и Константину, великимъ, Божьею милостью, самодержцамъ, царямъ греческимъ.

Разсмотримъ данный отрывокъ болѣе подробно.

Поименованіе русскими послами своихъ довѣрителей, поручившихъ имъ заключеніе мирнаго договора съ греками, соотвѣтствуетъ, по формѣ, такому же поименованію своихъ довѣрителей со стороны пословъ, уполномоченныхъ, какъ сообщаетъ 1-я книга Маккавейская, первосвященникомъ Іонаѳаномъ на установленіе и возобновленіе дружбы съ римлянами. Послы эти, прибывши въ Римъ, вошли въ Совѣтъ и сказали: „Іонаѳанъ первосвященникъ и народъ іудейскій прислали насъ, чтобы возобновить дружбу съ вами и союзъ по прежнему“. Тѣже послы, которые у Флавія Іосифа именуются „*членами Совѣта*“ (ср. въ нашихъ Договорахъ, по моему чтенію: „мы отъ *Ряда* рускаго“), передали спартанцамъ отъ Іонаѳана письмо, начинающееся, по изложенію Флавія, такъ: „Первосвященникъ іудейскаго народа Іонаѳанъ, народные старѣйшины и народъ іудейскій посылаютъ привѣтъ своей эфорамъ лакедемонскимъ, герусіи и братскому племени“. (Іуд. Древности, XIII, 5, 8; 1 Маккав., XII, 3, 6).

Эта параллель подкрѣпляетъ высказанную мною выше мысль, что русскіе послы, въ числѣ коихъ были, по моему предположенію, и нѣсколько іудеевъ и христіанъ, для внѣшней формулировки мирныхъ трактатовъ пользовались готовыми библейскими образами, оборотами и выраженіями. Въ настоящемъ случаѣ „первосвященника“ замѣнилъ *великій князь*, на мѣсто „народныхъ старѣйшинъ“ поставлены *свѣтлые бояре*, а мѣсто „остальнаго народа іудейскаго“ заняли *Русь*, *людие Русъкыя земля*, *вси людие Рустии*. Въ частности, титулъ „*великій*“ не заимствованъ изъ византійскаго

дипломатическаго языка, такъ какъ византійскіе императоры въ своихъ оффиціальныхъ грамотахъ къ русскимъ князямъ называли послѣднихъ просто князями (архонами), а составляетъ, по замѣчанію *И. И. Срезневскаго* (l. c., p. 264), эпитетъ домашняго происхожденія, придававшійся старшему князю для отличія его отъ князей, ему подчиненныхъ. Но не лишено вѣроятія, что сказанный титулъ въ приложеніи къ русскому старшему князю, а равно къ сербскому бану или кралю, заимствованъ изъ библейскихъ книгъ, гдѣ слово царь или князь встрѣчается нерѣдко въ сопровожденіи прилагательнаго „великій“. Такъ, напр.: „цари великіе“ (Пс. 136. 17; Іерем. 25. 14; 27. 7); „царь великій“ (Ис. 36. 13; Эккл. 9. 14; Тов. 13. 15, здѣсь, впрочемъ, въ примѣненіи къ Богу); Мѳ. 5. 35; „князь великій“ (Дан., 12. 1—въ примѣненіи къ Архангелу Михаилу); „вождь великій“—magnus dux (1 Мак., 13. 42)[1].)

— Выраженія „*о Бозѣ*“, встрѣчающагося дважды въ данномъ отрывкѣ: разъ, въ связи съ реченіями: „великымъ самодерьжцемъ, царемъ греческимь“, а другой разъ (по моему чтенію)—со словами: „великаго князя“, и указывающаго на божеское происхожденіе царской и великокняжеской власти,—нельзя считать несомнѣннымъ переводомъ съ греческаго ἐν Θεῷ, ибо оно употребляется уже въ Библіи: „Онъ избралъ Соломона, сына моего, сидѣть на престолъ *царства Господня* надъ Израилемъ“, (I Паралип., 28. 5). „И сѣлъ Соломонъ на престолѣ *Господа*, какъ царь, вмѣсто Давида“ (т. ж., 29. 23).

— Оборотъ: „*иже суть подъ рукою его*“ также не является буквальнымъ переводомъ съ греческаго языка. Какъ замѣтилъ *Срезневскій*, рука признавалась и признается символомъ власти у многихъ народовъ. Отъ себя же укажу, что въ смыслѣ власти, владѣнія, господства, слово „*рука*“ употребляется въ библейской и особенно въ по-библейской письменности. Напр.: „такъ смирились моавитяне *подъ рукою* Израиля“ (Суд., 3. 30). „Во дни его (Іорама) выступилъ Едомъ *изъ-подъ руки* Іуды“ (IV Ц., 8. 20). „Все, что *подъ рукою* (во владѣніи) человѣка, признается, по юридической презумпціи, его собственностію“. (Кодексъ Маймонида, раздѣлъ: „объ истцѣ и отвѣтчикѣ“, гл. I).

— Слово „*боляре*“, которое одни, по варіанту „бояре“, толкуютъ въ смыслѣ воеводъ, дружинниковъ, производя его отъ корня

---

[1]) Sub Simone, summo sacerdote, *magno duce* et principe Judaeorum. Такъ переводитъ Вульгата. Греческій же текстъ соединяетъ эпитетъ „великій“ съ предшествующимъ словомъ „первосвященникъ“: ἐπὶ Σίμωνος ἀρχιερέως μεγάλου καὶ στρατηγοῦ καὶ ἡγουμένου Ἰουδάιων.

бой, а другіе объясняютъ въ значеніи магнатовъ, грандовъ, производя его отъ *болій*, *большой*, соотвѣтствуетъ библейскому gdolim (един. число—gadol)—большіе, великіе, т. е. вельможи, напр., Іон., 3. 7: „и повелѣлъ отъ имени царя и вельможъ (буквально: „большихъ“) его“. Что же касается титула „*свѣтлыхъ*“, который придавался къ имени боляръ, то, по мнѣнію *Н. А. Лавровскаго* (ук. соч., 108—111), „въ немъ мы замѣчаемъ всѣ признаки перевода съ византійскаго подлинника, что̀ несомнѣнно подтверждается какъ рѣшительнымъ отсутствіемъ его во всѣхъ памятникахъ не только древнѣйшей, но и позднѣйшей нашей письменности, такъ и употребленіемъ его въ византійской имперіи“,—между прочимъ, въ сходной съ нимъ формѣ ἰλλύστριος (illustris). Между тѣмъ, титулъ, выражающій понятіе ясности, свѣтлости, встрѣчается у многихъ народовъ и усвоенъ былъ, въ частности, сербскимъ царямъ, польскимъ королямъ и литовскимъ князямъ. Этотъ же титулъ римскіе императоры и прокураторы Палестины присваивали даже еврейскимъ „князямъ“—предсѣдателямъ синедріона, (n'ssiim, единствен. число—nassi), называя ихъ „Patriarchae illustres“.[1]) Да и сами евреи своихъ экзиларховъ и знаменитыхъ ученыхъ величали и величаютъ и нынѣ „свѣтилами изгнанниковъ“ (m'ore ha-gole). Въ виду всего изложеннаго не представляется ни малѣйшаго основанія видѣть въ титулѣ „*свѣтлые бояре*“ одинъ изъ „яркихъ слѣдовъ“ переводности Договоровъ.

Точно также нельзя усмотрѣть признака переводности съ греческаго языка и въ дальнѣйшемъ, по исправленному мною чтенію, сочетаніи: „*еже нынѣ сущихъ и потомъ быти хотящихъ*“, ибо формула, выражающая условіе о неуклонномъ соблюденіи договора или обязательства не только самою договорившеюся или обязавшеюся стороною, но и ея наслѣдниками и правопреемниками, встрѣчается еще въ библейскихъ книгахъ и повторяется стереотипно въ дипломатическихъ и юридическихъ актахъ всѣхъ народовъ. Такъ, напр., въ Бытіи, 17. 7, читаемъ: „И Я поставлю завѣтъ Мой между Мною и тобою и *потомками твоими послѣ тебя въ роды ихъ завѣтомъ вѣчнымъ*“. Въ кн. Эсѳири, 9. 27: „Постановили Іудеи и приняли на себя *и на потомковъ своихъ и на всѣхъ, присоединяющихся къ нимъ, неотмѣнно*“... Въ договорѣ смолен. князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмец. городами 1229 г.: „Познайте и память держите, *нынѣшніи, и по семь времени будущіи*“ [2]). Въ мирной грамотѣ литов. князя Гердена 1264 г.:

---

[1]) См. *Hamburger*: Real-Encyclopaedie f. Bibel u. Talmud, II, S. 839.
[2])„ Рус. Достопамятности“, ч. II, стр. 246.

„Князь Гердень кланяеться всемь темь, кто видить сую грамоту, *тие люди, што ныне живи суть, а тель, кто напосле прийдуть*, тѣмь вѣдомо буди, какъ миръ есмы сотворили“.[1]) Таже формула неизмѣнно содержится во вступительныхъ статьяхъ болѣе позднихъ уставныхъ земскихъ грамотъ литовско-русскаго государства[2]), и въ заключительныхъ предложеніяхъ еврейскихъ религіозно-гражданскихъ и чисто-юридическихъ актовъ, образцы которыхъ восходятъ къ глубочайшей древности.

г) **Цѣль посольства**. По заявленію пословъ, имъ поручено ихъ довѣрителями возобновить, утвердить и укрѣпить, по началамъ *Божьей вѣры* и обычаямъ русскаго народа, союзъ и дружбу, издавна существовавшіе между русью и греками:

> „на удержание (въ лѣтоп. Воскр., Твер. и Соф. I-й: утвьржение) и на извѣщение отъ многихъ лѣтъ межи хрестьяни и Русью бывшюю любовь, по повелѣнию, [иже отъ Бога суще..., и по закону языка нашего]“.

Лавровскій, указавъ (l c., p. 62—64) на допущенную въ начальномъ предложеніи явную синтаксическую погрѣшность, заключающуюся въ томъ, что слово *любовь*, зависимое отъ существительныхъ „удержание и извѣщение“, поставлено въ винительномъ падежѣ, вмѣсто родительнаго, „съ увѣренностію“ полагалъ, что означенное выраженіе представляетъ неправильный переводъ общеупотребительнаго греческаго оборота ἐις τό съ неокончательнымъ наклоненіемъ, вмѣсто существительнаго. Но, руководствуясь соображеніями, приведенными самимъ Лавровскимъ, можно съ бо́льшимъ еще основаніемъ признать, что упомянутое выраженіе— переводъ съ еврейскаго языка. Въ этомъ языкѣ во многихъ случаяхъ неопредѣленное наклоненіе глаголовъ легкаго вида (kal), выражая отвлеченное и безотносительное дѣйствіе, принадлежитъ вмѣстѣ и къ глаголамъ, и къ именамъ, преимущественно къ послѣднимъ, почему и называется *именною формою глаголовъ*, напр., форма schamor иногда значитъ *хранить*, а иногда *храненіе*. При помощи же приставки буквы *ламедъ* (l), составляющей сокращеніе предлога *el* (*къ*), сказанная форма глаголовъ образуетъ *достигательное наклоненіе* (supinum), которое обозначаетъ дѣйствіе, слу-

---

[1]) „Русско-ливонскіе акты“, собран. Напьерскимъ. 1868 г., стр. 13.
[2]) „Устав. зем. грамоты лит.-рус. государства“, изсл. *М. Ясинскаго*, стр. 101—3.

жащее цѣлью какого-либо предмета или какого-либо веществennаго или душевнаго стремленія [1]). Поэтому само собою напрашивается догадка, что составитель Олегова Договора со стороны руссовъ мысленно, такъ сказать, переводилъ встрѣчающееся постоянно въ еврейскихъ юридическихъ актахъ выраженіе: „утвердить и укрѣпить“ (l'ascher we—l'kajem), но, соотвѣтственно духу русскаго языка, передалъ приставку l' (къ) предлогомъ *на*, а неопредѣленныя наклоненія глаголовъ неправильно измѣнилъ въ существительныя имена, удержавъ, однако, дополненіе *любовь*, по согласованію съ глаголами, въ винительномъ падежѣ. Но, пересмотрѣвъ черновикъ, составитель Договора, надо полагать, замѣтилъ нескладность рѣчи и сдѣлалъ на поляхъ или между строкъ поправку: „удержати (чит.: утвердити, какъ это слово и написано при повтореніи его нѣсколькими строками ниже) и известити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многажды“, каковой варіантъ, при внесеніи грамоты въ лѣтопись, попалъ въ самый текстъ и, притомъ, не въ надлежащее мѣсто,—послѣ словъ: „Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи еже о Бозѣ“, чрезъ что изложеніе совершенно спуталось.

Окончаніе даннаго отрывка: „*по повелѣнию*, [*иже отъ Бога суще, и по закону языка нашего*“] [2]) напоминаетъ формулу еврейскихъ брачнаго и бракоразводнаго актовъ: „по закону (k'dath) Моисея и Израиля“, которою подчеркивается обязательность нормъ неписаннаго обычнаго права, наравнѣ съ писаннымъ Моисеевымъ закономъ, что̀, впрочемъ, въ еврейскихъ номоканоническихъ сборникахъ выражено и положительно афоризмомъ: „традиціонный всенародный обычай Израиля равносиленъ Закону (Тора)“ [3]).

---

[1]) См. *О. Штейнберга:* „Полный курсъ евр. грамматики“, Вильна, 1871 г., стр. 78 и 79.

[2]) Эти слова взяты мною изъ читаемаго въ самомъ концѣ Договора Олега 912 г. предложенія: „мы же кляхомся ко царю вашему, иже отъ Бога суще, яко Божие зданне по закону и по закону языка нашего“. (Лав., 36).

[3]) Въ одномъ, извлеченномъ А. Я. *Гаркави* изъ „Книги актовъ“ гаона Гая б. Давида (конца X в) образцѣ брачной записи—*кетуба*, встрѣчается выраженіе, соотвѣтствующее прямо употребленной въ нашемъ Договорѣ фразѣ: „по повелѣнію, иже отъ Бога суще и по закону языка нашего“, а именно: „будь мнѣ женою *по закону Моисея и Израиля*, и я, *по повелѣнію Божію* (be-memra di-schmaja), буду тебѣ служить, тебя почитать и пр.“ См. книгу „*Сеферъ гаръ га-писга*“, сборникъ евр. литературн. статей. Вильна, 1896 г., стр. 46.

д) **Заявленіе пословъ о своемъ желаніи исполнить возложенную на нихъ миссію по доброй, непринужденной своей волѣ:**

...„правосудихомъ, [похотѣньемъ (чит.: *по хотѣньемъ*, или *по хотѣнию*) нашихъ великихъ (и) [свѣтлость] (чит.: *свѣтлыхъ*) князь] [и] [наша... болѣ (чит.: *нашей волѣ)*], не точью простословесемъ (въ Рос. лѣтоп. по сп. Софѣйскому Вел. Новаграда: *простословіемъ*), но и писаниемъ и клятвою твердою... такую любовь утвердити и известити по [Божьи] вѣрѣ и по закону нашему“ [1]).

Лавровскій (стр. 67—70), не соглашаясь съ *Бѣлявымъ*, который стоящее предъ словами „право судихомъ“ нарѣчіе „многажды“ относилъ къ предшествующему грамматическому періоду, предложилъ такое чтеніе начала приведеннаго отрывка: „многажды право судихомъ, *но* точью простословесенъ“, т. е. мы много разъ *справедливо разсуждали*, но только разсуждали словесно и т. д.. Подобное же чтеніе предложено и проф. *Л. Я. Самоквасовымъ* (стр. 8) и *А. В. Лонгиновымъ* (стр. 85—6), передающими смыслъ разсматриваемаго мѣста такъ: „мы (послы) многократно обсуждали правдиво условія дружбы, *но только* словесно, и клялись оружьемъ своимъ выразить условія такой дружбы письменно“. Толкованіе это неосновательно. Что нарѣчіе „многажды“ относится именно къ предыдущему предложенію („утвердити и известити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многажды“)—это доказывается варіантомъ: „на удержание и извещение *отъ многихъ лѣтъ* межи хрестьяны и Русью бывшюю любовь“. Точно также и послы Игоревы говорили, что имъ заповѣдано „обновити ветъхии миръ... *отъ многъ лѣтъ*.“ Равно и послы, отправленные къ римлянамъ первосященникомъ Симономъ заявили, что имъ поручено возобновить *давнюю* дружбу и союзъ (1 Мак., XV. 17). Самое главное же—то, что въ Лавр. лѣтописи значится: „*не точью простословесемъ*, а не *но точью*. Поэтому представляется болѣе вѣроятнымъ принять слова „право судихомъ“ за одно сложное выраженіе со значеніемъ: *заблагоразсудили*, *изволили*, подобно тому, какъ въ 1 Мак. (XV, 18—20) читаемъ: „Итакъ, мы *заблагоразсудили* написать царямъ“, „мы *разсудили* (въ славян. Библіи: изволися намъ) принять отъ нихъ щитъ“. Такимъ образомъ, обсуждаемое мѣсто должно быть переводимо дословно такъ:

---

[1]) Фразу: „кленшеся оружьемъ своимъ“ я исключилъ изъ текста, какъ *здѣсь* неумѣстную. Она, какъ увидимъ ниже, относится къ тексту клятвеннаго обѣщанія русскихъ пословъ и гостей. Слово же „*Божьи*“ я перенесъ сюда изъ непосредственно слѣдующаго предложенія: „Суть, яко понеже мы ся имали о Божьи вѣре (въ др. сп.: мирѣ) и любви“ (Лавр., стр. 32), гдѣ сказанное слово, какъ будетъ мною объяснено въ текстѣ, является совершенно излишнимъ и неумѣстнымъ.

„Мы заблагоразсудили, по желаніямъ (или желанію) нашихъ великихъ и свѣтлыхъ князей, и по нашей волѣ, не только простословіемъ, но и письменнымъ актомъ и твердою клятвою утвердить и укрѣпить такую дружбу, по Божьей вѣрѣ и по закону нашему“.

Правдоподобность этого чтенія можетъ быть подтверждена соотвѣтственными типичными выраженіями, неизмѣнно встрѣчающимися въ еврейскихъ юридическихъ актахъ. Для примѣра приведу выдержку изъ древняго акта продажи одною супружескою четою своего дома [1]):

„Въ присутствіи нашемъ, нижеподписавшихся свидѣтелей, явились госпожа N. N. съ ея мужемъ, господиномъ N. N., и сказали намъ: будьте пригодными и достовѣрными свидѣтелями..., напишите... и подпишите и отдайте въ руки N. N. (покупщику) актъ, который послужитъ ему, *его наслѣдникамъ послѣ него и его правопреемникамъ* свидѣтельствомъ, оправданіемъ и доказательствомъ, что мы *захотѣли по личной своей волѣ*, безъ какого-либо насилія и принужденія, полнымъ сердцемъ, охотною душою (ср. 1 Паралипом., 28. 9) и цѣлымъ и разсудительнымъ умомъ, и мы признаемъ предъ вами, какъ признали бы предъ законнымъ и надлежащимъ судомъ, исповѣданіемъ (hodaha) рѣшительнымъ, твердымъ, *неизмѣннымъ*, *непреложнымъ* и истиннымъ, *безъ обмана* (или: не ради шутки) *и безъ поворота*, отъ нынѣшняго дня и во вѣки, что мы, вышепоименованные супруги, во истину... продали нашъ домъ и т. д. (слѣдуютъ условія продажи)... Все вышесказанное упомянутые супруги приняли *на себя и на своихъ потомковъ послѣ себя и на своихъ правопреемниковъ подъ тяжкою клятвою и строгою присягою*, по твердой силѣ всякихъ актовъ и *исповѣданій* (признаній), обычныхъ во Израилѣ и совершаемыхъ по установленію нашихъ мудрецовъ (раввиновъ), блаженной памяти, не какъ необязательное *словесное обѣщаніе* и не какъ простой бланкъ договора... *Все это твердо и навѣчно*“ [2]).

---

[1]) См. сборникъ образцовъ и формъ религіозныхъ и юридическихъ письменныхъ актовъ подъ названіемъ „*Нахлатъ Шива*“, изданный въ первый разъ въ 1667 г., Варшава, 1884 г., стр. 153—5.

[2]) Соотвѣтствующій выраженію вступительной статьи Договора Олега: *простословіе* арамейскій терминъ assmachta обыкновенно переводится: притворная сдѣлка. Раввинъ же д-ръ *M. Duschak* („Das mosaisch-talmudische Eherecht“, Wien 1864, p. 141) въ переводѣ образца брачнаго договора (kethuba) правильнѣе передаетъ въ данномъ случаѣ: nicht wie eine blosse rechtlose Rede. Выраженіе же, которымъ неизмѣнно заканчивается всякій еврейскій юридическій актъ: „*Все это твердо и на-*

И такъ, разсмотрѣнная вступительная статья во всей ея цѣлости представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Мы отъ Ряда (или Уряда) Рускаго, сли и гостье, и обычии послуси (слѣдуетъ перечисленіе ихъ именъ).. тѣже отъ города Киева..., таже исъ Чернигова, исъ Переяславля, и прочи(ихъ) грады (градовъ)..., 1, иже послани отъ Олга, великаго, *о Бозѣ*, князя Рускаго и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его великихъ и свѣтлыхъ князь и великихъ боляръ, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его Руси, еже п҃нѣ (нынѣ) сущихъ и потомъ быти хотящихъ, къ вамъ, Львови и Александру и Костянтину, великимъ, о Бозѣ, самодержьцемъ, царемъ Греческымъ на удержание и на извѣщение отъ многихъ лѣтъ межи хрестианы и Русью бывшюю любовь (вар : удержати и известити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многажды), по повелѣнію, иже отъ Бога суще, и по закону языка нашего,—правосудихомъ, по хотѣньемъ нашихъ князь великихъ и свѣтлыхъ, и по нашей волѣ, не точью простословиемъ, но и писаниемъ и клятвою твердою такую любовь утвердити и известити по Божьей вѣрѣ и по закону нашему“

Перехожу ко **вступительной статьѣ Договора Игоря 945 г.**

Статья эта, въ отличіе отъ параллельной статьи Олегова Договора, осложненной придаточными и вводными предложеніями, редактирована сравнительно кратко. Но, при всей своей краткости, и эта статья не пощажена была отъ порчи текста, обнаруживающейся, между прочимъ, въ слѣдующемъ мѣстѣ: „И отъ тѣхъ заповѣдано обновити ветъхий миръ, *ненавидящаго добра и враждолюбьца дьявола разорити*, отъ многъ лѣтъ, и утвердити любовь межю Греки и Русью“.

Подчеркнутыя мною здѣсь слова вызвали скептическое замѣчаніе Авг. Шлецера (III, 59): „Діаволъ! Все это такъ по-христіански! Зналъ-ли Норманнъ христіанскаго Діавола? Зналъ-ли его славянинъ?“ Послѣдующіе же толкователи нашихъ договорныхъ грамотъ въ означенныхъ словахъ усмотрѣли подтвержденіе своей предвзятой мысли, что Договоры составлены греками. „Эти хри-

---

вьчно (ha-kol scharir we-kajam) извѣстный лексикографъ Іоаннъ Буксторфъ (Lexicon, col 2533) переводитъ: Totum omne firmum et stabile esto! Sic litteris contractuum subscribi solet. Но послѣднее слово арамейскаго подлинника *kajam*, по коренному его значенію, слѣдуетъ точнѣе переводить: *навьчно*, *во вьки*, какъ оно и передается въ слав. переводѣ Библіи, напр. Дан., VI, 27: „Онъ есть Богъ Живый и Присносущій (we-kajam). Достойно замѣчанія, что такая же заключительная обрядовая формула встрѣчается и въ русскихъ юридическихъ актахъ: „А сей нашъ дѣлъ (раздѣльная грамота) *крьпокъ* и *во вькъ* (А. Ю., I—II., № 260).

стіанскія выраженія, замѣчаетъ проф. *М. Ф. Владимірскій-Буда-новъ*, влагаемыя въ уста русскихъ пословъ, доказываютъ только, что Договоръ (Игоря) редактированъ греками". Соображеніе это едва-ли основательно, ибо понятіе о сатанѣ—искусителѣ, губителѣ, и клеветникѣ извѣстно было и іудеямъ изъ Библіи и Талмуда, а мусульманамъ – изъ Корана, и нѣтъ основанія полагать, что оно не было извѣстно также и русскимъ, особенно Кіевскимъ, значительная часть которыхъ во время составленія Договоровъ вовсе не была уже погружена въ мракъ грубаго язычества, а имѣла познаніе о единомъ Богѣ, и, по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ, нравамъ и обычаямъ, стояла близко къ еврейству [1]). Не говорю уже о томъ, что въ числѣ русскихъ пословъ были не только христіане, но, какъ мною показано выше, и нѣсколько іудеевъ, и, безъ сомнѣнія, также магометане. Поэтому одно упоминаніе въ Игоревомъ Договорѣ о „дьяволѣ враждолюбьцѣ", само по себѣ нисколько не ведетъ къ заключенію о первоначальной греческой его редакціи. Дѣло, однако, не въ одномъ этомъ, а въ томъ, что, кѣмъ бы ни редактированы были Договоры, невозможно допустить, чтобы въ оффиціальномъ актѣ помѣщена была такая несообразность, будто посламъ поручено было обновить давній миръ съ греками и *чрезъ то разорить*, т. е. истребить, уничтожить дьявола. Въ русскихъ лѣтописяхъ сплошь и рядомъ высказывается мысль, что споры и раздоры между князями и властителями и, вообще, между братьями и родственниками происходятъ по наущенью дьявола, а въ переговорахъ о мирѣ постоянно выставляется мотивъ желательности прекращенія распрей путемъ взаимныхъ уступокъ и миролюбнаго соглашенія,—„дабы дьяволъ не радовался" [2]). Но нигдѣ въ русской письменности, а тѣмъ менѣе въ мирныхъ грамотахъ, нельзя встрѣтить фразы, выражающей, что, вслѣдствіе заключенія мира между враждующими сторонами, дьяволъ будетъ въ конецъ *разоренъ*—уничтоженъ. Въ виду этого,

---

[1]) См. мою статью „Критико-сравнительный разборъ устава вел. кн. Всеволода о церк. судахъ", напечатанную въ журналѣ „Вѣстникъ Права", за 1906 г., ноябрь.

[2]) Укажу два примѣра: *Въздвиже дьяволъ котору* (ссору) въ братьи сей Ярославичахъ (Лавр. подъ 1073 г., стр. 177). „Дай Господи, а бы се тое дѣло (мирный договоръ между королемъ Стефаномъ Баторіемъ и царемъ Иваномъ Грознымъ) къ славе имени Господнему скончали... *и поганинъ невѣрный, непріятель роду крестьянскаго, не тѣшилъ бы ся и не радовалъ*". (Изъ письма Антонія Поссевина къ посламъ Ивана Грознаго. См. „Переговоры о мирѣ между Москвою и Польшею", изд. проф. Ѳ. И. Успенскимъ, стр. 49).

представляется, по моему, несомнѣннымъ, что обсуждаемое выраженіе не принадлежитъ вовсе къ тексту подлинника, а вставлено позднѣйшимъ переписчикомъ. Перенесено же оно сюда, можно полагать, изъ бесѣды греческаго проповѣдника съ княземъ Владиміромъ. Тамъ говорится: „Богъ же на древѣ страсти прия, да древомъ дьяволъ побѣжденъ будетъ“. (Лавр., стр. 102). Надо думать, что на этомъ мѣстѣ первоначально имѣлась приписка на полѣ, въ видѣ варіанта: „да древомъ *ненавидящаго добро и враждолюбьца дьявола разорити*“, которая впослѣдствіи какимъ-то необъяснимымъ путемъ попала въ текстъ Договора Игоря. Такимъ образомъ, занимающее насъ теперь предложеніе должно быть читаемо такъ:

„И отъ тѣхъ заповѣдано обновити ветъхий миръ и утвердити любовь, [отъ многъ лѣтъ] (пропущено слово: бывшую) межю Греки и Русью“[1]).

ОТДѢЛЪ III.

Переходъ къ договорнымъ главамъ и статья о мирѣ и любви.

За вступленіемъ слѣдуетъ въ трактатѣ Олега краткое предложеніе, означающее переходъ къ центральной его части,—къ самымъ договорнымъ пунктамъ.

„*Суть яко понеже мы ся имали о Божьи вѣре (въ другихъ сп.: мирѣ) и о любви главы таковыа*“.

---

[1]) Къ фразѣ: „*И отъ тѣхъ*“, какъ по всему видно, въ черновомъ проектѣ Договора отмѣчены были два варіанта: 1) „И отъ Игоря и отъ всѣхъ боляръ и отъ всѣхъ людий отъ страны руския“, и 2) „И отъ тѣхъ самѣхъ прежерѣченыхъ“. Но при внесеніи Договора въ лѣтописный сборникъ первый варіантъ попалъ въ заключительную часть грамоты,—въ средину періода: „А крещеная Русь и т. д., да кленутся о всемь, яже суть написана на харатьи сеи хранити (*отъ Игоря и отъ всѣхъ боляръ и отъ всѣхъ людий отъ страны руския*) въ прочая лѣта и воину“ (Лавр., стр. 52), гдѣ вставочный характеръ заскобленныхъ и подчеркнутыхъ словъ очевиденъ до наглядности. Второй же варіантъ перенесенъ переписчикомъ гораздо дальше еще—въ средину обязательной грамоты Святослава,—въ предложеніи: „аще ли (*отъ тѣхъ самѣхъ прежереченныхъ*) не сохранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву отъ Бога и пр.“, гдѣ опять-таки заскобленныя слова оказываются явно интерполированными; вмѣсто нихъ въ подлинникѣ, какъ будетъ показано ниже, стояло: „аще ли се не сохранимъ“.

Проф. *В. И. Сергѣевичъ* („Лекціи“, изд. 1883 г., стр. 108), основываясь на употребленномъ въ данномъ мѣстѣ, а также въ концѣ Олеговой грамоты реченіи „*главы*“, пришелъ къ выводу, что подлинный текстъ несомнѣнно былъ расчлененъ на отдѣльныя перенумерованныя главы или статьи, какъ это и явствуетъ изъ слѣдовъ дѣленія, обнаруживаемыхъ въ первыхъ двухъ статьяхъ, изъ коихъ одна начинается выраженіемъ: „*По первому убо слову*, да умиримся с вами, Грекы“, а другая: „*А о главахъ*, иже ся ключить проказа, урядимся сице“, и что отсутствіе признаковъ дѣленія во всемъ остальномъ текстѣ доказываетъ только, что послѣдній дошелъ къ намъ въ испорченномъ переписчиками видѣ. Съ своей же стороны, я постараюсь показать, что въ сохранившемся текстѣ, какъ мною уже заявлено въ предисловіи, всѣ, *безъ изъятія*, статьи, не исключая и упомянутаго начальнаго предложенія и заключительной части нашей грамоты, снабжены особыми заголовками, но они запрятаны въ разныхъ уголкахъ обѣихъ Договорныхъ грамотъ (Олега и Игоря), откуда ихъ и нужно извлечь и переставить на надлежащія мѣста.

Такъ, остановимся на словахъ „*А о главахъ*“, которыми въ „Христоматіи“ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова начинается третья, а по общепринятой нумераціи—вторая, по порядку, статья Олегова Договора. *Лавровскій* (у. с., стр. 116 и 121), считая слово *глава* переводомъ употребляемаго постоянно въ дѣленіяхъ греч. κεφάλαιον, имѣющаго значеніе *дѣла*, *предмета*, истолковалъ фразу: „А о главахъ, иже ся ключить проказа“:—„*А о дѣлахъ*, если случится *преступленіе*“. Но *И. И. Срезневскій* (ук. соч., стр. 286) находитъ, что слово *глава* здѣсь употреблено не какъ буквальный переводъ греческаго κεφαλή, латинск. capitulum, а какъ реченіе, имѣющее тотъ же смыслъ, въ какомъ оно употребляется въ Русской Правдѣ, гдѣ *голова* значитъ смертоубійство, а *головьникъ*—убійца. Съ этимъ послѣднимъ объясненіемъ не согласенъ проф. *В. И. Сергѣевичъ* (ук. соч., стр. 107—8), справедливо указывающій на то, что въ означенной статьѣ рѣчь идетъ не исключительно о преступленіи убійства и даже не о преступленіяхъ вообще, а говорится о процессуальныхъ доказательствахъ по судебнымъ дѣламъ всякаго рода, не только уголовнымъ, но и гражданскимъ, почему упоминаніе объ убійствахъ совершенно излишне. Согласно тому, нашъ ученый полагаетъ, что выраженіе: „А о главахъ“ лишь обнаруживаетъ слѣдъ дѣленія всего Договора на главы, и въ данномъ случаѣ обозначало „вторую главу“, начинавшуюся словами: „Иже ся ключить проказа“.

Я же позволяю себѣ утверждать, что фраза „Иже ся ключить

проказа“, какъ это будетъ показано ниже, составляетъ не *начало* второй (въ „Христоматіи“—3-й) статьи Договора Олега, а ея *заголовокъ*, и что вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе: „А о главахъ“ вовсе не обозначаетъ именно „вторую главу“, какъ думаетъ проф. Сергѣевичъ, а очутилось оно въ данномъ мѣстѣ по ошибкѣ, ибо въ подлинникѣ оно несомнѣнно стояло выше,—впереди всѣхъ договорныхъ пунктовъ, какъ *надписаніе* обсуждаемой краткой переходной статьи, которая, по исключеніи изъ нея ошибочно втиснутыхъ въ нее словъ: „о Божьи вѣре (въ др. спискахъ: мирѣ) и о любви“, имѣла, такимъ образомъ, слѣдующій видъ:

„**А о главахъ.** Суть, яко понеже мы ся имали.. главы таковыа“.

Подобное же предложеніе встрѣчается въ 1-й кн. Маккавейской (8. 29), въ концѣ мирной грамоты, посланной Римлянами въ Іерусалимъ: „На такихъ условіяхъ заключили Римляне союзъ съ народомъ іудейскимъ“. При этомъ я долженъ отмѣтить, что соотвѣтствіе слова *глава* греческому κεφαλή, латинскому capitulum, само по себѣ не можетъ служить доказательствомъ переводности нашей статьи съ греческаго языка, такъ какъ термины, равносильные словамъ: capitula и articuli, встрѣчаются у многихъ народовъ. Мишна, напр., имѣетъ подраздѣленія на главы, называемыя *prakim*, единств. число *perek*,—членъ, составъ человѣческаго тѣла—artus. Есть въ талмудической письменности и выраженіе: „*главы членовъ*“ или статей—*rosche prakim*, позднѣе принятое для обозначенія, въ частности, прелиминарныхъ условій брачнаго сговора. Можно-ли, однако, съ положительностію утверждать, что эти термины взяты именно изъ греческаго языка?

Перехожу затѣмъ къ разсмотрѣнію *Договорной статьи о мирѣ и любви*. Текстъ этой статьи, по очисткѣ его отъ нѣкоторыхъ излишныхъ фразъ, подлежащихъ перенесенію въ другія мѣста, и по дополненіи его недостающими въ немъ словами, извлеченными изъ другихъ пунктовъ Договора, долженъ быть читаемъ такъ:

О... мирѣ и.. любви. По первому убо слову, да умиримся [вар.: урядимся] с вами, Грекы, да любимъ другъ друга отъ всеа душа и изволенна (вар.: елико наше изволение) и не вдадимъ [руцѣ свои].. никакому же съблазну или винѣ, но сохраненіе (чит.: *сохранимъ*) [на] прочихъ и всегда лѣтъ с вами, Грекы, исповѣданиемъ, со клятвою извещаемую любовь непревратну и непостыжну (чит.: *неподвижьну*)“. Также и вы, Грекы, да храните таку же любовь ко княземъ нашимъ свѣтлымъ Рускымъ и ко всѣмъ, иже суть подъ

рукою свѣтлаго князя нашего, несооблазну и непреложну всегда и въ вся лѣта“ [1]).

Лавровскій (стр. 27), въ доказательство своего тезиса о византійскомъ вліяніи на языкъ Договоровъ, между прочимъ, сослался на данную статью, въ которой, какъ онъ полагаетъ „видимъ несомнѣнные, осязаемые, такъ сказать, грецизмы, и въ общемъ ходѣ рѣчи, и въ конструкціи, и въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ“. Въ дѣйствительности же эта статья изобилуетъ гебраизмами. Такъ, разбирая выраженіе: „миръ и любовь“, Лавровскій (стр. 111—116) находитъ, что слово *любовь* не можетъ быть принято однознаменательнымъ съ словами: *дружба*, *пріязнь*, а оно византійскаго происхожденія, составляя переводъ греч. *ἀγάπη*, которое, по объясненію Дюканжа, означаетъ, между прочимъ pax, foedus—миръ, союзъ, самыя мирныя условія, самую договорную грамоту. Между тѣмъ сказанное выраженіе могло быть заимствовано опять-таки изъ 1-й книги Маккав., гдѣ оно употреблено нѣсколько разъ въ мирныхъ посланіяхъ въ формѣ: *дружба и союзъ*, *братство и дружба*. (VIII. 17, 20; XII. 3, 10). А что оно именно еврейскаго происхожденія—это явствуетъ также изъ весьма древнихъ евлогій, произносимыхъ при браковѣнчаніи, въ коихъ содержатся фразы: „*любовь* (ahabah) *и братство*, *миръ и дружба*“. Находимъ обсуждаемое сочетаніе и въ позднѣйшихъ русскихъ актахъ, гдѣ о переводномъ его характерѣ не можетъ даже появиться и мысли, напр., въ договорной грамотѣ 1386 г.: „князь же великій Олегъ взялъ съ в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ вѣчный *миръ и любовь*“ (Изв. Ак. Наукъ, X, 342); или въ донесеніи кн. Елецкаго съ товарищами царю Ивану Грозному: „а прежде сего государь нашъ посылалъ къ Государю вашемуословъ своихъ... о *братцкой любви и о доброй пріязни* [2]); или въ Ип. лѣт. подъ 1149 г: „князь же Вячеславъ... потъкнуся *къ ряду и къ лю-*

---

[1]) Слова „о мирѣ и любви“ взяты изъ предложенія: Суть яко понеже мы ся имали о Божьи (мирѣ) и о любви. (Слово „Божьи“ относится къ стоящему впереди слову „вѣрѣ“). Далѣе, изъ читаемаго въ Лавр. сп. текста настоящей статьи я *исключилъ* 1) слова: „*быти отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ*, и 2) „*потщимся, елико по силѣ*“,—каковыя слова должны быть переставлены въ тексты другихъ статей Договора; *прибавилъ* же я къ тексту данной статьи пропущенныя въ немъ слова: 1) „*урядимся*“, вынутое изъ слѣдующей статьи,—изъ фразы: „урядимся сице“ (надлежащее мѣсто слова „сице“ я укажу ниже), и 2) слова: „*рущь свои*“, взятыя изъ статьи о кражѣ,—изъ фразы: „аще вдасть *рущь свои* украдый“.

[2]) „Переговоры о мирѣ между Москвою и Польшею“, с. 64.

бви“ [1]). То обстоятельство же, что въ нашихъ Договорахъ и въ лѣтописяхъ *любовь* встрѣчается и отдѣльно, въ смыслѣ мира, мирнаго договора, объясняется просто однозначимостію этихъ словъ, подобно тому, какъ и въ библейскомъ языкѣ *schalom* означаетъ какъ *миръ*, *союзъ*, такъ и *дружбу*, *любовь* [2]).

Но наиболѣе яркіе слѣды еврейскаго элемента открываются въ слѣдующихъ оборотахъ и сочетаніяхъ нашей статьи:

1. „*По первому убо слову* да умиримся съ вами“. Подчеркнутую фразу *Бѣляевъ* (Русь въ первыя сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика) перевелъ: „согласно нашему первому слову“, подразумѣвая, конечно, предыдущій, заключенный будто-бы словесно, Договоръ Олега 907 г. Такое же объясненіе даетъ и проф. *Д. Я. Самоквасовъ*, усиливающійся, вообще, доказать, что Договоры 912, 945 и 971 годовъ не имѣютъ отдѣльнаго, самостоятельнаго значенія, а составлены были только въ подтвержденіе и дополненіе Договора 907 г. Между тѣмъ фраза эта—буквальный переводъ употребляемаго въ еврейскихъ сговорныхъ записяхъ и другихъ юридическихъ актахъ выраженія: reschith dabar (по первому слову) и означаетъ: *прежде всего*, *во первыхъ*, какъ и перевелъ нашу фразу *Шлецеръ* [3]).

2. Слова: „*отъ всеа душа и изволения*“ (вар.: „*елико наше изволение*“) неизмѣнно встрѣчаются въ еврейскихъ юридическихъ актахъ и взяты изъ I Паралип. (28. 9).

3. Въ сочетаніи (по моему чтенію): „*не вдадимъ руцѣ свои никакому же съблазну или винѣ*“ послѣднія три слова взяты цѣликомъ изъ Даніила (6. 5): „и всякія вины и соблазна... не обрѣтоша на него“. Начальныя же слова настоящаго отрывка заимствованы также изъ евр. письменности, въ которой *давать руку* значитъ: оказывать помощь, помогать, способствовать. Вся фраза, такимъ образомъ, означаетъ: мы не будемъ способствовать никакому обману или погрѣшности. Сходно тому и въ мирной грамотѣ, отправленной римскимъ сенатомъ къ Іудѣ Маккавею и народу іудейскому, выражено: „Римляне *отъ души* будутъ помо-

---

[1]) Ср. Мр.-Дроздовскаго, у. с., Прил. къ в. 2, стр. 194.
[2]) См. *И. Б. Левинзона* „Шорше Леванонъ“, В., 1841 г., стр. 175.
[3]) Вотъ начало акта брачнаго сговора (tnaim) у евреевъ: „Тотъ, кто будущее предсказывать можетъ, да подастъ благословеніе и неизмѣнную твердость словамъ сего договора и союза, условленнаго и заключеннаго между двумя сторонами... *По первому слову* (т. е., во первыхъ) юноша N. N. желаетъ, въ добрый часъ, сочетаться съ дѣвицею N. N. и т. д. (См. *Малытева*, ук. соч., стр. 498).

гать имъ (іудеямъ) въ войнѣ..., будутъ исполнять свои обязанности *безъ обмана* (1 Мак., 8. 27—8).

4. Наконецъ, фразеологія дальнѣйшаго мѣста нашей статьи: „но сохранимъ на прочихъ и всегда лѣтъ с вами, Грекы, *исповѣданиемъ* и написаниемъ, *со клятвою* извещаемую любовь, *непреврaтну* и *неподвижьну* (=несоблазну и непреложну), всегда и въ вся лѣта“ сходна съ фразеологіею вышеприведенной (стр. 71) выдержки изъ типическаго еврейскаго акта, въ коемъ контрагенты обязываются соблюдать его, какъ заключенный „*исповѣданіемъ* рѣшительнымъ, твердымъ, *неизмѣннымъ, непреложнымъ, безъ обмана и безъ поворота, подъ тяжкою клятвою, отнынѣ и во вѣки*“.

Мимоходомъ укажу, что нѣкоторые изъ оборотовъ и выраженій, встрѣчающихся въ употребительныхъ понынѣ у евреевъ юридическихъ актахъ, сохранились съ незапамятной древности и имѣются также въ открытыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Ассуанѣ (въ Египтѣ) 10-ти еврейско-арамейскихъ папирусахъ, содержащихъ въ себѣ документы купли—продажи, даренія, раздѣла имущества и пр., датированные отъ V столѣтія *до* Р. Х., за время царствованій Ксеркса, Артаксеркса I и Дарія II, и отражающіе въ слогѣ и подборѣ словъ слѣды вліянія отчасти египетскаго, но преимущественно древнѣйшаго вавилонскаго языка, который оставался въ употребленіи и послѣ персидскаго завоеванія Египта, какъ языкъ оффиціальный, вообще, и актовый, въ частности [1]). Отсюда явствуетъ вся ошибочность взгляда, будто народы, находившіеся въ сношеніяхъ съ греками и римлянами, единственно только отъ нихъ могли перенимать слогъ и внѣшнія формы частныхъ юридическихъ актовъ и дипломатическихъ трактатовъ.

ОТДѢЛЪ IV.

Статья о судопроизводствѣ.

Относящаяся сюда статья 3-я (по нумераціи „X—тіи“ Вл.-Буданова) гласитъ:

а) „А о главахъ, иже ся ключить проказа, урядимся сице: да елико явѣ будетъ показаніи явлеными, да имѣютъ вѣрное о тацѣхъ

---

[1]) См.: 1) *Aramaic Papyri discovered at Assuan*, ed. by *A. H. Sayce* with the assistance of *A. E. Cowley*. London, 1906, 2) *W. Staerk*, Die jüdischaramäischen Papyri von Assuan., 1907, 3) Żeitschrift für hebräische Bibliographie, Fr. a. M., 1907, N. 3, p. 67—75.

явленіи; б) а ему же начнутъ не яти вѣры, да *не* клянется часть та, иже ищеть неятью вѣры; да егда кленеться по вѣре своей, и будетъ казнь, якоже явиться согрѣшенье о семъ“.

Это одна изъ наиболѣе темныхъ и непонятныхъ статей нашихъ Договоровъ. *Шлецеръ* (II, 711) не рѣшился предложить своего собственнаго перевода ея. По толкованію же *Эверса* (стр. 157—8), принятому съ нѣкоторыми незначительными модификаціями почти всѣми новѣйшими историками-юристами, данное мѣсто значитъ: „Если какое-либо *дьло* („проказа“) ясно будетъ по представленнымъ показаніямъ, то *мы* должны вѣрить (въ текстѣ сказано: „да имѣютъ, въ Соф. имѣетъ вѣрное) при представленіи *такихъ* показаній („о тацѣхъ явленіи“). Но, если истцу не станутъ вѣрить, то да клянется ищущая сторона, *когда ей не вьрятъ*, и затѣмъ, когда истецъ поклянется по своей вѣрѣ, да опредѣлится наказаніе въ той мѣрѣ, въ какой откроется преступленіе“. Выходитъ, по Эверсу, такъ, что, если истецъ представляетъ ясные доводы въ подтвержденіе своего иска или обвиненія, то *мы* (судьи?) *должны вьрить*, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы, не смотря на ясность доказательствъ, можемъ и *не вьрить*, а когда затѣмъ истецъ поклянется, то присяга все-еще не имѣетъ рѣшающаго значенія для дѣла, а наказаніе обвиняемому опредѣляется лишь по мѣрѣ того, какъ преступленіе обнаружится. Не напоминаетъ-ли отчасти это толкованіе резюме предсѣдателя окружнаго суда въ романѣ „Воскресеніе“? „Если, убѣждалъ предсѣдатель присяжныхъ засѣдателей, вы найдете подсудимыхъ виновными, то имѣете право признать ихъ виновными, а если найдете ихъ невиновными, то можете ихъ признать невиновными, но этимъ своимъ правомъ вы во всякомъ случаѣ должны пользоваться благоразумно“.

Въ особенности же оригинально объясненіе *А. В. Лонгинова* (стр. 118): „Сколь (преступленіе) явно будетъ (при) доказательствѣ чрезъ свидѣтелей, да имѣютъ (судьи) вѣрное (подтвержденіе правдивости) таковыхъ въ свидѣтельствѣ; если же ему (свидѣтельству) начнутъ не вѣрить, то да *не* клянется сторона та, которая ищетъ, (вопреки) недовѣрію; пусть, когда (она) клянется по вѣрѣ своей, и будетъ (примѣнено) наказаніе, смотря по тому, какъ обнаружится преступленіе,—*за это* (о семъ)“. Но попытка нашего ученаго перевести изслѣдуемую статью буквально, не пропуская ни одного слова подлинника, должна быть признана вполнѣ неудавшеюся потому, что онъ придаетъ словамъ текста совершенно несвойственное имъ значеніе и не обращаетъ, притомъ, рѣшительно

никакого вниманія на грамматическую и синтаксическую ихъ связь и взаимную зависимость. Такъ, напр., въ начальномъ сочетаніи: „елико явѣ будеть показаніи явлеными“, послѣднее слово есть, конечно, имя прилагательное, согласованное въ падежѣ съ именемъ существительнымъ „*показаніи*“, и оба реченія, вмѣстѣ взятыя, означаютъ: явными или ясными доказательствами; а между тѣмъ авторъ переводитъ: *при доказательствѣ чрезъ свидѣтелей,* что безусловно неправильно, ибо нельзя указать во всей, какъ древней, такъ и новой, русской словесности, ни одного случая употребленія прилагательнаго *явленый* въ значеніи *свидѣтеля.* Столь же насильственно авторъ перевелъ и всю статью.

По моему же, истинный смыслъ послѣдней можетъ быть установленъ единственно только посредствомъ предварительной реставраціи подлиннаго, до крайности испорченнаго, текста ея. Съ этою цѣлію надлежитъ: *во 1-хъ, исключить* слова: „*о тацыхъ*“ (слѣдуетъ читать: *о татехъ*) и „*о семъ*“,—подлежащія переносу, въ качествѣ заголовковъ, въ другія мѣста Договора, которыя будутъ разсмотрѣны мною ниже; *во 2-хъ, дополнить* статью: а) всею параллельною 12-ою статьею *Игорева* Договора, за исключеніемъ, впрочемъ, заключительныхъ трехъ словъ; и б) словами: „*да того дѣля грѣха*“, взятыми изъ ст. 14-й Игорева же Договора, трактующей о наказаніи за побои и раны, гдѣ сказанныя слова помѣщены по явной ошибкѣ, что доказывается отсутствіемъ ихъ въ совершенно тождественной статьѣ Олегова Договора; и *въ 3-хъ,* произвести иной, болѣе соотвѣтственный смыслу и ходу рѣчи, распорядокъ словъ и выраженій.

Означеннымъ путемъ можно достигнуть полнаго возстановленія *перваго абзаца* обсуждаемой статьи въ слѣдующемъ видѣ:

Иже ся ключить проказа. [Аще ли ключится проказа нѣкака отъ Грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имате власти казнити я, но повелѣньемъ (чит.: *по велѣньемъ*) царства нашего], [да того дѣля грѣха], да приметь [казнь], [елико явѣ будеть] [вар.: яко же явиться] [согрешенье] показаніи явлеными; да егда] [не] будеть (*показаній*) явленіи(*хъ*), да имѣеть (чит.: *иметь*) вѣрное (чит.: *вѣру*) [глосса.: да кленется по вѣре своей].

Второй абзацъ нашей статьи, хотя онъ тѣсно связанъ съ предыдущимъ, составляя его непосредственное продолженіе, снабженъ, однако, особымъ заголовкомъ и долженъ быть читаемъ такъ:

[О] неятью (*неятіи*) **вѣры.** А ему же (т. е. истцу) начнуть не

яти вѣры, да кленется часть та, [же (чит.: *иже*) есть] [на (чит. *ина*) той части], иже ищеть [1]).

Третій и послѣдній абзацъ нашей статьи въ дошедшихъ къ намъ лѣтописныхъ сборникахъ *пропущенъ* въ данномъ мѣстѣ и помѣщенъ ошибочно въ самомъ концѣ договорныхъ статей Олегова Договора. По переносѣ его сюда мы получимъ такое чтеніе:

„Си же вся, да створять Грекомъ (чит.: *Греки*), идѣже (чит.: *иже*) аще ключиться таково [отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ]... Русь (чит.: *Руси*)“ [2]).

Смыслъ возстановленной мною статьи таковъ: Если русскій противъ грека или грекъ противъ русскаго совершитъ какое-либо преступленіе, то онъ судится по законамъ своего отечества и наказывается сообразно его винѣ, подтвержденной достовѣрными доказательствами („показаніи явлеными“), а при недостаткѣ такихъ доказательствъ—дополнительною присягою жалобщика; если же послѣдній (по своему общественному положенію, полу, возрасту, умственнымъ и нравственнымъ качествамъ и по другимъ основаніямъ) не допускается, по закону, вовсе къ принятію присяги („а емуже начнуть не яти вѣры“), то таковая дается противной сторонѣ, описательно названной здѣсь: „часть та, иже есть *ина* части той, иже ищеть“, т. е. въ описанномъ случаѣ обвиняемому или отвѣтчику назначается судомъ очистительная присяга.

Постараюсь теперь обосновать какъ установленное мною значеніе отдѣльныхъ словъ и оборотовъ, такъ и предложенныя поправки текста, обусловливающія новое, сравнительно съ общепринятымъ, истолкованіе смысла статьи.

1. Слово *проказа Срезневскій* (стр. 286) передаетъ: *убійство*. „Принимая, пишетъ онъ, слово *голова* въ значеніи уголовнаго

---

[1]) Предлогъ *о* въ заголовкѣ перенесенъ мною сюда изъ заглавія статьи „о мирѣ и *о* любви“. Слова: „иже есть“... „на той части“ взяты изъ статьи Игорева Договора, озаглавленной: „А о Корсуньстѣй странѣ“ (Лавр., 49),—изъ предложенія: „Елико *же есть* городовъ *на той части*, да не имате волости князи Рустии, да воюете въ тѣхъ странахъ“, гдѣ подчеркнутыя слова отчасти излишни, отчасти не даютъ никакого смысла, какъ это будетъ объяснено мною ниже при разборѣ этой послѣдней статьи.

[2]) Обведенная прямыми скобками фраза взята изъ 2-й, по нумераціи Христоматіи проф. Вл.-Буданова, статьи Олегова Договора. Основаніе же для замѣны фразы: „да створять Русь Грекомъ“ сочетаніемъ: „да створять Грекы—Руси“ я объясню дальше въ текстѣ.

преступленія, легче понять и смыслъ слова проказа: это дословный переводъ греч. διαφθορά (δια—про, φθείρω—кажу), и значитъ лишеніе жизни, смерть. θάνατος"... „Впрочемъ, продолжаетъ нашъ ученый, проказа въ Договорахъ употребляется и въ общемъ значеніи бѣды, бѣдствія, сопряженнаго съ погибелью людей: „аще ли ключиться также проказа... лодьи Рустѣй". Между тѣмъ, сличая мѣста другихъ юридическихъ памятниковъ, нельзя не убѣдиться, что проказа означаетъ, вообще, вредъ, ущербъ, а равно причиненіе вреда, содѣяніе зла, проступокъ. Такъ, въ Законѣ Градскомъ (грань 39) читаемъ: „*Проказу* творящему въ житѣ, и помогающимъ ему... въ таковое *согрѣшеніе*, томоу роуцѣ да отсѣкоутъ". Въ Законѣ Судномъ (Рус. Достопам. ч. II, стр. 180): „Аще песъ *проказы* дѣетъ,... да ся побьеть". Въ обоихъ этихъ мѣстахъ „проказа" значитъ: поврежденіе, и въ первомъ изъ нихъ синонимомъ его является, какъ и въ настоящей статьѣ Олегова Договора, слово *согрѣшеніе*. Да и въ самомъ указанномъ Срезневскимъ мѣстѣ того же Договора, гдѣ говорится о проказѣ лодьи, трактуемое слово не имѣетъ и отдаленнаго отношенія къ понятію о смертоубійствѣ, а значитъ опять-таки: поврежденіе, аварія. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ неосновательно утверждать, будто слово проказа буквально переведено съ греческаго, а вѣроятнѣе допустить, что оно соотвѣтствуетъ еврейскому реченію nega. Послѣднее встрѣчается многократно въ Пятикнижіи (Левит., XIII, 9 и сл.) въ связи съ zaraath, означая совокупно: язва проказы—ἀφὴ λέπρας. plaga leprae. Но, хотя оба эти слова далеко не равнозначущи, ибо первое относится ко второму, какъ понятіе родовое къ видовому, тѣмъ не менѣе комментаторы Библіи обыкновенно и слово *nega*, въ отдѣльности, передаютъ въ значеніи проказы [1]). Вмѣстѣ же съ тѣмъ *nega*, когда оно встрѣчается особо, безъ сопровожденія словомъ zaraath, значитъ еще: бѣда, бѣдствіе (напр.: „бѣдствіе (nega) въ сердцѣ своемъ" III Цар., 8. 38), либо: причиненный вредъ, или дѣло о поврежденіи (Второзак. 21. 5, по Синодальному русскому переводу). Этимъ, надо полагать, и объясняется присутствіе въ славяно-русской письменности слова *проказа* во всѣхъ значеніяхъ, свойственныхъ евр. *nega*: поврежденіе, проступокъ, вина, споръ, тяжба о причиненномъ вредѣ, бѣдствіе, несчастный случай.

2. Что выраженіе „*вѣрное*" употреблено въ нашей статьѣ, вмѣсто „вѣру",—аналогію тому можно найти въ Русской Правдѣ, гдѣ въ ст. 19-й *Академ.* читаемъ: „то вирное платити", вм. *виру*,

---

[1]) См. „*Saalschuetz*: Das Mosaische Recht", I, p. 294.

а также въ Обонежской грамотѣ 1434 г.: „А судъ имъ судити и пошлины имати имъ по старинѣ, и *вѣрное* (т. е. виру) имъ платити“. (Словарь Срезневскаго п. с. „вѣрное“). При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что фраза: „*да имѣетъ вѣрное по вѣрѣ своей*“ встрѣчается и въ позднѣйшихъ русскихъ юридическихъ актахъ, напр., въ указѣ 20 мая 1625 г.: „иноземцевъ приводити къ вѣрѣ (присягѣ) по ихъ вѣрѣ“ (религіи) Такимъ образомъ, объ осязательномъ византійскомъ вліяніи на языкъ Договоровъ, по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ, и думать не приходится.

3. Точно также выраженіе „*неятье вѣры*“, т. е. устраненіе кого-либо отъ послушества и присяги, представляется чисто-русскимъ юридико-техническимъ терминомъ, встрѣчающимся въ западно-русскихъ законодательныхъ памятникахъ: „а холопу и робѣ *не вѣрити*, а ни на свѣточьство не пущати“ [1]).

Если же отъ отдѣльныхъ словъ и выраженій обратиться къ самому содержанію нашей статьи,—къ постановленнымъ въ ней юридическимъ нормамъ, то и въ этомъ отношеніи нельзя обнаружить слѣдовъ непосредственнаго воздѣйствія византійскихъ правовыхъ идей. Такъ, начало, по которому никто не долженъ быть подвергнутъ наказанію иначе, какъ по суду, и въ соразмѣрности со степенью вины—восходитъ къ *Моисееву законодательству*: „Когда будетъ тяжба между людьми и они приступятъ къ суду, и разсудятъ ихъ, и оправдаютъ праваго и обвинятъ виновнаго“. „Каждый *за свой грѣхъ* (b'cheto) долженъ быть казнимъ“. (Второзак., 25. 1; 24. 16). Это же начало выразительно повторяется въ литовско-русскихъ устав. грамотахъ, напр., въ подтвердительной устав. грамотѣ Кіевской области 1507 г.: „а безъ права (т. е. суда) намъ людей не казнити, а ни губити...; коли который завинитъ што, ино, осудивъ, право што укажетъ, виноватаго по его винѣ казнити“. (См. проф. Ясинскаго, ук. соч., стр. 115). Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ изложена и наша статья: „Аще ли ключится проказа (вина, проступокъ, поврежденіе), *да того дѣля грѣха* (b'cheto), да приметъ казнь, елико явѣ будетъ *согрешенье*“. Равнымъ образомъ коренное правило, по которому судебный приговоръ долженъ быть основанъ на ясныхъ и несомнѣнныхъ доказательствахъ (чѣмъ исключаются личное судейское усмотрѣніе, равно какъ и всякаго рода ордаліи), а при недостаткѣ предустановленныхъ закономъ доказательствъ, на присягѣ сторонъ,—соотвѣтствуетъ вполнѣ духу моисеева, точнѣе, моисеево-талмудическаго, права, какъ это под-

---

[1]) „Устав. зем. грамоты лит.—рус. государства“, изсл. проф. *Ясинскаго*, стр. 190 и прим. 378.

робно объяснено мною въ очеркѣ: „о судебныхъ доказательствахъ по Русской Правдѣ“ [1]). Въ особенности же признакъ вліянія моисеево-талмудическаго права замѣчается въ абзацѣ подъ рубрикою: „о неятіи вѣры“—о недопущеніи къ присягѣ и свидѣтельству лицъ, недостойныхъ довѣрія, состоящихъ въ подозрѣніи. О разныхъ категоріяхъ такихъ лицъ трактуютъ законодательства всѣхъ народовъ, въ томъ числѣ—византійскіе юридическіе памятники и источники талмудическаго права. Но едва-ли въ какомъ-либо другомъ законодательствѣ, кромѣ Мишны и Гемары (Талмуда въ тѣсномъ значеніи) [2]), мы найдемъ точное правило, подобное выраженному въ разбираемой статьѣ Договора, о томъ, что, если тяжущаяся сторона, по причинѣ ея заподозрѣнности, неправоспособна къ принятію возлагаемой на нее, по закону, присяги, то таковая предоставляется судомъ противной въ процессѣ сторонѣ [3]).

Въ оправданіе же установленнаго мною чтенія заключительнаго абзаца данной статьи, скажу, что, хотя въ существующемъ текстѣ послѣдній стоитъ въ самомъ концѣ Договора Олега и начинается словами: „Си же вся да творятъ *Русь Грекомъ*“, а не *Греци Руси*, но это можетъ быть объяснено тѣмъ, что составитель или редакторъ лѣтописнаго свода списалъ недостававшій въ бывшей у него рукописи заключительный абзацъ разсматриваемой статьи съ экземпляра Договорной грамоты, въ которомъ права и преимущества руссовъ изложены были *на первомъ планѣ*, почему и наша статья имѣла такую редакцію: „Аще ключится проказа нѣкака *отъ Руси, сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ*, да не имате власти казнити я́, но по велѣньемъ *князя нашего...*, да приметъ казнь и пр. Сія же вся да створятъ *Русь Грекомъ*, идѣже аще ключится таково *отъ Грекъ, сущихъ подъ властью царства вашего*“. Но упомянутый абзацъ, помѣщенный сперва составителемъ лѣтописи въ видѣ приписки на поляхъ, впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ переписываніи лѣтописей, перенесенъ былъ въ самый конецъ Договора, да и то только до слова „таково“, съ опу-

---

[1]) Журналъ: „Вѣстникъ Права“ за 1906 г.. кн. II.

[2]) Ср. *Frankel:* „Der gerichtliche Beweis“, p. 425 ff.

[3]) Характерно многословіе, къ которому прибѣгла наша статья (по моему чтенію) для обозначенія обвиняемаго или отвѣтчика: „часть та, иже есть *ина* части той, иже ищеть“. Выраженіе это является переводомъ талмудическаго schek'negdo, въ коемъ основа—neged,—*противъ*; первая приставка sche—неизмѣняемая частица *иже;* вторая приставка k соотвѣтствуетъ предлогу *на;* суффиксъ **o** значитъ *его;* такъ, что въ своей цѣлости слово это означаетъ: „иже напротивъ его“, а вмѣстѣ съ предшествующимъ ему обыкновенно словомъ zad-—*сторона* (pars) означаетъ: сторона, противная другой,—противникъ.

щеніемъ остальныхъ выраженій. А что въ концѣ Олегова Договора означенный абзацъ поставленъ совершенно неумѣстно—можно заключить изъ того, что въ сказанномъ Договорѣ, за исключеніемъ развѣ нашей статьи о судопроизводствѣ, въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ неизмѣнно говорится о взаимныхъ одинаковыхъ правахъ и обязанностяхъ обѣихъ договаривающихся сторонъ [1]). Поэтому, заключительная оговорка, что руссы должны *все* вышеписанное „сотворить и грекомъ“ является совершенно излишнею, и она получаетъ смыслъ лишь при перемѣщеніи ея въ нашу статью и только съ предлагаемыми мною поправками.

ОТДѢЛЪ V.

Статьи, относящіяся къ уголовному праву.

§ 1. Преступленіе убійства. Комментируя параллельныя статьи: 3-ю Договора Олега и 13-ю Договора Игоря о преступленіи смертоубійства, проф. *М. Ф. Влад.-Будановъ* установилъ слѣдующія положенія: 1) хотя договорившіяся стороны не проводили никакой разницы между убійствомъ умышленнымъ, неумышленнымъ и случайнымъ, „но отсюда никакъ нельзя заключить, какъ это дѣлаетъ Эверсъ, что въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ дѣйствительно не было различенія этихъ понятій“; 2) Договоръ Олега, вопреки мнѣнію Д. М. Мейчика, не даетъ родственникамъ убитаго безусловнаго дозволенія убивать преступника, а предоставляетъ имъ совершать *кровавую месть* досудебную, требующую, однако, *послѣдующаго оправданія судомъ*; по Договору же Игоря, месть со стороны руссовъ могла быть совершаема лишь *послѣ суда*; 3) во всякомъ же случаѣ непосредственная месть, допущенная Договоромъ Олега, позволяется только въ самый моментъ совершенія убійства; если же преступникъ убѣжитъ, то, взамѣнъ мести, конфискуется все его имущество въ пользу родственниковъ убитаго, за исключеніемъ части, причитающейся по закону *женѣ убійцы*, а при несостоятельности послѣдняго, истцы ждутъ, пока онъ не будетъ

---

[1]) Напр.: „По первому убо слову, да умиримся съ вами, Греки, да любимъ другъ друга..., *также и вы, Греки*, да храните такуже любовь“...— „Аще кто убьетъ *или Хрестьянина Русинъ, или Хрестьянинъ Русина*“.— „Аще полонянинъ... держимъ есть *или отъ Руси или отъ Грекъ*“ и т. д.

найденъ, и тогда могутъ убить его; и 4) что въ приведенныхъ постановленіяхъ „нельзя искать ни чисто-русскаго, ни чисто византійскаго права, но преобладающимъ является право русское“.

Для оцѣнки правильности, или же ошибочности, означенныхъ выводовъ необходимо прежде всего возстановить первоначальныя черты самаго текста обсуждаемыхъ Договорныхъ постановленій, въ виду несомнѣнной его испорченности, на которую указываетъ цѣлый рядъ соображеній.

Я утверждаю, что въ подлинныхъ мирныхъ грамотахъ Олега и Игоря цитированные пункты читались такъ:

Договоръ Олега 912 г.	**Договоръ Игоря 945 г.**
а) **Идеже** (чит.: *иже*) **аще створить убійство.** Аще кто [своею волею] убьетъ или Хрестьанина Русинъ, или Хрестьянинъ Русина, да умреть...	а) Аще убьеть Хрестьянинъ Русина, или Русинъ Хрестьянина . . . , да держимъ будеть створивый убійство отъ ближнихъ убьенаго, да убьютъ и́.
б) **[О семъ].** Да аще есть домовитъ, да часть его, сирѣчь, *иже его будеть*..., да возметь ближний убьенаго, а и жена (т. е. *жену*) убившаго да имѣеть (чит.: *имети*)...	б) И аще будетъ имовитъ, да возмуть имѣнье его ближьнии убьенаго.
Аще ли (же) есть неимовитъ створивый убой..., [да соиметь съ себе и ты самыа порты, в нихже ходить].	Аще ли есть неимовитъ створивый убийство, [яко да и порты в нихъ же ходить, да и то с него сняти].
в) **[О семъ].** Аще ли убежить створивый убийство, [да держиться тяжи дондеже обрящеться, (и) да умреть].	в) Аще ли же ускочить, (вар.: [убѣжить]), да ищутъ его, дондеже обрящется, аще ли обрящется, да убьенъ будеть.
г) **[О семъ].** Аще ли [нехотяй] тако створивый [будеть] [неимовитъ], да вдасть [елико по силѣ] (вар.: елико можеть) . . . . . , да о процѣ да ротѣ ходить своею вѣрою, яко никакоже... помощи (чит.: *по мощи*) ему	г) Аще ли есть неимовитъ, да (*вдасть*) како (*колико*) можеть..., [а о процѣ да на роту ходить по своеи вѣрѣ, яко не имѣя ничтоже]...
(*Аще ли*) [убежавъ], [да пребываеть тяжа отоле невзыскаема.	

д) **Ударение или** (чит.: *и ли*) **бьенье** (чит.: *убіеніе*). Аще ли ударить мечемъ [или] кацѣмъ любо сосудомъ, [и *ли* убьеть], [Русинъ Грьчина, или Грьчинъ Русина]. [да повинни будуть то створшии прежереченною эпитеміею].

д) Аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ либо оружіемъ. . . . . .

Чтобы оправдать установленное мною чтеніе и въ тоже время обнаружить порчу имѣющагося въ лѣтописныхъ сборникахъ текста, я разберу отдѣльно каждую фразу приведенныхъ постановленій Договоровъ.

I. „**Идѣже аще сотворить убійство**“. Фраза эта, помѣщенная въ наличномъ текстѣ Договора Олега вслѣдъ за словами: „да умреть“, толкуется изслѣдователями въ томъ смыслѣ, что убійца долженъ быть казнимъ тамъ, гдѣ онъ совершилъ убійство. Въ пользу такого пониманія фразы говоритъ, казалось бы, то, что и въ славянскихъ переводахъ сборниковъ византійскаго законодательства содержится тождественное положеніе: „Нарочитіи (вар.: именитіи) разбойници на мѣстехъ, на нихже разбой творяху (вар.: идѣже бродили), повѣшени да будуть [1]). Но въ сущности сказанная паремія выражаетъ не положительную юридическую норму, а лишь народную поговорку, означающую, что за преступленіемъ неминуемо слѣдуетъ всегда непосредственно и наказаніе, какъ это явствуетъ изъ того, что такое же пословичное изреченіе было въ ходу и у евреевъ и цитируется въ древнѣйшемъ (до V в.) агадическомъ сборникѣ подъ заглавіемъ „Tanchuma“, въ толкованіи на стихъ 20 Псалма 72 (73): „*Народная пословица гласитъ*: въ томъ мѣстѣ, гдѣ разбойникъ разбойничаетъ, тамъ его и вѣшаютъ“, или въ лат. переводѣ Буксторфа: „Proverbium vulgare dicit: in quo loco praedo praedatur, ibi suspenditur“. Это соображеніе, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что наша фраза отсутствуетъ вовсе въ параллельномъ мѣстѣ Игорева Договора, и даетъ основаніе перенести ее вверхъ, въ качествѣ *заголовка* предъ постановленіемъ объ убійствѣ, и считать „идѣже“ не нарѣчіемъ, а союзомъ, употребленнымъ, вмѣсто „иже“, подобно тому, какъ и въ приведенномъ выше сочетаніи Олегова же Договора: „идѣже аще ключиться таково“ слово „идѣже“ представляется уже несомнѣнно союзомъ,

---

[1]) Кормчая. Зак. Град., грань 39, ст. 15.—„Законъ о казнѣхъ“, ст. 15. Ср. Книги Законныя, изд. Павлова, стр. 65—6.

равнозначущимъ союзу „аще“—*если*. Можно указать еще на многіе другіе случаи употребленія обоихъ этихъ союзовъ рядомъ. Такъ, напр., въ „Законныхъ Книгахъ“ въ переводѣ одной статьи Прохирона читается: *иже аще* кто от сѣого крещения кого въсприметь“ (*Павловъ*, стр. 14); тамъ же, въ „Землед. Уставѣ“: „*Аще иже* исполоу приемый дѣлати и пр.“ (стр. 45); тамъ же, въ главѣ „о раздѣленіи бракомъ“: „и отдасть ей (женѣ) все моужъ *еже аще* пріялъ боудеть“ (стр. 79). Попутно отмѣчу, что употребленіе сочетанія двухъ равнозначительныхъ или близкихъ по значенію союзовъ встрѣчается довольно часто и въ еврейскомъ языкѣ.

Обращаюсь къ самому содержанію приведенной мною подъ лит. *а* Договорной статьи, угрожающей за убійство смертною казнію. Начало ея по редакціи Олеговой грамоты: „Аще кто убіеть“ я дополнилъ словами: „*своею волею*“, извлеченными изъ ст. 10-й той же грамоты, - изъ предложенія: „да аще в кое время елико ихъ приидеть и хотять остати у царя вашего, *своею волею* да будуть“, каковое предложеніе представляется лишь наборомъ отдѣльныхъ словъ и фразъ. Такимъ образомъ, разсматриваемая статья, дополненная словами: „*своею волею*“, воспроизводитъ правоположеніе Прохирона, resp. „Град. Закона“ (гл. 48, гр. 39): „Творяй убійство *волею*, мечемъ муку да пріиметъ“, соотвѣтственно чему въ Уложеніи ц. Ал. Мих. (гл. XXI, ст. 72) выражено: „А кого кто убіетъ съ *умышленіемъ*,... и такого убійцу самого казнити смертію“. Если же заключительныя слова статьи Олегова Договора: „да умреть“ дополнить имѣющимся въ параллельной статьѣ Игорева Договора сочетаніемъ, „да держимъ будеть сотворивыи убійство отъ ближнихъ убіеннаго, да убьють и“, то станетъ ясно, что первоисточникомъ Договорнаго постановленія о смертной казни за лишеніе жизни послужилъ Моисеевъ Законъ: „Человѣкъ, *иже аще* (вотъ опять примѣръ употребленія рядомъ союзовъ *иже* и *аще*) оубіетъ всяку дшю человѣчю, смертью оумретъ“ (Лев. 24. 17, по переводу Печ. Кормчей, гл. 45). „Оужикъ крове, сей да оубіетъ оубившаго; егда оусрящетъ его, сей да оубіетъ его“ (Чис., 35. 19).

II. **Статья подъ лит. б.**, трактующая о взысканіи въ пользу родственниковъ убитаго всего имущества, принадлежащаго убійцѣ, возстановлена мною слѣдующимъ образомъ:

Заглавіе: *о семъ*, означающее, что статья эта является лишь продолженіемъ предшествующей статьи—о наказаніи за умышленное убійство,—взято мною изъ конца статьи 3-й Олегова Договора,—изъ сочетанія: „якоже явиться согрѣшенье о семъ“, гдѣ сказанное выраженіе лишено всякаго смысла, почему и оставлено

безъ перевода *Эверсомъ* и другими комментаторами, за исключеніемъ *А. В. Лонгинова*, который это сочетаніе изъясняетъ: „какъ обнаружится преступленіе *за это*“,—толкованіе, не соотвѣтствующее грамматическому значенію подчеркнутыхъ двухъ словъ.

Затѣмъ, чтеніе **перваго абзаца** статьи установлено мною посредствомъ исключенія изъ существующаго текста Договора Олега фразъ: 1) „Аще ли убѣжить сотворивый убийство“, 2) „по закону“ и 3) толицемь (или толцѣмь) же пребудеть (или прибудеть) по закону“. Первую фразу я считаю подлежащею исключенію потому, что логически недопустимо, чтобы въ пользу родственниковъ убитаго производилось съ имущества убійцы взысканіе только въ случаѣ бѣгства послѣдняго, а не также и тогда, когда онъ находится на лицо. Притомъ же, я вслѣдъ за симъ укажу надлежащее мѣсто, гдѣ сказанная фраза первоначально стояла въ подлинникѣ и откуда она попала сюда. Выраженіе же „по закону“ въ примѣненіи къ имуществу убійцы—совершенно излишне, ибо и безъ него вполнѣ понятно, что взысканіе обращается только на имущество, составляющее законную собственность преступника, а не на то, которое находится въ незаконномъ владѣніи послѣдняго. Третья же фраза сама собою обличаетъ свой вставочный характеръ. *Шлецеръ* оставилъ ее безъ перевода, означивъ пробѣлъ многоточіемъ (II, стр. 714). *Карамзинъ*, *Соловьевъ* и другіе изслѣдователи передаютъ только общій ея смыслъ: „часть, какая слѣдуетъ по закону,—законная часть“. Только немногіе ученые пытались истолковать ее этимологически. Такъ, *Бѣляевъ* (Русь въ первыя сто лѣтъ и пр.), вм. „толицемь же прибудеть по закону“, предложилъ читать: „*то лицемь, еже ея будеть, по закону*“, т. е. жена убійцы да удержитъ *то* лицемъ, что ей принадлежитъ по закону“. *Лавровскій*, указавъ на произвольность такого чтенія и перевода, съ своей стороны полагалъ (стр. 77), что *толицемъ* сокращено изъ двухъ словъ: столько, сколькимъ и т. д. (τόσον, ὅσῳ), *Срезневскій* (Изв. Ак. Н., III, 284), оставивъ безъ всякаго толкованія *толицемь*, утверждаетъ, что *прибудеть* значитъ: получитъ, но не приводитъ ни одного примѣра употребленія этого слова въ такомъ значеніи, тогда какъ онъ же самъ въ своемъ Словарѣ объясняетъ глаголъ *прибыти*, *прибуду* въ смыслѣ: прибавиться, увеличиться, умножиться, откуда *прибытокъ*—прибавленіе, прибыль, доходъ, ростъ. *А. В. Лонгиновъ* (стр. 125), читая, вм. *прибудеть*,—*пребудеть*, передаетъ все предложеніе такъ: „жена убившаго пусть имѣетъ (часть), „толцѣмъ же“, т. е. со столькимъ же (имуществомъ) пребудетъ по закону“,—объясненіе, „толцѣмъ *же*“ насильственное, какъ и всѣ предыдущія.

Причина же неудовлетворительности приведенныхъ толкованій нашей фразы—та, что послѣдняя поставлена въ данной статьѣ вовсе не кстати. По очисткѣ же статьи отъ всѣхъ вышесказанныхъ наростовъ, она, въ переводѣ на современный русскій языкъ, представится въ такомъ видѣ:

„И если онъ (разбойникъ) состоятелень, то пусть „**часть**“ его, т. е. все его имѣніе, *равно какъ и* **жену** *его*, возьметъ ближайшій родственникъ убитаго“.

Изложенный переводъ вполнѣ согласенъ съ переводомъ *Ломоносова и Татищева. Шлецеръ* же (II, 714—715) находилъ чтеніе Ломоносова: „да и жену убившаго да имѣетъ (возьметъ) ближнии убіеннаго“—никуда не годнымъ. „Руссы, пишетъ онъ, были тогда еще язычниками: если бы Грекъ убилъ Русса, то жену Грека-христіанина должно было бы отдать Руссу-язычнику!“ Вотъ почему Шлецеръ предпочитаетъ чтеніе: „*а иже на* убившаго“, имѣющееся во всѣхъ спискахъ, кромѣ Радзивиловскаго, не представляя, однако, отъ себя никакого объясненія этого сочетанія. Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей *Лавровскій* (стр. 73), принимая послѣднее чтеніе, даетъ такое толкованіе всего мѣста: „*а что приходится на убившаго* (т. е. на его семью, не причастную злодѣянію), то онъ имѣетъ столько, сколько придется по закону“; *г. Макушевъ* предлагаетъ читать: „а иже убившаго *имети*, толицемъ прибудеть по закону“, т. е. тотъ, кто *поймаетъ* убійцу, получитъ награду по закону; *Д. И. Мейчикъ* же читаетъ: „а иже на убившаго, да *имается*“, т. е., кто *выступитъ съ обвиненіемъ* противъ убившаго, тотъ получитъ часть наравнѣ съ родственниками убившаго. (См. Хр—тію Вл.-Буданова, прим. къ ст. 3 Дог. Олега).

Неестественность всѣхъ этихъ толкованій слишкомъ очевидна, чтобы объ этомъ нужно было много распространяться. Въ пользу же основательности изложеннаго мною перевода всей нашей статьи, сходнаго съ переводомъ Ломоносова и Татищева, говоритъ прямой смыслъ входящихъ въ нее словъ и оборотовъ и, въ особенности, соотвѣтствіе ея содержанія положеніямъ Русской Правды и „Монголо-калмыцкаго ойратскаго устава взысканій“. Такъ, обсуждая фразу: „да часть его, сирѣчь, иже его будетъ по закону“, Лавровскій (стр. 72) замѣтилъ, что здѣсь *иже* не относится къ реченію *часть*, а употреблено въ сред. родѣ единств. числа и служитъ началомъ послѣдующаго предложенія, составляющаго какъ-бы толкованіе слова *часть*, которое имѣло на византійскомъ юридическомъ языкѣ строго опредѣленный смыслъ, но не имѣло его, конечно, на русскомъ. Между тѣмъ никакъ нельзя

утверждать, что слово „часть“ стало болѣе понятнымъ, благодаря комментарію, состоящему въ глухой ссылкѣ на какой-то „законъ“, неизвѣстно, русскій ли, или византійскій, коимъ нормируется размѣръ части имущества убійцы, подлежащей взысканію въ пользу родственниковъ убитаго. Уяснить же означенное реченіе можно только при помощи еврейскаго языка. Въ Библіи chelek—*часть* употребляется, какъ синонимъ nachlah—удѣлъ, достояніе, напр.: „Ибо *часть* (chelek) Господа—народъ Его; Іаковъ—удѣлъ наслѣдія Его“ (Второз, 32, 9), или: „Господь есть *часть* наслѣдія моего“ (—chelki, по переводу Лютера.: Der Herr ist mein *Gut* und mein *Theil*,—Пс. 14 (16), 5) [1]). Точно также и фраза: „*иже его будетъ*“ (слова́: „по закону“, какъ мною уже замѣчено выше, вставлены здѣсь неумѣстно) является буквальнымъ переводомъ съ еврейскаго языка, въ которомъ понятіе имущества, достоянія обозначается посредствомъ присоединенія къ неизмѣняемому по родамъ и числамъ относительному мѣстоименію *ascher* (что̀, который), личнаго мѣстоименія, выраженнаго въ дательномъ падежѣ: li (мнѣ), lecha (тебѣ) и т. д., а иногда посредствомъ присовокупленія еще и глагольной формы *будетъ* или *найдется*. Напр., въ ст. 16 гл. 21 Второз.: „И будетъ въ онь же день раздѣлитъ (отецъ) сыномъ своимъ имѣніе свое“—слову *имѣніе* соотвѣтствуетъ въ еврейскомъ подлинникѣ сочетаніе: ascher jihjeh lo—*что̀ будетъ ему*=„иже его будетъ“; или: въ ст. 24 гл. 32 Бытія: „И взя ихъ (Іаковъ), и прейде потокъ, и преведе *вся своя*“—послѣднимъ двумъ словамъ отвѣчаютъ въ оригиналѣ: *что̀ ему* (ascher lo), т. е. переправилъ все, что у него имѣлось, все свое имущество. Такимъ образомъ, какъ само по себѣ выраженіе *часть*, такъ отдѣльно и пояснительное сочетаніе: „*иже его будетъ*“, представляютъ собою не грецизмы, а скорѣе всего гебраизмы, и значатъ каждое одинаково: *имѣніе*,—каковое слово и читается въ параллельной статьѣ Игорева Договора.

Что же касается самаго содержанія нашей статьи, то оно прямо противорѣчитъ моисеево-талмудическому праву, по которому воспрещено было брать выкупъ отъ повиннаго смерти человѣкоубійцы, все равно, умышленнаго или неумышленнаго (Числ., 35. 31—32), при чемъ имущество приговореннаго синедріономъ къ смертной казни преступника переходитъ къ *его* наслѣдникамъ“. (Ср. *Mayer*: Gesch. der Strafrechte, p. 132). Не совпадаетъ также норма нашей статьи и съ положеніями греко-римскаго права, ибо, хотя по закону Корнелія de sicariis et veneficis осужденный на

---

[1]) Отъ слова chelek – часть, имущество—произошло chelka—поле. Ср. II Цар., 14. 30.

ссылку за намѣренное смертоубійство или отравленіе лишался своего имущества (L 3 § 5 D. 48, 8), но отбиралось послѣднее не для ближайшихъ родственниковъ убитаго, а въ пользу императорскаго фиска; дѣти же осужденнаго преступника могли получать изъ конфискованнаго имущества извѣстную часть (въ позднѣйшее время—половину) лишь въ пути милосердія верховной власти, и только въ томъ случаѣ, когда конфискаціи подвергалось *все* имущество, а не часть его. (*Th. Mommsen*: Römisches Strafrecht, S. 1006). Но за то неожиданно обнаруживается полное сходство нашей Договорной статьи съ постановленіемъ монголо-ойратскаго устава, въ силу котораго у совершившаго убійство въ *трезвомъ* состояніи, т. е. злоумышленно, отбираются *его жена*, доспѣхъ, оружіе, и *все его имущество* [1]). Съ подобнымъ же постановленіемъ встрѣчаемся и въ ст. 5-й Русской Правды, о которомъ поговорю особо въ главѣ четвертой настоящаго труда.

Второй абзацъ нашей статьи составленъ мною изъ двухъ предложеній, вынутыхъ изъ ст. 4-й и 5-й. Смыслъ его тотъ, что, если умышленный убійца неимущъ, то съ него нужно снимать, какъ говорится, и послѣднюю рубашку. Замѣчу, что фраза: „*яко да и порты въ нихъ же ходитъ*“ встрѣчается неизмѣнно въ еврейско-арамейскихъ брачныхъ и договорныхъ актахъ. Такъ, напр., въ текстѣ „добавочной брачной записи“ (thosphath kethuba), цитируемой проф. *К. Малышевымъ* въ Особомъ Прилож. къ „Курсу общаго гражд права Россіи“ (1880 г., стр. 500), читается: „И всѣ мои имущества и владѣнія, которыя я имѣю подъ небомъ,—которыя пріобрѣлъ, или впредь пріобрѣту... должны служить залогомъ и ручательствомъ того, что сей долгъ будетъ изъ оныхъ уплаченъ, *хотя бы я долженъ былъ разстаться съ послѣднимъ платьемъ, которое ношу на себѣ*“. Въ арамейскомъ же подлинникѣ на мѣстѣ подчеркнутаго предложенія стоитъ фраза: „даже съ плаща

---

[1]) См ст. 58 Монг.-Калмыцкаго Устава (изд Ѳ. И. Леонтовича) по нѣмецкому тексту Палласа: „Wenn einer nüchtern zum Mörder wird, dem nehmet **sein Weib**, Wehr, Waffen und **alle Haabe**“. Любопытно, что понятія объ умышленности и неумышленности преступленія обозначаются какъ въ монгольскомъ уставѣ, такъ и въ памятникахъ московскаго законодательства одинаковыми выраженіями: *трезво*, nüchtern—значитъ умышленно, *въ пьяномъ видѣ*, im Trunk—неумышленно (ст. 57 монг. устава по нѣмец. тексту); точно также въ Устав. Книгѣ Разбойнаго Приказа, напр., въ докладѣ кн. Пожарскаго отъ 17-го февраля 1625 г., читаемъ: „а съ пытки тотъ убойца учнетъ говорить, что убилъ *пьянымъ дѣломъ*, а не умышленнымъ“ и пр. (Христ. проф. Вл.-Буданова, вып. III, стр. 68).

(или кафтана) на плечахъ“ (glima d'al kathphei). Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь косвенное подтвержденіе того, что русское *портъ* или *порты* преимущественно значило верхнее одѣяніе, какъ это, впрочемъ, и прямо видно, напр., изъ сообщенія „Древняго Лѣтописца“ подъ 1377 г., что русскіе воины, высланные противъ царевича Арапши, „ѣздиша, *порты своя съ плечъ спущающе,* а петли застегавше“ [1]).

III. **Ст. подъ лит. в.** постановляетъ, что въ случаѣ побѣга злоумышленнаго убійцы, ближайшимъ его родственникамъ предоставляется его разыскивать („да ищють его“, „да дрьжится тяжи„), а когда его застигнутъ,—убить.

Заголовокъ нашей статьи—„*о семъ*“ взятъ мною изъ конца статьи 5-й Договора Олега, а самый *текстъ* составленъ изъ двухъ предложеній, извлеченныхъ изъ статьи 4-й того же Договора.

Изъ отдѣльныхъ выраженій данной статьи обращаетъ на себя вниманіе слово **тяжа**. *И. И. Срезневскій* (l. c., стр. 290), указавъ на нахожденіе этого слова въ древнемъ переводѣ Апостольскихъ Чтеній: „се бо отъинудь срамъ вамъ есть, яко тяжя имате съ собою“ (I Коринѳ., VI, 7) и въ древнемъ чешскомъ языкѣ (taha, têžénie), а также въ польскомъ (ciążą)—замѣтилъ, что „переводчикъ Олегова Договора, имѣлъ ли онъ передъ собою слово *χρῖμα* или *φιλονεικία*, все равно: онъ перевелъ его народнымъ юридическимъ терминомъ, настолько же русскимъ, какъ и общимъ славянскимъ“. Но основательнѣе будетъ, какъ мнѣ кажется, принять, что *тяжа*, *тяжба* переведено съ арамейскаго языка. На этомъ языкѣ, какъ и на еврейскомъ, глаголъ taan значитъ: накладывать тяжести, нагружать, навьючивать; существительное же: teun, tuna, taanah, teuna, teina означаетъ *тяжесть*, *кладь*, *грузъ*; въ переносномъ же смыслѣ taanah въ талмудо-раввинской письменности означаетъ: доводъ, аргументація, претензія, споръ, исковое требованіе, жалоба, обвиненіе; отсюда тяжущіяся стороны называются: toen—истецъ, жалобщикъ, обвинитель,—отяготитель, и nitan—отвѣтчикъ, обвиняемый—обремененный, отягощенный.

По *содержанію* же своему наша статья является отголоскомъ положеній моисеево-талмудическаго законодательства объ *институтѣ убѣжища:*

„Когда вы перейдете чрезъ Іорданъ въ землю Ханаанскую“, говорится въ Пятикнижіи, „то приспособите себѣ города, г· родами

---

[1]) Ср. подробное объясненіе слова „портъ“ у проф. *Мр.-Дроздовскаго*: „Изсл. о Русской Правдѣ, в. II, стр. 235—7.

убѣжища да будутъ они для васъ, чтобы туда могъ *убьжать* убійца, убившій душу (душегубецъ) неумышленно, и да будутъ у васъ города эти убѣжищемъ отъ мстителя, чтобы не былъ убійца умерщвленъ прежде, нежели предстанетъ предъ общество на судъ... Но, если кто будетъ врагомъ ближнему своему и будетъ подстерегать его и возстанетъ на него и убьетъ его до смерти, и *убьжитъ* въ одинъ изъ городовъ тѣхъ, то пусть пошлютъ старѣйшины города его и возьмутъ его оттуда, и передадутъ его въ руку кровомстителя, чтобы онъ умеръ“ (Числ. 35. 10—12; Второзак. 19. 11—12).

Мишна разъясняетъ эти положенія такъ: „Вначалѣ, (т. е., по толкованію комментаторовъ, предварительно судебнаго разбирательства) какъ неумышленный, такъ и умышленный убійца спѣшитъ спасаться бѣгствомъ въ *города убьжища*, а судебная коллегія того города, гдѣ убійство произошло, распоряжается о приводѣ оттуда преступника и судитъ его, какъ сказано: „и пусть пошлютъ старѣйшины города его и возьмутъ его оттуда“, и кто повиненъ смерти, того умерщвляютъ, а кто оправданъ, того отпускаютъ, какъ сказано: „и пусть спасетъ общество убійцу отъ руки мстителя“ (Чис. 35. 25), а кто осужденъ къ ссылкѣ, того возвращаютъ на мѣсто ссылки, при чемъ ему даютъ въ проводники двухъ свѣдущихъ въ законѣ лицъ для охраны его на пути отъ покушеній со стороны мстителя“. (Ср. Кодексъ Маймонида, раздѣлъ: „о душегубствѣ“, гл. 5, ст. 7).

Напрашивающійся самъ собою выводъ изъ сопоставленія нашей Договорной статьи съ указанными только-что нормами моисеево-талмудическаго законодательства о правѣ кровной мести я изложу ниже, а пока перехожу къ разсмотрѣнію слѣдующей статьи.

IV. Статья подъ лит. г., трактующая о неумышленномъ лишеніи жизни, возстановлена мною посредствомъ перенесенія въ нее слова: „*нехотяй*“ или „*нехотя* изъ статьи 14-й Олегова же Договора, а остальныхъ словъ изъ статьи 5-й того же Договора.

Смыслъ же нашей статьи—тотъ, что убійца неумышленный платитъ родственникамъ убитаго вознагражденіе лишь по мѣрѣ возможности („елико можетъ“, или по другому варіанту: „елико по силѣ“) [1]), но долженъ присягнуть, что ему, дѣйствительно, не „по мощи“ (т. е. непосильна) уплата остальнаго долга. Если же такой убійца *убьжитъ*, то производство уголовнаго дѣла совсѣмъ

---

[1]) Послѣдній варіантъ взятъ изъ ст. 1-й Дог. Олега: „потщимся *елико по силѣ*“.

прекращается [1]). Думаю, что основательность предлагаемыхъ мною поправокъ текста и объясненіи приведенной статьи не нуждается въ подтвержденіи. Обращу вниманіе только на читаемое въ лѣтописныхъ сводахъ предложеніе: „*да о проць да роть ходить свою вѣрою, яко никакоже иному помощи ему*“. Всѣ толкователи усматриваютъ въ словѣ „помощи“ форму неопредѣленнаго наклоненія глагола, означающаго: помочь, пособить, оказать поддержку, но расходятся въ пониманіи реченія „*иному*“, почему и переводятъ неодинаково все поцитованное предложеніе. Такъ, *Шлецеръ* (II, 717) толкуетъ: „да клянется по своей вѣрѣ, что *никто помочь ему не можетъ*“. *Карамзинъ* (I, гл. V):—„да клянется по вѣрѣ своей, что *ни ближніе, ни друзья не хотятъ его выкупить изъ вины*“. *Бѣляевъ* (Лекціи): „а въ остальномъ да клянется по своей вѣрѣ, что у него *некому помочь въ платежѣ*“. *Эверсъ*: Schwöre er..., dass er nichts Anderes habe sich zu helfen, или (по неточному русскому переводу Платонова, стр. 165): „да клянется..., что *никто изъ постороннихъ не помогаетъ* ему. *Лавровскій* (стр. 78—9) выслѣдилъ въ упомянутыхъ словахъ, какъ и въ другихъ оборотахъ и выраженіяхъ Олегова Договора, несомнѣнные признаки перевода съ византійскаго подлинника. „Трудно, говоритъ онъ, найти страницу въ современныхъ договорамъ памятникахъ византійской письменности, въ которой бы не было употреблено независимое неокончательное наклоненіе, *а потому* означенныя слова, *безъ сомнѣнія*, соотвѣтствуютъ выраженію подлинника: „ὡς μηδαμῶς τὸν ἄλλον βοηθεῖν αὐτόν...“ *Лонгиновъ* сближаетъ наше Договорное постановленіе съ обрядомъ chrenecruda Закона Салическаго (Lex Salica)—символическимъ актомъ бросанія „пыли“, или, по Як. Гримму, чистой травы (reines Kraut), посредствомъ котораго убійца послѣ отдачи въ счетъ положеннаго вергельда (виры) всего своего движимаго имущества и по удостовѣреніи 12-ю соприсяжниками, что болѣе такового имущества у него нѣтъ „ни надъ землею, ни подъ землею“,—переуступалъ домъ и надѣлъ ближайшему своему родственнику вмѣстѣ съ обязательствомъ доплатить причитающуюся остальную часть вергельда.

Но едва-ли нужно доказывать, что всѣ приведенныя толкованія не имѣютъ подъ собою никакой почвы, какъ опирающіяся всецѣло на одномъ словечкѣ: „*иному*“, не дающемъ само по себѣ ни малѣйшаго основанія къ выводу, будто древне-русскому юри-

---

[1]) Слово „убѣжавъ“ перенесено мною сюда изъ окончанія ст. 4-й Дог. Олега,—изъ фразы: „аще ли есть неимовитъ сотворивый убой *и убѣжавъ*“.

дическому быту въ эпоху составленія Договоровъ извѣстна была обязательная помощь преступнику въ платежѣ денежныхъ пеней со стороны его родственниковъ или посторонннихъ лицъ,—между тѣмъ, какъ это установленіе рѣшительно чуждо было византійскому праву и вытѣснено было и изъ законныхъ книгъ германскихъ племенъ, по мѣрѣ водворенія среди послѣднихъ христіанства [1]).

Ближе къ правильному пониманію означеннаго выраженія Олегова Договора подошелъ *Д. М. Мейчикъ* [2]), предлагающій читать: „якоже никако *ино* по мощи ему“, т. е. что ничто другое ему не по силамъ. Проф. *Вл.-Будановъ* (X-тія, изд. 2-е, I, стр. 4) находилъ такое чтеніе совершенно невѣроятнымъ, „такъ какъ современники Олега не могли знать литературныхъ оборотовъ XIX вѣка“. Но замѣчаніе это неубѣдительно. Если авторамъ Договора Олега извѣстенъ былъ оборотъ: „*яко по силѣ*“, т. е. сообразно средствамъ, по мѣрѣ возможности, то они, конечно, могли, для разнообразія, употребить и синонимное выраженіе: „по мощи“. Натянутымъ въ объясненіи г. Мейчика представляется развѣ лишь толкованіе слова „иному“ въ смыслѣ: ничто другое. Вотъ почему я и полагаю, что это слово здѣсь вставлено невпопадъ, чему доказательствомъ служитъ уже одно то, что въ параллельномъ мѣстѣ Игорева Договора читается: „а о процѣ да на роту ходить..., *яко не имѣя ничтоже*“, безъ всякаго даже намека на помощь въ платежѣ пени со стороны родственниковъ или „иныхъ“, другихъ лицъ. Позволительно даже догадываться, откуда именно и какимъ образомъ попало сюда сказанное слово. Дѣло въ томъ, что въ протографѣ Лавр. сп. въ заключительной части Олегова Договора, вѣроятно, стояло, какъ и значится теперь въ Радзивил. спискѣ,—(Шлецеръ, II, 745): „не преступити намъ, *ни и ону* отъ страны нашея, отъ уставленныхъ главъ мира и любви“. Надо полагать, что кто-то изъ обладателей или читателей рукописи отмѣтилъ на полѣ переправку ошибочныхъ словъ „*и ону*„ въ „*иному*“. Эта-то маргинальная замѣтка при послѣдующихъ переписках и перемѣщена была въ нашу статью, при чемъ одинъ сводчикъ написалъ: „яко никакоже *иному* помощи ему“, а другой (см. Соф. 1-ую лѣт., стр. 95):—„яко никако помощи ему *иному*“—что́ уже совсѣмъ нелѣпо.

V. **Статья подъ лит. д.** Существующій текстъ данной статьи

---

[1]) Институтъ т. н. дикой виры сюда никакого отношенія не имѣетъ.

[2]) „Система преступ. и наказ. по Догов. Олега и Игоря и Правдѣ Ярослава“ (Юрид. Вѣстникъ за 1875 г., кн. 1—3).

Договора Олега гласитъ: „Аще ли ударить мечемъ или убьеть кацѣмъ либо сосудомъ (въ Договорѣ Игоря: оружиемъ), за то ударенье или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону рускому“. (По Договору Игоря: ...„Русинъ Грьчина или Грьчинъ Русина, *да того дьля грьха* заплатитъ сребра литръ 5). По общему мнѣнію толкователей, предметъ настоящей статьи—*нанесеніе побоевъ и ранъ*. Но при такомъ пониманіи мы наталкиваемся на цѣлый рядъ недоразумѣній. *Во 1-хъ*, здѣсь говорится собственно только о побояхъ—объ „ударенiи“. Но вѣдь не всѣ же побои оканчиваются причиненіемъ ранъ и увѣчій. Удивительно, поэтому, что о послѣднихъ наши акты умалчиваютъ вовсе. *Во 2-хъ*, непонятно, для чего въ Олеговомъ Договорѣ понадобилось столь вразумительное само по себѣ слово *ударенье* изъяснить посредствомъ прибавки равнознаменательнаго выраженія: „*или бьенье*“, отсутствующаго, притомъ, въ Игоревомъ трактатѣ? *Въ 3-хъ*, непонятно также перечисленіе орудій посягательства на тѣлесную неприкосновенность: меча, копья, всякаго рода оружія. Если согласиться съ комментаторами, что рѣчь идетъ здѣсь только о побояхъ и ранахъ, то придется допустить логически невозможный выводъ, что причиненіе таковыхъ рукою, палкою, камнемъ и другими предметами, не подходящими подъ понятіе оружія, совершенно ненаказуемо. Предполагать же, что орудія, посредствомъ которыхъ удары нанесены, показаны лишь примѣрно (exemplificative), а не ограничительно (restrictive), не представляется никакого основанія. *Въ 4-хъ*, немыслимо, чтобы пеня въ 5 литръ серебра опредѣлена была однообразно и за легкіе побои, и за тяжкія раны и увѣчья. *Въ 5-хъ*, странно, что означенная пеня, положенная безразлично и для русина и для гречина, квалифицируется здѣсь, какъ установленная единственно лишь „по закону русскому“, тогда какъ въ другихъ статьяхъ это выраженіе сопровождается словами: „и по закону гречьскому“. *А. В. Лонгиновъ* (стр. 132) полагаетъ, что въ данномъ случаѣ „выраженіе Договора 912 г: „по закону русскому“ относится не къ *размѣру* пени, каковой могъ быть согласованъ и съ греческимъ закономъ, а къ *порядку ея платежа* („да вдасть“), будучи внесено по иниціативѣ русскихъ пословъ, въ видѣ особаго изъятія изъ смѣшанныхъ русско-византійскихъ правовыхъ институцій Договорной Правды, для примѣненія по дѣламъ, возникающимъ въ русскомъ государствѣ“. Но предположеніе это произвольно, ибо изъ словъ „да вдасть“ никоимъ образомъ нельзя заключить объ установленіи, по почину будто бы русскихъ пословъ, особаго порядка платежа пени, разсчитаннаго на примѣненіе его исключительно въ предѣлахъ русскаго государства, тогда какъ всѣ прочія постановленія мирнаго

трактата примѣнялись одинаково на территоріяхъ обѣихъ договорившихся сторонъ.

Совокупность всѣхъ изложенныхъ соображеній приводитъ къ мысли о несомнѣнной искаженности текста разбираемой статьи и оправдываетъ попытку къ возстановленію подлинныхъ ея чертъ. Съ этою цѣлью я произвелъ слѣдующія дѣйствія: а) слилъ вмѣстѣ *обѣ редакціи* нашей статьи, представляемыя Договорами Олега и Игоря, б) очистилъ текстъ отъ наносныхъ оборотовъ и отдѣльныхъ словъ, подлежащихъ перенесенію въ другія мѣста Договорныхъ грамотъ, и в) дополнилъ нашу статью пропущеннымъ въ ней окончаніемъ, ошибочно, какъ увидимъ ниже, очутившимся въ заключительной части ст. 8-й Олегова Договора: „да повинни будуть то створшии прежереченною епитеміею“. Послѣ этихъ операцій статья наша и получила вышеизложенный видъ. Смыслъ же ея таковъ:

> За нанесеніе кому-либо, хотя и безъ умысла на убійство, ударовъ какимъ либо *острымъ* желѣзнымъ орудіемъ полагается, въ случаѣ, если отъ этого *послѣдовала смерть* („и *ли*, (т. е. если) убьетъ“), то самое наказаніе, какое постановлено въ предшествующихъ статьяхъ за умышленное убійство, а именно:—смертная казнь.

При такомъ установленномъ мною чтеніи нашей статьи можно бы думать, что она заимствована изъ сборниковъ византійскаго законодательства. Такъ, Прохиронъ (Зак. Град., гр. 39, ст. 83—85) постановляетъ:

> „Иже мечемъ оударитъ нѣкого, аще оумретъ уларены, *мечемъ пріиметъ моуку;* аще же оуязвены не оумретъ, давшему язву *да оусѣчется рука*, понеже отнюдъ посѣщи мечемъ дерзноулъ есть“. —Свадѣ междоу нѣкимъ бывши, аще приключится кому оубіену быти, судіи да видятъ сосуды, имиже сотворися смерть, и аще обрящутъ древом дебелымъ, или каменіемъ великимъ, или пхапіемъ смерть бывшу, се сотворшему *роуцѣ да оусѣкутъ*; аще ли легчайшими казньми прилучится смерти быти, *бившее сего*, да изженоут.—Аще кто в сварѣ рукою оударитъ нѣкоего, и оумретъ, да изженется“.

Тѣ же постановленія содержатся и въ Эклогѣ (Печ. Кормч., гл. 49, зач. 16, ст. 5, 7 и 8), а также въ „Законѣ о Казнѣхъ“ (изд. Павлова, ст. 63 и 64). Но, въ дѣйствительности, занимающая насъ статья лишь воспроизводитъ одно изъ положеній библейско-талмудическаго права, изображенныхъ, съ сохраненіемъ подлинныхъ словъ еврейскихъ первоисточниковъ, въ Кодексѣ Маймонида, въ раздѣлѣ „*о душегубствѣ*“, гдѣ читается слѣдующее:

Глава 1, § 1„... Совершившій смертоубійство предумышленно, въ присутствіи свидѣтелей, предается смертной казни мечемъ, ибо написано (Исх., 21. 20): „за него должно быть отомщено“, а это, по традиціи (kabbala), означаетъ смертную казнь *посредствомъ меча*“ (ср. приведенное выше византійское правило: „Творяй убійство волею... *мечемъ* муку пріиметъ“). *Глава III, § 1*: „Если кто съ умысломъ ударилъ своего друга (другого) камнемъ или деревомъ и чрезъ то его умертвилъ, то принимаютъ въ соображеніе предметъ, употребленный для нанесенія удара..., пригодность или непригодность сего предмета для причиненія смерти, ибо сказано (Чис., 35. 17—18): „И если ручнымъ камнемъ (или деревяннымъ ручнымъ орудіемъ), отъ котораго умереть можно, ударилъ онъ его“,— изъ чего можно заключить, что требуется, чтобы орудіе, коимъ нанесены удары, само по себѣ способно было причинить смерть“.— *Тамъ же, §§ 2 и 3:* Далѣе, изъ словъ Писанія: „отъ котораго умереть можно“ вытекаетъ, что нужно принимать во вниманіе свойство части тѣла, подвергшейся ударамъ..., силу ударовъ, разстояніе, съ котораго брошенъ камень..., состояніе ушибленнаго мѣста, физическую силу, возрастъ и степень здоровья убійцы и убитаго“... *Тамъ же, § 4:* „Для оцѣнки же желѣзныхъ орудій Законъ (Тора) не установилъ никакого мѣрила, ибо сказано (Чис., 35. 16): „Если желѣзнымъ орудіемъ ударилъ кто кого, такъ, что тотъ умеръ, то онъ—убійца“,—слѣдовательно, подразумѣвается *всякое*, если только острое, желѣзное орудіе, хотя бы оно было не болѣе иглы, какъ-то: копье, (или вертелъ), ножъ и т. п. Если же кто кого ударилъ простымъ кускомъ желѣза и т. п., то ударъ обсуживается, какъ и въ случаяхъ нанесенія побоевъ деревомъ или камнемъ“. *Тамъ же, § 7*: „Буде же кто сбросилъ кого съ крыши и тотъ упалъ и умеръ, то соображаютъ высоту мѣста, откуда упавшій былъ свергнутъ, и тѣлесную силу послѣдняго..., ибо сказано (Чис., 35. 20): „И если по ненависти толкнулъ онъ его“...

Изъ приведенныхъ выдержекъ изъ Кодекса Маймонида можно до наглядности убѣдиться, что нормы византійскаго права, касательно тѣлесныхъ поврежденій, въ своихъ диспозитивныхъ частяхъ явно заимствованы изъ *моисеева* законодательства и что наша Договорная статья, надписанная: „Удареніе и *ли* убіеніе“, совпадая по содержанію своему съ соотвѣтственнымъ положеніемъ византійскаго права, въ дѣйствительности, основана на началахъ древнѣйшаго уголовнаго русскаго права, проникнутаго главнымъ образомъ элементами *моисеево-талмудическаго* законодательства,— о чемъ въ данномъ случаѣ позволительно судить хотя-бы по тому,

что въ изслѣдуемомъ Договорномъ постановленіи высказана яснѣе, чѣмъ въ византійскихъ юридическихъ памятникахъ, мысль, выраженная отчетливо въ Талмудѣ, что, за нанесеніе кому-нибудь смертельныхъ ударовъ безъ прямого умысла на убійство, смертная казнь полагается безусловно лишь въ томъ случаѣ, когда удары нанесены *желѣзнымъ* и, притомъ, непремѣнно *острымъ* орудіемъ или сосудомъ, какъ-то: мечемъ, копіемъ и т. п., а не всякимъ другимъ какимъ-либо желѣзнымъ предметомъ.

Въ заключеніе анализа настоящей статьи замѣчу, что употребленное въ ней греческое слово „эпитемья“ отнюдь не можетъ служить доказательствомъ переводнаго ея характера, ибо оно, какъ усвоенное иноязычное реченіе (Lehnwort), вошло въ обиходъ русской книжной словесности, встрѣчаясь въ общемъ смыслѣ возмездія, наказанія, между прочимъ, въ грамотѣ митрополита Кирилла Новгороду 1270 г.: „Аще боудете и крестъ цѣловали, язъ за то пріиму опитемью“ (см. Словарь Срезневскаго).

---

§ 2. О безнаказанности убійства вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія и сопротивляющагося своему задержанію.

Трактующая объ этомъ статья 6-я Олегова Договора гласитъ:

а) „Аще украдеть что Русинъ любо у хрестьанина, или паки хрестьанинъ у Русина и ять будеть в томъ часѣ тать, егда татьбу сътворить, (отъ погубившаго что любо), аще приготовится татьбу творяй и убіенъ будеть, да не взищется смерть его ни отъ христьянъ, ни отъ Руси, (но паче убо да възметь свое, иже будеть погубилъ“. б) „И аще (вѣдасть руцѣ свои) украдый, да ятъ будеть тѣмъ же, у него же будеть украдено и связанъ будеть, (и отдасть тое, еже смѣ створить, и сотворить трижды (тричи) о семь)“

Изслѣдователи второй половины 18-го столѣтія (*Ломоносовъ*, *Щербатовъ*, *Елагинъ*, *Еминъ*) толковали данную статью различно, ставя ее въ связь съ непосредственно слѣдующею за нею 7-ою статьею—объ „искусѣ“ или „искушеніи“. *Шлецеръ* („Несторъ“, II, 717—718) передалъ ее такъ: „Если русинъ украдетъ что-либо у христіанина или христіанинъ у русина, и воръ, въ ту минуту, когда онъ украдетъ, будетъ пойманъ тѣмъ, *у кого онъ украдетъ*, („отъ погубившаго что любо“) (или) *собирается красть* („аще приготовиться татьбу творяй“), и будетъ убитъ, да не ищетъ

смерти его ни христіанинъ, ни русинъ, *а особливо если найдется у него украденное* („но паче убо да възметь свое, иже погубилъ“). Но, если воръ будетъ пойманъ тѣмъ, у кого онъ укралъ (слова: дастъ руцѣ свои“ оставлены безъ перевода), то да свяжется и возвратитъ то, *что смѣлъ украсть* („еже смѣ створити“) и еще втрое столько же („и сотворить тричи о семь“)“.

Но мыслимо ли, чтобы составитель, или, допустимъ даже, переводчикъ Договора, сознательно подобралъ, для обозначенія хозяина украденной вещи, словосочетаніе „отъ погубившаго что любо“, которое вовсе не выражаетъ даннаго понятія? Немыслимо это уже потому, что въ нашей же статьѣ это самое понятіе выражено точно и ясно: „тѣмже, у негоже будетъ *украдено*“. Неестественно также и объясненіе словъ: „но паче убо да възметь свое, иже погубилъ“ въ смыслѣ: „особливо, если найдется у него украденное“: лексическое значеніе словъ подлинника не даетъ ни малѣйшаго повода къ подобному толкованію. Еще бо́льшимъ произволомъ отличается предложенный Шлецеромъ переводъ заключительныхъ словъ нашей статьи: „и отдасть тое, еже смѣ створити, и створить тричи (по Ип. сп.: трижды) о семь“. Первое „створити“ значитъ, будто-бы, *украсть*, а второе—*заплатить*!!

Не лучше, однако, и объясненія комментаторовъ, писавшихъ послѣ Шлецера, вплоть до нашего времени: *Эверса, Станиславскаго, Сергѣевича, Влад.-Буданова, Хлѣбникова, Сокольскаго и Лонгинова.* Всѣ они, вслѣдъ за Шлецеромъ, передаютъ фразу: „ятъ будетъ... отъ погубившаго что любо“: будетъ пойманъ хозяиномъ *украденной* вещи,—вопреки точному смыслу глагола *погубить*, который нигдѣ не употребляется въ смыслѣ: потерять вещь, *вслѣдствіе покражи ея*,—какъ это видно, напр., изъ ст. 30 Рус. Правды по Кар. сп., гдѣ вещь погубленная различается отъ украденной: „Оже кто познаетъ своего, что будетъ *погубилъ* (потерялъ), или *оукрадено* что у него...“ Фразу же: „но паче убо възметь свое, иже погубилъ“ *Эверсъ*, а за нимъ и всѣ прочіе, только,-что названные толкователи переводятъ: „а *напротивъ* еще, лишившійся вещи да возвратитъ обратно свое“. Но неужели требовалось помѣстить въ Договорѣ особое постановленіе о томъ, что, если вора поймаютъ въ ту минуту, когда онъ совершилъ покражу, то хозяинъ вещи, которую воръ собирался унести, можетъ ее получить обратно? Развѣ такое право собственника не подразумѣвается само собою? Что же касается второй части интересующей насъ статьи, то всѣ упомянутые изслѣдователи, оставляя безъ всякаго перевода заключительныя слова: *„и створить тричи о семь“*, какъ опущенныя

вовсе въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводахъ (Тверской и Соф. 1-й лѣтоп.), передаютъ ее такъ: „Если же воръ не станетъ сопротивляться („дастъ руки свои“), то да будетъ онъ взятъ тѣмъ, у кого укралъ, да будетъ связанъ, и да воздастъ за то, что осмѣлился сдѣлать“. Но толкованіе это вноситъ въ нашу статью лишь неясность и неточность, ибо, допуская даже, что слова́: „отдасть *тое*“, могутъ съ натяжкою означать: воздасть (заплатитъ) *за то*, остается все же неопредѣленнымъ, что́ именно, какую именно пеню долженъ заплатить воръ, сдающійся безъ сопротивленія? Комментаторы полагаютъ, будто Олеговъ трактатъ отдаетъ опредѣленіе количества денежнаго штрафа, уплачиваемаго въ такомъ случаѣ воромъ, на волю хозяина вещи (*Эверсъ*, 173—5, *Сокольскій*, 24). Но предположеніе это лишено всякаго вѣроятія, такъ какъ подобной нормы нельзя встрѣтить ни въ какомъ древнемъ законодательствѣ, и невозможно, притомъ, объяснить сносно, почему въ Олеговомъ Договорѣ опредѣленіе количества штрафа за кражу предоставлено всецѣло произволу хозяина вещи, а по Договору Игоря штрафъ опредѣленъ точно въ размѣрѣ двойной цѣны украденаго? Между тѣмъ, всѣ представляемыя нашею статьею трудности исчезнутъ, если удалимъ изъ нея излишнія слова и сочетанія, ошибочно занесенныя въ нее изъ другихъ статей, и заполнимъ ея пробѣлы тремя фразами, изъ коихъ одна вынута изъ 9-й ст. Олегова же Договора, другая—изъ 2-й ст. Договора Игоря, а третья прибавлена мною по смыслу рѣчи и по соображенію съ тождественною статьею Закона Суднаго. Вотъ исправленное чтеніе нашей статьи:

Аще приготовиться. (чит.: *противиться*). **татьбу творяй и убьенъ будеть: а)** „Аще украдеть Русинъ что любо у хрестьанина, или паки хрестьанинъ у Русина, и ятъ будеть в томъ часѣ тать, егда татбу сътворить..., [аще ли противятся, да убьени будуть (чит.: *противиться да убьенъ будеть*) да не взыщеться смерть ихъ] (вар: да не взыщеться смерть его) ни отъ хрестьанъ ни отъ Руси]: **б)** да [аще]... [украдый] ятъ будеть тѣмже, у него же будеть украдено, и связанъ будеть, [да аще ли ключиться кому (чит.: *тому*) убьену быти [вар.: или (чит.: *и ли*) убьеть], (*повиненъ есть*)“.

Изъ изложеннаго въ такомъ видѣ текста явствуетъ, что наша статья трактуетъ вовсе не *о мьрѣ наказанія* за кражу (о чемъ, какъ увидимъ ниже, имѣется въ Договорѣ особая статья), а единственно лишь о случаѣ *убійства вора*, схваченнаго на мѣстѣ преступленія, постановляя, что такое убійство ненаказуемо

только тогда, когда воръ сопротивляется; если же онъ былъ пойманъ и связанъ, то лишеніе его жизни вмѣняется въ вину, какъ смертоубійство.

Означенное Договорное постановленіе воспроизводитъ уголовно-юридическое начало, выраженное съ разными модификаціями въ законахъ Солона, римскихъ XII таблицахъ, въ позднѣйшемъ римско-византійскомъ правѣ, народныхъ правахъ германскихъ племенъ и во всѣхъ вообще средневѣковыхъ законныхъ книгахъ. Однако, нельзя не признать, что ближайшимъ источникомъ этого постановленія послужило *библейско-талмудическое законодательство*, такъ, что именно въ данномъ случаѣ умѣстно припомнить обращенное къ римскимъ юрисконсультамъ замѣчаніе составителя сборника моисеевыхъ и римскихъ законовъ IV в., подъ заглавіемъ: Lex Dei,—о томъ, что положеніе закона XII таблицъ, относительно ненаказуемости убійства ночного вора, имѣетъ своею основою Моисеево Пятикнижіе [1]). И дѣйствительно, законоположеніе книги Исхода (XXII, 1, 2) (по версіи Закона Суднаго) гласитъ:

„Аще въ подкопание застанется тать, ти язвленъ оумреть, нѣсть ему оубоя. Аще ли възпидеть солнце нань—повиненъ есть“. („Рус. Достоп., ч. II, стр. 187).

Но древніе еврейскіе законоучители, усматривая въ словахъ: „если же взошло надъ нимъ солнце“ только метафору (maschal), истолковали ихъ въ фигуральномъ смыслѣ, сжато выраженномъ въ халдейскомъ таргумѣ Іонаѳана бенъ Узіель (псевдо-Іонаѳана) на Пятикнижіе: „Если обстоятельство *ясно, какъ солнце* (т. е., если положительно извѣстно), что воръ вторгнулся (все равно, ночью ли, или днемъ) только для совершенія кражи, а не также для душегубства, то за умерщвленіе вора убившій его отвѣтствуетъ, какъ за пролитіе крови невиннаго человѣка“. Между тѣмъ, въ отношеніи дозволенности или же наказуемости убійства вора, всѣ перечисленныя выше законодательства, за исключеніемъ развѣ закона Фризовъ (см. *Sam. Mayer*, op., cit., p. 228), проводятъ различіе между ночнымъ и дневнымъ воровствомъ. Такого же различія придерживается и каноническое право, хотя оно, ссы-

---

[1]) См. Lex Dei, sive Mosaicarum et Romanarum legum Collatio (Tit. VII, Kap. I): „Quodsi duodecim tabulae nocturnum furem (quoquomodo, diurnum) si aut ensi se aut telo defenderit, intrerfici jubent: scitote, jurisconsulti, quia Moyses prius hoc statuit, sicut lectio manifestat“, (Ph. Eduardus *Huschke*: Jurisprudentiae antejustinianae quae supersunt, p. 630.)

лаясь на упомянутые стихи гл. XXII Исхода, повидимому, знакомо было съ талмудическимъ ихъ толкованіемъ [1]).

Приведенныя данныя и оправдываютъ выставленное мною положеніе, что трактуемая Договорная статья, различающая только между воромъ, оказывающимъ сопротивленіе, и сдающимся, а не между воровствомъ ночнымъ и деннымъ, сроднѣе еврейскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшему русскому праву, чѣмъ римско-византійскому, которое преимущественно придаетъ значеніе тому, совершена ли кража въ ночное время, или днемъ: „аще кто *въ ночи* крадущаго убіетъ, тогда не повиненъ будетъ и пр.“ (*Павловъ*: Книги Закон., ст. 63).

Что касается *языка* нашей статьи, то *Лавровскій* (стр. 101—4) силился доказать византійское вліяніе на выраженіе: „аще *вдастъ руцѣ* украдый“ и „аще *приготовится* татьбу творяй“, утверждая, что „вдасть руцѣ“ значитъ: *подчинится*, *покорится*, соотвѣтствуя греч. διδόναι χεῖρας, а „приготовится“—буквальный переводъ греч. идіотизма—εἰ δὲ παρασκευάσεται—обороняться, защищаться. Между тѣмъ „приготовится“ простая описка, вм. *противится*, а слова: „вдасть руцѣ“ здѣсь некстати вставлены и, притомъ, вовсе не составляютъ цѣльнаго оборота, а лишь случайно сплетены воедино; въ подлинникѣ же каждое изъ нихъ первоначально стояло отдѣльно на своемъ мѣстѣ, какъ это объяснено будетъ ниже.

Отъ себя отмѣчу, что въ сочетаніи: „и ятъ будетъ (тать) *в томъ часъ*, *егда* татьбу створить“ подчеркнутое выраженіе представляетъ собою одинъ изъ несомнѣнныхъ полонизмовъ, каковыхъ въ Договорѣ насчитывается нѣсколько: w tym czasie, kiedy. Подобное же выраженіе употреблено и въ ст. 8-й Судебника короля Казиміра Ягелловича 1468 г.: „А который будетъ лежьни (бродягу) держати у своемъ дому тайно..., *а въ томъ часу* што у кого изгынетъ и пр.“ (Хр—тія Вл.-Буданова, в. II, 1887 г., стр. 38).

---

[1]) Вотъ относящаяся сюда выдержка изъ Corpus Juris Canonici (C. 3 X de homic. V, 12): Augustinus super Exodo... Hoc est enim, quod ait: „si orietur sol super eum etc“, quia poterat discernere, quod ad furandum, non ad occidendum venisset, et ideo non deberet occidi. Haec etiam in antiquis legibus secularibus, quibus ista tamen est antiquior, invenitur, impune scilicet, occidi nocturnem furem quoquomodo, diurnem autem, si se cum telo defenderit. Jam enim plus est quam fur“ (Corpus Juris Canonici, Lipsiae, 1839, II, p. 764—5).

§ 3. О раненіи и изувѣченіи (о враждѣ).

Выше мною указано было на странность того обстоятельства, что Договоры не содержатъ особой статьи, касательно такого виднаго преступленія, какъ причиненіе ранъ и увѣчій, почему изслѣдователи и вынуждены были заключить, что оно будто-бы подразумѣвается подъ „удареніемъ или бьеніемъ“, о коемъ говорится въ ст. 3-й Олегова и ст. 14-й Игорева трактата. Оказывается, однако, что въ Договорѣ такая статья первоначально, дѣйствительно, имѣлась, но, по небрежности переписчиковъ, она, такъ сказать, разорвана была на мельчайшіе клочки, которые впослѣдствіи натыканы были невпопадъ въ различныхъ мѣстахъ Договоровъ. Такимъ образомъ, для возсозданія сказанной статьи въ первичномъ ея видѣ приходится обнаружить и вновь связать эти разрозненные обрывки,—что̀ мною и будетъ сдѣлано. Но предварительно считаю необходимымъ выяснить значеніе юридико-техническихъ терминовъ: **вражда, вражба и врожба**, въ виду того, что заголовкомъ данной статьи, выражающимъ ея содержаніе, служитъ, по моему мнѣнію, фраза, отнесенная всѣми комментаторами къ концу непосредственно предшествующей ей и только-что мною разсмотрѣнной статьи: „и створить *тричи*“, въ которой послѣднее слово въ протографѣ Договорной грамоты несомнѣнно читалось *вражды*, но писцами, непонимавшими его смысла, перепрaвлено въ *трижды*, какъ оно и значится въ Ипатьевской лѣтописи, а затѣмъ передѣлано въ Лаврентьевскомъ сводѣ въ *тричи*, а въ Хлѣбниковскомъ спискѣ—въ *трегчи*.

Лексическаго значенія слова *вражда* коснулся покойный проф. *Н. С. Суворовъ* въ двухъ своихъ изслѣдованіяхъ, на которыя мнѣ приходилось многократно ссылаться въ прежнихъ своихъ работахъ [1]). Поставивъ себѣ задачею прослѣдить воздѣйствіе западно-католическаго церковнаго права на законодательство и юридическую жизнь древней Руси и, въ частности, раскрыть признаки вліянія этого права на т. н. *Законъ Судный людемъ* или *Судебникъ Царя Константина*, нашъ почтенной памяти канонистъ съ особенною подробностію остановился, между прочимъ, на помѣщенной въ обширной редакціи сказаннаго памятника, напеча-

---

[1]) *Н. С. Суворова*: 1) „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“, Ярославль, 1888 г., и 2) „Къ вопросу о западномъ вліяніи на древне-русское право“, Ярославль, 1893 г.

танной въ Рус. Достоп. (ч. II, стр. 181) статьѣ: „о враждѣ“, гласящей такъ:

> „Аще кто вражду створить, Моисѣи бо поруци, да идеть рука за руку, и нога за ногу, глава за главу; аще ли ся искупить, то отъ земля отженеться“.

Извѣстный польскій дѣятель въ области разработки исторіи славянскаго права, *Р. Губе*, желавшій видѣть въ Законѣ Судномъ аутентическое болгарское уложеніе, изданное въ царствованіе Симеона, вынужденъ былъ, для оправданія своего взгляда, истолковать „вражду“ въ смыслѣ *мести* за убійство и за разныя тѣлесныя поврежденія, *и денежнаго выкупа*, какъ суррогата мести, съ послѣдующимъ *изгнаніемъ изъ земли*,—такъ какъ нельзя себѣ и представить оффиціальнаго кодекса, въ которомъ недоставало бы статей о посягательствахъ на жизнь и здоровье ближняго. Къ такому же объясненію примкнулъ и проф. *А. С. Павловъ*. „Вражда, говоритъ онъ, почти у всѣхъ славянскихъ народовъ значитъ *убійство*, а также *частная кровавая месть за него, и выкупная плата* виновнаго тѣмъ, кто имѣлъ право этой мести (отсюда въ древнеславянскихъ памятникахъ выраженіе: „платити вражду“). Составитель Закона Суднаго воспользовался не статьею Эклоги объ убійствѣ, а закономъ Моисея, допускающемъ *частную кровавую месть* за убійство; стало быть, статья: „о враждѣ“ возникла еще въ такую эпоху, когда и у болгаръ существовалъ въ полной силѣ обычай такой же мести съ возможностію для виновнаго откупиться отъ нея денежною пенею. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ вражда упоминается еще въ одной грамотѣ болгарскаго царя Константина Асѣня (1259—1278 г.)“. Въ полемикѣ съ упомянутыми учеными проф. *Суворовъ* пространною аргументаціею доказывалъ несостоятельность ихъ толкованія и, исходя изъ положенія, что Законъ Судный является частнымъ юридическимъ сборникомъ, составленнымъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ духовнымъ лицомъ римскаго или болгарскаго происхожденія, руководившимся правилами западно-католическаго церковнаго права,—полагалъ, что статья „о враждѣ“, по буквальному ея смыслу, трактуетъ не о всѣхъ видахъ посягательства на личность ближняго, *а только объ убійствѣ*, и что составитель сборника при внесеніи означенной статьи имѣлъ въ рукахъ извѣстный славянскій переводъ латинскаго мерзебургскаго пенитенціала (Poenitentiale merseburgense) подъ заглавіемъ „Заповѣди св. отець“, начинающійся статьями объ умышленномъ и неумышленномъ (или случайномъ) убійствѣ съ опредѣленіемъ за первое 10-и лѣтняго покаянія въ иной

области, т. е. съ изгнаніемъ изъ мѣстожительства и съ обязанностію примиренія съ родственниками убитаго.

Смѣю думать, что ни съ однимъ изъ приведенныхъ соображеній и выводовъ поименованныхъ авторитетныхъ представителей науки невозможно согласиться. Невѣрно само по себѣ утвержденіе проф. Павлова, будто у всѣхъ почти славянскихъ народовъ „вражда“ употребляется въ троякомъ смыслѣ: и *убійства*, и *частной кровавой мести* за убійство, и *выкупной платы* за убійство. Въ дѣйствительности же, сказанный терминъ встрѣчается только у сербовъ и болгаръ и, притомъ, отнюдь не въ упомянутыхъ трехъ значеніяхъ, а лишь въ смыслѣ, во 1-хъ, раненія и изувѣченія и, во 2-хъ, денежной пени въ пользу общественной власти, а не въ видѣ частнаго вознагражденія потерпѣвшаго. Такъ, статья 103 Законника Душана по Призрѣнской рукописи въ русскомъ переводѣ проф. *Зигеля* (Прил., стр. 59) гласитъ:

„Если люди—крѣпостные, то пусть судятся предъ своими господами по всѣмъ своимъ дѣламъ, а по царевымъ да идутъ предъ судей по убійству (*за крьвь*), *по вражди*, по воровству, разбою и укрывательству бѣглыхъ“.

Слово „вражда“ проф. Зигель объясняетъ: по дѣламъ, обложенымъ пенею, но очевидно, что *въ данномъ мѣстѣ* рѣчь идетъ исключительно о преступномъ дѣяніи, о которомъ во всѣхъ, безъ изъятія, уголовныхъ кодексахъ трактуется непосредственно за постановленіями о смертоубійствѣ,—*о тѣлесныхъ поврежденіяхъ*, причиненіи ранъ, язвъ, *вреда*. Во всякомъ же случаѣ изъ настоящей статьи можно убѣдиться во-очію, что для обозначенія душегубства употребляется не *вражда*, а особый терминъ—*крьвь*. Во второмъ своемъ значеніи „вражда“ употреблено въ статьяхъ 20-й и 156-й Законника по той же рукописи (Зигель, стр. 19 и 89). Первая изъ нихъ постановляетъ, что за доставаніе съ чародѣйствіемъ изъ могилъ и сожиганіе труповъ покойниковъ, село, которое это дѣлаетъ, должно платить *вражду*,—т. е. штрафъ, пеню,—конечно, въ пользу фиска. По второй статьѣ, съ присяжныхъ судей, оправдавшихъ кого-либо, если послѣ этого откроется у оправданнаго поличное, царь взыскиваетъ *вражду* по тысячѣ перперовъ,—значитъ, опять-таки въ пользу фиска [1]). Въ томъ же

---

[1]) Слово „вражда“ отсутствующее въ Призрѣн. рукоп., читается въ соотвѣтственной статьѣ 94-й по 1-му Григор. сп. и ст. 145-й по 2-му Григор. сп. Законника. См. проф. *Т. Д. Флоринскаго*: „Памятники законод. дѣятельности Душана“, II, стр. 11 и 30.

двойственномъ знаменованіи „вражда“ употреблено и въ указанной Павловымъ грамотѣ болгарскаго царя К. Асѣня. Въ ней монастырю св. Георгія жалуются: „вражда, разбой и конска кражда“, и эти *вражды* должны быть взимаемы церковью съ ея церковныхъ людей, и именно съ однихъ только виновныхъ безъ круговой отвѣтственности селеній, къ которымъ послѣдніе принадлежатъ. Какъ справедливо замѣтилъ проф. Суворовъ, здѣсь, вопреки мнѣнію проф. Павлова, подъ словомъ „вражда“ рѣшительно нельзя разумѣть денежнаго выкупа, какъ суррогата мести, ибо во всей грамотѣ нѣтъ и намека на месть и на выкупъ вины со стороны виновнаго въ пользу пострадавшаго („Къ вопросу“, стр. 171). Но, по моему, едва-ли правъ и проф. Суворовъ, полагающій, что въ означенной грамотѣ подъ „враждою“ слѣдуетъ понимать преступленіе *смертоубійства*, ибо дѣла о душегубствѣ всюду большею частію изъяты были изъ компетенціи церковнаго суда. Правильнѣе же будетъ, мнѣ кажется, разумѣть подъ словами „вражда“ и „разбой“—раненіе и грабежъ, а подъ стоящими ниже словами: „и тую *вражди* да ся не взимлять на селѣхъ, развѣ на исцихъ“—судебные денежные штрафы въ доходъ монастыря. Подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить обширная редакція устава св. Владиміра о церковныхъ судахъ, гдѣ читаемъ: „Митрополитъ, или Пискупъ вѣдаетъ межь ними (церковными людьми) судъ: или обида, или котора (ссора, драка), или *вражда*, или задни́ца (наслѣдство). (*Калачовъ*: „О Кормчей“, Прил., стр. 27). Здѣсь уже несомнѣнно слово „вражда“, по самому мѣсту, занимаемому имъ между „обида и котора“ и „задни́ца“, значитъ не убійство, а раненіе.

Что же касается памятниковъ законодательства другихъ, кромѣ сербовъ и болгаръ, славянскихъ народовъ, то въ нихъ, повторяю, терминъ „вражда“ не встрѣчается, а имѣются термины *вражба* и *врожба*. По Винодольскимъ Законамъ [1]), *вражба*—пеня, падающая на самаго виновнаго въ преступленіи или, по началу круговой отвѣтственности, на его семью или общину, къ которой онъ принадлежитъ, и идущая въ пользу князя или общества. Въ правѣ же мазовецкомъ [2]), *врожба* (wróżba, laudum) смѣнила частную месть (inimicitiam) и состояла въ томъ, что убійца долженъ былъ послѣ совершенія преступленія удалиться изъ страны на время 1-го года и 6-ти недѣль, каковое правило установлено было первоначально,

---

[1]) „Древнее хорвато-далматское законодательство“ проф. *Леонтовича*, стр. 35—6.

[2]) „О мазовецкомъ правѣ“, К. *Лунина*, ч. I, стр. 235—7.

какъ льгота для убійцы,—для того, чтобы удалить его изъ глазъ обиженной семьи, пока не пройдетъ первое впечатлѣніе и не ослабѣетъ жажда мести, а впослѣдствіи wróżba удерживалась въ видѣ наказанія за пролитіе крови (vindicta sanguinis), согласно чему Ст. Болеслава IV въ Закрочимѣ 1453 г. опредѣляетъ, что уклонившійся отъ врожбы подвергается тюремному заключенію на 1 годъ и 6 недѣль.

Все изложенное даетъ твердое основаніе заключить, что выраженіе статьи Закона Суднаго: „аще кто вражду створить“ значитъ: если кто нанесетъ раны или увѣчья, но никоимъ образомъ не можетъ означать ни: совершитъ *месть*, или совершитъ *выкупную плату*, какъ объясняетъ Павловъ, ибо подобное выраженіе представляло бы явную несообразность, ни: совершитъ *смертоубійство*, какъ комментируетъ Суворовъ, потому, что статья, ссылаясь, какъ на основу свою, на законъ Моисея, въ то же время допускаетъ возможность денежнаго выкупа преступникомъ своей вины, а между тѣмъ Моисеевъ законъ, какъ извѣстно, строжайше воспрещаетъ брать выкупъ отъ убійцы, даже неумышленнаго, устанавливая за то, согласно толкованію талмудистовъ, по принципу тождемѣрнаго возмездія, обязанность виновнаго въ причиненіи ранъ и увѣчій производить соотвѣственное денежное вознагражденіе потерпѣвшему.

Послѣ долгаго уклоненія въ сторону отъ ближайшаго предмета своей темы, обращаюсь къ реставраціи текста и объясненію разсматриваемой статьи Олегова Договора о посягательствѣ на тѣлесную неприкосновенность,—подъ заголовкомъ: „*И* (въ др. сп.: *или*) *створить вражду*“.

Чтобы воспроизвести нашу статью въ первоначальномъ ея видѣ, я въ примѣчаніи собралъ всѣ ея разрозненныя составныя части, запрятанныя въ разныхъ уголкахъ Договоровъ Олега и Игоря [1]).

---

[1]) А именно: 1) изъ помѣщенной въ ст. 5-й Олегова трактата фразы: „за то ударение или убьение“, отсутствующей, какъ мною уже было замѣчено, въ параллельной ст. 14-й Игорева Договора, я выпулъ первыя два слова: *за то* и всю фразу: *да вдасть литръ 5 сребра*; 2) изъ ст. 7-й Олегова же договора я взялъ выраженіе: „*мученья образомъ*“, составляющее по-истинѣ мученіе для толкователей, а также заключительное слово „*прочь*“; 3) изъ ст. 15-й Олегова Договора—загадочныя слова: „*яко Божие здание... покону*“; 4) изъ конца ст. 5-й Договора Игоря—выраженія: „*И аще створить Грьчинъ Русину*“ и „*и онъ*“; 5) изъ ст. 12-й того же Договора—заключительную фразу: „*якоже будетъ створилъ*“.

Сложивъ во-едино эти отрывки, получимъ такое чтеніе статьи:

„**И** (чит.: *Иже*) **сътворить триичи** (или **трижды**, чит.: *вражды*). И аще створить [тричи] (*трожды*, чит.: *вражды*), мученьа образомъ, Грьчинъ Русину (пропущено: *или Русинъ Грьчину*), [за то], [яко Божие здание... покону] (чит.: *то, яко по Божію законоданію*), (пропущено: *да створять ему*), [якоже будеть створилъ] [и онъ], (*и*) [да вдасть литръ 5 сребра] (вар., по ст. 14-й Договора Игоря: да заплатить сребра литръ 5)“.

Съ цѣлію устранить отъ себя упрекъ въ произвольномъ обращеніи съ текстомъ, я представлю рядъ выдержекъ изъ славянскихъ и русскихъ юридическихъ памятниковъ, изъ которыхъ можно наглядно убѣдиться, что правоположеніе о ранахъ и увѣчьяхъ, заимствованное главнымъ образомъ изъ Моисеева Пятикнижія, выражено въ однихъ памятникахъ вполнѣ, а въ другихъ отчасти, сходно съ тѣмъ, которое формулировано въ нашей Договорной статьѣ въ возстановленномъ мною первоначальномъ ея видѣ:

а) **Пятикнижіе Моисея** (Лев., 24. 19—20). „И аще кто сотворить порокъ (тѣлесное поврежденіе) ближнему, *якоже сотвори ему, такожде и ему да сотворятъ*. Изломленіе за изломленіе, око за око, зубъ за зубъ: якоже сотворилъ порокъ человѣку, такожде да сотворятъ ему“.

б) **Законъ Судный**. (По предлагаемому мною исправленному чтенію вышеприведенной статьи этого памятника, подъ заглавіемъ: „о враждѣ“). „Аще кто [оударить ножемъ] да *и вражду створить*, Моисѣй бо поруци (чит.: Моисѣи, Божии пророкъ, рече), да идеть рука за руку, нога за ногу, глава за главу. Аще ли ся искупить [да дасть 12 златиць; аще ли] (пропущено: нищь есть), то отъ земля отженеться“ [1]).

в) **Смоленская Правда 1229 г.** (ст. 3). „Око, роука, нъга, или инъ что любо, *по пяти гривьнъ серьбра отъ всякого платити*“.

---

[1]) Обведенныя прямыми скобками слова: „оударить ножемъ“ взяты изъ непосредственно слѣдующей статьи: „о еретицѣ“ (Рус. Достоп., II, стр. 181): „Иже етеру человѣку речеть: еретиче! *да оударить и ножемъ*“ и пр.; слова же: „да вдасть 12 златиць“ и „аще ли“ перенесены мною изъ одной изъ дальнѣйшихъ статей—„о попѣ“ (т. ж., с. 182): „Иже бьеть попа рукою, да ся оусѣкаеть рука; *аще ли да дасть 12 златиць*“. Поправку же: „Моисѣи, *Божии пророкъ* рече“ я сдѣлалъ согласно гл. 1-й Collatio Mos. et Rom. legum, начинающейся: *Moyses Dei sacerdos haec dicit.*

г) **Сводъ мазовецкихъ обычаевъ Горынскаго 1540 г.** (Ius Polonicum, 410). „De amputatione membri tyrannica. Si nobilis alteri nobili... aliquod membrum *more tyrannico* extendendo amputaverit... duplicatum valorem membri abscisi parti laesae solvere debebit et in poena *przesz miloszna*, quae valet sexaginta marcas polonicales, pro fisco principis terrae condemnari debet".

д) **Литовскій Статутъ 1588 г.** (Разд. XI, арт. 27, § 2). „Но кто бы *тиранскимъ образомъ*... отрубилъ или отрѣзалъ дворянину..., руку, ногу, носъ, ухо, губу..., либо выкололъ глазъ..., то, *слѣдуя въ томъ Закону Божію*, постановляемъ, что *за каждый таковой членъ... должно и тому, кто въ семъ окажется виновнымъ, такой же членъ отсѣчь, отрѣзать, или вышибить*, а за таковое своевольство и *тиранство*... обязанъ будетъ за каждый таковой членъ заплатить *по 50 копъ грошей.*"

е) **Соборное Уложеніе 1649 г.** (гл. XXII, ст. 10). „А будетъ кто... учинитъ надъ кѣмъ нибудь *мучительное наругательство*, отсѣчетъ руку, или ногу, или носъ, или ухо, или губы обрѣжетъ, или глазъ выколетъ..., и за такое его ругательство *самому тоже учинити*, да на немъ же взяти..., за всякую рану *по 50 рублевъ*".

ж) **„Права, по кот. судится малороссійскій народъ" 1743 г.** (Изданіе А. Ѳ. *Кистяковскаго,* стр. 659) „Если бы кто *мучительное здѣлалъ наругательство* надъ... человѣкомъ, отрубилъ оному, или изломалъ руку, или ногу, или языкъ отрѣзалъ..., тогда, *послѣдуя закону Божію, ему же самому..., такой же составъ отрубить..., а сверхъ того* на немъ же виноватомъ за всякій таковій составъ платежъ доправить надлежитъ, а именно: за око, за одну ноздру носа, за губу, за руку, за ногу, за каждый составъ упривиліованныхъ городовъ войту, бурмистру... по 30 руб., мѣщанамъ... по 18-и руб." и т. д.

Обозрѣвая приведенные тексты, замѣчаемъ слѣдующее:

1) Наша Договорная статья, будучи сходна, по своему содержанію, со статьею Закона Суднаго „о враждѣ", вполнѣ тождественна съ цитированною статьею Лит. Статута III редакціи: въ обѣихъ статьяхъ преступленіе одинаково квалифицируется, какъ нанесеніе увѣчій по *тиранству*, мучительски, *мученія образомъ*, или more tyrannico, по выраженію Свода Горынскаго; въ обѣихъ статьяхъ преступленіе угрожается тальономъ съ прямою, притомъ, ссылкою, какъ и въ Законѣ Судномъ, на „право Божіе", и, сверхъ того, денежною пенею:—въ Договорахъ, въ количествѣ 5 литеръ серебра, а въ Лит. Статутѣ—50 копъ грошей.

2) Смоленская Правда, не допуская вовсе реальнаго тожде-

мѣрнаго возмездія, ограничивается лишь опредѣленіемъ денежнаго взысканія за отнятіе главныхъ членовъ и, притомъ, въ размѣрѣ, одинаковомъ съ нашею Договорною статьею, переложивъ только 5 *литеръ* серебра на 5 *гривенъ* серебра. Соборное же Уложеніе восприняло цѣликомъ постановленіе Олегова Договора, воспроизведенное въ Лит. Статутѣ, съ тою лишь разницею, что случайно, либо, можетъ быть, сознательно, опустило ссылку на „право Божіе“, т. е. на Моисеевъ законъ, а денежную пеню въ 50 *копъ грошей* переложило на 50 *рублей*. Малороссійскій же Сводъ воспроизводитъ почти буквально статью Лит. Статута, но съ измѣненіемъ, касательно размѣра денежной платы, который Сводъ опредѣляетъ различно, смотря по сословному положенію потерпѣвшаго.

3) Въ виду замѣны въ Уложеніи 5-и литеръ серебра Договорной статьи и 5-и гривенъ серебра Смоленской Правды пенею въ 50 руб., оказывается, что литра или гривна серебра, заключавшая въ себѣ 4 гривенъ кунъ, по цѣнности своей равнялась 10-и московскимъ рублямъ, такъ, что гривна кунъ составляла $2^1/_2$ руб. Изъ дальнѣйшихъ статей Договора мы увидимъ, что и паволока, какъ мѣновой знакъ, равнялась 10-и златицамъ.

4) При всемъ разительномъ сходствѣ нашей Договорной статьи (по моему чтенію) съ приведенною статьею Лит. Статута, между ними, при ближайшемъ разсмотрѣніи, обнаруживается довольно существенная черта различія, заключающаяся въ томъ, что первая воспроизводитъ только стихъ 19 гл. 24 книги Левитъ: „Кто сдѣлаетъ поврежденіе на тѣлѣ ближняго своего, тому должно сдѣлать тоже, что онъ сдѣлалъ“,—тогда какъ Лит. Статутъ перечисляетъ упомянутые въ другихъ мѣстахъ Пятикнижія самые органы тѣла, коимъ наносятся поврежденія: глазъ, рука, нога и пр. Это ведетъ къ заключенію, что составители Договорной Правды при редактированіи нашей статьи руководствовались тѣмъ же взглядомъ на возмездіе за членовредительство, какой усвоило себѣ талмудическое право. Вотъ, какъ выраженъ этотъ взглядъ въ Кодексѣ Маймонида словами талмудическихъ первоисточниковъ [1]):

„Если въ Торѣ (Пятикнижіи) сказано: „якоже сотворилъ порокъ человѣку, такожде да сотворятъ ему“, то это отнюдь не значитъ, что причинившему увѣчье должно быть нанесено такое же увѣчье, какое онъ сдѣлалъ своему ближнему, но должно быть понимаемо такъ, что преступникъ заслужилъ, чтобы его лишили того

---

[1]) Кодексъ Маймонида, раздѣлъ „о раненіи и причиненіи вреда“ (Chowel we-masik), гл. I.

же органа тѣла и чтобы онъ потерпѣлъ такое именно поранение какое имъ учинено ближнему, а потому онъ долженъ быть присужденъ къ соотвѣтственному денежному возмѣщенію вреда. Что же касается словъ: „И да не возмете искупа за душу отъ убившаго“ (Чис., 35. 31), то изъ нихъ вытекаетъ лишь то, что нельзя брать окупа единственно только *отъ убійцы*, но этотъ запретъ не распространяется на окупъ за изувѣчение и ранение“. (§ 3).

Приводя затѣмъ толкованія подлежащихъ мѣстъ Пятикнижія, оправдывающія, по мнѣнію талмудистовъ, положеніе, по которому подъ выраженіемъ „око за око и т. п.“ необходимо понимать не матеріальный, фактическій членовредительный таліонъ, а обязанность денежно вознаграждать потерпѣвшаго, соразмѣрно важности и цѣнности причиненнаго ему ущерба въ здоровьѣ,—Маймонидъ продолжаетъ:

„Помимо того, что означенная норма основана па общемъ разумѣ относящихся сюда мѣстъ писаннаго Закона (Торы) и разъяснена традиціею, дошедшею къ намъ изустно отъ учителя нашего Моисея съ горы Синайской, она на самомъ дѣлѣ осуществлялась всегда на практикѣ: нашимъ предкамъ извѣстно было примѣненіе ея въ судилищахъ Іисуса Навина и пророка Самуила и во всѣхъ, вообще, судахъ, дѣйствовавшихъ отъ эпохи наставника нашего Моисея и по настоящую пору“. (§ 6).

Въ соотвѣтствіи съ такимъ воззрѣніемъ евреевъ на сущность института таліона за членовреждения, сохранившійся въ фрагментахъ, древнѣйшій по времени, западно-арамейскій переводъ Моисеева Пятикнижія подъ названіемъ Targum Ieruschalmi (Іерусалимскій Переводъ) прямо передаетъ выраженія: „око за око, зубъ за зубъ и т. д.“: „за глазъ—*плата цѣны глаза*, за зубъ—*плата цѣны зуба* и пр.“.

Такое же понятіе о сказанномъ институтѣ присуще и древнѣйшему русскому праву, которое, подобно моисеево-*талмудическому*, является, и вообще, принципіальнымъ противникомъ всякихъ членовредительныхъ и болетворныхъ наказаній.

И такъ, разсмотрѣнная Договорная статья „о враждѣ“, по характеру налагаемой кары, не соотвѣтствуетъ ни постановленію византійскаго законодательства, ни опредѣленіямъ германскихъ народныхъ правъ. По византійскому „Закону о Казнѣхъ“ (титулъ 39 Прохирона, по изд. Павлова, гл. 82), *всякое*, какое бы то ни было, тѣлесное поврежденіе, нанесенное острымъ желѣзнымъ орудіемъ, наказывается отсѣченіемъ руки. Leges Barbarorum назна-

чаютъ за раны и увѣчія различныя платы въ видѣ абсолютно опредѣленной таксы или уголовнаго прейскуранта, по выраженію, *Вильды*. Наша же Договорная статья, не допуская матеріальнаго таліона, вмѣстѣ съ тѣмъ не содержитъ, въ первой своей части, и подробной таксы денежныхъ платежей за отдѣльныя тѣлесныя поврежденія, изъ чего можно заключить, что она, ссылаясь на правило, установленное Закономъ Божіимъ, подразумѣваетъ дѣйствовавшую въ древне-русскомъ юридическомъ быту и восходящую къ моисеево-талмудическому праву норму, по которой, какъ это видно изъ слѣдовъ ея, уцѣлѣвшихъ еще въ Русской Правдѣ [1]), удовлетвореніе потерпѣвшаго за причиненныя ему раны и увѣчья заключалось въ вознагражденіи по пяти статьямъ: 1) за *вредъ* (уменьшеніе денежной стоимости пострадавшаго, опредѣляемой по соображенію съ рыночною цѣною раба), 2) за *муку*,—боль, 3) за *леченіе*, 4) за *праздность* и 5) за *обиду*,—безчестіе (смотря по личности обидчика и обиженнаго).

Касательно же опредѣленнаго во второй части нашей статьи взысканія платы въ 5 литеръ серебра, нельзя полагать, что оно составляетъ добавочную къ главному наказанію таліономъ кару, ибо, разъ мы исходимъ изъ того положенія, что фактическое членовредительное возмездіе совершенно чуждо духу древне-русскаго права и что подъ таліономъ слѣдуетъ понимать только справедливое, уравнительное имущественное удовлетвореніе потерпѣвшаго, то постановленіе о доплатѣ въ пользу послѣдняго почему-то еще 5-ти литеръ серебра оказывается лишеннымъ разумнаго основанія. Мнѣ поэтому кажется, что означенное постановленіе является особымъ, самостоятельнымъ договорнымъ пунктомъ, предложеннымъ со стороны пословъ, представителей интересовъ языческой Руси, взамѣнъ содержащагося въ первой части нашей статьи опредѣленія о таліонѣ, основаннаго на Законѣ Божіемъ,—подобно тому, какъ въ Договоры внесены двѣ статьи о смертоубійствѣ, изъ коихъ одна, согласно праву Божію, караетъ за это преступленіе смертною казнью, а другая, ей параллельная, въ соотвѣтствіи съ нормами монголо-калмыцкаго ойратскаго устава, угрожаетъ конфискаціею всего имущества убійцы и отобраніемъ у него жены ближайшимъ наслѣдникомъ убитаго.

Засимъ, обращаясь отъ анализа содержанія и происхожденія нашей статьи къ употребленнымъ въ ней юридико-техническимъ терминамъ, мы и въ нихъ не находимъ „осязательныхъ“ слѣдовъ

---

[1]) См. мою статью: „О судебныхъ доказательствахъ по Русской Правдѣ“ въ „Вѣстникѣ Права“ за 1906 г., кн. II, стр. 318—319.

византійскаго вліянія, какъ любилъ выражаться проф. Лавровскій. Такъ, если, дѣйствительно, *вражба* и *врожба* являются переводомъ, хотя не съ греческаго языка, а съ германскаго *faida,* inimicitia, то о переводности слова „*вражда*“ нѣтъ никакого повода даже и подумать. Выраженіе же „законоданіе“, хотя и напоминаетъ греч. νομοθεσία, но только напоминаетъ,—не болѣе, ибо послѣднее передается „законо*положеніе*“, законо*даніе* же представляется скорѣе переводомъ по-библейскаго оборота mathan thora—*даніе закона*, законодательство [1]). Что же касается слова „литра“, то присутствіе его въ нашей статьѣ само по себѣ не можетъ служить ни малѣйшимъ указаніемъ на скопировку послѣдней съ греческаго подлинника,—въ чемъ убѣждаетъ слѣдующее аналогичное обстоятельство. Главы 33—41 титула XVIII частной византійской юридической компиляціи, относимой къ концу первой четверти X в., подъ заглавіемъ Ecloga ad Prochirum mutata (Эклога, измѣненная по Прохирону), опредѣляютъ за членовреждепія различныя денежныя взысканія, высчитанныя на *солиды, сиклы* и *номисмы.* Въ виду несоотвѣтствія этого рода взысканій духу греко-римскаго уголовнаго права, учеными высказаны были разныя догадки о германскомъ, славянскомъ и мусульманскомъ ихъ источникѣ. Договаривались даже до того, что означенныя главы могли первоначально появиться на Руси, или для нея предназначались,—что составителемъ ихъ могъ быть какой-нибудь русскій іерархъ, грекъ, причемъ вспоминали учительнаго русскаго митрополита въ княженіе Владиміра—Св. Леонтія, и что такимъ образомъ „Эклога“ опередила Русскую Правду въ обращеніи частныхъ деталей славянскаго неписаннаго права въ писанное право [2]). Разборъ этихъ гипотезъ не входитъ въ задачу моей работы. Упомянулъ же я о нихъ лишь съ цѣлію показать, что, если нахожденіе въ указанныхъ главахъ Эклоги слова „сиклъ“,—библейскаго schekel, названія вѣсовой и счетной единицы,—не опровергаетъ, по мнѣнію изслѣдователей, мысли о германскомъ, либо славянскомъ происхожденіи этихъ главъ, то позволительно думать, что и слово „литра“ въ

---

[1]) Слово „законоданіе“ читается въ оригинально-русскомъ актѣ конца XIII в., въ посланіи неизвѣстнаго владимірскаго епископа къ одному изъ сыновей Александра Невскаго: „Милостію Божіею... далъ намъ вины къ спасенію... болше же *законоданія* и правила да соблюдаемь, утверждаеми Богомъ. *Законоданіемъ* первѣе знаемь Бога и пр.“ См. Н. С. Суворова: „Слѣды запад.-катол. ц. права въ памят. др.-рус. права“, стр. 187.

[2]) См книгу *Михаила Бенеманскаго.* „О прохеірос номос“. Сергіевъ Посадъ, 1906 г., стр. 221—224.

нашей Договорной статьѣ не препятствуетъ признать источникомъ послѣдней не византійское, а славянское право, ибо, насколько еврейскій „сиклъ“ усвоенъ былъ греческимъ языкомъ, настолько, и еще болѣе, греческая „литра“ вошла въ употребленіе, какъ родное слово, въ языкахъ сирійскомъ, арабскомъ и армянскомъ, особенно же въ талмудической письменности, почему реченіе это, черезъ посредство евреевъ, легко могло перейти къ хазарамъ и руссамъ [1])

---

§ 4. О самовольномъ взятіи своего и насильственномъ похищеніи чужого имущества.

Статья 7-ая Договора Олега гласитъ:

„Аще ли кто, или Русинъ Хрестьану, или Хрестьанъ Русину, мученія образомъ искусъ творити, и насилье явѣ, или възметь что любо дружинне, да вспятить троичь“ (въ нѣкот. сп.: трижды).

Среди изслѣдователей существуетъ большое разногласіе, касательно смысла данной статьи и въ особенности выраженій: *искусъ* и *дружинне*, или, по другимъ варіантамъ: *дружие* и *дружне*. Такъ, *Татищевъ* переводитъ: „Ежели кто у кого что *вымучитъ* или насиліемъ отъиметъ, долженъ то возвратить *и цѣну его заплатить*. Такимъ образомъ, Татищевъ подъ *искусомъ* понималъ пытку и, что наиболѣе существенно, вмѣсто: „да вспятить троичь или трижды“ онъ перевелъ: „да возвратитъ то и цѣну его заплатитъ“,—изъ чего можно заключить, что у автора подъ руками былъ лѣтописный сводъ, гдѣ читалось, вмѣсто „троичь“—„сугубо“. *Шлецеръ* (II, 720) передаетъ: „Если кто что-нибудь насильно отниметъ у другого“,—оставляя вовсе безъ вниманія непонятныя, должно быть, ему слова: „мученія образомъ искусъ творити“.—*Эверсъ* (стр. 170 и 176) интерпретируетъ: „Если кто... *покусится на насиліе* и возьметъ что нибудь у другого явно силою“,—объясняя, что искусъ, „кажется, всего приличнѣе можетъ быть переведено здѣсь словами: *попытка, покушеніе*, Versuch“. Выходитъ, что и покушеніе, и совершеніе преступленія наказываются одинаково.—*Бѣляевъ* (Русь въ первыя сто лѣтъ): „Ежели кто будетъ дѣлать *обыскъ* съ притѣсненіемъ;

---

[1]) О словѣ „литра“ см. Krauss'a: Gr. u. lat. Lehnwörter im Talmud, Midrasch u. Targum“, II, p. 313—4.

или возьметъ что-либо у другого". Но что общаго между обыскомъ съ насиліемъ и отнятіемъ чего-либо у другого безъ насилія?— *Срезневскій* (Изв. Ак. Наукъ, III, стр. 287) находилъ, что словомъ *искусъ* „нечаянно и неловко" выражена идея *грабежа* или *разбоя*. Это греч. πείρασις. πειρατεία. откуда *пираты*, морскіе разбойники. Но, если подъ искусомъ понимать разбой (въ современномъ смыслѣ), то получится плеоназмъ: учиненіе разбоя и отнятіе чего-либо съ явнымъ насиліемъ, тогда какъ разбоій въ значеніи грабежа и есть насильственное похищеніе чужого имущества; одно изъ правилъ же юридической герменевтики требуетъ, чтобы при толкованіи смысла закона имѣть всегда въ виду, что законъ лишнихъ словъ не употребляетъ. Слѣдовательно, коль скоро въ нашемъ постановленіи говорится объ отнятіи чужой вещи явно съ насиліемъ, то можно напередъ быть увѣреннымъ, что непосредственно предшествующія слова: *искусъ творити* выражаютъ какой-либо другой оттѣнокъ понятія преступнаго дѣйствія. *Лавровскій* (123—126), предпославъ замѣчаніе, что наша статья „какъ отличающаяся искусственнымъ языкомъ, особеннымъ значеніемъ словъ, обнаруживаетъ обильные признаки греческаго происхожденія" и остановившись затѣмъ на словахъ: *искусъ* и *дружне*, находилъ, что первое въ настоящемъ случаѣ означаетъ: *попытку*, *испытаніе*, *выпытываніе*, соотвѣтствуя византійскому πεῖρα. а второе, будучи среднимъ родомъ прилагательнаго дружинный, значитъ: дѣйствіе, совершенное дружиною (дружина=ἑταιρία), совокупностію, скопищемъ нѣсколькихъ лицъ,— *шайкою*.— Проф. *Сергьевичъ*, замѣтивъ, что статьи, относящіяся къ имущественнымъ правонарушеніямъ, принадлежатъ къ наиболѣе испорченнымъ переписчиками, не считалъ возможнымъ присоединиться ни къ одному изъ представленныхъ изслѣдователями объясненій нашей статьи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по неясности ея текста, уклонился отъ предложенія собственнаго толкованія оной.—Проф. *Вл.-Будановъ* предпочитаетъ переводъ Эверса, а относительно смысла слова дружне—шайкою—соглашается съ Лавровскимъ. *Д. Г. Тальбергъ* („Насильств. похищ. имущества", с. 5) признавалъ наиболѣе правильнымъ такое чтеніе нашей статьи: „Если кто изъ христьянъ или русскихъ станетъ *допрашивать* (хозяина вещи) посредствомъ мученья, и явно, чрезъ насиліе, что-либо возьметъ, или въ сообществѣ съ другими („дружинне"), то платитъ за это втрое",—такъ, что въ данной статьѣ, поясняетъ авторъ, предусматриваются два случая: когда насильственное похищеніе чужого имущества совершается однимъ лицомъ, и когда оно совершается совокупностію лицъ—шайкою, но наказуемость въ обоихъ случаяхъ одинакова. Напослѣдокъ, минуя указанные

проф. Вл.-Будановымъ толкованія Раковецкаго, Мейчика, Станиславскаго и проф. Сокольскаго, я подхожу къ послѣднему, по времени, слову науки—комментарію *А. В. Лонгинова.* Понимая, подобно Эверсу, подъ *искусомъ* попытку, „*покушеніе* на осуществленіе злого намѣренія, *переходящее въ дѣйствіе*“, а подъ *дружне*—чужое, другому принадлежащее,—названный ученый предлагаетъ (с. 138) такой переводъ нашей статьи: „Если кто изъ христіанъ или русскихъ мучительнымъ образомъ (посредствомъ притѣсненія или истязанія) *попытку* (пробу или покушеніе) учнетъ совершать, и насилье явно (для взятія), или возьметъ что-либо дружеское (чужое), то да возвратитъ втройнѣ“. Но и этотъ переводъ совершенно несостоятеленъ, такъ какъ *искусъ* ни въ какомъ древнерусскомъ литературномъ памятникѣ въ смыслѣ покушенія не встрѣчается и авторъ напрасно ссылается на Словарь И. И. Срезневскаго: тамъ ни одного примѣра употребленія сказаннаго слова въ такомъ значеніи не приведено [1]). Притомъ, самое понятіе о покушеніи и соотвѣтственный ему техническій терминъ отсутствуютъ совсѣмъ въ римскомъ правѣ (Mommsen, p. 95), а также такого термина недостаетъ въ германскомъ средневѣковомъ юридическомъ языкѣ, равно какъ и въ старинномъ русскомъ правѣ, въ которомъ этотъ терминъ появляется впервые лишь въ Наказѣ Екатерины (*Неклюдовъ*, въ „Учебн. угол. права“ Бернера, I, 497) [2]). Откуда же могъ бы взяться сказанный терминъ въ нашихъ Договорахъ? Кромѣ того, развѣ не должно казаться удивительнымъ, что о покушеніи, облагаемомъ, впрочемъ, тою же карою, какъ и вполнѣ оконченное преступное дѣйствіе, постановлено только въ отношеніи грабежа, а не другихъ преступленій, напр., кражи или, скорѣе еще, убійства, нанесенія ранъ и пр.?

И такъ, нужно воздать полную справедливость научной добросовѣстности досточтимаго проф. В. И. Сергѣевича, который, вмѣсто того, чтобы, подобно своимъ предшественникамъ, „сотво-

---

[1]) Даже выраженіе „покусится“ въ ст. 5-й Договора Игоря: „Аще ли кто покусится отъ Руси взяти что отъ людій царства нашего“, какъ будетъ объяснено ниже, вовсе не значитъ: учинитъ покушеніе, *а осмѣлится, дерзнетъ.*

[2]) Проф. *Вл.-Будановъ*, ссылаясь на ст. 20 Р. Правды по Кар. сп.: „если кто вынетъ мечъ, но не ударитъ, то гривна кунъ“, полагаетъ, что въ Рус. Правдѣ покушеніе наказуемо, но покойный проф. *Бѣлогрицъ-Котляревскій* указалъ на ошибочность этого толкованія, потому, что въ означенной статьѣ карается не покушеніе на убійство, а заключающееся въ угрозѣ оскорбленіе чести, усматриваемое въ этомъ случаѣ и германскими Правдами (см. брошюру: „Общія черты исторіи угол. права“, К. 1893 г., стр. 5).

рить, мученія образомъ, насилье явѣ“ надъ нашею статьею, навязывая употребленнымъ въ ней словамъ и оборотамъ несвойственное имъ значеніе, откровенно призналъ, что она, при существующемъ испорченномъ текстѣ, не поддается никакому удовлетворительному истолкованію.

Постараюсь же, съ своей стороны, устранить порчу текста обычно-практикуемымъ мною способомъ,—посредствомъ исключенія изъ него излишковъ и дополненія нѣкоторыми недостающими въ немъ словами и оборотами, ошибочно втиснутыми въ другія статьи Договоровъ [1]).

При помощи этихъ операцій получится такое чтеніе обсуждаемой статьи.

„**Аще ли кто искушенье створити** (чит.: *створить*). Аще ли кто, или Русинъ Хрестьяну, или Хрестьянъ Русину... искусъ творити (чит.: *створить*) и насилье явѣ, [да аще възметь свое] и [мѣстникъ] [не] [увѣдѣлъ есть] [сего], [еже смѣ тое створити], да въспятить [и да погубить правду свою]; или возметь [вар.: аще ли взялъ будеть] дружне [вар.: чюжю, чит.: *чюже*], [да заплатить сугубо].“

Т. е.: Если русинъ у христіанина или христіанинъ у русина совершитъ *укушеніе* (захватъ, обдираніе, обираніе, лупленіе), или явное насиліе, то осмѣлившійся сдѣлать это, если (самовольно) взялъ, безъ вѣдома мѣстнаго начальства, свою собственную вещь

---

[1]) А именно, какъ было мною уже сказано выше (стр. 110, прим.), *излишними* въ *данной* статьѣ являются выраженія: „мученья образомъ“ и „тропче“ (трижды. трожды, чит.: *вражды*), настоящее мѣсто которымъ—въ предыдущей статьѣ, трактующей *о враждѣ*. *Дополнить* же разсматриваемую статью надлежитъ слѣдующими фразами и предложеніями: 1) Изъ сочетанія ст. 6-ой Олегова Договора (по счету X-тіи): „по паче убо да възметь свое, иже будетъ погубилъ“,—сочетанія, не дающаго никакого смысла, представляя собою лишь механическій наборъ безсвязныхъ словъ. должно выпуть, для перенесенія въ нашу статью, выраженіе: „*да възметь свое*“. (Остальныя слова этого сочетанія будутъ мною использованы для реставраціи другихъ статей Договоровъ). 2) Изъ той же статьи,—изъ заключительной фразы: „и отдасть *тое, еже смь створить*“ беру послѣднія, подчеркнутыя слова. 3) Изъ начала ст. 8-ой того же Договора.—изъ фразы „на землю *чюжю*“ беру послѣднее подчеркнутое слово. 4) Изъ ст. 12-й Олегова же Договора переношу въ нашу статью все заключительное предложеніе, за исключеніемъ слова „дасть“, относящагося къ другому мѣсту: „аще ли кто искушенья сего не (дасть) створити, мстникъ да погубитъ правду свою“. 5) Изъ ст. 2-ой Договора Игоря,—изъ фразы: „нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашь посылати грамоты“ заимствую слова: „*увѣдѣлъ есть*“. 6) Изъ ст. 5-ой того же Договора беру фразу: „*аще ли взялъ будеть, да заплатить сугубо*“.

да возвратитъ ее и да лишится своего права на нее; если же онъ отнялъ чужую вещь, да платитъ вдвое.

Правильность этого чтенія подтверждается параллельною 49-ю статьею XXXIX титула Прохирона, которую я и процитирую здѣсь въ славянскомъ переводѣ, представляемомъ Закономъ о Казнѣхъ (изд. Павлова), съ подведеніемъ варіантовъ изъ Закона Градскаго (гл. 48 Печат. Кормчей).

„Аще кто до судьина осуждения возметь (вар.: отъиметь) вещь какову либо, или товаръ, аще оубо *его* будетъ былъ (вар.: аще оубо *свое* ему есть), да отпадаетъ отъ него (вар.: да отпадаетъ господство его), аще ли же *чюже*, да отдасть тое восхыщенное и цѣну его (вар.: да вдастъ господину его то истое и цѣну его).“

Эта параллель, *во 1-хъ*, какъ нельзя убѣдительнѣе, доказываетъ ошибочность чтенія въ концѣ занимающей насъ Договорной статьи: „да въспятить трониче или трижды“ и первоначальность чтенія Татищева: „долженъ то возвратить и цѣну его заплатить“, что́ буква въ букву соотвѣтствуетъ фразѣ Закона о Казнѣхъ: „да отдасть тое восхищенное и цѣну его“; *во 2-хъ*, разъ навсегда устраняетъ мудрствованіе комментаторовъ, будто „*сотворить искусъ*“ значитъ: сдѣлать покушеніе, а *дружне*—скопищемъ, шайкою, ибо сличеніе Договорной статьи со статьею Прохирона показываетъ, что въ обѣихъ о покушеніи нѣтъ и рѣчи и что „*дружне*—переводъ греч. *ἀλλότριον*—чужое; *въ 3-хъ*, даетъ возможность установить съ положительностію значеніе слова *местникъ*. Слово это *Бѣляевъ* считаетъ буквальнымъ переводомъ греч. *κεκτημένος*— хозяинъ дома. Проф. *Вл.-Будановъ* (Х-тія, прим. къ ст. 12 Дог. Олега) аподиктически увѣряетъ, что местникомъ называется сторона въ процессѣ.—*Срезневскій* (Изв. Ак. Н. III, 269), приводя мнѣніе изслѣдователей, что местникъ есть переводъ *τόπαρχος*—мѣстный начальникъ, лично склоненъ скорѣе признать это слово переводомъ греч. *τοπότης* или *τόπικος*—мѣстный житель(!). *Сокольскій* (стр. 25) переводитъ фразу: „местникъ да погубитъ правду свою“—мститель да теряетъ свое право *мести*. Но параллельная статья Прохирона не позволяетъ болѣе сомнѣваться, что правъ былъ Татищевъ, разумѣвшій подъ местникомъ „*начальника гражданскаго*“ (Шлецеръ, „Несторъ“, II, 738), такъ какъ фраза „и местникъ не увѣдѣлъ есть сего“ отвѣчаетъ выраженію византійскаго законника: „аще кто кромѣ (или до) судіинаго отреченія (или осужденія)—*ἐὰν χωρὶς δικαστικῆς ἀποφάσεως*. Впрочемъ, фраза эта повторяется дословно и въ ст. 125 Русской Правды по Ка-

рамз. сп.: „А кто самъ своего холопа досочится (доищется) въ чіемъ любо городѣ или въ хоромѣ, а будетъ *намѣстникъ не вѣдалъ его* (чит.: сего), то, поведавше емоу, пояти же оу него отрокъ и пр.“. Слово *намѣстникъ* дало поводъ проф. *Вл.-Буданову* къ заключенію (X-тія, вып. I, прим. подъ ст. 125 Кар.), что послѣднія статьи Правды по Кар. сп. очень поздняго происхожденія, такъ какъ до XIII в. названіе „намѣстникъ“ не было извѣстно и ему соотвѣтствовали посадникъ, тіунъ. Между тѣмъ выраженіе *намѣстникъ* является здѣсь простою опискою, вмѣсто „мѣстникъ“—ближайшій мѣстный начальникъ.

Остается еще разъяснить значеніе словъ: *искушеніе* и *искусъ*, въ связи съ оборотомъ: „*насилье явѣ*“. Для этого необходимо обратиться къ помощи *еврейскаго языка* и *еврейскаго права*. По Талмуду, для состава преступленія gesel—разбоя (грабежа) требуется, чтобы оно совершено было открыто, явно. Вотъ въ дословномъ латинскомъ переводѣ Іоан. Буксторфа относящееся сюда мѣсто изъ главы 54-й *Midrasch rabba* на книгу Бытія: „Quisnam est „*gaslan*“ (raptor, praedo)? Bar Kappora dixit: *Js, qui publice rapinam exercet.* (Lexicon chaldaicum etc., s. v. *gaslan*). Подчеркнутая латинская фраза буквально соотвѣтствуетъ выраженію нашей Договорной статьи: „аще кто... сътворить насилье *явѣ*“. Что же касается слова: „*искусъ*“, то оно, какъ производное отъ глагола искусать—изгрызать зубами, изъѣдать, тождественно по значенію со словомъ *зубоѣжа*, имѣющимся въ церковномъ уставѣ, приписываемомъ св. Владиміру. Въ своемъ очеркѣ: „Критико-сравнительный разборъ устава вел. кн. Всеволода о церк. судахъ („Вѣстникъ Права“ за 1905 г., ноябрь—декабрь) я подробно развивалъ ту мысль, что *зубоѣжа* или *зубоядь*, будучи переводомъ библейскаго neschech -укусъ, угрызъ,—значитъ, въ частности, рѣзоимство, а въ болѣе обширномъ смыслѣ—всякій захватъ, всякое самоуправное присвоеніе или неправомѣрное удержаніе и утайка чужого имущества, каковыя противозаконныя дѣйствія подходятъ, по взгляду Талмуда, наравнѣ съ явнымъ насиліемъ, также подъ юридическое понятіе gésel'—грабежа. Въ подтвержденіе этого, я указалъ на Пс. LII, 5: „дѣлающіе беззаконіе, *съѣдающіе* народъ мой, *какъ ѣдятъ хлѣбъ*“ и Мих. III. 3: „*ѣдите* плоть народа Моего и *сдираете съ нихъ кожу ихъ*“, далѣе—на древній, напечатанный о. Горчаковымъ, „чинъ исповѣданія“: „*вземъше* что чюже, ци запрѣлася еси, ли украла еси что, ли *зубы кусала еси кого?*“, и на статью церк. устава Ярослава по списку, помѣщенному въ Соловецкой Кормчей 1493 г.: „Аще мужа два біетася женскы... любо *одереть или укусить*, митрополиту 12 гривенъ (или гривна)“,—при-

чемъ я доказывалъ, что послѣднія подчеркнутыя слова, не имѣя никакой связи съ предыдущими, являются, повидимому, окончаніемъ отдѣльной статьи, опредѣляющей денежную пеню за *обдираніе* и *укушеніе* въ смыслѣ лихоимства, мздоиманія и грабительства (лупленія).

Такимъ образомъ, и настоящая статья, подобно всѣмъ предшествующимъ, опровергаетъ господствующее мнѣніе о преобладаніи византійскаго элемента въ языкѣ Договоровъ съ греками X вѣка. Возразятъ, что византійское вліяніе за то отразилось въ самомъ существѣ нашей статьи, представляющей собою какъ-бы копію съ параллельнаго постановленія Прохирона. Дѣло, однако, въ томъ, что изображенное въ послѣднемъ начало присуще и варварскимъ Правдамъ, изъ коихъ нѣкоторыя также караютъ насильственное похищеніе чужого имущества уплатою двойной цѣны похищеннаго [1]), причемъ виновнымъ въ грабежѣ оказывается, между прочимъ, и тотъ, кто вещь, данную въ закладъ, самоуправно отнимаетъ, и кто у должника что-либо беретъ въ уплату долга безъ разрѣшенія суда (Wilda, S. 909). Но любопытно, что опредѣленіе нашей статьи (по установленному мною тексту): „да аще възметь свое и местникъ не увѣдѣлъ есть сего, еже смѣ тое сътворити, да въспятитъ, и да погубитъ правду свою“ находится и въ монголо-калмыцкомъ ойратскомъ уставѣ:

> „Ежели кто у кого что возьметъ въ долгъ и не будетъ платить, то одолжитель имѣетъ о томъ *ясашному сборщику* (въ нѣмецкомъ текстѣ Палласа: „seinem Vorgesetzten, своему начальнику=„*мьстнику*“) при свидѣтеляхъ троекратное объявленіе учинить, и потомъ отъ должника что взять... Ежелижъ кто о такомъ своемъ долгѣ, *никому не объявя, у должника своего что возьметъ* деннымъ временемъ, *и за то оной всего своего долга да лишится*“ (у Палласа: soll seines Rechtes verlustig seyn=„*да погубитъ правду свою*“. См. Леонтовича, стр. 109).

Въ виду изложенныхъ данныхъ не представляется никакого основанія находить въ нашей договорной статьѣ непремѣнно византійское начало.

---

[1]) L. Fris., VIII: Si quis rem quamlibet vi rapuerit, in duplum eam restituere compellatur. Тоже и по праву Алеманновъ. Ср. Wilda, S. 457. (not. 3), 914.

§ 5. О воровствѣ - кражѣ.

Выше (стр. 103) мною уже объяснено, что статья 5-я Договора *Олега* вовсе не содержитъ опредѣленія наказанія за татьбу, а имѣетъ своимъ предметомъ исключительно дозволеніе безнаказанно убивать вора, сопротивляющагося при поимкѣ его на мѣстѣ преступленія. Собственно же *о мѣрѣ наказанія за татьбу* трактуетъ ст. 6-я Договора *Игоря*,—слѣдующаго содержанія:

> а) „Аще ли ключится украсти Русину отъ Грекъ, или Грьчину отъ Руси, (достойно есть) да възворотитъ (е) не точью едино, но и цѣну его; б) аще украденое обрящеться продаемо, да вдасть и цѣну его сугубо, и тъ показненъ будеть по закону Гречьскому, по уставу (въ Радзив. сп. повторено: *Грѣцкому*) и по закону Рускому".

Предложеніе первой части настоящей статьи: „достойно есть и пр.", которое *Эверсъ* (стр. 195), вслѣдъ за Шлецеромъ, переводитъ: „справедливость требуетъ, чтобы онъ (воръ) возвратилъ ему (потерпѣвшему) не только вещь украденную, но и цѣну ея"—страдаетъ излишнимъ многословіемъ. Предполагается вѣдь, что всякое, вообще, наказаніе назначается закономъ по началамъ справедливости. Для чего же бы понадобилось подчеркнуть справедливость взысканія именно только въ данномъ случаѣ? Притомъ, выраженіе: „не точью едино, но и цѣну его", здѣсь неподходяще уже потому, что послѣ „едино", означающаго: *одинъ разъ*, слѣдовало ожидать *многажды*. Далѣе, во 2-й части нашей статьи *Эверсъ* (стр. 197) признаетъ темнымъ заключительное предложеніе: „и тъ показненъ будеть по закону Гречьскому... и по закону Рускому", и въ концѣ концовъ склоняется къ выводу, что виновный въ кражѣ, кромѣ платы ея двойной цѣны, подвергался еще уголовному наказанію, согласно съ отечественными законами *потерпѣвшей стороны*. Такого же взгляда держится и проф. *Вл.-Будановъ*, полагающій, однако, что примѣненіе добавочной уголовной кары обусловливается національнымъ закономъ *преступника*, а не пострадавшаго. Не соглашаясь съ этими мнѣніями, проф. *Сергѣевичъ* находитъ, что слова: „и тъ показненъ будеть и т. д." не устанавливаютъ за кражу какого-либо другого наказанія, помимо двойной цѣны, а выражаютъ только ту общую мысль, что вышеозначенный штрафъ и есть наказаніе, опредѣленное согласно съ законами обѣихъ странъ.

Ни одно изъ указанныхъ объясненій не можетъ быть при-

нято. Если бы слова: „и тъ да показненъ будеть и пр.“ не устанавливали никакого добавочнаго наказанія, сверхъ двойного денежного штрафа за воровство, то они были-бы совершенно ненужны, излишни. Допустить же, что сказанными словами, дѣйствительно, назначается добавочная кара, сообразно какимъ-то неопредѣленнымъ русскимъ и греческимъ законамъ,—тоже невозможно, ибо мы знаемъ, что по византійскому праву простая кража угрожалась *только* двойною пенею безъ всякихъ дополнительныхъ взысканій; равнымъ образомъ ни одна статья Договоровъ не оправдываетъ предположенія, будто въ періодъ, предшествовавшій Русской Правдѣ, существовала уже въ русскомъ правѣ система продажъ въ пользу князя за имущественныя правонарушенія, помимо частнаго вознагражденія потерпѣвшаго. Между тѣмъ всѣ порождаемыя нашею статьею недоразумѣнія исчезнутъ сами собою, если только возстановимъ подлинныя черты ея, искаженныя переписчиками, принявъ такое ея чтеніе.

„**О тацѣхъ** (чит.: *о татехъ*). а) Аще ли ключится украсти Русину отъ Грекъ что, или Грьчину отъ Руси, да возвратить è [и отдасть] цѣну его. б) Аще украденое обрящеться продаемо, да вдасть и цѣпу его сугубо. в) [Но паче (вар: *паки*) убо] не точью едино (вар.: *первое*), но [многажды] (вар.: *множайши*) (*въ татьбѣ*) [ятъ будеть], и тъ да показненъ будеть по закону Гречьскому и по уставу... Рускому“ [1]).

Сопоставимъ теперь воспроизведенную такимъ образомъ статью нашу съ параллельною 54-ою статьею 39 титула Прохи-

---

[1]) Возстановленіе текста данной статьи достигнуто путемъ произведенныхъ мною въ ней слѣдующихъ измѣненій: а) *я исключилъ* изъ нея выраженіе „*достойно есть*“, которое, по переправкѣ на „*достоинъ есть*“, нужно перенести въ помѣщенную въ самомъ концѣ Игорева Договора формулу клятвы крещенной и некрещенной Руси,—въ видѣ варіанта, относящагося къ предложенію: „Аще ли же кто... преступитъ се, еже есть писано на харатьи сей, *будетъ достоинъ* (вар.: *достоинъ есть*) своимъ оружьемъ умрети“, и б) *дополнилъ* статью недостающими въ ней словами и фразами, а именно: 1) словами „*о тацѣхъ*“, вынутыми изъ сочетанія ст. 2-й *Олегова* Договора: „да имѣють вѣрное *о тацѣхъ* явленіи“, 2) взятыми изъ ст. 6-ой того же Договора выраженіями: „*но паче убо*“ и „*и отдасть* (изъ фразы: и отдасть тое, еже смѣ створить), 3) выраженіемъ: *многажды* съ варіантомъ: *множайши*, взятыми изъ ст. 11-й того же Договора, 4) словами: „*ятъ будетъ*“—изъ ст. 14-ой того же Договора, и 5) словами „первое“ и „паки“ взятыми изъ ст. 2-й Договора Игоря—изъ предложенія: *первое* отъ города Киева, *паки* изъ Чернигова и Переяславля и пр.“.

рона въ славянскомъ переводѣ Печат. Кормчей (гл. 48), съ подведеніемъ варіантовъ изъ Закона о Казнѣхъ (изд. Павлова) и Сокращенной Синтагмы Матвѣя Властаря (См. „Памят. законодат. дѣят. Душана“ проф. *Флоринскаго*, II, стр. 180).

„Иже въ коемъ убо градѣ (и селѣ) крадущимъ, *единого* убо се створшимъ, повелѣваемъ, аще богати и свободни соуть, да возвративше оукраденое, и *соугубщею* толикожде да вдадять татбу претерпѣвшему. Аще ли оубози соуть сіе створшіи, біеми да женоуться. Аще же *не единою, но многащи* (вар.: аще ли же не единою, *но паче* множицею) *въ татбь яти боудуть*, роуки имъ да отсѣкоутъ“ (Въ Синтагмѣ: дващи же іети бывше, да изгонять се, аще лиж трищи видѣни боудоуть, *сіе смьвше сътворити*, рущѣ да отсѣкутьсе имъ).

Сравнивая оба текста, замѣчаемъ, что *первый абзацъ* Договорнаго постановленія расходится съ византійскимъ законодательствомъ въ томъ отношеніи, что по послѣднему за первую кражу виновный, сверхъ возвращенія украденнаго, долженъ былъ заплатить двойную стоимость похищеннаго, тогда какъ по Договорной Правдѣ воръ, кромѣ возвращенія украденнаго, объязанъ былъ заплатить потерпѣвшему только ординарную цѣну уворованной вещи, а не двойную ея стоимость—что́ совершенно совпадаетъ съ талмудическимъ толкованіемъ въ такомъ же смыслѣ словъ Исхода XXII, 4 (по евр. нумераціи, 3): „пусть заплатитъ вдвое“—толкованіемъ, основаннымъ на томъ соображеніи, что, по принципу таліона, воръ долженъ въ наказаніе потерпѣть такой же точно имущественный ущербъ, какой онъ желалъ причинить обкраденному (Код. Маймонида, разд.: „о кражѣ“, I, 4).

Второй абзацъ Договорной статьи, трактующій о повышенной мѣрѣ наказанія за кражу, въ случаѣ, если уворованная вещь окажется проданною, соотвѣтствуетъ въ диспозитивной своей части опредѣленію, выраженному въ Исходѣ, гл. XXII; въ византійскихъ же законныхъ книгахъ такого опредѣленія не содержится вовсе.

Третій абзацъ нашей статьи (по предлагаемому мною чтенію), устанавливающій повышенную наказуемость рецедива воровства, представляется, по фразеологіи, буквально сходнымъ съ параллельнымъ мѣстомъ статьи Прохирона, но рѣзко различается отъ послѣдней въ санкціонирующей части закона, каковое различіе выражено словами: „и тъ показненъ будеть по закону Гречьскому и уставу Рускому“. Слова эти означаютъ не то, что настоящее правоположеніе соотвѣтствуетъ началамъ какъ греческаго,

такъ и русскаго закона, а наоборотъ,—что по данному вопросу правовоззрѣнія договаривающихся сторонъ столь разнствуютъ одни отъ другихъ, что никакого соглашенія, никакого компромисса между ними достигнуть невозможно, почему участники Договора и обусловили, что за повтореніе воровства русскіе и греки подлежатъ наказанію, каждые по своимъ національнымъ правамъ. Въ чемъ же заключалось это наказаніе? Византійское законодательство, какъ мы видѣли, угрожаетъ отсѣченіемъ руки. О мѣрѣ же наказанія по русскому обычному праву эпохи Договоровъ мы положительныхъ свѣдѣній не имѣемъ, но, принимая въ соображеніе, что древне-русскій юридическій бытъ принципіально отвергалъ всякія членовредительныя наказанія, можно безошибочно принять, что назначалась за первый или второй рецедивъ смертная казнь—по примѣру правъ народовъ германской расы (Wilda, S. 882), либо конфискація всего имущества („разграбленіе“), какъ это встрѣчаемъ въ монголо-калмыцкомъ ойратскомъ уставѣ взысканій, гдѣ постановлено (ст. 156, по рус. списку), что „ежели кто одинъ приличится въ трехъ кражахъ, и за то онаго *совсѣмъ раззорить*“ [1]). Слѣды этой нормы сохранились въ уставной грамотѣ московскаго вел. кн. Василія Дмитріевича, данной жителямъ Двинской земли въ 1397 или 1398 г.

„А татя *впервые* продати противу поличнаго (взыскать штрафъ соразмѣрно цѣнности украденнаго), а *въ другіе* уличатъ, продадутъ его не жалуя (конфискуютъ все имѣніе) а уличатъ *вътретьие*, ино повѣсити, а татя пятнити (клеймить)“.

Проф. *Вл.-Будановъ* въ объяснительномъ примѣчаніи къ этой статьѣ грамоты, высказался, что „здѣсь въ первый разъ въ законодательныхъ памятникахъ является *смертная казнь и тѣлесныя наказанія*“ (курсивъ автора) и что „нельзя не видѣть здѣсь вліянія византійскихъ кодековъ (Эклоги и Прохирона), а быть можетъ, и бытоваго вліянія татаръ“ (X-тія, вып. I). Замѣчаніе это едва-ли основательно. Смертная казнь „явилась“ не впервые въ сказанной грамотѣ, но о существованіи ея, какъ общественной, публичной кары, а не въ видѣ лишь частной кровавой мести, мы узнаемъ уже изъ Договоровъ и Русской Правды, и въ послѣдней, отмѣчено объ отмѣнѣ этой казни только при дѣтяхъ Ярослава Мудраго. Примѣненіе же за большія или тяжкія воровства лише-

---

[1]) По ст. 136 нѣмецкаго текста Палласа полагается лишеніе жены, дѣтей и всего имущества съ отдачею въ рабство. (См. *Леонтовича*, стр. 139).

нія жизни, преимущественно чрезъ повѣшеніе, а за меньшія воровства—тѣлесныхъ наказаній, а также клейменія (Brandmark)—было правиломъ, установившимся еще въ древне-германскомъ правѣ (Wilda, S. 892), вліянію котораго скорѣе всего и слѣдуетъ приписать появленіе нормы, формулированной въ приведенной статьѣ жалованной грамоты. Византійскіе же кодексы, а также татарщина—тутъ не при чемъ [1]).

§ 6. О похищеніи и продажѣ людей.

Вслѣдъ за разсмотрѣнною статьей, озаглавленною *о татехъ* и трактующею о кражѣ имущества и, между прочимъ, о случаѣ продажи воромъ похищенной вещи,—въ оригиналѣ мирнаго трактата помѣщено было постановленіе касательно *похищенія людей* (ἀνδραποδισμὸς, Menschenraub). Но въ существующемъ текстѣ обрывки этой статьи оказываются скрытыми въ различныхъ мѣстахъ Договоровъ Олега и Игоря [2]).

Разыскавъ и связавъ во-едино эти обрывки и дополнивъ ихъ, по смыслу, одною утраченною при перепискѣ фразою, получимъ слѣдующую цѣльную статью:

„**(Аще) ли человѣка поработить.** (*Аще ли кто свободна кого емлеть*) *и* [мьнится, (*или*) в куплю] [и́ дасть], (*или въ*) [на д(е)нь] (чит.: *надань*) [дасть], [еже то створить, покажненъ будеть вельми] [по закону Греческому] (и) [по закону Рускому]“.

---

[1]) Согласно замѣчанію Ѳ. И. Леонтовича (ук. соч., стр. 19), хотя въ ст. 153-й новаго добавленія къ монголо-калмыцкому ойратскому уставу и говорится о клеймленіи вора посредствомъ прожиганія знака на щекахъ, но самое это добавленіе (Neuerer Zusatz zum Gesetzbuch) появилось, вѣроятно, для однихъ только калмыковъ лишь въ 18-мъ вѣкѣ, какъ объ этомъ можно заключить изъ имѣющихся въ немъ самомъ указаній, напр., изъ счета на русскія деньги, упоминанія о русскихъ и русской власти и пр.

[2]) А именно: 1) въ ст. 9-й *Олегова* Договора я обнаружилъ фразу: „или мьнится в куплю на д(е)нь“; 2) въ ст. 12-й того же Договора, въ сочетаніи: „аще ли кто искушенія сего не дасть створити мѣстникъ“—слово: *дасть*; 3) въ ст. 2 Договора *Игоря*, въ сочетаніи: „запечатаетъ и дасть имъ“—слова: „*и дасть*“; 4) въ ст. 5-й того же Договора—всю фразу: „*еже то створить, покажненъ будеть вельми*“; 5) въ ст. 6-й того же Договора—слова: „*по закону греческому*“, которыя въ Радзивил. сп. написаны на этомъ мѣстѣ повторно; 6) въ ст. 9-й того же Договора—слова: „*ли человѣка поработить*“; 7) наконецъ, въ ст. 14-й того же Договора—слова: „*по закону рускому*“.

Приведенное въ такомъ видѣ постановленіе соотвѣтствуетъ двумъ, однороднымъ по содержанію, главамъ титула 39-го Прохирона, которыя въ славянскомъ переводѣ Закона о Казнѣхъ (изд. Павлова, стр. 64 и 66) гласятъ:

Гл. 5. „Аще кто вѣдый свободьна кого и коупить его (въ Печат. Кормчей: или продасть его, въ греч. подлинникѣ: ἀγοράσῃ αὐτόν), или подаритъ имъ кого, или въ приданыхъ (въ Кормчей: вѣно) дасть, или променить, едина отъ сихъ винъ аще объявится, таковомоу руки отсѣкноути“.—*Гл. 19.* „Раби или освобоженіи аще емлютъ свободнихъ и продаютъ, и обличени в сѣмъ, біемі и острижені, роуки ихъ оусѣчи“.

Съ перваго же взгляда видно, что означенныя опредѣленія византійской законной книги заимствованы изъ Моисеева Пятикнижія, гдѣ о похищеніи людей говорится въ двухъ мѣстахъ: въ кн., Исходъ, 21. 16: „И кто украдетъ человѣка и продастъ его, и онъ находился въ рукѣ его, долженъ быть преданъ смерти“, и во Второзак. 24. 7: „Когда будетъ найденъ человѣкъ, похитившій кого-либо изъ братьевъ, сыновъ Израилевыхъ, и поработившій его и продавшій его, то да умретъ похититель этотъ“. Зависимость византійскихъ постаовленій отъ моисеева закона и, притомъ, что особенно любопытно, чрезъ посредство Вульгаты, а не чрезъ Септуагинту, обнаруживается изъ того, что слова указаннаго мною стиха Исхода, значащія буквально:„ и найденъ будетъ въ его рукѣ“, LXX толковниками передаются: *καὶ εὑρεθῇ ἐν αὐτῷ*, Вульгатою же—convictus noxae, а главою 19 Закона о Казнѣхъ, согласно латинскому переводу: „*и обличени въ сѣмъ*“ (въ греч. текстѣ ἐλεγχθῶσι; у Цахаріэ слóва этого, по замѣчанію Павлова, нѣтъ), а равно въ томъ, что выраженіе приведеннаго стиха Второзаконія: *we-hithamar bo*, которое LXX переводятъ *καταδυναστεύσας*, а Вульгата—acceperit pretium, въ гл. 5 Закона о Казнѣхъ передается опять-таки ближе къ латинскому, чѣмъ къ греческому переводу: подаритъ, отдастъ въ приданое или обмѣнитъ (Арамейскій переводъ псевдо-Іонаѳана передаетъ: „и совершитъ относительно его „prakmatja“—*πραγματεία*). Различіе же между византійскими нормами и положеніями Пятикнижія заключается въ неодинаковости санкціи закона: моисеево законодательство угрожаетъ за похищеніе людей смертною казнію, а византійское—отсѣченіемъ руки и, сверхъ того, въ отношеніи рабовъ и освобожденныхъ, біеніемъ и остриженіемъ. Но на такія, назначаемыя византійскимъ правомъ, изувѣчивающія и осрамительныя наказанія, какъ противныя правовоззрѣніямъ русскаго народа, русскіе послы, участвовавшіе въ совершеніи акта договора

съ греками, не могли согласиться. И вотъ почему въ данномъ случаѣ, какъ и при формулировкѣ Договорной статьи объ опредѣленіи кары за рецидивъ воровства имущества, и постановлено было, что русскіе и греки караются по своимъ отечественнымъ уголовнымъ законамъ. Опять представляется и здѣсь вопросъ: какая же норма наказанія за означенное преступленіе дѣйствовала на Руси въ эпоху составленія Договоровъ?—Зная, вообще, поразительное сходство монголо-ойратскихъ постановленій съ древне-русскими, естественно было бы предположить, что и на Руси примѣнялось положеніе, выраженное въ ст. 143 добавочной части монголо-калмыцкаго устава, сохранившейся въ нѣмецкомъ текстѣ Палласа,—гласящее „кто тайно продаетъ или покупаетъ людей,—отъ того, если это будетъ дознано, взыскивается въ наказаніе двойная цѣна, а рабъ отпускается на свободу“. Но такой гипотезѣ противится то соображеніе, что репрессія, опредѣляемая означеннымъ уставомъ, уже черезчуръ слаба сравнительно съ важностью преступленія, а между тѣмъ въ нашей Договорной статьѣ съ удареніемъ выражено, что виновный въ похищеніи людей и отчужденіи ихъ по какой бы то ни было гражданской сдѣлкѣ долженъ быть „покажненъ вельми“,—строго. Поэтому представляется болѣе вѣроятнымъ, что въ древне-русскомъ правѣ примѣнялось наказаніе, постановленное въ ст. 30-й Закона Суднаго по редакціи гл. 46 Печат. Кормчей: „Иже свободнаго оукрадетъ и продастъ, или поработитъ, да поработится и самъ, якоже и онъ свободнаго поработивъ“.

Въ заключеніе отмѣчу, что употребленное въ нашей Договорной статьѣ слово: *наденъ,* на мѣстѣ котораго въ поцитованной главѣ Закона о Казнѣхъ стоитъ „приданыхъ“, а въ Печат. Кормчей —„вѣно“, едва-ли не ἅπαξ λεγόμενον, ибо, насколько извѣстно, оно подъ такою формою и въ такомъ значеніи не встрѣчается ни въ какомъ другомъ памятникѣ древней письменности. Присутствіе же этого реченія въ нашей статьѣ лишній разъ подтверждаетъ основательность выставленнаго мною тезиса, касательно преобланія еврейскаго элемента въ языкѣ и содержаніи Договорной Правды, такъ какъ ndan или ndunja, а въ разговорной рѣчи—nadan и nâden—еврейское слово (см. Iезек. 16. 33), означающее на правовомъ языкѣ: приданое, вѣно.

§ 7. О помощи при кораблекрушеніи и угрозѣ наказаніемъ за похищеніе чего-либо изъ морского или рѣчного судна, претерпѣвшаго аварію.

За статьями о насильственномъ похищеніи имущества и людей, въ подлинномъ Договорѣ слѣдовала статья, заключающая въ себѣ, между прочимъ, воспрещеніе подъ страхомъ наказанія похищать что-либо изъ выброшеннаго на берегъ корабля или иного судна. Главнѣйшее же содержаніе этой послѣдней статьи составляетъ обязательство, касательно взаимной помощи, въ случаѣ если близъ береговъ одной изъ договорившихся странъ корабль или судно подвергнется крушенію.

Вотъ текстъ этой статьи, воспроизведенный мною главнымъ образомъ путемъ присоединенія къ ст. 8-й *Олегова* Договора всей ст. 9-й и начала ст. 5-й Договора *Игоря* и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, взятыхъ изъ другихъ мѣстъ обоихъ Договоровъ:

Аще ли ключиться проказа [лодьи] (и) аще ли отъ нея возметь кто что. а) Аще вывержена будеть лодья [вар.: аще обрящуть Русь кубару Гречьскую вверженну...] вѣтромъ великимъ на землю... (*Рускую*), и обращуться тамо иже отъ насъ Руси..., [да не преобидить (чит.: *преобидимъ*) ея], [на] (чит.: *но*) да [потщимся] снабдѣти лодию с рухломъ своимъ и отослати паки на землю хрестьаньскую; да проводимъ ю́ сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже пріидеть въ бестрашное мѣсто. б) Аще и (чит.: *ли*) таковая лодья, ли отъ бури или бороненна земнаго баронима, не можеть возборонитися (по др. спискамъ: *возвратитися*) въ своа си мѣста, спотружаемся гребцемъ тоа лодья мы, Русь, (и) воволочимъ (въ) Русь [вар.: да проводимъ ю́ в Рускую землю], да продаютъ рухло тоя лодьи, и аще что можеть продати отъ лодья, и допроводимъ ихъ съ куплею по здорову [вар.: да пустимъ я́ съ честью и проданное рухло... ихъ]. в) Ти, аще ли ключиться [такоже] [лодьи Рускои] [близъ земля Грецкаа]. г) [Аще ли кто покусится отъ Руси [или] (*отъ Грекъ*) взяти что отъ людий... (чит.: *отъ лодьи*) [вар.: отъ лодьи что взято (взяти) любо], [да будеть повиненъ закону Руску и Гречьску].

Вникнемъ ближе въ разсмотрѣніе данной статьи.

1. Начальное выраженіе ея по изложенному въ дошедшихъ къ намъ спискамъ тексту: „Аще вывержена будеть лодья вѣтромъ великимъ на землю *чюжю*“ дало основаніе *Эверсу* къ слѣдующему заключенію. „Оно доказываетъ, пишетъ онъ (стр. 182), что руссы

имѣли тогда большое вліяніе на весь сѣверный берегъ Чернаго моря; въ противномъ случаѣ, они не могли бы обѣщать грекамъ помощи, которую такъ неудобно было оказывать въ то время среди грубыхъ народовъ, обыкновенно любящихъ присваивать себѣ вещи, выкидываемыя на берегъ послѣ кораблекрушенія. Да и какъ бы вздумали греки требовать нарочитой статьей въ Договорѣ такового вспомоществованія, если бы они не были твердо увѣрены, что руссы въ состояніи оказывать эту помощь? И такъ, надобно думать, что руссы въ то время частію сами имѣли владѣнія въ сихъ мѣстахъ, частію находились въ дружественныхъ связяхъ съ народами, которые владѣли сими берегами. И это приводитъ насъ опять къ сказаніямъ грековъ и аравитянъ о древнемъ жительствѣ руссовъ по берегу Чернаго моря, ибо исторія совсѣмъ не говоритъ, чтобы Рюрикъ или Олегъ сдѣлали какія-нибудь завоеванія въ сихъ мѣстахъ". Къ такому же выводу пришелъ и проф. *И. Д. Бѣляевъ*. „Слова: „на землю чюжю", говоритъ онъ, „не опровергаютъ мнѣнія, что русскіе владѣли частію Черноморскаго берега, а, напротивъ, указываютъ, что они могли дѣйствовать и тамъ, гдѣ еще не было ихъ владѣній, и что они въ этой сторонѣ (?) были народомъ бывалымъ, заобычнымъ, въ противномъ случаѣ имъ не зачѣмъ было принимать на себя попеченіе о греческихъ лодьяхъ" (Записки Одес. О-ва ист. и древ., т. III, 1853 г., стр. 5).

Но основанный на Договорѣ Олега выводъ, что Русь въ X в. владѣла уже частью Черноморскаго берега, можетъ стать вполнѣ пріемлемымъ лишь тогда, если согласиться со мною, что изъ фразы: „на землю *чюжю*" послѣднее слово надлежитъ выбросить и перенести въ статью о преступленіи грабежа, въ видѣ глоссы къ „дружие" или „дружне" (см. выше, стр. 120). А что, дѣйствительно, слово „*чюжю*" совершенно чуждо нашей статьѣ и поставлено здѣсь ошибочно въ приложеніи къ слову „землю", вмѣсто пропущеннаго „рускую",—въ этомъ убѣждаетъ то, что во всѣхъ международныхъ трактатахъ, содержащихъ условіе объ оказаніи взаимной помощи при кораблекрушеніи, всегда имѣется въ виду, что таковое случится у береговъ самыхъ договаривающихся государствъ, а не близь чужой земли. Для примѣра укажу на заключенный въ 1648 г. Богданомъ Хмѣльницкимъ съ турецкимъ султаномъ договоръ, по 9-му пункту котораго, „если бы галера или корабль казацкій разбились при *берегу султанскомъ*, то вещи, кои могутъ сохраниться, были бы спасены и наслѣдникамъ отданы" (Собр. гос. грам. и догов., т. III, стр. 444). Слѣдуетъ еще упомянуть о толкованіи слова „чюжю", предложенномъ *А. В. Лонги-*

новымъ. Указавъ на то, что въ Смоленскомъ договорѣ съ нѣмцами, въ договорахъ грековъ съ венеціанами, пизанцами и генуезцами X—XII в. и въ позднѣйшихъ нашихъ договорахъ мѣсто разбитія судна, челна или корабля не переносится за границы областей дружественной державы,—почтенный авторъ объясняетъ и въ настоящемъ случаѣ выраженіе „чужая земля“ въ томъ смыслѣ, что для грековъ чужою была земля русская, а для русскихъ —земля греческая. Но невѣрность этого объясненія очевидна, ибо подъ чужою землею можно понимать только землю посторонняго, третьяго народа или государства, а не землю державы, съ которою заключенъ союзный или дружественный договоръ.

2. Своеобразно, чтобы не сказать курьезно, изслѣдователями толкуется читаемое во всѣхъ спискахъ предложеніе нашей статьи: „да аще кто идеть снабдѣти лодию с рухломъ своимъ и отослати паки на землю хрестьанскую“. *Шлецеръ* (II, 725) пореводитъ: „если пойдетъ кто снабдить выброшенную лодью *собственными своими снастями*, чтобы доставить ее опять въ христіанскую землю“. *Эверсъ* (181): „если вздумаетъ кто-нибудь пополнить лодію *своимъ грузомъ*“. *Бѣляевъ* (Русь въ первыя сто лѣтъ): „ежели кто идетъ (въ Грецію), тому *охранять лодью съ ея товаромъ*“.—Проф. *Соловьевъ* счелъ за лучшее въ переводѣ нашей статьи опустить вовсе выраженіе: „да аще кто идетъ“, какъ затрудняющее смыслъ предложенія. *А. В. Лонгиновъ* же, сознавая, повидимому, неумѣстность означеннаго выраженія, но въ то же время не допуская возможности какой бы то ни было описки или ошибки въ текстѣ, думалъ найти выходъ изъ затрудненія при помощи только знака *тире*, поставленнаго между „кто“ и „идетъ“, почему онъ и изложилъ данное мѣсто такъ: „и обрящуться тамо иже отъ насъ Руси, да аще кто—идеть снабдѣти лодью съ рухломъ своимъ (т. е. оснастить съ ея грузомъ) и отсылати паки на землю хрестьянскую“. Но всякій, полагаю, согласится, что *тире* нисколько не помогло дѣлу и что, напротивъ, разъединенныя отъ слова „идеть“ слова „да аще кто“, очутившись внѣ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, стали еще безсмысленнѣе прежняго,—не говоря уже о томъ, что глаголъ „снабдѣти“, значитъ *только* охранять, а отнюдь не „оснастить“, какъ угодно перевести нашему автору. Между тѣмъ загадка объясняется просто: все выраженіе: „да аще кто идеть“ составляетъ въ настоящей статьѣ интерполяцію и, будучи разночтеніемъ стоящей въ данной же статьѣ нѣсколько ниже фразы: „*да егда ходимъ въ Грекы*, или съ куплею, или въ солбу къ цареви вашему“, заодно съ нею должно быть вынуто отсюда и перенесено въ одну изъ дальнѣйшихъ статей

нашего акта, въ которой, какъ мы увидимъ, трактуется о правахъ русскихъ, прибывающихъ въ Византію въ качествѣ пословъ и купцовъ-гостей.

3. Слѣдующее мѣсто нашей статьи по существующему тексту ея: „спотружаемся гребцемъ тоа лодьа мы, Русь, и допроводимъ с куплею ихъ по здорову, ти аще ключиться близъ земля Грецкаа; аще ли ключиться такоже проказа лодьи Руской, да проводимъ ю́ въ Рускую землю, и да продаютъ рухло тоя лодьи"—*Эверсъ* перевелъ: „да поможемъ гребцамъ сей лодьи и проводимъ ее со всѣмъ грузомъ въ безопасности, если это случится близь греческой земли; *если же несчастье случится съ русскою лодьею, да проводимъ ее въ русскую землю* и да продадимъ грузъ ея". Раньше же, *Шлецеръ*, хотя и предложилъ такой же переводъ даннаго мѣста, но, послѣ фразы: „если же несчастье такое случится съ русскою ладьею, да проводимъ ее въ русскую землю", поставилъ знакъ вопросительный, указавъ этимъ на несообразность подобнаго постановленія. И въ самомъ дѣлѣ, не представляется ли въ высшей степени страннымъ, что въ договоръ съ греками сочтено было нужнымъ включить условіе, по которому *русскіе* обязались: потерпѣвшій крушеніе *русскій* же корабль проводить въ *русскую* землю? Вотъ почему я, путемъ перестановки словъ, и установилъ чтеніе: „Ти, аще ли ключиться такоже лодьи Руской близь земля Грецкаа". Т. е.: Равнымъ образомъ (item, similiter), такую же помощь должны оказывать и *греки*, если подобное несчастье случится *русскому кораблю близь земли греческой*.

4) Особеннаго вниманія заслуживаетъ *четвертый* и послѣдній абзацъ разсматриваемой статьи (по моему чтенію), содержащій въ себѣ постановленіе о томъ, что „кто покусится похитить что-либо изъ лодіи, подвергается отвѣтственности по законамъ русскому и греческому". Слово „покусится", по мнѣнію проф. *Вл.-Буданова*, ссылающагося на Стефановскаго, а также *А. В. Лонгинова*, значитъ: совершить *покушеніе* на грабежъ. Между тѣмъ изъ ст. 70 грани 39 Закона Градскаго (ст. 55 Зак. о Казнѣхъ) съ несомнѣнностію явствуетъ, что употребленное въ ней слово „покусится", хотя оно и передаетъ греч. πειράσει —попытается, въ сущности, по внутреннему смыслу, означаетъ: *осмѣлится*, *дерзнетъ*, ибо въ сказанной статьѣ, трактующей о двоеженствѣ, наказаніе опредѣлено за оконченное преступное дѣйствіе, а не за покушеніе на него: „Иже двѣ жены имѣти покусится, не закономъ, но нрава изволеніемъ, добрѣ подиметь прелюбодѣянія казнь" Такъ и въ данной Договорной статьѣ рѣчь идетъ о наказаніи за *совершеніе* кражи или грабежа изъ потер-

пѣвшаго аварію у русскихъ береговъ греческаго судна, а не *за покушеніе* на воровство или грабежъ. Какое же именно наказаніе полагается за это преступленіе? Статья наша постановляетъ: по закону русскому и греческому. По толкованію г. *Лонгинова* (стр. 122), подъ этимъ выраженіемъ надо понимать „законъ международный, установленный, по нормамъ русскаго и греческаго правъ, предшедшимъ взаимнымъ соглашеніемъ русскихъ и грековъ". Мнѣ же представляется, что упомянутое выраженіе здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, означаетъ, что наказаніе примѣняется въ отношеніи русскихъ по нормамъ русскаго, а въ отношеніи грековъ—по нормамъ римско-византійскаго права. Что касается этого послѣдняго права, то по нему обжалованное въ продолженіе одного года похищеніе имущества во время стихійныхъ бѣдствій и, между прочимъ, при кораблекрушеніи, карается четвернымъ штрафомъ:

> Praetor dicit: In eum, qui ex incendio, ruina, *naufragio,* rate, nave expugnata quid rapuisse... in quadruplum in anno..., post annum in simplum judicium dabo (L. 1 pr. D. 47. 9).

Тоже положеніе выражено и въ Зак. Градскомъ (гр. 39, ст. 25):

> „На восхитившемъ нѣкую вещь имѣнія отъ пожара, или отъ труса и паденія домовъ, или отъ *истопленія корабля*... до скончанія лѣта... *четверицею* да возмется, по лѣтѣ же томъ, да возмется *сугубицею*" (въ греч. текстѣ Прохирона, у Цахаріэ—εἰς τὸ διπλάσιον, а въ текстѣ Зак. о Казнѣхъ, изд. Павлова: ἁπλοῦν).

Относительно же древнѣйшаго русскаго права мы можемъ съ достовѣрностію принять, что оно, подобно правамъ французскому и общенѣмецкому, нисколько не усиливало наказуемости похищенія имущества во время стихійныхъ бѣдствій, сравнительно съ карою, налагаемою за обыкновенную кражу. Объ этомъ можно заключить, судя по арт. 28 разд. 4 Лит. Статута 3-й редакціи:

> „Если бы случилось во время пожара..., или при потопленіи кому что-либо потерять, пропавшія же вещи открылись бы кѣмъ-либо утаенными, то хозяинъ оныхъ вещей имѣетъ о семъ вѣдаться съ нимъ въ судѣ, *какъ за воровство* (§ 1)".

Почти дословно это повторено и въ Уложеніи ц. Ал. Мих. (гл. 21, стр. 91) и въ „Правахъ, по кот. судится малорос. народъ" (гл. 26, арт. 6, ст. 7).

ОТДѢЛЪ VI.

Статьи о выкупѣ рабовъ и плѣнныхъ.

Постановленіямъ, касающимся выкупа челяди и плѣнныхъ, посвящены въ Договорахъ три статьи: двѣ въ Олеговомъ и одна въ Игоревомъ. Статьи эти едва-ли составлены исключительно лишь по инціативѣ грековъ, подъ воздѣйствіемъ началъ византійскаго права. Въ другомъ мѣстѣ я, цитируя выдержки изъ еврейскихъ номоканоническихъ сборниковъ въ параллель къ главѣ VIII Улож. ц. Алексѣя Михайловича 1649 г., проводилъ ту мысль, что понятіе о выдающемся, чрезвычайномъ значеніи завѣта искупленія плѣнныхъ возникло и развивалось на Руси еще до всеобщаго крещенія русскаго народа на почвѣ іудейскихъ религіозныхъ воззрѣній, подъ вліяніемъ іудео-хазаръ [1]). Въ виду этого, происхожденіе означенныхъ Договорныхъ постановленій можетъ быть возводимо въ такой же мѣрѣ къ почину руссовъ, какъ и византійцевъ. Разсмотримъ каждое изъ упомянутыхъ трехъ постановленій порознь.

I. Первое постановленіе. Статья 9-я Олегова Договора гласитъ:

а) „Отъ тѣхъ, аще полоняникъ обою страну держимъ есть или отъ Руси или отъ Грекъ продапъ въ *ону* страну, аще обрящеться ли Русинъ, ли Гречинъ, да искупятъ и възвратятъ искупное лице въ свою сторону, и возмуть цѣну его купящіи, или мниться в куплю на д(е)нь челядиная цѣна; **б**) такоже аще отъ рати ятъ будеть отъ тѣхъ Грекъ, такоже да возвратится въ свою страну и отдана будеть цѣна его, якоже речено есть, якоже есть купля“.

Изъ всѣхъ комментаторовъ только *П. Д. Бѣляевъ* и *А В. Лонгиновъ* постарались представить полный переводъ нашей статьи, но и они вынуждены были опустить въ переводѣ нѣкоторыя отдѣльныя слова, сознавая, очевидно, ихъ неумѣстность въ данномъ постановленіи. Такъ, всѣ толкователи, въ томъ числѣ и г. Лонгиновъ, оставили безъ перевода начальное, по чтенію Ипатской лѣтописи, выраженіе: „отъ тѣхъ“ (или по Хлѣбник. сп.: о тѣхъ)

---

[1]) См. мою книгу: „Библейско-агадическія параллели къ лѣтописнымъ сказаніямъ о Владимірѣ Святомъ“, стр. 86—7.

какъ не вяжущееся ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Только Бѣляевъ усмотрѣлъ въ этомъ выраженіи указаніе на переводъ съ греческаго языка.

„Русскій переводчикъ, пишетъ онъ, не знакомый съ книжнымъ языкомъ (?), почти въ первомъ же словѣ въ греческомъ подлинникѣ ἑκατέρωθεν—*съ той и другой стороны*—запнулся, и не умѣлъ хорошо передать по-русски; онъ по разговорамъ съ греками зналъ, что слово ἑκατέρωθεν употребляютъ тогда, когда дѣло касается обоихъ разговаривающихъ, почему и онъ написалъ по-русски: *обою страну;* но въ тоже время видѣлъ, что въ настоящемъ случаѣ онъ лично не составляетъ ни той, ни другой стороны, и посему придумалъ для поясненія прибавить слова: *отъ тыхъ*“ (Изв. Ак. Наукъ, I, стр. 322).

Объясненіе это не выдерживаетъ критики. Слова: *отъ тыхъ*, правильнѣе: *о тыхъ*, какъ и слова *о томъ*, *о семъ*, являются заголовками статей однороднаго содержанія [1]). Но въ настоящемъ случаѣ означенныя слова поставлены не у мѣста, въ чемъ, однако, виноватъ переписчикъ, а вовсе не предполагаемый переводчикъ Договоровъ. Самый же текстъ статьи нашей Бѣляевъ переводитъ такъ:

„Ежели съ той или другой стороны, *у* Руси или *у* Грековъ, будетъ находиться плѣнникъ, проданный *въ ту сторону*, *и ежели откроется*, что онъ или Русинъ, или Гречинъ, тогда выкупятъ его, и выкупивши, возвратятъ *лицомъ* въ свою сторону, а купившіе возьмутъ за него или *выкупную цѣну*, или *торговую цѣну невольника въ тотъ день*. Также и взятый на войнѣ *Греками*, да возвратится въ свою страну, и за него, какъ сказано, будетъ выдана *торговая цѣна*“ (Русь въ первыя сто лѣтъ).

Неудовлетворительность этого перевода очевидна, ибо: 1) выраженіе: „*отъ* Руси или *отъ* Грекъ“ переведено произвольно: *у* Руси или *у* Грековъ; 2) слова: „аще обрящеться, ли Русинъ, ли Гречинъ“ переведено: ежели *откроется*, что онъ или Русинъ, или Гречинъ—толкованіе очень натянутое; 3) что такое: „возвратять *лицомъ* въ свою страну“? —остается совершенно неяснымъ; 4) въ

---

[1]) Такія заглавія имѣются и въ Законѣ Судномъ пространной редакціи, напр., за статьею, озаглавленною: „о судьи и послусѣхъ“, слѣдующая статья надписана: *о томже*; за статьею „о плѣньницѣ“ непосредственно слѣдующая статья носитъ также заглавіе: *о томже* и т. д. (См. Рус. Достопам., ч. II, стр. 153, 164 и др.).

сочетаніи: „или мниться в куплю на д(е)нь челадинаа цѣна“ слово *мниться* оставлено безъ вниманія, а остальныя слова переданы: „или торговую цѣну невольника въ тотъ день“, иначе говоря, по курсу дня, какъ будто цѣна рабовъ котировалась ежедневно на товарной биржѣ; 5) выраженіе: „ять будеть отъ тѣхъ Грекъ“ передано: взятый Греками, но что значитъ: *тѣхъ* Грекъ? вѣдь раньше уже сказано было о плѣнникахъ, взятыхъ у Руси или у Грековъ; для чего же было постановлять особо о плѣнникѣ, взятомъ греками?

Не лучше и переводъ нашей статьи, предложенный г. Лонгиновымъ. Послѣдній расходится съ Бѣляевымъ въ чтеніи и толкованіи лишь двухъ фразъ, а именно: выраженіе: „или мниться в куплю на д(е)нь челядинаа цѣна“ онъ переводитъ: или полагается возмѣщеніе покупки, на уплату („на дачу“) челядиная цѣна,— комментарій крайне неудачный, ибо, не говоря уже о томъ, что слова́ „*на дачу*“ не имѣются ни въ одномъ лѣтописномъ спискѣ, ни вообще въ какомъ-либо произведеніи древней письменности, и что глаголъ „мниться“ никоимъ образомъ не можетъ быть переданъ: „полагается“,—нельзя не признать, что выраженіе: „или мниться (полагается)... челядинаа цѣна“—излишнее повтореніе однозначащей фразы: „и отдана будеть цѣна его“. Далѣе, г. Лонгиновъ второй абзацъ нашей статьи: „Такоже, аще отъ рати ять будеть отъ тѣхъ грекъ, такоже да възвратиться въ свою страну“ переводитъ: „Также, если войскомъ захваченъ будетъ (кто либо) изъ тѣхъ (содержащихся въ иной странѣ) грековъ, также да возвратится въ свою страну и пр.“. Въ поясненіе этого пункта нашъ ученый излагаетъ (стр. 154), что здѣсь рѣчь идетъ о выкупѣ *греками* плѣнныхъ своихъ соотечественниковъ, непосредственно *взятыхъ русскими на войнѣ* договаривающихся сторонъ и пребывающихъ въ Руси, тогда какъ первый абзацъ статьи трактуетъ о выкупѣ *русскихъ и греческихъ* плѣнныхъ, *проданныхъ* въ союзную страну. Необъяснимо, однако, почему въ одномъ случаѣ говорится о плѣнникахъ, какъ русскихъ, такъ и греческихъ, а въ другомъ только объ однихъ грекахъ?

Отъ себя же я предлагаю слѣдующее чтеніе нашей статьи:

„**[О] искупленое** (чит.: *искупленіи*) **[челядинъ]** (чит.: *челяди и*)] **[полоненыхъ]**: **а**) Аще обрящеться [челядинъ] обою страну [варіантъ: коея любо страны]...., ли Русинъ, ли Грьчинъ, проданъ въ *ону* страну, да искупятъ и възмуть цѣну его, и возвратять и́... въ свою сторону. **б**) Такоже, аще отъ рати ятъ будеть [вар.: держимъ

есть]... [полоняникъ] [коея любо страны], да отдана будетъ цѣна его и возвратиться въ свою страну [1]).

При такомъ чтеніи наша статья имѣетъ вполнѣ точный и ясный смыслъ. Въ ней, какъ показываетъ воспроизведенный мною ея заголовокъ: „о искупленіи челяди и полоненныхъ“, постановлено, что, если въ одной какой-либо изъ договаривающихся странъ найдется проданный челядинъ, или военно-плѣнникъ, подданный другой (*союзной*) страны, то предоставляется послѣдней выкупить своего подданнаго, уплативши опредѣленную за него цѣну, послѣ чего тотъ долженъ быть возвращенъ въ свое отечество. Какая именно цѣна полагалась за челядина и военно-плѣнника при *обязательномъ* ихъ выкупѣ?—въ данной статьѣ не сказано, но объ этомъ говорится подробно въ одной изъ послѣдующихъ статей, переставленной переписчиками изъ Договора Олега въ Договоръ Игоря.

2. Второе постановленіе, относительно выкупа челяди и плѣнныхъ. Статья 11-я Договора Олега содержитъ слѣдующее:

„Отъ Руси отъ полонении множайши (такъ по Лавр. сп.; въ Ипат. сп.: О руси о полоненьи многажды) отъ коеа любо страны пришедшимъ в Русь и продаемымъ въ хрестьаны и еще же и о хрестьанехъ (въ Ип.: отъ христіанъ) о полоненыхъ (въ Ип.: многажды) отъ коеа любо страны приходящимъ в Русь, се продаеми бываютъ по 20 золота и да приидуть въ Грекы“.

---

[1]) Операціи, посредствомъ коихъ я возстановилъ настоящую статью,—слѣдующія: а) Мною **исключены** изъ существующаго текста: 1) фраза: „*или отъ Руси или отъ Грекъ*“, которая должна быть включена въ составъ ст. 13-й Олегова Договора—о наслѣдованіи; 2) изъ сочетанія „аще (въ Ип. сп.: оже) обрящеться“—слово „*аще*“,—какъ диттографическая описка; 3) реченіе *лицо* (по друг. сп.: *лицемъ*),—какъ относящееся къ статьѣ 12-ой того же Договора,—объ укрывательствѣ бѣглаго раба; 4) слово *купящіи*,—какъ относящееся къ статьѣ, которая будетъ изложена мною вслѣдъ за разсматриваемою статьею; 5) фраза: *мниться в куплю на день*, которая, какъ мною уже объяснено выше (стр. 128), входитъ въ составъ статьи, озаглавленной: „Аще ли человѣка поработить“; 6) фразы: „*да отъ тыхъ Грекъ*“ и „*яко же речено есть, яко же есть купля*“,—надлежащее мѣсто коихъ будетъ указано ниже. **б) Дополнена** же мною настоящая статья: 1) предлогомъ: *о*, взятымъ изъ начальнаго выраженія статьи 11-й Договора Олега: „о полоненыхъ“ (по Лав. сп.); 2) словомъ „*полоненыхъ*“,—изъ того же выраженія, и 3) словомъ „*челядинъ*“, рынутымъ изъ фразы ст. 12-й того же Договора: „но и гостье погубиша *челядинъ*“,—фразы лишенной здраваго смысла, такъ какъ челядина можно насильно похитить или тайно украсть, но погубить (потерять) челядина—это несообразность.

Всѣ комментаріи этой статьи совсѣмъ неудовлетворительны и ихъ излишне даже цитировать. Но и сносныя съ перваго взгляда объясненія *С. М. Соловьева* и новѣйшее—*А. В. Лонгинова* оказываются также несостоятельными. Проф. Соловьевъ переводитъ:

„Если случится, что русскіе невольники придутъ на продажу изъ какой-нибудь страны къ христіанамъ, а христіанскіе невольники въ Русь, то они продаются по 20 золотыхъ и отпускаются на родину“.

Но это въ сущности не переводъ, а перифразъ и, притомъ, неточный. Такъ, слово *множайши* (или многажды) передано съ крайнею натяжкою: *если случится*; выраженія же: *в Русь* (въ сочетаніи „отъ коеа любо страны пришедшимъ в Русь“), „*и еще же*“ и „*се*“ оставлены вовсе безъ перевода; фраза: „*и да пригидутъ въ Грекы*“ истолкована, вопреки ея грамматическому значенію: *и отпускаются на родину*; главное же—то, что не обращено никакого вниманія на чрезвычайную безпорядочность въ словосогласованіи и словоуправленіи. *А. В. Лонгиновъ* же, по обыкновенію, пытался представить осмысленный и вмѣстѣ съ тѣмъ буквальноточный переводъ статьи, но это автору, какъ и въ другихъ случаяхъ, не удалось выполнить. Вотъ его комментарій:

„Множество изъ какой-нибудь страны (третьей) приходятъ *въ Русь* (плѣнниковъ разныхъ національностей) и продаются христіанамъ; притомъ же („еще же“) *изъ грековъ* плѣнныхъ множество изъ какой-либо страны приходятъ *въ Русь*; вотъ этимъ быть продаваемымъ по 20 золотыхъ и пусть возвращаются въ Грецію“.

Подобное толкованіе статьи рѣшительно непріемлемо, въ виду того, что: 1) слова: „*отъ Руси отъ полонении*“ или „*о Руси о полоненьи*“ оставлены авторомъ безъ перевода; 2) слово „*множайши*“ нигдѣ не значитъ *множество*, а въ данномъ случаѣ, какъ показываетъ варіантъ *мьногажды*, замѣняетъ слово: *множицею*—многократно; 3) никакъ нельзя понять, почему плѣнники разныхъ національностей, пришедшіе (приведенные ?) въ Русь, должны быть проданы и возвращены непремѣнно въ Грецію, а не въ ихъ отечества?; 4) вообще выраженіе: „вотъ этимъ (плѣнникамъ) быть продаваемымъ по 20 золотыхъ“ явно несообразно, ибо дѣло вѣдь идетъ о цѣнѣ, по которой плѣнники могутъ быть выкупаемы христіанами, а не о той, по которой тѣ должны быть продаваемы христіанамъ.

Съ своей стороны я на этотъ разъ не предлагаю чтенія и

толкованія данной статьи, по той простой причинѣ, что таковой въ подлинной грамотѣ, по моему, вовсе не существовало, и что дошедшій до насъ текстъ ея представляетъ собою ничто иное, какъ наборъ словъ и сочетаній, безтолково переставленныхъ сюда переписчиками изъ различныхъ мѣстъ Договоровъ. Нѣкоторыми изъ нанизанныхъ здѣсь словъ („множайши“ или „мьногажды“, и „отъ коеа любо страны“) я уже воспользовался при реконструкціи статьи о кражѣ и перваго постановленія о выкупѣ плѣнниковъ; остальныя же слова и фразы будутъ мною использованы, *вспь*, *безъ остатка*, при установленіи чтеній послѣдующихъ статей. Взамѣнъ же словосплетенія, образующаго небывалую ст. 11-ю, я воспроизведу здѣсь текстъ другой, однородной по содержанію съ предшествующимъ постановленіемъ о выкупѣ плѣнныхъ, статьи, снабженной особымъ надписаніемъ и состоящей изъ двухъ пунктовъ или абзацовъ, изъ коихъ первый сохранился въ цѣлости, а другой дошелъ лишь въ разрозненныхъ отрывкахъ и съ значительными пропусками, которые, однако, легко могутъ быть восполнены изъ памятниковъ византійскаго и древняго славяно-русскаго права. Эта статья, полагаю, читалась въ подлинникѣ такъ:

О работающихъ въ Грѣцѣхъ Руси. а) Аще ли обрящутся Русь работающе у Грекъ, [ли] [Грьчинъ] (*у*) [Русь] (чит.: *Руси*)..., аще... купилъ будеть..., да возметь цѣну свою, елико же далъ будеть на немь. б) (*Аще ли же есть неимовитъ, да имать ѝ*) [купящіи] (*у себе, дондеже изъработаетъ цьну*), [якоже речено есть] (вар.: якоже есть купля), (*мьзду ему наряцающе*) [на 6 мѣсяць] (*по*) [золотника два], [ти (чит.: *и*) тако пущенъ будеть]. [1]).

Смыслъ статьи нашей таковъ: Если окажется, что русскій по сдѣлкѣ купли-продажи находится въ рабствѣ у грека, или грекъ у русскаго, то купившій да получитъ обратно покупную

---

[1]) *Заглавіе: „О работающихъ въ Грьцьхъ Руси“* взято изъ начала ст. 13-й Договора Олега; весь первый абзацъ данной статьи—изъ 2-ой части ст. 7-ой Догов. Игоря съ опущеніемъ нѣкоторыхъ словъ и фразъ, относящихся къ другимъ статьямъ; во 2 омъ абзацѣ настоящей статьи слово *купящіи* и фраза: *якоже речено есть*, *якоже есть купля*—изъ ст. 9-й Дог. Олега 912 г.; выраженіе: *на 6 мьсяць*—изъ Дог. Олега 907 г., изъ предложенія: „да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць“ (Лав. 30); сочетаніе *золотника два*—изъ конца ст. 4-ой Догов. Игоря; наконецъ, фраза: *ти тако пущенъ будетъ*—изъ окончанія ст. 14-ой того же Договора. Слова же, обведенныя мною полукруглыми скобками и напечатанныя курсивомъ, взяты изъ источниковъ, которые будутъ указаны ниже въ текстѣ.

цѣну, а если рабъ неимущъ, пусть купившій держитъ его у себя (наемникомъ), пока онъ не отработаетъ уплаченную при покупкѣ цѣну, засчитывая по 2 златника за каждые 6 мѣсяцевъ, послѣ чего рабъ отпускается на свободу.

Источникомъ этой статьи послужило византійское постановленіе, изображенное въ Эклогѣ Льва и Константина (Печ. Кормчая, гл. 49, зачатокъ 9, ст. 2), а также въ Законѣ Судномъ (Рус. Достопамят., II, стр. 163—4) и двухъ византійско-сербскихъ компиляціяхъ: „Законѣ царя Юстиніана“ и „Сокращенной Синтагмѣ Матвѣя Властаря Солунскаго“ (см. проф. Т. Д. Флоринскаго: „Памятники законодат. дѣят. Душана“, стр. 56 и 110).

Эклога.	Зак. Суд.	Зак. ц. Юстин.	Синтагма.
Отъ свободныхъ плѣненыхъ отъ врагъ о искупленіи. Иже отъ врагъ свободнаго искупая плѣнена и въ своемъ поставляя его дому, аще можетъ оуреченую цѣну междоу има (глосса: собою) исполнити, да отпущенъ будеть свободенъ. Аще ли не можетъ, да имать его за наимника, дондеже исполниться еже оуречено бысть, заповѣдая явѣ, яко отъ послухъ должному на коеждо лѣто, за мздоу коупивому промышляти.	**О плѣньницѣ.** Иже отъ ратныхъ коупить плѣньника, свою цѣну да дасть на нь (дасть на себѣ), да идеть въспять свободь, аще ли не имать (что дати на себѣ), да иматъ куплии оу себе дондеже изъработается, юже свѣща цѣну, а мьзды ему нарицающеся на всяко лѣто предъ послухы три щлязя (златника), и тако концавше цѣну да отпущаеться свободь.	**Ст. 34.** Аще кто купить раба, аще есть богать, да дасть цену даннію за себе, аще ли есть оубогъ, да работаеть ти г҃ лѣта купивьшому и потомь да будеть свободань.	**Закон о рабѣх.** Коуплень бывіи рабь аще оубо богать есть да испльняеть еже о себѣ цѣну. Аще ли оубогъ есть г҃ лѣта да работает коупивьшому, и тако да отпущаеться.

Сличеніе нашей Договорной статьи, по установленному мною чтенію ея, съ приведенными тактами, извлеченными изъ памятниковъ византійско-славянскаго права, показываетъ, что статья эта ближе всего стоитъ къ постановленію Закона Суднаго, отъ котораго разнится лишь тѣмъ, что, *во 1-хъ*, подобно соотвѣтственнымъ статьямъ Закона Юстиніана и Сокращенной Синтагмы М. Властаря, трактуетъ объ искупленіи добровольно продавшагося въ рабство свободнаго человѣка вообще, а не о выкупѣ только военноплѣнника, купленнаго кѣмъ-либо у непріятельскаго войска, и *во 2-хъ*, что въ случаѣ неимѣнія продавшимся въ рабство средствъ къ возмѣщенію полученной имъ за себя покупной суммы, онъ остается у покупщика, въ качествѣ наемника, для отрабатыванія уплаченной за него цѣны, при чемъ ему засчитывается на каждые 6 мѣсяцевъ по 2 золотыхъ, что̀ составляетъ на годъ 4 золотыхъ, а не 3, какъ опредѣлено въ Законѣ Судномъ [1]). Не слѣдуетъ думать, однако, что изложенное въ настоящей статьѣ постановленіе явилось *исключительно* подъ вліяніемъ византійскаго законодательства. Напротивъ, статья эта лишній разъ доказываетъ вѣрность отстаиваемаго мною положенія, что въ опредѣленіяхъ Договорной Правды преобладаютъ начала еврейскаго права. Дѣло въ томъ, что содержащееся въ означенныхъ переводныхъ памятникахъ постановленіе и само является только передѣлкою законовъ моисеевыхъ. Такъ, во Второзак. (гл. 15, ст. 12—18) читаемъ:

„Когда продастся тебѣ братъ твой, еврей, или евреянка, то онъ долженъ служить тебѣ шесть лѣтъ, въ годъ же седьмой отпусти его отъ себя на волю..., да не покажется тебѣ обременительнымъ, когда отпускаешь его на волю отъ себя, ибо вдвое противъ наемнаго срока наемника служилъ онъ тебѣ, шесть лѣтъ“.

А въ кн. Левитъ (гл. 25, ст. 47—50) изображено:

„Если братъ твой обѣднѣетъ и продастся...., то послѣ того, какъ онъ продалъ себя, остается за нимъ право выкупа: кто-нибудь изъ братьевъ его можетъ выкупить его....., или, если онъ будетъ имѣть достатокъ, можетъ и самъ выкупить себя; тогда пусть разсчитается съ покупщикомъ его, (начиная) съ того года, когда онъ продался ему до юбилейнаго, и серебро, за которое онъ продалъ себя, должно разложить на число лѣтъ; пребываніе у него считается, какъ урочное время наемника“....

---

[1]) Оправданіе перепоса въ данную Договорную статью словъ „на 6 мѣсяць“ изъ Договора Олега 907 г. будетъ представлено мною ниже при разсмотрѣніи статьи о „мѣсячинѣ“, выдававшейся русскимъ посламъ и гостямъ въ Цареградѣ.

Эти-то моисеевы законоположенія и воспроизведены въ Законѣ Юстиніана и Сокращенной Синтагмѣ, съ тѣмъ измѣненіемъ, что лицо свободнаго состоянія, ex consensu продавшее себя въ рабство, получаетъ свободу не чрезъ шесть лѣтъ со времени покупки, а уже по прошествіи трехлѣтняго срока, который по библейско-*талмудическому* праву считается „*урочнымъ временемъ наемника*“, почему и нельзя заключать сдѣлки о личномъ наймѣ на срокъ свыше трехъ лѣтъ, согласно словамъ св. Писанія (Ис. XVI, 14): „чрезъ три года, равняющіеся годамъ наемничьимъ“ [1]). Что же касается Закона Градскаго, Закона Суднаго и нашей Договорной Правды, то они восприняли положеніе кн. Левитъ, что покупная цѣна раба должна быть „разложена на число лѣтъ“, причемъ послѣдніе два памятника точнѣе опредѣляютъ сумму, подлежащую *ежегодно* зачету въ счетъ покупной цѣны, а именно: Законъ Судный—въ 3, а Договорная Правда—въ 4 златника (за полгода—2 златника). По такому разсчету оказывается, что, принимая за нормальную цѣну раба 10 златниковъ, продавшійся въ рабство свободный человѣкъ долженъ быть обязательно отпущенъ на волю: по Закону Судному чрезъ три года и 4 мѣсяца, а по Договорной Правдѣ—чрезъ $2^1/_2$ года со времени покупки его.

3. Третье договорное постановленіе, касающееся выкупа плѣнныхъ. Въ разсмотрѣнной выше (стр. 138-9) статьѣ подъ заглавіемъ: „о искупленіи челяди и полоненыхъ“ постановлено, что челядинъ или плѣнникъ, проданный принудительно изъ одной изъ договорившихся странъ въ другую, долженъ быть возвращенъ въ свое отечество по уплатѣ его цѣны. Ближайшее опредѣленіе таксы различныхъ цѣнъ раба, смотря по возрасту и полу, составляетъ предметъ особой статьи, подъ заглавіемъ: „челядинаа цѣна“, чтеніе которой мною установлено посредствомъ дополненія 1-й части статьи 7-й Договора Игоря нѣсколькими словами, вынутыми изъ сочетаній, помѣщенныхъ въ другихъ мѣстахъ договорныхъ грамотъ, между прочимъ, изъ предложенія, читаемаго въ самомъ концѣ Игорева Договора: „да аще будеть добрѣ (въ Полет. и Соф. спискахъ: *добръ*),

---

[1]) Запрещеніе заключать договоръ личнаго найма на срокъ свыше извѣстнаго числа лѣтъ встрѣчаемъ и въ Уложеніи ц. Ал. Мих. (гл. XX, ст. 116), но, вмѣсто трехлѣтняго срока, здѣсь опредѣленъ пятилѣтній: „и на тяглыхъ людей нетяглымъ людемъ житейскихъ записей на многіе годы не записывати; а записывати такія житейскія записи только на пять лѣтъ“. На этомъ узаконеніи основана ст. 2214 Т. X., ч., I Свода Зак. Гражд., въ силу которой срокъ личнаго найма не можетъ простираться долѣе пяти лѣтъ.

Игорь Великій князь да хранить си любовь правую“,—предложенія, такъ затруднявшаго изслѣдователей и столь неудачно истолкованнаго *А. В. Лонгиновымъ*. Вотъ эта статья:

Челядинаа цѣна. Елико хрестеянъ отъ власти нашея плѣнена (чит.: плѣнепыхъ) приведуть (*въ*) Русь, (*или*) [отъ Руси полоценіи] [вар.: плѣньници] [придуть] (чит.: *приведуть*) [въ хрестьяны] [и продаемымъ (исправлено: продаеми) бываютъ] [вар.: *суть*], ту (чит.: *то*) аще будеть уноша [добръ], [да искупаютъ.... є по 10 златникъ], или [аще будеть] дѣвица добра, да вдадять златникъ 10 и поимуть и́; аще ли есть средовѣчь, да вдасть золотникъ 8 и поимуть і; аще ли будеть старъ, или дѣтещь, да вдасть златникъ 5“ [1]).

Опредѣленная здѣсь челядинная цѣна совершенно разнится отъ цѣнъ, установленныхъ въ источникахъ византійскаго права:

„Да боудеть же, говорится въ Град. Законѣ, цѣна раба, аще бес хитрости есть 20 златникъ, аще боудеть болiи 10 лѣтъ; аще же мнiи есть—10 злат.; аще хитрость пѣкую свѣсть...—10 злат.; грамматику бо цѣна—50 злат.; врачевн же—60; аще скопцы боудуть раби, больши соущи 10 л., хитрости неумѣющи, цѣна же ихъ—50 зл., аще же хитрость пѣкую имѣютъ—70 зл.“ (Печ. Корм., гл. 48, гр. 34, ст. 10).

Но за то указанная въ нашей Договорной статьѣ максимальная, казенная, такъ сказать, цѣна раба въ 10 златниковъ удержалась до самого Уложенія ц. Ал. Мих., гдѣ въ ст. 115 главы XX постановлено, что, если бѣглый холопъ одного господина женится на бѣглой рабѣ другого господина и бѣглецы потомъ будутъ пойманы и потребованы обратно своими господами, то послѣднимъ дается по суду жребій, и кто выйметъ жребій, тотъ беретъ себѣ холопа вмѣстѣ съ его женою, но долженъ уплатить тому господину, чей жребій останется, за холопа или рабу 10 рублей. Здѣсь златники переименованы въ рубли.

---

[1]) Заглавіе: „*челадинаа цьна*“ взято изъ ст. 9-й Дог. Олега 912 г.,—изъ сочетанія: „или мниться в куплю на день челядинаа цѣна“; слова: „*отъ Руси полонении*“, а также „*въ хрестьяны*“, „*и продаемымъ*“ и „*продаеми бываютъ*“ перенесены въ данную статью изъ начала ст. 11-й того же Договора; варіанты: „*плѣньници*“, „*сутъ*“ и сочетаніе: „*да искупаютъ е... по 10 златникъ*“—изъ второй части ст. 7-й Дог. Игоря; слово „*придутъ*“—изъ ст. 2-й Дог. Игоря,—изъ фразы „*аще ли убѣжавше въ Русь придутъ, мы напишемъ ко князю вашему*“; заскобленныя слова: „*добръ*“ и „*аще будетъ*“, какъ замѣчено уже въ текстѣ,—изъ окончанія Договора Игоря.

ОТДѢЛЪ VII.

О похищеніи и укрывательствѣ бѣглаго раба.

Трактующая объ этомъ статья носитъ заглавіе: *О челядинѣ*. Выраженіе это подъ формою „отъ челядина“ затесалась въ ст. 12 Дог. Олега 912 г., въ сочетаніи: „и жаловати начнуть Русь, да покажеться таковое *отъ челядина*, да имуть и в Русь“,—сочетаніи, объясненномъ *Эверсомъ* (стр. 179) въ томъ смыслѣ, что всякій могъ взять своего пропавшаго раба, гдѣ бы онъ ни былъ найденъ, если только самъ рабъ показывалъ, какимъ противозаконнымъ дѣйствіемъ лишился его господинъ. *Бѣляевъ* же (Русь въ первыя сто лѣтъ) подкрѣпляетъ это толкованіе ссылкою „на извѣстныя статьи римскаго права (Cod., L. VI, Tit. 1, § 6), именно требующія, чтобы бѣглыхъ невольниковъ спрашивали: кому они принадлежатъ и почему въ бѣгахъ живутъ у того хозяина, у котораго оказались по сыску“. Но указанный параграфъ Кодекса Юстиніана едва-ли подтверждаетъ сдѣланную на него ссылку. Въ немъ говорится, что, если укрыватель бѣглаго раба требованію хозяина о возвратѣ послѣдняго противопоставляетъ возраженіе о своемъ правѣ собственности, или же подстрекаетъ раба выдавать себя за свободнаго человѣка, то, для обнаруженія истины, рабъ, о коемъ идетъ споръ, долженъ быть подвергаемъ пыткѣ, что̀ и должно служить не только къ пользѣ обѣихъ спорящихъ сторонъ, но и къ устрашенію рабовъ и удержанію ихъ отъ бѣгства [1]). Между тѣмъ въ упомянутой Договорной статьѣ ни о спорѣ укрывателя, ни о пытаніи раба нѣтъ и намека. Вѣрнѣе поэтому будетъ допустить, что въ первоначальной рукописи означенное выраженіе, какъ *заголовокъ* статьи, стояло на боковомъ полѣ и что предлогъ *о* начертанъ былъ чрезъ двойное *о* съ двумя надъ нимъ точками, а слово *челядин* изображено было безъ падежнаго окончанія; переписчикъ же перенесъ сказанное выраженіе съ поля въ средину текста и, прочитавъ ошибочно, вмѣсто ѿ,—*от*, написалъ *отъ* челядина [2]). Самый же текстъ статьи реставрированъ мною въ такомъ видѣ:

---

[1]) Quum servum quispiam repetit fugitivum, et alius..... proprietatem opponet, vel in vocem libertatis eum animaverit, illico nequissimus verbero, super quo ambigitur, tormentis subiiciatur, ut aperta veritata disceptationis terminus fiat. Quod non solum utrisque iurgantibus proderit, sed etiam servorum animos a fuga poterit deterrere.

[2]) Чтенія: *о челядинѣ* держится и *Миклошичъ*, но доколѣ эти слова оставлены на томъ мѣстѣ, гдѣ они стоятъ нынѣ въ лѣтописныхъ сводахъ, и исправленное чтеніе нисколько не помогаетъ пониманію текста.

О челядинѣ. а) Аще украденъ будетъ челядинъ Руский, или вскочить [вар.: Аще ускочить (вар.: убѣжавше) челядинъ отъ Руси], или по нужи проданъ будетъ [въ страну царствия нашего] и жаловати начнуть Русь...., [тогда] (чит.: *то егда*) [покажеться таковое], да [аще будеть]... [лице] (лицемъ), [да поимуть и́ в Русь] [вар.: да жалують Русь хрестьянскому царству и..... възвращенъ будеть.... в Русь]. б) [И да възьметь отъ него] [еще же] [таковыи], (*или*) взимають (*ють*)..... цѣну свою, якоже уставлено есть преже... в) И еже что принеслъ будеть [вар.: и (*еже*) есть принеслъ что], [да въспятять [и́] опять всецѣло]..... г) [Аще ли (*же*) не обрящется..., да взимають.... 2 наволоцѣ [вар.: по 20 золота] за челядинъ. д) [Елико] же [приялъ есть], [толицѣмь прибудеть (*казнь его*) [вар.: в толико же проданъ будеть]. е) [Ти] [вар.: такоже], (*аще*) [ускочить челядинъ нашъ [вар.: отъ насъ] къ вамъ] [1]).

---

[1]) Приведенная статья составилась путемъ добавленія къ началу ст. 12-й Договора *Олега* (за исключеніемъ словъ: *о томъ*, составляющихъ заголовокъ одной изъ дальнѣйшихъ статей) слѣдующихъ словъ и фразъ: *Въ пункть* а): 1) варіантъ: *убѣжавше* взятъ изъ статьи 2-й того же Договора; 2) выраженіе: *въ страну царствия нашего*—изъ начальной части ст. 3-ей Дог. *Игоря;* 3) слово „*тогда*“—изъ той же ст.,—изъ фразы: „ти *тогда* взимають“; 4) оборотъ: „*покажеться таковое*“—изъ ст. 12-й Олегова Договора; 5) выраженіе: „*аще будеть*“—изъ ст. 3-ей Дог. Игоря,—изъ предложенія: „и отъ св. Мамы *аще будеть*“; 6) слово: „*лице*“ (въ друг. спискахъ: лицемъ)—изъ ст. 9-й Догов. Олега 912 г.,—изъ сочетанія: „искупное лицо“; 7) фраза: „*да поимуть и́ в Русь*“—изъ ст. 12 Ол. Догов.; 8) вар.: „да жалують Русь хрестьянскому царству и.... възвращенъ будеть... в Русь“—изъ ст. 14-й того же Договора. *Въ пункть б*: 1) выраженіе: „*и да възметь отъ него*“—изъ окончанія ст. 4-й Игор. Догов.; 2) слова́: *еще же*—изъ ст. 11-й Дог. Ол.,—изъ фразы: „*и еще же* и отъ хрестьанъ полонныхъ“; 3) слово *таковыи*—изъ ст. 14-й Догов. Олега,—изъ сочетанія: „и ять будетъ *таковыи*“; 4) окончаніе пункта *б*—изъ окончанія ст. 3-й Дог. Игоря. *Пунктъ в* взятъ изъ ст. 4-й того же Договора съ перестановкою только словъ. *Пунктъ г* взятъ изъ ст. 3 й того же Догов.; варіантъ же *по 20 золота*—изъ ст. 11-й *Олегова* Договора. *Въ пункть д*: 1) Слово „*Елико*“—изъ ст. 10-й Догов. *Олега*, —изъ сочетанія: „да аще в кое время *елико* ихъ придеть“; 2) выраженіе: *приялъ есть*—изъ окончанія ст. 5-й Дог. *Игоря*; 3) „*толицѣмь прибудеть*“—изъ ст. 4-й Догов. *Олега*,—изъ предложенія: „а и жена убившаго да имѣеть толцѣмь же прибудеть по закону“; 4) варіантъ: *втолико же проданъ будеть*—изъ ст. 14-й Догов. *Игоря*. *Въ пункть* е: 1) слова „*ти*“ и „*отъ насъ*“—изъ ст. 3-й Догов. *Игоря;* 2) вар.: *такоже*—изъ ст. 9 *Олегова* Договора,—изъ фразы: „да отъ тѣхъ грекъ такоже“; 3) конецъ пункта *е*: *ускочить челядинъ нашъ къ вамъ*—изъ ст. 4-й Догов. *Игоря*; 4) вар.: *отъ насъ*—изъ ст. 3-й того же Догов.,—изъ предложенія: „ти тогда взимають *отъ насъ*“.

Смыслъ статьи слѣдующій: Русскій или Грекъ, изобличенный, по надлежащемъ дознаніи („егда покажеться таково“) въ укрывательствѣ бѣглаго или насильно проданнаго раба, обязанъ возвратить послѣдняго, если онъ находится на лицо, и отдать, сверхъ того, еще другого, одинаковаго качества, раба („еще же таковыи“), или заплатить цѣну раба по опредѣленной въ предыдущей статьѣ таксѣ („челядиную цѣну“). Если рабъ съ собою принесъ что-нибудь (чужое), то принесенное должно быть возвращено во всеи цѣлости („всецѣло“). Если же раба не окажется въ наличности („аще не обрящется“), то съ укрывателя взыскивается по 2 паволоки, или по 20 золотыхъ за челядина (паволока равнялась 10 златникамъ). При каждомъ повтореніи укрывательства увеличивается положенная выше пеня („толицѣмь прибудетъ казнь его“): при вторичномъ укрывательствѣ съ виновнаго, сверхъ отобранія раба, взыскиваютъ еще двухъ рабовъ или цѣну ихъ, при третьемъ—трехъ рабовъ или цѣну ихъ и т. д.

Лучшимъ подтвержденіемъ правильности предложеннаго мною чтенія статьи служитъ указаніе на источники для пунктовъ ея подъ лит. *а*, *б*, *г* и *д*, а именно, на законоположеніе Кодекса Юстиніана (VI, 1, 4) и соотвѣтственную ему гл. 24 титула 39 Прохирона и славянскіе переводы послѣдней, заключающіеся въ гл. 24 гр. 39 Закона Градскаго и гл. 21 Закона о Казнѣхъ (изд. Павлова):

Codex.	Prochiron.	Зак. Град.	Зак. о Казн.
Quicunque fugitivum servum in domum vel in agrum inscio domino eius susceperit, eum cum pari alio vel viginti solidis reddat. Sin vero secundo vel tertio eum susceperit, praeter ipsum duos vel tres alios, vel praedictam aestimationem pro unoquoque domino repraesentet.	Ὁ τὸν φυγάδα δοῦλον ὑποδεξάμενος, δίδωσιν αὐτὸν μετὰ ἑτέρου ὁμοίου, ἤτοι εἴκοσι νομισμάτων. ὑσάκις δὲ αὐτὸν ὑποδέξεται, τοσαυτάκις αὔξεται ἡ ποινή.	Аще бѣжавшаго раба пріиметъ кто, *да вдастъ его господину его с другимъ таковымъ же, или двадесять златникъ; елижды же аще приемлетъ его, полижды возрастаетъ его казнь.*	Иже бѣгльца холопа пріемый отдасть его соугоубо; *еликыждо пріиметъ его, толикыждо казнь простирается на нь.*

Изъ приведенныхъ параллельныхъ текстовъ открывается слѣдующее:

1. Вторая часть правоположенія Кодекса Юстиніана изложена въ Прохиронѣ въ немного измѣненной редакціи, которая, скорѣе, нежели при формулировкѣ Кодекса, позволяетъ допустить принятое Василиками толкованіе настоящаго постановленія въ томъ смыслѣ, что въ немъ рѣчь идетъ не о повтореніи деликта, а объ одновременномъ укрывательствѣ нѣсколькихъ бѣглыхъ рабовъ [1]).

2. Законъ Градскій переводитъ данное мѣсто Прохирона буквально; переводъ же Закона о Казнѣхъ отступаетъ отъ греческаго подлинника въ томъ отношеніи, что имъ опущены въ переводѣ слова: „или 20 златникъ“. Проф. *А. С. Павловъ*—(стр. 24, примѣч. 2-ое) полагалъ, что русскій компиляторъ „Книгъ Законныхъ“, въ составъ которыхъ входитъ „Законъ о Казнѣхъ“, сознательно опустилъ эту „цѣну раба“: потому, вѣроятно, что она оказывается несогласною съ опредѣленіями Русской Правды, по которой за умерщвленіе раба положено вознагражденіе хозяина въ размѣрѣ отъ 5 до 12 гривенъ. Но догадка эта лишена всякаго основанія. Прежде всего нужно еще доказать, что „Книги Законныя“, дѣйствительно, составлены русскимъ, а не болгариномъ или сербомъ. Затѣмъ 20 златниковъ выражаютъ собою вовсе не просто цѣну, а *двойную* цѣну раба, взыскивавшуюся, какъ *сугубина*, въ видѣ штрафа, въ случаѣ неотдачи въ наличности (*лицемъ*) принятаго и укрываемаго бѣглаго раба. Съ другой же стороны, указанныя Павловымъ ст. 12, 13 и 14 Русской Правды, по сп. Карамз., содержатъ опредѣленіе не о вознагражденіи хозяина за умерщвленіе принадлежавшаго ему холопа, а о „продажѣ“ въ пользу князя за убійство ремесленника, смерда и холопа. Такимъ образомъ, пропускъ словъ: „или 20 златникъ“ долженъ быть отнесенъ исключительно на счетъ погрѣшностей переписчика.

3. Обращаясь къ трактуемой Договорной статьѣ, находимъ, что она, по содержанію своему, тождественна съ постановленіемъ римско-византійскихъ источниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ соотвѣтствуетъ усвоенному древне-русскимъ правомъ изъ библейскаго законодательства началу таліона, въ силу котораго виновному въ совершеніи преступнаго дѣйствія долженъ быть причи-

---

[1]). См. Corpus juris Civilis, изд. братьевъ Кригель, 1870 г., ч. II, содержащую Codex, стр. 361, прим. 16.

ненъ въ наказаніе такой же вредъ или ущербъ, какой онъ совершилъ другому,—почему и въ данномъ случаѣ за принятіе и укрывательство чужого раба виновный долженъ возвратить послѣдняго вдвое, или же заплатить двойную его цѣну, а за укрывательство сразу нѣсколькихъ рабовъ—уплатить двойную цѣну каждаго изъ нихъ.

4. Что же касается пункта нашей статьи, означеннаго мною литерою *в*, то по дошедшему до насъ тексту онъ входитъ въ составъ ст. 4-й Дог. *Игоря*, гласящаго:

„(Аще ли кто отъ людій царства нашего, ли отъ города нашего, или отъ инѣхъ городъ ускочитъ челядинъ нашъ къ вамъ) и принесеть что, да въспятить и́ опять, и еже что принеслъ будеть все цѣло (и да возметь отъ него золотника два)“.

По переводу *Бѣляева* и всѣхъ другихъ комментаторовъ статья эта означаетъ:

„Ежели уйдетъ къ вамъ нашъ невольникъ, принадлежащій нашимъ людямъ, или сему городу, или иному какому городу (?), и что нибудь снесетъ, то должно его возвратить, и ежели унесенное имъ все будетъ цѣло, то возвратившій получитъ за это два золотника“.

Эверсъ при этомъ подчеркиваетъ (стр. 202), что „возвращающій бѣглеца получитъ законное вознагражденіе *тогда только*, когда онъ все, взятое невольникомъ и, судя по вѣроятности, къ нему принесенное, доставитъ въ цѣлости“. Но, по моему, цитированная статья 4-я Дог. Игоря не поддается вовсе никакому объясненію, представляя изъ себя опять лишь безсвязный наборъ словъ, могущихъ получить смыслъ только по перенесеніи ихъ въ тѣ мѣста нашихъ грамотъ, откуда они вынуты были переписчиками. Единственное же предложеніе, дающее опредѣленную мысль, да и то только по производствѣ въ немъ перестановки словъ,—это: „И еже что принеслъ будеть (вар.: и (еже) принесеть что), да въспятить и́ опять всецѣло“. Основательность предлагаемаго мною чтенія подтверждается аналогичнымъ постановленіемъ договора, заключеннаго 18 августа 1348 г. между составившеюся противъ Турокъ лигою Латинянъ и владѣтелемъ Ефеса, сельджукскимъ эмиромъ Челеби-Хидромъ:

„Item si aliquis sclavus vel sclava fugeret ad terras nostras, pro eorum singulis quindecim florenos auri restituere tenemur Chaladino predicto vel cui ipse scribet esse solvendum, *et si aliquid de*

bonis sui domini vel alicujus alterius secum indebite asportasset, tenemur facere restitui integre res hujusmodi asportatas“ [1]).

Въ виду этой аналогіи, нельзя болѣе сомнѣваться, что въ нашей статьѣ рѣчь идетъ не о какомъ-либо вознагражденіи лица, которое возвратитъ бѣглаго раба, а о безусловной обязанности принявшаго раба возвратить послѣдняго вмѣстѣ съ принесеннымъ имъ чужимъ имуществомъ, и что выраженіе „все цѣло“ заключается не въ двухъ реченіяхъ, а въ одномъ сложномъ словѣ, соотвѣтствующемъ въ отрывкѣ изъ приведеннаго латинскаго акта слову integre.

ОТДѢЛЪ VIII.

О возвратѣ найденныхъ вещей потерявшему ихъ.

Въ связи съ постановленіемъ, касающимся пріема и укрывательства убѣжавшихъ рабовъ, въ нашъ мирный трактатъ включена статья о возвращеніи обрѣтенныхъ вещей и взысканіи за утайку оныхъ. Но, по обыкновенію, переписчики и эту статью какъ бы разорвали на мелкіе лоскутки, которые и втиснули въ различныя мѣста нашего акта. Разыскавъ и сложивъ вмѣстѣ эти клочки,—получимъ статью въ первоначальной ея формѣ,—слѣдующаго содержанія:

„**[Отъ погубившаго** [вар.: *погубиша*] (чит.: *О погубившемъ*) **что любо]**. а) [Иже будетъ погубилъ] (*что любо*) и жалуютъ, да ищютъ и да имуть é]. б) Аще кто [обретаемое] [крьнеть] (чит.: *крыетъ*), [да приметъ ту же казнь, якоже] [злодѣй]“ [2]).

---

[1]) Цитата эта заимствована изъ вышедшаго въ Венеціи въ 1880 г. сборника актовъ венеціанскаго архива, относящихся къ исторіи греческаго Востока въ первой половинѣ XIV в.,—подъ заглавіемъ Diplomatarium Veneto-Levantinum, и приведена проф. Т. Д. Флоринскимъ въ его статьѣ: „Политич. и культур. борьба на Греческомъ Востокѣ въ первой половинѣ XIV в.“, помѣщенной въ Кіев. Унив. Извѣст. за 1883 г., № 9, стр. 339.

[2]) Заглавіе: *Отъ погубившаго* и выраженіе: *иже будетъ погубилъ* вынуты изъ ст. 6-ой Дог. *Олега* 912 г.; слово: *погубиша*—изъ ст. 12-ой того же Договора,—изъ предложенія: „но и гостье *погубиша* челядинъ; всѣ остальныя слова перваго абзаца разсматриваемой теперь статьи—изъ той же ст. 12-ой. Во второмъ ея абзацѣ слово *обретаемое* взято все изъ

Т. е.: Если кто потерялъ что-либо, то, сдѣлавъ объ этомъ надлежащее заявленіе, пусть ищетъ, и, (опознавъ свою вещь), возьметъ ее. За утайку же находки виновный подлежитъ такому же наказанію, какъ и воръ.

Для оправданія установленнаго мною чтенія достаточно будетъ указать на однородныя опредѣленія, содержащіяся въ разновременныхъ памятникахъ византійскаго, литовско-русскаго и позднѣйшаго русскаго переводнаго законодательства. Такъ, въ сербско-византійской компиляціи: „Законъ царя Юстиніана“, входящей въ составъ законодательнаго кодекса царя Душана, находимъ постановленіе, буквально сходное со вторымъ абзацомъ нашей Договорной статьи:

> „Аще кто чию вещь обрещеть погублепьну и весть чия е, и потаить оному ищущу, такови подобань есть тату“. („Памят. законодат. дѣятельности Душана“, соч. проф. Т. Д. Флоринскаго, II, стр. 69).

Въ „Судебникѣ“ короля Казиміра Ягелловича, данномъ Литвѣ въ 1468 г., читаемъ (ст. 23):

> „А коли бы кто коня, а любо клячю знашолъ блудящюю, или иный которыи речи изнайдеть, ино оповѣщати околици: не изнайдеть ли ся истець до трехъ дневъ, ино повести на королевскый дворъ, по давному, да переемъ свой возми, а пакъ ли который што утапть, а въсхочеть собѣ покорыстовать, а будеть на то доводъ: тотъ такый злодѣй, какъ который“ (должно читать, по сопоставленіи со статьею 7-ю того же Судебника: *и тотъ такъ терьпи, какъ который злодый*“). (См. Христоматію проф. Вл.-Буданова, вып. II).

Въ Петровскомъ Воинскомъ Уставѣ 30-го марта 1706 г. (гл. XXI, ст. 195), составленномъ, какъ извѣстно, въ оригиналѣ на нѣмецкомъ языкѣ, изображено:

> „Ежели кто что найдетъ въ походѣ или индѣ-гдѣ, на дорогѣ и мѣстахъ, хотя бъ что ни было, оный долженствуетъ офицеру своему о семъ донести, и найденное безъ замедленія принести, дабы... господину, кому надлежитъ, отдано было; *кто инако учи-*

той же ст. 12-ой Дог. *Олега* 912 г.; слова: „*аще кто крьнеть*“—изъ ст. 2-й Дог. *Игоря*,—изъ фразы: „аще кто крьнеть, да показываеть цареву мужю“; выраженіе: „*да приметь ту* же казнь“—изъ окончанія ст. 5-й Дог. *Игоря*; наконецъ, слово: *злодый*—изъ ст. 14-ой Дог. *Олега* 912 г.,—изъ начальной фразы: „Аще *злодый* возвратиться въ Русь“.

нить, имѣетъ наказанъ быть, яко за покражу, и найденное паки возвратить“.

Приведенные тексты лишній разъ убѣждаютъ въ ошибочности господствующаго взгляда, будто наши Договоры во всемъ своемъ объемѣ переведены слѣпо съ греческаго языка,—такъ какъ употребленное въ означенной статьѣ Судебника короля Казиміра выраженіе „по давному“ ясно указываетъ, что содержащееся въ ней постановленіе принадлежитъ изстаринному „закону русскому“. Слово же „злодѣй“, употребленное въ нашей Договорной статьѣ въ смыслѣ вора, злодія, увеличиваетъ число доказательствъ въ сторону положенія, что составителемъ Договорныхъ грамотъ былъ не болгаринъ, какъ принято думать, а южный русинъ. Что же касается сходства нашей Договорной статьи со статьями вышеозначенныхъ памятниковъ, то оно объясняется происхожденіемъ всѣхъ этихъ постановленій отъ одного общаго родоначальника—*моисеева законодательства*, которое не только запрещаетъ присваивать себѣ найденныя вещи и заблудившійся чужой скотъ, но предписываетъ принимать всѣ мѣры къ сбереженію въ исправности и доставленію найденнаго имущества его собственнику, а за утайку обрѣтеннаго караетъ, какъ за воровство, уплатою сугубины (Второз. 22. 1—4; Исх. 22. 9; 23. 4—5.—Ср. Saalschütz, „Das mos. Recht“, S. 214 и 879). О таковомъ происхожденіи трактуемаго постановленія можно заключить изъ того, что въ помѣщенной въ кодексѣ царя Душана на ряду съ „Закономъ Юстиніана“ Синтагмѣ М. Властаря приводится правило св. Григорія Чудотворца, гдѣ о сказанномъ постановленіи упоминается, какъ объ основанномъ именно на моисеевой заповѣди: „аще бо ветхіи повелѣвает законь: яко аще брать твои или врагь твои от небрѣженіа погубит своя..., не оудръжи, нь съблюди и възврати погубившому и пр.“ (см. проф. Флоринскаго, ук. соч., II, 114), а также изъ того, что статья Судебника Казиміра начинается почти тѣми же словами, какъ и указанные стихи 1 и 3 гл. 22-й Второзаконія: разница лишь въ томъ, что въ ней, вмѣсто заблудившихся вола или овцы, какъ сказано въ Пятикнижіи, говорится о конѣ или клячѣ. Относительно же Воинскихъ Артикуловъ косвеннымъ подтвержденіемъ того, что нѣмецкій сочинитель ихъ заимствовалъ изложенное въ статьѣ 191 гл. 21-й постановленіе изъ моисеева законодательства можетъ служить то, что въ той же главѣ помѣщена статья 187, соотвѣтствующая разсмотрѣнной выше (стр. 128 и сл.) Договорной статьѣ подъ заглавіемъ: „Аще ли человѣка поработить“,—въ которой воспроизведенъ цѣликомъ стихъ 16 гл. 21-й

Исхода, согласно переводу Вульгаты, нѣсколько отличному въ данномъ мѣстѣ отъ славянскаго перевода, сходнаго съ переводомъ LXX:

„Ежели кто человѣка украдетъ и продастъ, оному надлежитъ, ежели докажется (въ нѣмецкомъ оригиналѣ: wenn er völlig überwiesen würde—convictus noxae) голову отсѣчь“.

ОТДѢЛЪ IX.

Статья о наслѣдованіи и опекѣ.

Трактующая объ этомъ предметѣ статья 13-я Договора Олега гласитъ (по Лавр. сп.):

„О работающихъ во Грекохъ Руси у хрестьаньскаго царя. Аще кто умреть, не урядивь своего имѣнья, ци своихъ не имать, да възвратить(ся) имѣнье к малымъ ближикомъ в Русь; аще ли сотворить обряжение, таковый възметь уряженое его, кому будеть писалъ наследити имѣнье его, да наследить è отъ взимающихъ куплю Руси, отъ различныхъ ходящихъ во Греки и удолжающихъ“.

По взглядамъ на происхожденіе приведенной статьи и ея значеніе въ исторіи развитія догмъ русскаго права наслѣдованія, историки-юристы раздѣлились на два противоположныхъ лагеря, яркими представителями коихъ являются, съ одной стороны, проф. *И. Д. Бѣляевъ*, а съ другой *В. Н. Никольскій*. Первый утверждалъ, что „статья (Договора Олега) о наслѣдствѣ явно принадлежитъ руссамъ и до византійцевъ вовсе не касалась и имъ не зачѣмъ тутъ было вмѣшиваться съ римскимъ правомъ“ („Русь въ первыя сто лѣтъ“ и пр.). Въ другомъ мѣстѣ („О наслѣдствѣ безъ завѣщанія“) Бѣляевъ, на основаніи той же статьи, пришелъ къ заключенію, что на Руси уже въ эпоху Договоровъ съ греками существовали два порядка наслѣдованія, завѣщательный и законный, причемъ преимущество отдавалось первому порядку, и что, по началу „чисто-русскаго закона“ X столѣтія, наслѣдниками признавались только *малые ближики*, т. е. дѣти, внуки и правнуки, но не весь родъ. Противъ этихъ-то выводовъ и выступилъ съ цѣлымъ арсеналомъ аргументовъ *В. Н. Никольскій*, которому вторили и дру-

гіе изслѣдователи и главнымъ образомъ *П. П. Цитовичъ* [1]). Вкратцѣ, возраженія, выставленныя Никольскимъ противъ взгляда Бѣляева, заключаются въ томъ, что, вообще, „по народнымъ элементамъ Договоръ Олега съ греками есть памятникъ *варяго-византійскаго права*, а не славянскаго, а потому свѣдѣній, въ немъ содержащихся, нельзя распространять на славянъ, которые въ заключеніи Договора не участвовали,—что, по юридическому значенію своему, этотъ памятникъ представляетъ собою письменный актъ, имѣющій цѣлью взаимное примиреніе, соглашеніе и сліяніе требованій договаривающихся сторонъ, почему и нельзя принимать, чтобы начала права, положенныя въ руководство при разрѣшеніи споровъ между русскими и греками во время ихъ случайнаго столкновенія, дѣйствовали въ одинаковой степени и въ ихъ отечествѣ въ обыкновенномъ ихъ быту, и наконецъ, что, въ филологическомъ отношеніи, Договоры писались греками, какъ народомъ грамотнымъ; у славянъ же, согласно замѣчанію Лавровскаго, не только не было выраженій, но даже и понятій о многихъ изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ пришлось варягамъ (варяго-русамъ?) толковать съ греками,—почему при такихъ обстоятельствахъ нѣтъ никакой возможности сдѣлать на основаніи Договоровъ, дошедшихъ къ намъ въ славянскомъ переводѣ съ греческаго языка, какія бы то ни было посылки и заключенія о наслѣдованіи, практиковавшемся въ то время у славянъ". Въ силу указанныхъ соображеній Никольскій, отвергнувъ всецѣло мнѣніе Бѣляева, выставилъ свой собственный взглядъ на дѣло. Онъ находилъ, что данная статья содержитъ въ себѣ не опредѣленіе о наслѣдованіи, а обычное сѣвернымъ народамъ постановленіе, подобное тому, какое существовало въ исландскихъ Grágás, относительно *сохраненія*, *сбереженія* и *доставленія* по принадлежности имущества иноземца, умершаго на чужой сторонѣ. „Существо требованій руссовъ, говоритъ авторъ, состояло по отношенію къ Греціи.... въ томъ, чтобы имущество русса, умершаго безъ родственниковъ въ Греціи, было доставлено его наслѣдникамъ посредствомъ „взимающихъ куплю Руси, отъ различныхъ ходящихъ въ Грецію и удолжающихъ". Это простое требованіе греки, которые разсматривали оставшееся имущество, какъ наслѣдство, и выразили въ правильной юридической формѣ по двумъ способамъ наслѣдованія: по закону и завѣщанію, что̀ чувствуется въ самомъ языкѣ, такъ какъ

---

[1]) См. *В. Никольскаго*: „О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ", стр. 203—226, и *П. П. Цитовича*: „Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія", стр. 9—24.

статья эта есть буквальный переводъ греческаго подлинника, который самъ собою невольно читается между строками“ (стр. 222—4).

Изъ современныхъ историко-юристовъ *М. Ф. Вл.-Будановъ* сочувственно примкнулъ къ мнѣнію Никольскаго, которое онъ въ продолженіе десятковъ лѣтъ не перестаетъ цитировать въ каждомъ новомъ изданіи своей „Христоматіи“. Напротивъ, проф. *В. И. Сергьевичъ*, считая „чрезвычайно вѣроятною высказанную въ литературѣ догадку, что статья наша въ первой ея половинѣ есть буквальный переводъ текста извѣстнаго опредѣленія XII таблицъ: si intestato moritur, cui suus heres nec escit, agnatus proximus familiam habeto“, полагаетъ, въ отличіе отъ Никольскаго, что она содержитъ въ себѣ постановленіе не объ *охранѣ* наслѣдственнаго имущества, но о *порядкѣ наслѣдованія* послѣ умершихъ въ Греціи русскихъ, состоявшихъ на греческой службѣ,—не распространяясь, впрочемъ, на наслѣдованіе послѣ русскихъ пословъ и гостей, останавливавшихся у св. Мамы.—Наконецъ, *А. В. Лонгиновъ* (стр. 148), хотя и находитъ комментарій Никольскаго на нашу статью не вполнѣ удовлетворительнымъ, но въ предложенномъ имъ самимъ толкованіи новое заключается лишь въ томъ, что подъ „малыми ближиками“ нужно разумѣть *оставшихся въ Россіи малолѣтнихъ наслѣдниковъ*.

Для оцѣнки всѣхъ указанныхъ сужденій о нашей статьѣ, подвергнемъ прежде всего критическому анализу текстъ ея, читаемый въ Лаврентьевскомъ и другихъ лѣтописныхъ сводахъ. Начнемъ со вступительныхъ словъ: „*О работающихъ въ Грекохъ Руси у хрестьанскаго царя*“. Что предъ нами не заглавіе, передающее содержаніе статьи—это само собою ясно. Остается поэтому считать означенныя слова составною начальною частью самой статьи, и, замѣнивъ предлогъ *о* предлогомъ *отъ*, читать: „Отъ работающихъ въ Грекохъ Руси у хрестьанскаго царя аще кто умреть и т. д.“. Такъ, повидимому, tacito consensu и читаютъ всѣ изслѣдователи и комментаторы Договоровъ. Но и при такомъ чтеніи не устраняются вызываемыя этими словами крайнія недоразумѣнія. *Работа,* какъ обстоятельно доказано *Лавровскимъ* (стр. 129), согласно съ своимъ происхожденіемъ, въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ равносильна слову *рабство* и переводитъ греч. δουλεία, *а работать* всегда означаетъ: находиться въ состояніи рабства, рабствовать. Мыслимо-ли, чтобы, по Договору, византійское правительство принимало на себя обязательство охранять и доставлять въ Русь имущество умершаго въ Греціи русскаго раба, который, по состоянію своему, и не могъ обладать имуществомъ, а тѣмъ менѣе распоряжаться таковымъ на случай своей

смерти? Но, если и допустить, что подъ „работающими въ Грекохъ Русью“ можно понимать лицъ, состоящихъ на добровольной, почетной службѣ у греческихъ императоровъ, то возникаетъ вопросъ, почему же договорное постановленіе говоритъ только объ *этихъ* лицахъ, умалчивая совсѣмъ о русскихъ купцахъ? *Эверсъ* (стр. 188 и 189), а за нимъ и *Никольскій* (219—220) не могли не обратить вниманія на эту несообразность, но старались объяснить ее существовавшимъ въ старину правомъ властителей присваивать себѣ имущество, остающееся послѣ умершихъ въ ихъ владѣніяхъ чуземцевъ, какъ имущество вымороченное (jus albanagii, droit d' aubaine). „Понятно“, разсуждаютъ эти авторы, „что требовалось оградить особымъ договорнымъ постановленіемъ отъ притязаній греческихъ императоровъ на наслѣдство только такихъ руссовъ, которые обязывались службою греческому правительству и считались какъ-бы гражданами имперіи; купцовъ же нельзя было считать греческими подданными: они въ Греціи были чужіе и на ихъ имущество, какъ на иноземное „никакой судъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не могъ дѣлать притязаній“. Но неосновательность этого сужденія слишкомъ бросается въ глаза, ибо именно чужеземные купцы какъ въ греческихъ земляхъ, такъ и въ другихъ странахъ, болѣе всего терпѣли отъ притязаній фиска на caduca, почему въ мирные договоры и включалось часто условіе, клонящееся къ охраненію имущества умирающихъ въ чужой сторонѣ гостей до явки ихъ наслѣдниковъ за полученіемъ его, какъ это видно, напр., изъ указанныхъ *А. В. Лонгиновымъ* (стр. 145—150) актовъ: переписки в. кн. Іоанна III Васильевича съ турецкимъ султаномъ Баязетомъ, договоровъ, заключенныхъ между греками и венеціанами въ X—XII в. и мирнаго договора Дубровника съ царемъ болгарскимъ Михаиломъ Асѣномъ 1223 г.: въ послѣднемъ актѣ прямо говорится объ умершихъ *купцахъ*:

„Аще ключить сьмрьть некому человѣку или *купцу*...., да весь добитькъ опога мьрьца чинимо написати и егда тво св. царьство за ихъ пошлеть свое книге (грамоту), да дамо“...

Другое затруднительное выраженіе нашей Договорной статьи,— это: „да възвратить (ся) имѣнье къ малымъ *(к милымъ*, а въ Никон. и Полст. спискахъ „*съ малымъ*“) ближикомъ в Русь“. Большинство изслѣдователей считаетъ слова: „малые ближики“ неумѣлымъ переводомъ словъ agnatus proximus формулы XII таблицъ; одинъ только г. *Лонгиновъ*, какъ замѣчено уже мною выше, понимаетъ подъ „малыми“—*малолѣтнихъ*. Но и то, и другое объясненіе совершенно неуважительно. Между „agnatus“ и „малый“ нѣтъ

ничего общаго, а допустить, что имѣнье умершаго въ Греціи русскаго должно быть возвращено въ Русь только при наличности *на родинѣ наслѣдодателя* малолѣтнихъ его родственниковъ—нѣтъ никакого основанія.

Столько же, если не болѣе загадочнымъ представляется заключительное предложеніе статьи. Въ немъ перечислены три категоріи лицъ, чрезъ посредство которыхъ наслѣднику по завѣщанію доставляется наслѣдственное имущество: 1) „Взимающіе куплю Русь“. Выраженіе это—единственное во всей древне-русской письменности; въ послѣдней имѣются обороты: куплю *творити*, куплю *дѣяти*; взимать же куплю,—взыскивать, брать, получать торговлю—это несообразность, которой нельзя ожидать ни со стороны грековъ, если подлинный договоръ составленъ ими, ни даже со стороны русскихъ переводчиковъ, какими малограмотными мы бы себѣ ихъ ни представляли. 2) „Различные ходящіе во Греки“. Кто такіе эти *различные?* Если рѣчь идетъ здѣсь все о русскихъ же, приходящихъ въ Грецію по различнымъ своимъ надобностямъ, то для чего нужно было выдѣлить особо „взимающихъ куплю“? 3) „Удолжающіе“. *Г. Лонгиновъ* переводитъ (стр. 145): подолгу (въ Греціи) остающіеся, и въ подтвержденіе правильности перевода ссылается на выраженіе, встрѣчающееся всего одинъ разъ въ Лавр. лѣтописи подъ 997 г., въ разсказѣ объ осадѣ Бѣлгорода: „и удолжися остоя въ городѣ“. Между тѣмъ именно изъ этого мѣста видно, по смыслу, что удолжитися значитъ: продлиться, продолжаться (осадное положеніе продолжалось), но никакъ: подолгу оставаться. Помимо того, мы знаемъ, что русскіе, пріѣзжавшіе въ Константинополь съ куплею ли, или безъ оной, должны были останавливаться въ предмѣстьѣ св. Мамы. Не странно ли, въ виду этого, что составители Договоровъ, обыкновенно выражающіеся кратко и ясно, на сей разъ вдались въ излишнее многословіе, вмѣсто того, чтобы просто сказать: „да унаследить е отъ витающихъ у св. Мамы Руси“?

Всѣ вышеуказанныя затрудненія заставляютъ предполагать въ текстѣ нашей статьи несомнѣнную порчу. И дѣйствительно, текстъ, какъ обыкновенно, искаженъ, съ одной стороны, вставками трехъ фразъ, относящихся къ составу другихъ статей Договора: 1) „О работающихъ въ Грекохъ Руси у хрестьанскаго царя“, 2) „да възвратиться... в Русь“ и 3) „отъ взимающихъ куплю Руси, отъ различныхъ ходящихъ во Греки и удолжающихъ“, а съ другой,—пропускомъ нѣкоторыхъ словъ, занесенныхъ ошибочно въ другія мѣста лѣтописнаго свода. Исправивъ эти погрѣшности писцовъ, получимъ текстъ статьи въ его первоначальномъ видѣ;

„**Обряжение** (*О уряженіи*). **а)** Аще кто [или отъ Руси или отъ Грекъ) умреть, не урядивь своего имѣнья, ци своихъ не имать, да [отдасть(*ся*)] имѣніе [роду своему] [вар.: его].—**б)** (*Аще ли будуть дѣти*) к малымъ (по другимъ сп.: с малымъ, чит.: *малы*), да [дадять [ихъ] [не (чит.: *на*) руку] ближикомъ [съ] имѣнье] [мъ] [и съ кормомъ своимъ].—**в)** Аще ли створить [уряженое] (чит.: *уряженіе*), таковый, кому будеть писалъ наследити имѣнье его,—да наследить [вар.: возметь] è“ [1]).

Теперь, имѣя предъ собою исправленный текстъ, я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно языка, національности и содержанія статьи. Начну съ *заголовка*. Онъ извлеченъ мною изъ средины текста, изъ фразы: „аще ли сотворить *обряжение*“. Что подчеркнутое слово написано ошибочно, вм. „*о* или *объ уряженіи*“, видно изъ того, что въ „Уставѣ в. кн. Всеволода о церк. судахъ“ два раза употреблено именно *уряженіе*: „А то далъ есмь по пръвыхъ царей *уряженію*“. Присутствіе же въ Договорахъ техническаго термина, означающаго распоряженіе собственника относительно своего имущества на случай смерти—должно быть признано само по себѣ достаточнымъ для опроверженія мнѣнія Никольскаго, которое раздѣляется П. П. Цитовичемъ и другими слѣдователями, будто-бы въ эпоху Договоровъ руссамъ чуждо было даже понятіе о завѣщаніи, подобно тому, какъ оно положительно не было извѣстно исландцамъ, датчанамъ и норвежцамъ, и что поэтому руссы „не могли сдѣлать никакихъ постановленій о завѣщательномъ правѣ и въ Договорѣ, заключенномъ ими съ греками“. (Никольскій, у. с. 224). Принимать же, что означенный терминъ явился въ русской письменности впервые, какъ переводъ соотвѣтственнаго термина, употребленнаго въ предполагаемомъ греческомъ оригиналѣ Договора, нѣтъ ни малѣйшаго повода, такъ какъ онъ, наравнѣ съ тождественнымъ съ нимъ, по корню, словомъ

---

[1]) Добавленное мною къ тексту выраженіе: „*или отъ Руси, или отъ Грекъ*“ вынуто изъ ст. 9 Дог. *Олега*, гдѣ оно совершенно излишне. Слѣдующее затѣмъ заскобленное здѣсь мною слово: „*отдасть(ся)*“—изъ конца ст. 6-й того же Договора,—изъ фразы: „и связанъ будеть и *отдасть* тое, еже смѣ створити“.—Слова: „*роду своему*“ (такъ въ Ип. сп., въ Лавр.: *родомъ своимъ*), а равно поставленныя мною ниже: „*с кормомъ своимъ*“ взяты изъ лѣтописнаго разсказа подъ 882 г. о походѣ Олега на Кіевъ,—изъ фразы: да придѣта къ намъ *роду своему* (или *родомъ своимъ*) причемъ Архангелогород. списокъ имѣетъ: „*съ кормомъ своимъ*“—каковыя слова въ данномъ мѣстѣ не даютъ никакого смысла и очевидно вставлены, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ то, что ихъ нѣтъ вовсе въ лѣтоп. Никон., Новгород. 1-й и Львовской. Слова же: „*руку не дадятъ*“ взяты изъ ст. 2-й Дог. *Игоря*,—изъ предложенія: „аще ли *руку не дадятъ* и противятся“.

„*рядъ*“ Русской Правды, по этимслогическому своему составу, даже не напоминаетъ лат. testamentum и греч. διαθήκη, а скорѣе можетъ быть сочтенъ переводомъ по-библейскаго имени существительнаго zewaah—приказъ, заповѣдь, распоряженіе,—отъ библейскаго оборота: „приказать дому своему“ — сдѣлать завѣщаніе (II Цар. 17, 23; IV Ц. 20, 1; Ис. 38, 1) [1]). Что же касается самаго содержанія нашей статьи по возстановленному мною чтенію ея, то, чтобы убѣдить въ томъ, что близость ея къ правилу римскихъ XII таблицъ о наслѣдованіи—чисто случайная и что, въ дѣйствительности, она воспроизводитъ древне-русскій законъ, установившійся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ моисеева права, я приведу параллельно постановленія: 1) моисеева Пятикнижія въ изложеніи гл. 45 Печ. Кормчей, 2) обоихъ Судебниковъ и 3) Уложенія 1649 г.

Печ. Кормчая (Гл. 45. Зак. Моис., отъ Чиселъ, 27.8—11):	**Судебники:** (1-й, ст. 60 и 2-й, ст. 92):	**Уложеніе** (Гл. 17, ст. 2):
„Человѣкъ аще умретъ и сына не будетъ у него, да *возметъ наслѣдіе* его дщи его. Аще ли не будетъ у него дщери, *да дастъся наслѣдіе* брату его. Аще же не будетъ у него брата, *да дасте часть* брату отца его. Аще ли не будетъ брата отца его, *да дасте наслѣдіе ужицы его, или ближнему его отъ племене его причитати я*“. (Послѣднія подчеркнутыя строки въ синодальномъ русскомъ переводѣ Пятикнижія читаются: отдайте удѣлъ его близкому его родственнику изъ поколѣнія его, чтобы онъ наслѣдовалъ его).	„А который человѣкъ умретъ безъ духовное грамоты, а не будетъ у него сына, ино статокъ весь и земли дочери; а не будетъ у него дочери, ино *взяти ближнему отъ его рода*“.	„Да въ прошломъ во 137-мъ году блаженныя памяти, Великій Государь, Святѣйшій Филаретъ Никитичъ, Патріархъ Московскій и всея Руссіи, указалъ, вотчины родовые и за службы данные *отдавати* вотчичамъ дѣтямъ сыну; а будетъ умершаго сына не будетъ, и тѣ вотчины дочерямъ; а будетъ судомъ Божіимъ и дочерей не станетъ, и тѣ вотчины *въ родъ отдавати*, кто ближе того роду вотчичемъ“.

---

[1]) См. мою статью: „Критико-сравнит. разборъ устава вел. кн. Всеволода о церк. судахъ“ въ журналѣ „Вѣстникъ Права“ за 1905 г. Ноябрь, стр. 200.

Изъ сопоставленія приведенныхъ текстовъ съ абзацами нашей Договорной статьи подъ лит. *а* и *в* нельзя не замѣтить полнаго сходства между ними какъ въ подборѣ словъ и оборотовъ (*отдастся* имѣніе, *да возметъ*, *да наслѣдитъ* его, ближнимъ отъ *рода* его), такъ и въ самомъ содержаніи. Абзацъ *а* Договорной статьи только изложенъ короче въ сравненіи съ правиломъ моисеева закона: но такою же краткостью отличается и статья Судебниковъ. Слово же *свои*, въ которомъ желали видѣть буквальный переводъ термина sui римскаго права, на самомъ дѣлѣ не имѣетъ узкаго юридико-техническаго значенія, а употреблено въ общемъ смыслѣ домашнихъ, членовъ семьи, безъ различія нисходящихъ родственниковъ отъ восходящихъ и боковыхъ. Къ приведеннымъ *А. В. Лонгиновымъ* (стр. 148) примѣрамъ употребленія въ такомъ смыслѣ слова *свои* прибавлю указаніе на приписку писца къ Мстиславову Евангелію начала XII в.: ...„дай же ему Господь Богъ милостью свою... и съ всѣми *своими*“. (Изв. Ак. Наукъ, т. IX, стр. 72).

И такъ, анализъ нашей статьи въ реставрированномъ ея видѣ приводитъ къ заключенію, что, хотя главною цѣлью ея было огражденіе какъ руссовъ, умершихъ въ Греціи, *такъ и грековъ, умершихъ на Руси*, отъ притязаній фиска на остающееся послѣ чужеземцевъ безхозяйное имущество, но вмѣстѣ съ тѣмъ она констатируетъ и самую догму наслѣдственнаго права, насколько таковая въ общихъ чертахъ оказалась одинаковою въ обоихъ договорившихся государствахъ, причемъ у руссовъ, судя по юридическимъ памятникамъ болѣе поздняго времени, порядокъ наслѣдованія основанъ былъ преимущественно на началахъ моисеево-талмудическаго законодательства [1]).

Но, кромѣ правила о наслѣдованіи, наша статья содержитъ и постановленіе *объ опекѣ*. Если, гласитъ абзацъ *в*, у наслѣдодателя останутся малолѣтнія дѣти, то они отдаются на попеченіе ближайшаго родственника вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ недвижимымъ имуществомъ и съ правомъ пользованія доходами съ послѣдняго (*кормъ* здѣсь равнозначуще слову *кормля*, встрѣчающемуся въ ст. 72 и 88 Псков. Суд. Грамоты). И данное постановленіе также принадлежитъ столько же русскому, сколько византійскому праву. Объ извѣстности на Руси института завѣщательной опеки (tutela testamentaria) въ эпоху, предшествовавшую составленію Догово-

---

[1]) См. очеркъ *М. Г. Моргулиса*: „Право наслѣдованія по моисеево-талмудическому законодательству въ сравненіи съ русскимъ правомъ наслѣдованія по закону“, С.П.Б., 1867 г.

ровъ, свидѣтельствуетъ Древняя Лѣтопись подъ 879 г.: „Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, *отъ рода ему сущда* (въ Арханг. сп.: сроднику своему=„ближикамъ“), *вѣдавь ему* сынъ свой *на руцѣ* Игоря, бѣ бо дѣтескъ (въ Арханг.: *малъ*) велми“. Объ опекѣ же по назначенію со стороны органовъ общественной власти (tutela dativa) трактуетъ Русская Правда (ст. 111 Кар.):

„А оже боудеть оу моужа въ домоу дѣти малы, а не дюжи ся сами собою печаловати..., то кто имъ ближии боудеть, *томоу же дати на роуцѣ и съ добыткомъ и съ домомъ*, донелѣже възмогоуть и пр.“

По мнѣнію *В. И. Сергѣевича* („Лекціи“), статьи Правды объ опекѣ носятъ на себѣ несомнѣнный слѣдъ византійскаго вліянія. Между прочимъ, признакомъ этого вліянія нашъ ученый считаетъ употребленное въ сказанной статьѣ Правды, (равно какъ и въ разсматриваемой Договорной статьѣ по моему чтенію) выраженіе „*дати на роуцѣ*“, напоминающее-де языкъ Прохирона, въ которомъ читаемъ: „и нѣмому *дается* приставникъ“, или „воеводы вся приставники *даютъ*“. Между тѣмъ означенное выраженіе представляетъ собою прямо гебраизмъ, такъ какъ на библейскомъ языкѣ *дать въ руки* значитъ передать во власть, въ управленіе, а *дать на руки*—передать на попеченіе, на чью-либо отвѣтственность, напр.: Быт., 42. 37: „*Отдай* его (Веніамина) *на мои руки*, и возвращу его тебѣ“, или II Ц., 10.10: „Остальную же часть народа *далъ въ руки* (поручилъ) Авессѣ“. Да и по существу, понятія и постановленія объ опекѣ могли сложиться у руссовъ въ древнѣйшее время подъ вліяніемъ іудео-хазаръ и евреевъ, подобно тому, какъ чрезъ посредство послѣднихъ многія правоположенія, касательно завѣщанія и опеки, перешли и къ мусульманамъ [1]) Вотъ параллельныя нашей Договорной статьѣ постановленія талмудическаго права, изложенныя въ Кодексѣ Маймонида (раздѣлъ „о наслѣдованіи“, гл. 10, § 5 и гл. 11, § 4):

„Если у кого при смерти остаются наслѣдники взрослые и малые, то ему надлежитъ назначить опекуна, который бы заботился о наслѣдственной части *малаго* (qaton—малый) до тѣхъ поръ, пока послѣдній не придетъ въ возрастъ. Если же наслѣдодатель не назначилъ опекуна, то судъ обязанъ назначать такового, ибо судъ—„*отецъ сироть*“. ...„Когда судъ назначаетъ опекун, послѣд-

---

[1]) См. Alfred von *Kremer*: Culturgeschichte des Orients untaer den Chalifen, I, S. 535.

нему передается все имущество *малаго*—земля и непроданная еще движимость, и онъ производитъ расходы, собираетъ доходы..., словомъ, дѣлаетъ все, что по своему усмотрѣнію найдетъ нужнымъ для пользы сиротъ, довольствуетъ ихъ пищею и питьемъ и вообще доставляетъ имъ содержаніе, сообразное съ ихъ состояніемъ и имъ подобающее“ (ср. выраженіе ст. 111 Р. Правды: „зане ихъ прекормилъ и печаловался ими“).

ОТДѢЛЪ X.

Статьи, относящіяся къ порядку пріѣзда руссовъ въ Константинополь и пребыванію ихъ тамъ.

Статьею о наслѣдованіи и опекѣ заканчивается рядъ Договорныхъ постановленій по международному частному (уголовному и гражданскому) праву. Затѣмъ въ Договорной грамотѣ слѣдуютъ статьи, опредѣляющія публичныя международныя отношенія договаривающихся сторонъ и прежде всего о порядкѣ пріѣзда руссовъ въ Царьградъ и пребыванія ихъ въ столицѣ и другихъ мѣстахъ имперіи,—каковыя постановленія имѣютъ одинаковую силу и касательно порядка пріѣзда грековъ въ Русь.

И такъ:

1. О... ходящихъ во Греки Руси, взимающихъ [мѣсячное] и [хотящи(*хъ*)] [возвратиться]... [в Русь [1]). а) [„Аще кто идеть] [вар.: (аще) придуть] [отъ насъ, Руси], [вар.: да егда ходимъ в Греки], или с куплею, или въ солбу ко цареви вашему], [да емлють] [у царя вашего] [почтіти] (исправлено: *печати*), [сли—злати, а гостье—сребрени], [и тогда возмуть мѣсячное], [яко имъ уставлено есть] [2]).

---

[1]) *Заголовокъ* статьи преимущественно составленъ изъ заключительныхъ словъ ст. 13-й Дог. *Олега* 912 г.: „отъ (въ Ип. сп.: о) взимающихъ куплю Руси, отъ различныхъ ходящихъ въ Греки“. Добавленное же мною слово *мьсячное* взято изъ ст. 2-й Дог. *Игоря*, изъ фразы: „съли слебное, а гостье мѣсячное“,—фразы, въ которой, какъ увидимъ ниже, ни одно слово не вяжется съ другимъ. Слово *хотящи* заимствовано изъ читаемаго въ Радзв. спискѣ варіанта къ слову *ходящихъ* въ упомянутой фразѣ: „отъ различныхъ ходящихъ въ Греки“. Слова: „*возвратиться... въ Русь*“ взяты изъ ст. 13-й Дог. *Олега* 912 г., изъ сочетанія: да возвратиться имѣніе къ малымъ ближикамъ в Русь“.

[2]) Слова и сочетанія, изъ коихъ сложенъ *абзацъ* а, суть слѣдующія: фразы: „*аще кто идеть*, а также, „*отъ насъ Руси*“ и „*да егда ходимъ въ*

б) [Аще придуть Русь бес купли, да не взимають мѣсячна]. (Варіантъ въ Дог. Олега 907 г.: Аще приидуть Русь бес купли, да не взимають мѣсячины). в) [Да аще]... [хотять остати (чит.: *оставити*) [странъ] [у (чит.: *страну*) хрестьанскаго царя] [вар.: царя вашего] [и възвратиться... в Русь], да (*пущени*) будуть [3]). г) Си (вар.: *се*) же творите [и о хрестьянехъ (по Ип. сп.: отъ хрестиянъ) пришедшимь в Русь] [вар.: приходящимъ в Русь" [4]).

Смыслъ данной статьи, реконструкція которой стоила мнѣ, признаться, не мало труда,—таковъ: Русскіе, отправляющіеся въ Грецію, или греки въ Русь, должны получать отъ правительства страны, куда они пріѣжаютъ, открытые листы, снабженные печатями: послы—золотыми, а гости—серебренными, и въ такомъ случаѣ имъ выдается установленное мѣсячное содержаніе. Русскіе же (или греки), которые пріѣзжаютъ безъ дѣла, не получаютъ мѣсячнаго. Если проживающіе въ Греціи русскіе, или въ Руси—греки захотятъ оставить страну и возвратиться въ свое отечество, то они могутъ это сдѣлатъ безъ всякой со стороны мѣстной власти задержки.

По существующему тексту, мѣсто Дог. Игоря, гдѣ говорится о печатяхъ пословъ и гостей, читается такъ:

„А великий князь Руский и боляре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ Гречьскимъ корабли, елико хотять, со

Ігреки или с куплею или в солбу къ цареви вашему"—взяти изъ ст. 8-й Договора *Олегова* о караблекрушеніи. Варіантъ „*аще придутъ*"—изъ ст. 2-й Дог. *Игоря*,—изъ безсмысленной фразы: „аще ли убѣжавше въ Русь придуть". Словаа́: „*да емлютъ*"— изъ Дог. *Олега* 907 г.,—изъ предложенія: „иже придутъ гости да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць". Слова́: „*у царя вашего*„ и „*почтіти*"—изъ ст. 10-й Дог. *Олега* 912 г.,—изъ предложенія: „хотять почтіти (вар.: почестити, почти)... и хотять остати у царя вашего". Слова: „*печати, сли—злати, а гостье сребрени*" и „*ко имъ установлено есть*"—изъ ст. 2-й Дог. Игоря.

[3]) *Слова и фразы абзаца в.*: Выраженіе: *Да аще хотять остати* (чит.: оставити) взято изъ упомянутой 10-й ст. Дог. *Олега* 912 г. Слово „*странъ*" изъ конца ст. 13-й того же договора,—изъ сочетанія: „отъ различнихъ странъ ходящихъ въ Грекы" (такъ въ Твер. лѣтоп.). Фраза „*у хрестьаньскаго царя*"—изъ начала ст. 13-й Дог. *Олега* 912 г.,—изъ предложенія: „О работающихъ въ Грекохъ Руси у хрестьаньскаго царя"—Выраженіе: *да возвратится въ Русь*" заимствоваоо изъ ст. 14-й того же Дог., а словаа „*да* (пущени) *будуть*"—изъ конца ст. 10-й того-же Договора.

[4]) *Къ абзацу подъ лит.* г. Слова: „*Си же творите*" винути изъ ст. 10-й Дог. *Олега* 912 г.,—изъ предложенія: „Егда *же*... потребу *творите* и *си* хотять". Варіантъ *се* и слова́: „*отъ христиань пришедшимъ* (вар.: прихоляшим) *в Русь*"—изъ ст. 11-й того же Договора.

слы с гостьми, *якоже имъ уставлено есть*. Ношаху сли печати злати, а гостье серебрени, нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ посылати грамоты къ царству нашему".

Шлецеръ (III, 115) подчеркнутую фразу отнесъ не къ предыдущему, а къ послѣдующему предложенію, которое и перевелъ такимъ образомъ: „По установленію, носили (до сихъ поръ) послы золотыя, а гости серебрянныя печати; нынѣ же великому князю нашему разсудилось за благо давать пропускные виды отправляемымъ къ вашему царству посламъ и гостямъ". Почти такой-же переводъ даетъ *Бѣляевъ* (Русь въ первыя сто лѣтъ). Проф. же *Вл.-Будановъ* (X-тія) и *А. В. Лонгиновъ* фразу: „якоже имъ уставлено есть" объясняютъ: какъ установлено въ Договорѣ Олега 907 года. На самомъ же дѣлѣ въ томъ Договорѣ ни объ отправленіи руссами кораблей въ Грецію, сколько хотятъ, ни о ношеніи послами и гостьми печатей нѣтъ ни звука. Но во всякомъ случаѣ предложеніе: „ношаху сли печати злати и пр." представляетъ безсмыслицу, въ чемъ легко убѣдиться, переводя его точно на современный русскій языкъ: „Носили послы печати золотыя, а гости серебрянныя, нынѣ же узналъ князь вашъ (такъ въ Лавр. лѣтоп.) посылать грамоты къ нашему царству". Притомъ, спрашивается, *какъ* носили послы и гости печати: въ рукахъ ли, или въ карманахъ, или на груди, и кѣмъ печати выдавались? Г. *Лонгиновъ* увѣренно утверждаетъ (стр.,70), что послы „ношаху" печати въ видѣ перстней, которые „должны были выдаваться изъ великокняжеской канцеляріи, ибо и греческіе послы получали печати отъ императорскаго двора". Между тѣмъ подъ печатями могутъ разумѣться здѣсь только *грамоты* съ печатями, выдававшіяся русскимъ въ Греціи греческими, а грекамъ въ Руси—русскими властями, какъ это съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ слѣдующаго, приведеннаго проф. *Зибелемъ*, мѣста изъ одного сербскаго хрисовула: „и да се не позива архиѣпископовь човѣкь кралю безь кралске *печати*" [1]), гдѣ подчеркнутое слово, очевидно, означаетъ вызовную повѣстку съ печатію, а не перстень съ выгравированною на немъ печатію,—и въ особенности изъ слѣдующаго извѣстія, помѣщеннаго подъ 1353 г. въ „Росписи или краткомъ лѣтописцѣ новгородскихъ владыкъ" (Прибавленія къ Новгор. 2-й лѣтописи, изд. 1841 г.): „Сей архіепископъ Моисей посылалъ въ Царьградъ Савву *посла своего* къ царю Ивану Кантакузину и къ патріарху Филоѳею....; царь же и патріархъ пожаловали его и дали

---

[1]) „Законникъ Стефана Душана", стр. 213.

ему *грамоту за златою печатію*“,—изъ чего явствуетъ, что русскіе послы и гости, отправлявшіеся въ Грецію, представляли тамъ свои кредитивныя письма отъ своихъ довѣрителей и получали отъ *греческаго* правительства золотыя или серебрянныя печати, т. е. грамоты за такими печатями, на предметъ безопаснаго пребыванія въ имперіи и полученія *установленнаго* (международнымъ обычаемъ) содержанія. А если такъ, то включеніе въ Договоръ Игоря статьи, содержащей въ себѣ не какое-либо юридически—обязательное условіе, а лишь простую замѣтку въ повѣствовательной формѣ, что послы-де носили прежде печати, а теперь (только теперь?) русскій князь почему-то заблагоразсудилъ (допуская даже, что *увъдѣлъ* имѣетъ такое значеніе) посылать къ греческому царю грамоты—является верхомъ несообразности. Причина же такой несообразности заключается не въ чемъ иномъ, какъ только въ испорченности текста процитованнаго предложенія Игорева Договора, искаженнаго вставками отдѣльныхъ словъ, относящихся къ другимъ мѣстамъ Договорныхъ грамотъ и, вообще, лѣтописнаго сборника. Такъ, слово *ношаху*, вмѣстѣ съ частицею *же* въ сочетаніи „ныне же“, составляетъ варіантъ, первоначально стоявшій въ концѣ лѣтописнаго разсказа (по Лавр. сп.) подъ 907 г.: „И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина и всякое узорочье“. [1]) Этотъ послѣдній періодъ, надо полагать, изложенъ былъ сперва такъ: „И приде Олегъ к Киеву. *Ношаху же* злато, и паволоки и т. д.“. Но при дальнѣйшихъ перепискахъ слова *ношаху* и *же*, по ошибкѣ, перенесены были въ текстъ Договора Игорева, а вмѣсто нихъ въ данномъ мѣстѣ поставлено: *неся*. Такую же замѣну „*ношаху*“ словомъ „*неся*“ наблюдаемъ и въ самомъ Игоревомъ Договорѣ: вмѣсто: „ношаху слы печати злати“ Лавр. и Ип. списковъ, въ сп. *Полст.* стоитъ *носяху же*, а въ *Шед.—нося* (Шлецеръ, III, 114). Выраженіе же „*увъдѣлъ есть*“ попало въ разсматриваемую статью Игорева Договора изъ обсужденной мною выше (стр. 117 и сл.) статьи о самоуправствѣ и грабежѣ, озаглавленной „Аще кто искушенье створить“, а слово *нынъ* составляетъ поправку реченія Олегова Договора „инѣхъ“ въ сочетаніи „наша свѣтлость болѣ *инъхъ*“, въ которомъ послѣднее слово, какъ я доказывалъ выше (стр. 65), ошибочно написано, вмѣсто тительнаго „ѿ҃ѣ“. По исключеніи же указанныхъ излишковъ останутся только слова: „сли печати злати, а гостье серебрени“, которыя, будучи поставлены въ связь со

---

[1]) Подъ 944 г., вм.: „неся злато и паволоки“ говорится: „а самъ вземъ у Грекъ злато и паволоки ...и приде къ Киеву въсвояси“.

словами: „да емлють у царя вашего“ даютъ вполнѣ удовлетворительный смыслъ.

Замѣчу, кстати, что *печать* въ значеніи грамоты, снабженной правительственною печатію, встрѣчается и въ еврейской письменности. Такъ, еврейскій путешественникъ XII в., *Веніаминъ изъ Туделы*, касаясь въ своемъ итинераріѣ правъ и значенія еврейскаго эксиларха (главы изгнанниковъ) въ Вавилоніи, пишетъ: „И Эмиръ ел-Мамунинъ (государь вѣрующихъ) творитъ (выдаетъ) ему (эксиларху) *печать* (chotham—грамоту, удостовѣряющую главенство послѣдняго) надъ всѣми еврейскими общинами [1]).

Что же касается изложеннаго въ абзацѣ *в* условія, относительно права руссовъ и грековъ оставлять безпрепятственно мѣсто своего временнаго пребыванія и возвратиться въ свое отечество, то основательность установленнаго мною чтенія даннаго пункта статьи подтверждается тѣмъ, что подобныя условія встрѣчаются часто въ мирныхъ трактатахъ. Для примѣра, укажу на проектъ договора о семилѣтнемъ перемиріи, имѣвшаго быть заключеннымъ въ 1581 г. между царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ и польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, гдѣ сказано: „а кого ты к намъ, братъ нашъ Стеѳанъ, король, пошлешь своихъ пословъ, пріѣхати к намъ и *отъѣхати* добровольно безо всякіе зацѣпки“ [2]). А вотъ другой примѣръ: ст. 28-я договора смоленскаго кн. Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 г., гласитъ: „Аже Латинеский оусхочеть *ехати и*(зъ) *Смоленска своимъ товаромъ въ иноу сторону*, про то его князю *не дьржати*, ни иномоу никомоу же“ [3]). Или вотъ еще: въ жалованной грамотѣ царя Бориса Годунова, данной въ 1601 г. Ригѣ, читаемъ: „а какъ исторговався, похотять (Рижане) ѣхати изъ нашихъ государствъ к себѣ в Ригу, *и имъ изъ нашихъ государствъ ъхати к себь волно... безо всякого задержанья и зацъпки* [4]). Толкованіе же комментаторовъ, а въ ихъ числѣ и г. Лонгинова (стр. 144), будто въ ст. 10-й Олегова Договора говорится, что „русскіе, когда хотятъ почтить („почестити“) греческаго царя и у него остаться на службѣ („и хотять остати у царя вашего“), то пусть располагаютъ собою по своей волѣ“, не выдерживаетъ критики, такъ какъ въ Ипат. лѣтоп., вмѣсто „остати у царя ва-

---

[1]) См. „Die Häupter der Vertriebenen“ von *F. Lazarus*, 1890, S. 133.

[2]) „Переговоры о мирѣ между Москвою и Польшею въ 1581—1582 г.“, матеріалы, изд. проф. *Ѳ. И Успенскимъ*, стр. 13.

[3]) Христоматія *Аристова*, стр. 756.

[4]) См. *Натьерскаго:* „Русско-ливонскіе акты“, стр. 402.

шего“, прямо стоитъ „*оставити*“, да и по здравой логикѣ нельзя допустить, чтобы греки, которыхъ всѣ изслѣдователи выставляютъ искусными дипломатами, согласились помѣстить въ Договорѣ нелестное для греческаго самолюбія выраженіе, что русскіе, желающіе оставаться на службѣ у греческаго императора, тѣмъ самымъ оказываютъ ему честь. Не говорю уже о томъ, что нѣкоторые списки даютъ: вм. „почести“, „почтити“,—„почти“, что̀ и указываетъ на достовѣрность моей догадки, что это слово должно быть читаемо: „*печати*“.

Слѣдующія за симъ статьи не представляютъ уже особенной трудности въ отношеніи реставраціи ихъ подлиннаго вида; для этого достаточно большею частью только переставить въ существующемъ текстѣ нѣкоторыя отдѣльныя слова и предложенія:

2. Иже посылаеми бывають .. [отъ князя вашего] посли и гостье [1]). А великий князь Руский и боляре его, да посылають въ Греки къ великимъ царемъ Гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми...

3. (*Иже начнеть*) **князь вашь посылати грамоты къ царству нашему.** Да приносять [отъ нихъ] грамоты, пишюче сице: яко послахъ корабль селико [2]).

4. [И отъ (о) тѣхъ]. Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будуть намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему, [да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходять]. [Тако створять] и [Грекомъ], [аще ли]... [в Русь придуть] [3]).

Приведенныя три статьи сами собою понятны и не требуютъ объясненія. Обращу только вниманіе на выраженіе „*отъ нихъ*“. Основываясь на читаемомъ въ существующемъ текстѣ предложе-

---

[1]) Выраженіе: „*отъ князя вашего*“ взято изъ стоящей ниже во 2-й ст. Дог. *Игоря* фразы: „да не взищется смерть ихъ *отъ князя вашего*“.

[2]) Выраженіе „*отъ нихъ*“ взято изъ фразы: „иже посылаеми бывають *отъ нихъ* сли и гостье.

[3]) Слова: *и отъ тьхъ* вынуты изъ фразы ст. 2-й Договора Игоря: „и отъ тѣхъ да увѣмы и мы“ и пр. Выраженіе: „*тако створять*“ взято изъ фразы той же ст.: „яко имъ любо, тако створятъ“. Слова: „*и грекомъ*“ взяты изъ конца лѣтописнаго разсказа подъ 945 г.: „сли же придоша ко цареви и повѣдаша цареви грекомъ (такъ въ Воскр., Твер. и Соф. 1-й лѣтоп.) вся рѣчи Игореви и любовь юже къ грекомъ“. Слова же: „*аще ли*“—изъ той же ст.,—изъ фразы: „*аще-ли* руку не дадятъ и пр.“ Слова: „*в Русь придуть*“—оттуда же,—изъ предложенія: „аще ли убѣжавше *в Русь придуть*“.

ніи: „иже посылаеми бываютъ *отъ нихъ* сли и гостье“, стоящемъ непосредственно за фразою: „нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашь посылати грамоты“, проф. *Ламбинъ* полагалъ, что, такъ какъ слова „*отъ нихъ*“ относятся къ князю, то отсюда слѣдуетъ, что русскій князь, наравнѣ съ греческими императорами, говорилъ о себѣ, какъ и о немъ говорили, во множественномъ числѣ. Но это невѣрно, ибо выше (стр. 55) я доказывалъ, что въ примѣненіи къ русскому князю множественное величества въ Договорахъ ни разу не употребляется. Въ данномъ же мѣстѣ множественное число мѣстоименія объясняется тѣмъ, что оно (по моему чтенію) относится къ упоминаемымъ въ предшествующей статьѣ: „*князю и боляромъ*“,—каковое выраженіе даетъ поводъ заключить, что всякіе дипломатическіе письменные акты, исходящіе отъ князя, должны были обязательно контрасигнироваться боярами.

Дальнѣйшія постановленія, касающіяся порядка прихода руссовъ въ Грецію и пребыванія ихъ тамъ, изображены въ нижеслѣдующихъ статьяхъ:

5. И приходящимъ (*чит.: о приходящихъ*) **Руси.** Да запретитъ князь сломъ своимъ [и гостье (*мъ*)], приходящимъ [сде], да не творятъ бещинья в селѣхъ, ни въ странѣ нашей.

(Варіантъ по Договору Олега 907 г.). **Приходячи Русь.** Да запретить князь сломъ, (и) приходящимъ Руси здѣ, да не творятъ пакости в селѣхъ и странѣ нашей [1]).

6. А о сихъ. [Оже то (чит.: *Ти, оже*, т. е., точно также, если) приходять] [отъ Грекъ] [сьли] [и гостье] [и (чит.: *к*) велимъ (чит.: *великому*) князю Рускому, да ихъ не пущаетъ (чит.: *пущаемъ*) пакост(ить) странѣ его [2]).

7. Входяще же Русь в градъ. Да входять въ градъ одинѣми вороты, съ царевымъ мужемъ безъ оружья..., [да послеть царство наше, да испишеть имяна ваша].

(Варіантъ по Договору Олега 907 г.). И да входять в градъ

---

[1]) Выраженіе „*и гостье* (*мъ*)“ взято изъ ст. 12 Дог. *Олега* 912 г., изъ фразы „*но и гостье* погубиша челядинъ жалуютъ“.

[2]) Слова: „*А о сихъ, оже то приходять*“ взяты изъ ст. 11-й Дог. *Игоря*. Слова: „*отъ Грекъ*“ вынуты изъ ст. 9-й Дог. Олега 912 г.—изъ предложенія: „также аще отъ рати ятъ будеть, да *отъ тьхъ Грекъ* также“. Слова же: „*сьли*“ и „*гостье*“ взяты изъ ст. 2-й Дог. *Игоря*,—изъ предложенія: „тогда возмуть мѣсячное свое, *сьли* слебное, (и) *гостье* мѣсячное“.

одними вороты со царевымъ мужемъ, безъ оружья,.... [а послеть царьство наше, и да испишютъ имена ихъ].

8. И отъ святаго Мамы (*И о св. Мамѣ*). [А иже придуть гости], да витаютъ у святаго Мамы.

(Варіантъ по Договору Олега 907 г.). Приходяще Русь, да витаютъ у святаго Мамы) [1]).

Изъ изложенныхъ здѣсь статей, внимательнаго разсмотрѣнія требуетъ статья подъ № 6, взятая изъ ст. 11-ой Договора Игоря, гласящей: „А о сихъ, оже то приходять Чернии Болгаре (и) воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ князю Рускому, да ихъ не пущаеть пакость (пакостить) странѣ его“.

Шлецеръ (III, 164) предложилъ слѣдующій переводъ сего мѣста: „*Также*, когда приходятъ Черные Булгары и воюютъ Корсунскую землю; то *повелимъ* мы русскому князю не пущать ихъ и не дозволять тревожить *сей* земли“. Свой переводъ Шлецеръ, однако, сопровождаетъ замѣчаніемъ: „Повелимъ? Кіевскіе послы навѣрное не потерпѣли бы этого слова. Смѣшная описка: *велимъ*, вмѣсто: *великому*“ (т. ж., 166).—*Эверсъ* (стр. 227) повторилъ дословно переводъ Шлецера, но старался дать иное объясненіе столь затруднявшему послѣдняго слову *велимъ*. Онъ полагалъ (стр. 230), что глаголъ *велѣть*, *повелѣть*, по сродству своему съ словами *воля*, *волити*, не заключаетъ въ себѣ понятія приказанія и въ данномъ случаѣ употребленъ только для выраженія согласія на принятіе договорнаго условія, вмѣсто *желаемъ*, *хотимъ*, а, можетъ быть, является переводомъ греческаго κελεύειν: „для коего недоставало въ славянскомъ вполнѣ соотвѣтствующаго выраженія“.—*Лавровскій* (стр. 149—152), не одобряя „догматически и рѣзко“ высказаннаго Шлецеромъ сомнѣнія въ умѣстности слова *велимъ*, отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ догадкамъ Эверса, доказывая съ своей стороны примѣрами изъ древнѣйшихъ памятниковъ, что *повелѣти*, дѣйствительно, значитъ: позволить, изъявить волю, желаніе, согласіе, и что „въ такомъ случаѣ *велимъ* можетъ соотвѣтствовать извѣстному на юридическомъ византійскомъ языкѣ выраженію βουλόμεθα, означающему желаніе, волю императоровъ по отношенію къ подданнымъ,—равнявшіяся, конечно, требованіямъ, повелѣніямъ,—въ каковомъ смыслѣ употребляются и гла-

---

[1]) Заглавіе: „*И отъ св. Мамы*“ взято изъ ст. 3-й Договора *Игоря*, изъ фразы: „попеже придуть въ страну царствія нашего *и отъ св. Мамы* еже будеть“. Выраженіе же: „*а иже придуть гости*“—изъ Договора *Олега* 907 г.,—изъ предложенія: „и иже придуть гости, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць“.

голы θεσπίζειν, κελεύειν,... такъ, что κελεύομεν подлинника и *велимъ* Игорева Договора равносильны словамъ: *побуждаемъ призываемъ, желаемъ* и т. под."—Проф. *Вл.-Будановъ* (X-тія) слово „*велимъ*" также объясняетъ: волимъ, желаемъ, *просимъ*. Но, какъ бы искусственно ни истолковывать обсуждаемое слово, этимъ мы нисколько не устранимъ затрудненія, представляемаго самымъ содержаніемъ статьи. И дѣйствительно, допустимъ даже, что греческій императоръ не приказывалъ русскому князю, а побуждалъ, призывалъ, *просилъ* его не дозволять чернымъ болгарамъ, когда они пойдутъ воевать въ корсунской странѣ, вредить *той* странѣ, хотя въ старшихъ лѣтописныхъ сборникахъ сказано: „пакостить странѣ *его*", а не *той*,—все же и при такомъ чтеніи не устраняется самая существенная нссообразность, заключающаяся въ томъ, что ни откуда не видно, чтобы черные болгаре, разумѣя подъ ними, по справедливому заключенію *Д. И. Иловайскаго* („Разысканія", 289 и сл.), не дунайскихъ и не камскихъ, а только черноморскихъ болгаръ, жившихъ по сосѣдству съ Хазаріею и корсунскою областію, были въ эпоху Игоря, какъ утверждаетъ названный историкъ, а за нимъ и *А. В. Лонгиновъ* (стр. 75), окончательно подчинены Руси и что они стремились всегда воевать въ корсунской землѣ. Не только такой выводъ не основанъ на какихъ-либо положительныхъ историческихъ данныхъ, а, напротивъ, опровергается сообщеніемъ нашей лѣтописи, что когда въ 944 г. Игорь предпринялъ морской походъ на Царьградъ, то, заодно съ корсунянами, извѣстили греческаго царя Романа о движеніи русскаго флота также и болгаре, конечно, никакіе иные, какъ только сосѣдніе черные болгаре,—изъ чего явствуетъ, что послѣдніе тяготѣли не къ Руси, а къ Византіи, и вовсе не враждовали съ херсонитами, а, наоборотъ, были связаны съ ними общими интересами. А если такъ, то теряетъ всякій смыслъ „рѣзкое договорное *велѣніе* русскому князю", какъ выразился г. Лонгиновъ, или обращенная къ нему просьба, какъ объясняютъ другіе изслѣдователи, „преградить доступъ къ корсунской странѣ чернымъ болгарамъ, приходившимъ туда съ враждебными цѣлями". Всѣ эти соображенія и оправдываютъ мою догадку, что слова: „*Черніи Болгаре*" и „*воюютъ въ страны Корсуньстыи*", вставлены въ статью 11-ю Договора Игоря ошибочно и что надлежащее мѣсто ихъ—въ послѣдующихъ договорныхъ статьяхъ, какъ это увидимъ ниже. По очисткѣ же такимъ образомъ нашей статьи отъ чуждыхъ ей словъ и по дополненіи ея словами, въ ней пропущенными, она получитъ точный и опредѣленный смыслъ: въ предшествующей ей статьѣ постановлено, что русскій князь обязывается запретить русскимъ посламъ и гостямъ,

приходящимъ *въ Грецію*, творить тамъ „бесчинія“ или „пакости“ (т. е. безпорядки, мятежи); такое же обязательство, въ силу разсматриваемой статьи, принимаетъ на себя и греческое правительство относительно грековъ, приходящихъ *въ Русь* [1]).

При такомъ чтеніи становятся вполнѣ понятными и озаглавливающія нашу статью слова: „*А о сихъ*“, которыя, какъ и обороты: „о тѣхъ“, „о томъ“ и „о семъ“, означаютъ, что озаглавленная ими статья представляетъ собою продолженіе предыдущей, однородной съ нею по содержанію. Добавлю еще, что справедливость высмѣянной Лавровскимъ замѣтки Шлецера, что „*великъ* князю Рускому“ описка, вм. „*великому* князю русскому“, положительно подтверждается варіантомъ одного изъ списковъ Соф. 1-й Лѣтописи, гласящимъ именно: „*великому*“ (П. С. Р. Л., т. V, с. 101, вын. *д*).

ОТДѢЛЪ XI.

О торговыхъ правахъ Руси въ Греціи.

Этимъ правамъ посвящены слѣдующія пять статей:

1. (*О творящихъ*) **куплю Руси.** И да творять куплю, *якоже* имъ надобѣ (вар. по Дог. Олега 907 г.: и да творять куплю, *елико* имъ надобѣ), не платяче мыта ни въ чемъ же [и да творять имъ мовь (по друг. варіантамъ: мытву, мовницу,—чит.: *мытницы*), елико хотять] (вар.: [яко имъ любо], [елико хотячи]) [2]).

---

[1]) Значеніе слова *бесчинія* или, по другому варіанту, *пакости*, лучше всего выясняется изъ главы 6 грани 39 Прохирона (Закона Градскаго): „Глеміи крамолницы,или мятежь в людехъ (въ „Зак. о Казнѣхъ“, изд. Павлова,—молвы на поутихъ) творящіи... во изгнаніе посылаются. Аще ли многи *мятежи* и *бесчинія* сотвориша (Εἰ δὲ πολλοὺς θορύβους καὶ ἀταξίας ἐποίησαν) и множицею яти бывше..., біени и острижени, отнюдь да изженоутся“.

[2]) Послѣднія слова заголовка: „*куплю Руси*“ взяты изъ конца ст. 13 Дог. *Олега 912 г.*,—изъ фразы: „взимающихъ куплю Руси“.—Предложеніе: „*не платяче мыта ни въ чемъ же*“ взято изъ Дог. *Олега 907 г.* Варіантъ: „*яко имъ любо*“—изъ ст. 2-й Дог. *Игоря*,—изъ фразы: „яко имъ любо, тако створятъ“, а варіантъ: „*елико хотячи*—изъ Дог. *Олега 907 г.*,—изъ предложенія: „да приходячи Русь слюбное емлють, елико хотячи“.

2. И отъ (*о*) **тѣхъ.** Да не имѣють волости купити [слебное] (по друг. варіантамъ: *хлѣбное, снѣдное* (глосса въ Дог. Олега 907 г.: хлѣбъ и вино, и мясо, и рыбы, и овощи [различныхъ] (чит. разноличны), лише [ѕ͡] паволокъ (вар.: 50 золотникъ) [1]).

3. Да отъ тѣхъ (чит.: А *о тѣхъ*). Да аще кто отъ Руси, или грекъ сотворить криво [извѣсти] (чит.: *извѣси*), (*лежить капь*) [у святаго Мамы], [да показываеть цареви мужю], и [то]тъ да оправляеть и [запечатаеть... имъ] (чит.: *ихъ*),...., [якоже уставлено есть преже] [2]).

4. У (чит.: *О*) **должающихъ.** (*Аще ли*) [Русь] (*должни*) *будуть Грекомъ*), [да не имѣють (чит.: *имѣемъ*) власти зимовати (чит.: *заимати*), по, егда придеть осень, да идуть въ домы своя в Русь] [3]).

5. И о томъ. [Ти], (*оже Грьци*), [ли отъ города нашего, ли отъ инѣхъ городъ], (*должни будуть Руси*), [да не имѣють (чит.: *имѣйте*) власти зимовати (чит.: *заимати*), [и да придуть (чит.: поидуть) въ Грекы] [4]).

Въ *первой* изъ приведенныхъ пяти статей, по которой Руси предоставлено право свободнаго и безпошлиннаго торга въ Гре-

---

[1]) Заголовокъ *и отъ тѣхъ* вынутъ изъ предложенія ст. 2-й Дог. *Игоря*: „и отъ тѣхъ паволокъ аще кто крьнеть“. Слово *слебное*—изъ предложенія той же ст.: „съли слебное, а гостье мѣсячное“. Цифровая буква ѕ͡—изъ фразы той же ст.: „и тъ ѕ͡ запечатаеть и дасть имъ“. Слово: „*различныхъ*“ взято изъ конца ст. 13-й Дог. *Ол. 912 г.*,—изъ предложенія: „отъ различныхъ (странъ) ходящихъ въ Греки“.

[2]) Заголовокъ: „*да отъ тѣхъ*“ взятъ изъ ст. 9-й Дог. Ол. *912 г.*,—изъ предложенія: „*да отъ тѣхъ* Грекъ также да възвратится въ свою страну“. Слово „*извѣсти*“ взято изъ конца Дог. *Олега 912 г.*,—изъ сочетанія: „извѣсти и дасть нашимъ словомъ (или посломъ)“.—Слова: „*у святаго Мамы*“ заимствованы изъ фразы ст. 2-й Дог. *Игоря*: „да не имѣютъ власти зимовати у св. Мамы“.—Выраженіе: *якоже уставлено есть преже* —изъ конца ст. 3-й Дог. *Игоря*,—изъ предложенія: „ти тогда взимаютъ отъ насъ цѣну свою, *яко же уставлено есть преже*, 2 паволоцѣ за челядинъ“.

[3]) Заголовокъ: „*Удолжающихъ*“ взятъ изъ конца Дог. Олег 912 г.,—изъ предложенія: „отъ различныхъ ходящихъ въ Грекы и удолжающикъ“. Слово же „*Русь*“ взято изъ ст. 7-й Дог. *Олега* 912 г.,-- изъ сочетанія: „да искупають ѕ͡ Русь по 10 золотникъ“, гдѣ слово *Русь* совершенно излишне и даже вредитъ смыслу рѣчи.

[4]) Заголовокъ: „*И о томъ*“ взятъ изъ ст. 9-й Дог. *Игоря*: „И о томъ, аще обрящють Русь кубару Гречьскую“. Слово: „*Ти*“ винуто изъ упомянутаго выше предложенія ст. 3-й Дог. *Игоря*: „*ти* тогда взимаютъ отъ насъ цѣну свою и пр.“ Фраза же: „*ли отъ города нашего, ли отъ инѣхъ городъ*“—изъ начальной части ст. 4-й Дог. *Игоря*.—Выраженіе: „*и да придуть въ Грекы*“ взято изъ окончанія ст. 11-й Дог. *Ол. 912 г.*

ціи, требуетъ поясненія фраза: „*и да творятъ имъ мовь елико хотятъ*“. *Шлецеръ* (II, 648) страннымъ образомъ перевелъ ее: гости должны *показать* („творить мовь“), сколько они хотятъ (съѣстныхъ припасовъ), а въ объяснительномъ примѣчаніи (стр. 657) высказалъ догадку: „не значитъ ли это: сдѣлать *росписаніе*, подать *вѣдомость?*“ Всѣ другіе же комментаторы единогласно толкуютъ означенную фразу въ томъ смыслѣ, что для русскихъ купцовъ, какъ выразился проф. *Загоскинъ* во 2-мъ т. своего „Курса ист. рус. права“, „выговорено столь любезное русскому сердцу право мыться въ знаменитыхъ своимъ роскошнымъ устройствомъ цареградскихъ баняхъ“. *А. В. Лонгиновъ* съ своей стороны находитъ (стр. 57), что въ сказанной фразѣ, заключающей въ себѣ, по его мнѣнію, четвертую главу „договорной заповѣди“ Олега, обусловлено „право русскихъ пользоваться прѣсной, колодезной водой *для омовенья*“. Но всѣ эти толкованія неудобопріемлемы, ибо изъ разсказа лѣтописи о мести кн. Ольги древлянамъ видно, что *створить мовь* значитъ изготовить, истопить баню. Но допустимо ли, что греческое правительство принимало на себя лично обязанность изготовлять бани для всѣхъ пріѣзжающихъ русскихъ купцовъ, когда бы и сколько бы разъ они не вздумали *творить себѣ мытву* („елико хотять“). Это предполагало бы существованіе не только въ столицѣ, но и въ другихъ городахъ Греціи, куда также могли пріѣзжать русскіе для торговли, правительственныхъ бань, нарочито устроенныхъ въ ожиданіи пріѣзда русскихъ гостей. Если же рѣчь идетъ вообще только о правѣ русскихъ пользоваться доступными для всѣхъ банями, то объ этомъ не имѣло никакого смысла постановить въ мирномъ трактатѣ особое условіе. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, въ данномъ мѣстѣ говорится вовсе не о мови, или мытвѣ, или мыльнѣ, а о дозволеніи устройства *мытницъ*—товарныхъ складовъ. При такомъ пониманіи разбираемой статьи, она оказывается буквально сходною съ 3-ею статьею цитированнаго мною выше (стр. 132) договора, заключеннаго въ 1648 г. Богданомъ Хмельницкимъ съ турецкимъ султаномъ,—гласящею:

> „*Дома для складки товаровъ* въ городахъ и портахъ султана турецкого, какъ при черномъ морѣ, такъ и при Бѣломъ быть имѣющихъ, позволяетъ султанъ войску казаковъ заводить и тамъ торговать и купцамъ ихъ свободно пребывать, не платя никакой подати...“

Вторая изъ изложенныхъ пяти статей содержитъ ограниченіе свободы руссовъ въ производствѣ торговли, заключающееся въ запретѣ покупать „слебное“ или „слюбное“ или „стлюбленное“,

а по исправленному мною чтенію: *хлѣбное*, какъ въ Ип. сп., или *снѣдное*, какъ въ Никон. лѣтоп., на сумму свыше 50-и златниковъ или 5-и паволокъ. Комментаторы, строго держась наличнаго текста Дог. *Олега 907 г.*, гдѣ имѣется: „да приходячи Русь слюбное (или слебное) емлють мѣсячину на 6 мѣсяць, хлѣбъ, и вино, и мясо, и рыбы, и овощь“, и текста *Дог. Игоря 945 г.*: „тогда возмуть мѣсячное свое, съли слебное, а гостье мѣсячное“,—не даютъ точнаго объясненія слова *слебное*. Такъ, *Шлецеръ* (III, 125) оставилъ его безъ перевода. *Бѣляевъ* (Русь въ первыя сто лѣтъ) передалъ его чрезъ *посольское* (?); другіе же толкователи, въ томъ числѣ и г. *Лонгиновъ* (стр. 56 и 57), отождествляютъ его съ мѣсячиною, разумѣя подъ послѣднею натуральное содержаніе въ продолженіи полугода. Но, по моему, выраженіе „на 6 мѣсяць“, какъ я уже указалъ выше (стр. 143), поставлено здѣсь неумѣстно, ибо, какъ замѣчено уже Шлецеромъ (II, 656), непонятно, почему содержаніе выдавалось въ продолженіи именно 6-и мѣсяцевъ, ни меньше, ни больше,—а должно быть отнесено къ статьѣ о выкупѣ челядина. *Мѣсячина* же означаетъ здѣсь мѣсячное *денежное* жалованье, а не довольство съѣстными припасами, такъ какъ нельзя себѣ даже представить, чтобы русскіе послы и именитые гости являлись къ греческимъ властямъ, какъ нищіе, за полученіемъ подверженной скорой порчѣ провизіи, особенно, если выдача таковой производилась впередъ на цѣлый мѣсяцъ. Что же касается *слебнаго*, правильнѣе: *хлѣбнаго*, *снѣднаго*, для поясненія чего въ самомъ договорномъ актѣ сдѣлана приписка: хлѣбъ, и вино, и мясо, и рыбы, и овощи разноличны, то объ этихъ послѣднихъ предметахъ говорится, какъ о *запрещенныхъ къ покупкѣ и вывозу* въ Русь, если цѣна ихъ превышала 50 златниковъ или .ѳ. (5) паволокъ, (паволока равнялась 10-и златникамъ). Противъ общепринятаго же толкованія, будто запретъ руссамъ покупать товаръ на сумму свыше 50-и златниковъ относилось къ *паволокамъ*, въ значеніи парчевой или шелковой матеріи, высказался еще *Татищевъ*, замѣтившій, что „относительно воспрещенія вывозить паволоки резонъ же политическій тому противенъ, и суще, чѣмъ бо̀льшею цѣною товары, кромѣ золота и серебра, вывозятся, тѣмъ больше государству пользы почитается“. („Ист. Россійская“, II, стр. 385, пр. 111). Ссылаются, правда, на сообщеніе кремонскаго епископа Ліутпранда, который, воротясь изъ второго путешествія въ Константинополь, жаловался въ своемъ донесеніи императору, что правительство византійское при его отъѣздѣ въ 968 г. не позволило ему вывезти пяти штукъ драгоцѣнныхъ тканей, какъ товаръ запрещенный, (*κολοβόμενα*, id est

nationibus omnibus prohibita) и возвратило ему деньги. Но *И. И. Срезневскій* справедливо указалъ, что изъ этого сообщенія нельзя сдѣлать никакого вывода для разъясненія подлежащаго мѣста Договора, ибо въ 945 г., когда былъ составленъ Договоръ Игоря, тотъ же Ліутпрандъ, бывшій тогда не епископомъ, а только діакономъ, накупивши, по его словамъ, въ Константинополѣ гораздо болѣе и болѣе драгоцѣнныхъ паволокъ, вывезъ ихъ безъ осмотра и опечатанія. (Изв. Ак. Наукъ, III, 274).

Между тѣмъ съ несравненно бо́льшимъ основаніемъ можно указать на то, что во многихъ государствахъ во всѣ эпохи вывозъ изъ страны хлѣба, и, вообще, сельско-хозяйственныхъ продуктовъ запрещался либо постоянно, либо временно, и что внутри самой страны преслѣдовались скупка и монополизированіе продажи съѣстныхъ припасовъ и другихъ предметовъ необходимой потребности. Сошлюсь, напр., на законодательство Солона, запрещавшее вывозъ изъ Аттики естественныхъ произведеній и покупку частнымъ человѣкомъ на запасъ болѣе 50 мѣръ хлѣба. Однородныя опредѣленія содержатся въ *Талмудѣ* и основанныхъ на немъ еврейскихъ номоканоническихъ сборникахъ: жизненные припасы, напр., овощи, вино, масло, пшеничную муку, запрещено было вывозить изъ Палестины въ другія страны, или въ близкую Сирію, и даже въ предѣлахъ самой Палестины, „изъ области одного царя въ область другого“; а равно запрещалось скупать для перепродажи предметы продовольствія; дѣлать же запасы сельско-хозяйственныхъ произведеній дозволялось только самимъ производителямъ, а не торговцамъ и т. п. [1]).

Третья изъ приведенныхъ статей трактуетъ *объ исправленіи и заклейменіи испорченныхъ мѣръ и вѣсовъ*. Мѣсто договорной грамоты Игоря, изъ котораго главнымъ образомъ извлечена мною эта статья, читается по дошедшему до насъ тексту такъ:

„Да аще кто отъ Руси или отъ Грекъ створить криво, да оправляеть то..., и отъ тѣхъ паволокъ аще кто крьнеть, да показываеть цареву мужю и тъ е́ запечатаеть и дасть имъ“.

Шлецеръ (III, 127—139) перевелъ это мѣсто: „И если кто изъ русовъ или грековъ *торгуетъ съ обманомъ*, тотъ *да отвѣчаетъ* за это... Купившій паволоки, да покажетъ царскому мужу, который, заклеймя, да возвратитъ ему“. *Бѣляевъ*: „Ежели кто...

---

[1]) См. Кодексъ Маймонида, раздѣлъ: „о продажѣ“, гл. 14; Prof. *M. Bloch*: „Das mos.—talmud. Polizeirecht“ (§ 19).

сдѣлаетъ несправедливо (?), то царскій мужъ долженъ разсудить ихъ“; далѣе, какъ у Шлецера. *А. В. Лонгиновъ* (стр. 128): „Царскій мужъ вѣдалъ дѣла о всякихъ *столкновеніяхъ и спорахъ по торговлѣ* между греками и русскими. Ему же ввѣрено было исполненіе функцій *таможеннаго начальника* по осмотру и клейменію купленныхъ русскими паволокъ“. Но съ этими толкованіями невозможно помириться. Прежде всего, изъ самаго указаннаго г. Лонгиновымъ послѣсловія Евангелія 1164 г.: „аже вы кдѣ *криво* налѣзете, то *исправивъше*, чьтѣте же“ видно, что „створить криво“ значитъ то же, что искривить, исказить, *испортить* что-нибудь, а „оправити“—*исправить*; послѣднее видно и изъ примѣра, приведеннаго въ Словарѣ Срезневскаго (II, 689). Слѣдовательно, и въ данномъ мѣстѣ Договора Игоря рѣчь идетъ несомнѣнно о какомъ-либо опредѣленномъ предметѣ, испорченномъ русиномъ, либо грекомъ, и подлежащемъ *исправленію* со стороны царева мужа, а вовсе не объ учиненіи русиномъ или грекомъ какой-нибудь юридической неправды, которую царевъ мужъ обязанъ былъ обсудить, разсудить. Если-бы же, дѣйствительно, имѣлось въ виду обусловить, какъ объясняетъ г. Лонгиновъ, что разбирательство всѣхъ споровъ и исковъ по торговлѣ, возникающихъ между русскими и греками, подлежитъ вѣдомству царева мужа, то было бы выражено: „аще русинъ створить криво грьчину, или грьчинъ русину, да оправляеть то“. Равнымъ образомъ нельзя согласиться съ тѣмъ, будто на царева мужа возлагались также и обязанности таможеннаго осмотра и клейменія купленныхъ русскими паволокъ. Я уже выше объяснялъ, что запрещеніе руссамъ покупать извѣстные товары относилось только къ жизненнымъ припасамъ и что все предложеніе: „и отъ тѣхъ паволокъ аще кто крьнеть да показываеть цареву мужу и тъ е запечатаеть и дасть имъ“ является безсвязнымъ наборомъ словъ, такъ какъ выраженіе „*и отъ тѣхъ*“ образуетъ заголовокъ особой статьи; *крьнеть* написано ошибочно, вмѣсто „*крыстъ*“, относящагося къ статьѣ объ укрывательствѣ челядина [1]); „*тъ*“ и стоящее выше „*то*“ („да оправляеть то“) образуютъ одно слово: *тотъ*; „*е*“—числовая буква 5, и пр. Но за то мое толкованіе даннаго мѣста Договора въ томъ смыслѣ, что въ немъ говорится объ обязанности царева мужа повѣрять правильность *мѣръ и вѣсовъ*, употребляемыхъ какъ руссами, такъ

[1]) Описка произошла, по моему, такимъ образомъ: подлинникъ имѣлъ: **крыѥть**, но соединительная черта въ буквѣ **ѥ** стерлась и переписчикъ, копируя механически, написалъ **крыеть**; затѣмъ послѣдующій переписчикъ вертикальныя линіи **и** соединилъ поперечною чертою, черезъ что и получилось **крьнеть**.

и греками, находитъ себѣ полное подтвержденіе въ параллельныхъ постановленіяхъ, содержащихся въ церковныхъ уставахъ, приписываемыхъ св. Владиміру и вел. кн. Всеволоду Мстиславовичу, и въ договорѣ смолен. кн. Мстислава Давидовича съ Ригой 1229 г. Этихъ постановленій я уже имѣлъ случай коснуться въ своей статьѣ, посвященной анализу второго изъ упомянутыхъ церковныхъ уставовъ („Вѣст. Права“ за 1905 г., кн. 10, с. 131), причемъ я доказывалъ, что заключающееся въ послѣднемъ правило, относительно надзора епископовъ за мѣрами и вѣсами, не только по содержанію, но и по формѣ и терминологіи, представляетъ разительное сходство съ соотвѣтственными положеніями моисеево-талмудическаго права. Здѣсь я для наглядности сопоставлю рядомъ со всѣми означенными постановленіями также и нашу Договорную статью по реставрированному мною тексту ея.

Талмудическое право:

„Наблюденіе за торговыми мѣрами и вѣсами отнесено Богомъ къ обязаности beth-din'a—суда, ибо сказано (Второз. 25, 15): „гиря полная и правдивая да будетъ у тебя“; это значитъ, что у *тебя* (суда) долженъ быть *мужъ*, завѣдывающій мѣрами и вѣсами, который бы *исправлялъ оные и опечатывалъ ихъ своею печатію*, для предупрежденія обмана“.

„Суды обязаны поставлять въ каждомъ округѣ надзирателей, которые должны обходить всѣ торговыя заведенія..., а если найдутъ у кого-либо вѣсы и мѣры невѣрные или испорченные („*искривленыне*“), то вправѣ подвергать того тѣлесному наказанію, либо „*казнить*“ — подвергать денежному штрафу“.

Правило ц. устава Всеволода (по исправ. мною чтенію его): „[Се же] торговыя вся вѣсы, мѣрила и скалвы..., и *всякая извысь, отъ Бога тако искони уставлено есть* епископу блюсти безъ пакости и на всякій годъ извѣшивати. [А скрывится] [пудъ вощаный], (*лежить кань*) [въ святѣи Софѣи Кѣевъской (вар.: святѣи Софѣи Новгороцкой), [тымь наровять] (чит.: *ровняти*), [а *кто скривилъ*], [того казнити]“.

Статья Договора Мстислава:

„Аще вощный пудъ исказиться (во Румянц. списк̑:аще *кань*, чимь то весятѣ, изльмльна боудьтѣ, алюбо льче боудѣть), лежить капь въ (оу) ст̑ий Б̑ци на горѣ, а другая въ (оу) Нѣмѣчкои Б̑ци, то тымъ пудъ извѣряче, право оучинити (въ Рум. сп.: *объровняти*)“.

Статья Договора Игоря:

„Да аще кто отъ Руси или грекъ сотворить кри-во [извѣсти] (чит.: *извъси*), (*лежить кань*) [у святаго Мамы], [да показываеть цареву мужю]и[то]тъ да оправляеть [и запечатаеть.....имъ] (чит.: *ихъ*)..., [якоже уставлено есть преже“].

Въ заключеніе скажу еще нѣсколько словъ *о царевомъ мужѣ*. *Лавровскій* (стр. 112) справедливо замѣтилъ, что подъ послѣднимъ, „безъ сомнѣнія, нельзя разумѣть какого-либо ближайшаго и довѣреннѣйшаго сановника императора, а простого императорскаго чиновника". Но едва-ли вѣрно указаніе названнаго ученаго, будто выраженіе „царевъ мужъ" является буквальнымъ переводомъ греч. ἀνθρωπος βασιλέως. Въ законахъ рипуарскихъ фигурируетъ *homo regius*, въ Русской Правдѣ—*княжь мужъ*, въ Библіи—*отроки царя* (Эсѳ. II, 2), *„мужи царя"*, (II Ц. 5. 6), въ приведенномъ положеніи талмудическаго права говорится о „мужѣ", поставленномъ судомъ для завѣдыванія мѣрами и вѣсами. Въ виду этого о явномъ грецизмѣ выраженія „царевъ мужъ" или „мужъ царства нашего" и думать не приходится.

Четвертая и пятая, однопредметныя, статьи заключаютъ въ себѣ правило о недопущеніи *самоуправнаго задержанія должниковъ*,—обозначаемаго въ сербскомъ Законникѣ Душана терминомъ *удава*, отъ глагола *удати*, первоначально значившаго: самоуправно схватить, задержать [1]), а въ грамотахъ, касающихся сношеній сѣвер.-запад. Россіи съ Ригою и ганзейскими городами—*рубежомъ* (арестомъ личнымъ или имущественнымъ), равносильнымъ panda-tio, panding латинскихъ и нѣмецкимъ списковъ тѣхъ же грамотъ (Изв. Ак. Наукъ, VI, 159). На таковое содержаніе приведенныхъ двухъ статей указываетъ надписаніе первой изъ нихъ: *„о должающихъ"*,—должникахъ, разумѣя здѣсь подъ *долгомъ*, какъ и подъ сербскимъ *дльгъ*, согласно объясненію проф. Зибеля, всякое обязательство, изъ какого бы источника оно ни возникало: ex contractu, либо ex delictu, безразлично (ук. соч., стр. 23). Недопущеніе самоуправнаго задержанія должниковъ грековъ русскими, какъ и руссовъ греками, и выражено въ нашихъ статьяхъ (по моему чтенію), въ одной словами: „да не имѣемъ", въ другой:—„да не имѣютъ власти *заимати*". Въ существующемъ же текстѣ Договора *Игоря* читаемъ—одинъ разъ, въ концѣ 2-й статьи: „да не имѣютъ власти зимовати у святаго Мамы", а другой разъ, въ ст. 10-й: „И да не имѣють власти Русь зимовати въ вустьи Днѣпра, Бѣлъбережи, ни у святаго Ельферья". Комментаторы не попытались даже объяснить основанія запрета руссамъ зимовки въ названныхъ мѣстностяхъ. Да и невозможно придумать какія-либо разумныя къ тому основанія. Если не ошибаюсь, указано было, что и между нѣмецкими гостями, приходившими въ Новгородъ водою и

---

[1]) Ср. статью пр. *Флоринскаго* въ Кіев. Уп. Изв. за 1894 г., кн. 12, с. 404. См. *Зибеля* „Законникъ Стеф. Душана", прилож., с. 51, прим.

имѣвшими пребываніе въ новгородскомъ нѣмецкомъ дворѣ, также различались гости лѣтніе отъ зимнихъ. Но это указаніе ничего въ сущности не выясняетъ, такъ какъ лѣтнимъ гостямъ въ Новгородѣ не запрещалось оставаться до времени зимняго поѣзда, а равно зимнимъ гостямъ—до лѣтняго поѣзда, какъ это и опредѣлено положительно въ ст. 23 составленной въ Любекѣ *скры*, содержащей постановленія для нѣмецкаго двора въ Новгородѣ, древнѣйшій списокъ которой напечатанъ проф. *Андреевскимъ* [1]). Говорятъ, что русскіе, большинствомъ изслѣдователей отождествляемые съ варягами, были народомъ крайне безпокойнымъ и,поэтому,греки и ограничили пребываніе ихъ въ Константинополѣ однимъ лѣтнимъ временемъ. Но почему пребываніе руссовъ зимою возбуждало больше опасеній,нежели въ другія времена года?Еще труднѣе подыскать какой-либо раціональный мотивъ для запрещенія русскимъ зимовли въ устьѣ Днѣпра. Какъ извѣстно, современникъ кн. Игоря, императоръ Константинъ Багрянородный, описывая „обыкновенное путешествіе“ русскихъ купцовъ въ Константинополь (т. н. „греческій путь“), свидѣтельствуетъ, что руссы, миновавъ благополучно Днѣпровскіе пороги и проѣхавъ островъ св. Григорія, достигали затѣмъ, въ четыре дня ѣзды, „*Днѣпровскаго устья*“, въ которомъ лежалъ островъ *св. Айферія*. Здѣсь отдыхали они обыкновенно два и три дня и тѣмъ временемъ снабжали свои суда потребными вещами, а именно: парусами, мачтами и рулями, что̀ все привозили они съ собою. А какъ Днѣпръ въ устьяхъ своихъ образуетъ озеро, простирающееся до самаго моря, гдѣ лежитъ *острова св. Айферія*, то они поддавались назадъ къ Днѣпру, гдѣ еще отдыхали. Отсюда, ежели вѣтеръ благопріятенъ, ѣздили они на парусахъ *къ рѣкѣ Бѣлой* и, пробывъ здѣсь нѣсколько времени, продолжали путь свой къ Селинѣ, которая есть ни что иное, какъ рукавъ рѣки Дуная“ [2]). Въ виду этого показанія державнаго историка, рѣшительно невозможно допустить, чтобы греки, дозволявшіе Руси „обыкновенно“ останавливаться и располагаться, какъ у себя дома, въ Днѣпровскомъ устьѣ, на островѣ св. Айферія и Бѣлобережьи, весною, лѣтомъ и осенью,—воспрещали только зимовлю въ этихъ мѣстахъ? Да и вообще, какой смыслъ могло имѣть подобное запрещеніе, когда и безъ того для русскихъ гостей безцѣльно было-бы проводить всю зиму безъ всякаго дѣла въ устьѣ Днѣпра? Съ другой же стороны, есть положительное извѣстіе, что на самомъ дѣлѣ сказанное запрещеніе вовсе не примѣнялось. Такъ, по сообще-

---

[1]) „О договорѣ Новагорода съ нѣм. городами“, с. 53—4.
[2]) См. *Погодина* „Изслѣд., замѣч. и лекціи“, III, с. 249.

нію Начальной лѣтописи, князь Святославъ въ 971 г. на обратномъ пути изъ Царяграда, не будучи въ состояніи пробиваться въ отечество, по той причинѣ, что Печенѣги заступили ему дорогу у Днѣпровскихъ пороговъ, зазимовалъ вмѣстѣ съ дружиною своею въ Бѣлобережьѣ, около Днѣпровскаго устья, а это вѣдь происходило непосредственно послѣ клятвеннаго подтвержденія княземъ всѣхъ статей прежнихъ мирныхъ договоровъ съ греками.

Всѣ изложенныя данныя убѣждаютъ въ правильности моего утвержденія, что текстъ трактуемыхъ двухъ отрывковъ Игоревой грамоты испорченъ, что фраза: „да не имѣютъ волости зимовати“ въ обоихъ этихъ отрывкахъ вставлена ошибочно, и что настоящее ея мѣсто въ статьѣ подъ заглавіемъ „о должающихъ“, причемъ, вм. „зимовати“, должно читать: *заимати*—учинить насиліе, самоуправство, захватъ, рубежъ, откуда „*заемъ*“, „*заемное дѣло*“ въ русскихъ уставныхъ грамотахъ и „ *zajęt*“ въ литовско-польскихъ юридическихъ актахъ [1]).

И такъ, повторяю, смыслъ анализируемыхъ статей Договора Игоря тотъ, что если русскіе купцы задолжатъ грекамъ (или наоборотъ), то кредиторы не вправѣ насильно задерживать ихъ, ни самовольно заарестовывать ихъ имущество, и должники могутъ свободно отправляться осенью на родину. Объ осени же здѣсь сказано только потому, что гости, пріѣзжавшіе водою, обыкновенно старались заканчивать свои дѣла къ осеннему времени, дабы успѣть возвратиться домой предъ закрытіемъ навигаціи.

Аналогичное этому постановленіе содержится въ мирной грамотѣ новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г.

> „Оже родится тяжа въ Нѣмцехъ Новгородцю, любо Нѣмчину Новѣгородѣ, то *рубежа не творити*, на другое лѣто жаловати; оже не правять, то князю явя и людемъ, взяти свое у гости...“ (статья 11). „Оже придеть въ своеи лодьи въ нѣмецкои домовь, аче самъ не поидьть въ нея опять мужь, дасть кърьмнику“ (статья 12).
>
> Эту послѣднюю статью *Соловьевъ* и *Бѣляевъ* оставили вовсе безъ перевода. *Срезневскій* же (Изв. Ак. Наукъ, VI, 160) все толкованіе данной статьи ограничилъ замѣчаніемъ, что *кърмьникъ* соотвѣствуетъ въ Договорѣ 1270 г. lodienman'у. Но за то проф. *Вл.-Будановъ* находитъ смыслъ статьи „яснымъ“. Онъ полагаетъ, будто въ ней постановлено, что гость за проводъ лодьи какъ въ Новгородъ, такъ и обратно, долженъ былъ произвести лоцману (кърмь-

---

[1]) См. проф *Загоскина:* „Уставныя грамоты XIV—XVI вв.“, вып. 2, 1876 г., стр. 107.

нику) извѣстную плату, размѣръ которой здѣсь не опредѣленъ, но, надо думать, утвержденъ былъ обычаемъ. Объясненіе это, по моему, едва-ли правдоподобно, такъ какъ оно оставляетъ безъ вниманія совсѣмъ невразумительную фразу: „аче самъ не поидьть въ неи опять“. Я же позволяю себѣ утверждать, что въ статьѣ рѣчь идетъ вовсе не о „кърмьникѣ“—лоцманѣ, а о *комориикь*, равносильномъ *дьтьскому* договора Мстислава Давидовича,—судебному приставу [1]). Отправляясь отъ этой мысли, можно, при помощи практикуемаго мною пріема перестановки словъ и предложеній, возстановить текстъ обѣихъ означенныхъ статей въ такомъ видѣ:

„Оже родится тяжа въ Нѣмцехъ Новогородцю, любо Нѣмчину Новѣгородѣ, то рубежа не творити, [пъ] да [поидьть] [въ свое лодьи... домовь]; [оже придеть] [въ неи] [на другое лѣто], [аче самъ не] [дасть, чит.: *отдасть*], [то князю] [жаловати] и [опять] (чит.: *пояти*) [кърмьнику] (чит.: *комориика*) [вар.: мужь]; [оже не правять, (*то*) явя людемъ, взяти свое у гости] [вар.: емати свое у виновата] [2]).

Т. е., если возникаетъ въ нѣмецкой странѣ долговое требованіе къ новгородцу, или въ Новѣгородѣ къ нѣмцу, то нельзя чинить насилія, но должникъ можетъ, безъ задержки, уѣхать на своей лодьѣ къ себѣ домой; если же онъ пріѣдетъ на другой годъ и самъ добровольно не заплатитъ долга, то истецъ долженъ жаловаться князю и взять у него судебнаго пристава (комориика или „мужа“), а если послѣдній будетъ медлить взысканіемъ, то истецъ вправѣ, заявивъ понятымъ, самъ взыскивать слѣдуемый ему долгъ.

Изъ приведенной параллели до наглядности видно, что пунктъ Игорева трактата: „но егда придеть осень, да идуть въ домы своя въ Русь“ не выражаетъ воспрещенія, вообще, русскимъ посламъ и гостямъ оставаться зимою въ Константинополѣ, а наоборотъ, подобно фразѣ договора новогородцевъ съ нѣмцами: „(нъ) поидьть въ своеи лодьи домовь“, содержитъ *дозволеніе* должнику, не выжидая

---

[1]) На западно-русскомъ актовомъ языкѣ *комориикъ* значитъ урядникъ, заступавшій мѣсто подкоморія въ подкоморскихъ судахъ. См.: „Справочный словарь юрид. терминовъ древ. актоваго языка Юго-Зап. Россіи“ *М. П. Новицкаго*, стр. 13.

[2]) Стоящее въ подлинникѣ послѣ словъ „въ своеи лодьи“ выраженіе „*въ нѣмецкой*“ я исключилъ изъ текста, такъ какъ оно относится къ ст. 3-й акта: „А оже оубьють купчину Новгородца [пропущено: въ нѣмецкои земли], или Нѣмчина купчина въ Новѣгородѣ, то и пр.“—Варіантъ же: „(нъ) емати свое у виновата“ взятъ мною изъ окончанія ст. 13-й нашего акта: „Нѣмчина не сажати въ погребъ Новѣгородѣ, ни Новгородца въ Нѣмчьхъ, *нъ емати свое у виновата*“, гдѣ подчеркнутыя слова, вопреки толкованію проф. Вл.-Буданова, совершенно безсмысленны.

окончанія судебнаго дѣла по производству съ него взысканія, безпрепятственно отправляться на родину.

Добавлю еще, что правило настоящей статьи, касательно непритѣсненія должниковъ, является отдаленнымъ отголоскомъ моисеева законодательства, которое, въ противоположность греко-римскому праву, дапускавшему самое жестокое обращеніе съ должниками, предписываетъ не прижимать и сколь возможно щадить послѣднихъ: „Аще же даси сребро въ заемъ брату нищему, иже оу тебе, не буди его понуждаяй (въ гл. 45-й Печат. кормчей: не боуди на нь нападая), ниже положиши ему лихвы, и аще заложитъ въ залогъ ризу другъ твой, до захожденія солнца отдаси ему“ (Исх. XXII. 25, 26; по евр. нумераціи: 24, 25).

О Т Д Ѣ Л Ъ XII.

Объ оказаніи путевого пособія русскимъ, возвращающимся изъ Греціи домой.

„И (О) отходящей Руси. [Паки ли [Русь], исходять] [отсюда], [да] взимають отъ насъ, еже надобѣ, брашно на путь и, еже надобѣ, лодьямъ, [и мужь царства нашего да хранить я] [и да возъвращаются съ спасеніемъ въ страну свою]“.

(Вар. по Договору Олега 907 г.). Пойдучи же домовь..., да емлють у царя нашего на путь брашно, и якори, и ужа, и парусы, елико имъ надобѣ [1]).

Комментаріи къ данной статьѣ излишни. Небезинтереснымъ считаю только отмѣтить присутствіе въ ней гебраизмовъ. Такъ, „*брашно на путь*“—ходячее у евреевъ библейское выраженіе, напр., Быт. 42, 25: „Повелѣ же Іосифъ... дати имъ брашно на путь“ (по синод. рус. переводу: запасы, по Лютеру: Zehrung). Останавливаетъ также на себѣ вниманіе выраженіе: „и да возъвращаются съ спасеніемъ въ страну свою“. *Шлецеръ* слова: *съ спасеніемъ* переводитъ: безопасно. *Бѣлявъ* и *Срезневскій*: благополучно, невредимо. *Эверсъ*, вслѣдъ за *Ломоносовымъ*: за греческимъ прикрытіемъ. Къ послѣднему толкованію примыкаетъ *Лавровскій*. „Нѣтъ сомнѣнія, пишетъ онъ (стр. 143—4), что подъ *спасеніемъ* здѣсь

---

[1]) Основной текстъ настоящей статьи возстановленъ мною путемъ перестановки словъ и фразъ. Слово „*Русь*“ взято изъ стоящаго выше во 2-й ст. Игорева Дог. сочетанія: „аще ли убѣжавше в Русь придуть“.

должно разумѣть *проводниковъ*, охранительный отрядъ, прикрытіе...“ „Мы съ увѣренностію, продолжаетъ онъ, полагаемъ, что переводчикъ (греч. подлинника Договоровъ) имѣлъ предъ глазами выраженіе: μετὰ διασώσεως, или μετὰ διασώστη, и буквально его перевелъ: съ спасеніемъ, тогда какъ подъ тѣмъ и другимъ разумѣются *проводники*, упомянутое прикрытіе“. Въ оправданіе своего объясненія авторъ цитируетъ Дюканжа, Рейске и Ліутпранда. Между тѣмъ на библейскомъ языкѣ отправляться въ дорогу, идти куда нибудь или возвращаться откуда нибудь домой *съ благополучіемъ*, *благополучно*, b'schalom,—самый обычный оборотъ рѣчи, причемъ славянскіе переводчики Библіи слово b'schalom переводятъ: одни—*съ миромъ*, а другіе—*съ спасомъ*, какъ показываютъ примѣры, приведенные въ Словарѣ Срезневскаго изъ кн. Бытія, 26. 31 (по сп. XIV в.): „И отидоша отъ него *съ спасомъ*“, или. т. ж., 44. 17: „Идѣте *съ спасомъ*“ (μετὰ σωτηρίας, cum salute, mit Frieden). Такимъ образомъ, фраза: „да возъвращаются съ спасениемъ въ страну свою“—буквальный переводъ евр. jaschuwu b'schalom l'arzom, напоминая III Ц. 22. 17: „пусть возвращаются съ миромъ каждый *въ свой домъ*“ (ср.: „егда придеть осень, да идуть *въ домы своя*“). Что же касается довода Лавровскаго, что не только въ византійскомъ, но и въ другихъ государствахъ существовалъ обычай охранять съ величайшею заботливостію иностранныхъ пословъ на пути, то существованіе такого обычая само по себѣ нисколько не оправдываетъ объясненія словъ *съ спасеніемъ* въ смыслѣ: съ прикрытіемъ, съ проводникомъ, ибо идея охраненія возвращающихся изъ Греціи русскихъ пословъ и гостей выражена въ особомъ предложеніи: „И мужь царства нашего да хранить я“. Кстати укажу, что и въ талмудической письменности въ многочисленныхъ изреченіяхъ вмѣняется хозяину въ обязанность провожать гостя для охраненія его въ пути. „Пять обязанностей, говорится въ одномъ мѣстѣ Талмуда, лежатъ на хозяинѣ по отношенію къ своему гостю: *доставлять ему пищу, питье, ночлегъ, провожать его* и *давать запасы на дорогу*“. Въ другомъ мѣстѣ сказано: „Кто не провожаетъ гостя, какъ бы проливаетъ кровь“ (подвергая послѣдняго опасностямъ на пути).

ОТДѢЛЪ XIII.

Международныя постановленія о корсунской области, объ устьяхъ Днѣпра и о взаимной руссовъ и грековъ военной помощи.

1. **О корсунской области.** Статья 8-ая Договора Игоря гласитъ:

„*a*) А о Корсуньстѣй странѣ. Елико же есть городовъ на той части (въ Радз. сп.: сторонѣ), да не имате волости князи Ру-

стии (въ Лавр.: князь руский), да воюете (въ Лавр., да воюеть) на тѣхъ (въ Шед.: воевати на тѣхъ) странахъ, и та страна не покаряется вамъ; *б*) тогда аще просить вои у насъ князь Руский, да воюеть, да дамъ ему (въ Радз.: князи рустии, дамы), елико ему будеть требѣ".

Большинство ученыхъ, а въ ихъ числѣ *Д. И. Иловайскій*, проф. *Вл.-Будановъ* и *А. В. Лонгиновъ*, считаютъ абзацъ, отмѣченный мною лит. *б*, продолженіемъ абзаца подъ лит. *а*, и толкуютъ все постановленіе въ томъ смыслѣ, что Византія обѣщала давать русскому князю военную помощь *подъ условіемъ*, если онъ откажется отъ всякихъ притязаній на корсунскую область и не будетъ ее воевать. Нельзя, однако, не признать болѣе правильнымъ мнѣніе толкователей, которые, вслѣдъ за *Шлецеромъ* и *Лавровскимъ*, считаютъ абзацъ *б* отдѣльнымъ договорнымъ пунктомъ, ибо очевидно, что обязательство грековъ давать вспомогательное войско русскимъ постановлено исключительно лишь взамѣнъ выраженнаго въ ст. 15-й Игорева Договора взаимнаго обязательства русскихъ въ свою очередь оказывать военную помощь грекамъ, почему гораздо основательнѣе допустить, что означенный абзацъ очутился здѣсь только по ошибкѣ писцовъ, а его слѣдуетъ перенести въ сказанную ст. 15-ю, какъ составную ея часть. Такимъ образомъ, я въ настоящемъ мѣстѣ ограничусь исправленіемъ текста и объясненіемъ только абзаца подъ лит. *а*, трактующаго собственно о корсунской области. Предлагаемыя мною поправки текста состоятъ въ слѣдующемъ. Въ сочетаніи: „еликоже есть городовъ на той *части*" послѣднее слово вызываетъ недоумѣніе, какъ совершенно неупотребительное въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ въ значеніи *страна*. Это и дало Лавровскому (стр. 145—6) поводъ утверждать, что здѣсь *часть* представляется переводомъ греч. μέρος, употребляемаго на византійскомъ языкѣ часто, вм. χώρα. Но догадка эта вполнѣ невѣроятна. Трудно допустить, чтобы составитель греческаго договорнаго акта единственно лишь для разнообразія, какъ полагаетъ Лавровскій, употребилъ въ одной и той же договорной статьѣ два однозначущихъ реченія: χώρα и μέρος и чтобы славянскій переводчикъ, также для разнообразія, передалъ эти реченія въ одномъ случаѣ словомъ *часть*, а въ другомъ—*страна*. Помимо того, имѣются на лицо несомнѣнные признаки вставочности всей фразы „на той части". Самъ Лавровскій (стр. 148, примѣч. 3) указываетъ, что начальныя слова: „О корсуньстѣй странѣ" не принадлежатъ къ контексту статьи, а составляютъ надписаніе, заголовокъ ея. Это несомнѣнно явствуетъ изъ Лавр. лѣтописи, гдѣ упомянутыя сло-

ва отдѣлены точкою и принимаютъ видъ заглавія къ послѣдующему изложенію. Между тѣмъ я ниже укажу, что всѣ заглавія къ договорнымъ статьямъ составлены лишь послѣ того, какъ договорная грамота была уже окончательно редактирована. Если же такъ, то нельзя и думать, что наша статья въ подлинникѣ начиналась: „Елико же есть городовъ на *той* части“, ибо раньше вѣдь не была еще названа страна, о которой въ данномъ мѣстѣ идетъ рѣчь. Точно также нельзя предположить, что переводчикъ столь плохо зналъ свое дѣло, что, вмѣсто: *въ* той части, какъ слѣдовало бы, написалъ: *на* той части. А что въ подлинникѣ, если таковой составленъ былъ на греческомъ языкѣ, имѣлось ἐν, которое въ славянскомъ переводѣ надлежало передать чрезъ *въ*,— это можетъ быть доказано сличеніемъ обсуждаемой фразы съ I Мак. 14. 17: „Егда же услышаша, яко Сімонъ... одержа *всю страну и грады въ* ней, чему соотвѣтствуетъ въ греч. текстѣ: ὡς δὲ ἤκουσαν ὅτι Σίμων... ἐπικρατεῖ τῆς χώρας καὶ τῶν πόλεων τῶν ἐν αὐτῇ. Всѣ эти соображенія подтверждаютъ мой выводъ, что фраза: „*на той части*“ здѣсь совершенно неумѣстна и что ее нужно перенести, какъ мною уже объяснено выше (стр. 82, вын. 1), въ статью, озаглавленную: „О неятіи вѣры“, гдѣ она входитъ въ составъ предложенія: „да кленется часть та, иже есть *(и)на той части*, иже ищеть“, т. е. пусть присягаетъ отвѣтчикъ,—сторона, противная (*ина*) истцовой сторонѣ. Образовавшійся же послѣ этого въ разсматриваемой договорной статьѣ пробѣлъ слѣдуетъ заполнить вынутыми изъ ст. 11-й Игорева Договора, трактующей, по мнѣнію комментаторовъ, будто-бы о черныхъ болгарахъ, словами: „*въ странѣ Корсуньстѣй*.

Другое выраженіе, требующее поправки,—это: „*да не имате волости князи Рустіи, да воюите на тьхъ странахъ*“.— *Эверсъ* (стр. 226) перевелъ: „Русскіе князья да не присваиваютъ себѣ ни малѣйшей власти надъ тѣми городами; *не возбраняется воевать* на всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ, только да не покоряютъ сей страны“. Почти также объясняютъ данное мѣсто проф. *Ламбинъ* (Ж. М. Н. Пр. за 1874 г., кн. 1: „О Тмутарак. Руси“) и г. *Лонгиновъ* (стр. 72). *Лавровскій* же (l. c.) не согласенъ съ толкованіемъ Эверса и, опираясь главнымъ образомъ на сближеніе съ византійскимъ языкомъ, находитъ, что фраза: „да воюите на тѣхъ странахъ“ служитъ ближайшимъ опредѣленіемъ къ предшествующему сочетанію: „да не имате волости“, изложеннымъ въ формѣ сослагательнаго наклоненія, вмѣсто неокончательнаго—*воевать*. Но вѣрнѣе, что вліяніе византійскаго элемента и здѣсь рѣшительно не при чемъ, такъ какъ въ имѣвшихся у Шлецера подъ

руками Schedae Bayeri („Несторъ“, III, 142, вын. 3) прямо значится: „воевати“. Что же касается выраженія: „да воюете“, или „воюють“, то здѣсь, какъ справедливо замѣчено уже *Д. И. Иловайскимъ* въ полемикѣ его съ Ламбинымъ („Разысканія“, 402), просто по ошибкѣ пропущена частица *не*. Итакъ, по моему, подлинное чтеніе нашей статьи было таково:

„А о Корсуньстѣй странѣ. Елико... городовъ [въ странѣ Корсуньстѣй], да не имате [вар.: имѣйте] волости воевати (варіанты: 1) да *не* воюете; 2) [князи Рустии] [да *не* воюють]) на тѣхъ странахъ (чит.: *городахъ*), и та страна не покарается вамъ“ [1]).

II. Дальнѣйшая (10-я) статья трактуетъ *о рыболовствѣ въ устьи Днѣпра*. Текстъ ея возстановленъ мною въ слѣдующемъ видѣ:

„**Въ вустьѣ** (чит.: *объ устьи*) **Днѣпрьскомъ.** Аще обрящють Русь Корсуняны [и Чернии Болгаре] рыбы ловяща [въ устьи Днѣпра, Бѣлбережи, ни (чит.: *ли*) Святаго Ельферья], [да не творять имъ зла никоегоже (или: никакоже)]“ [2]).

Въ отношеніи языка нелишне указать, что фраза: „да не творять имъ *зла никакожс*“ многократно встрѣчается въ книгахъ Ветхаго Завѣта. Напр., Авимелехъ при заключеніи мира съ Исаакомъ, говорилъ: *чтобы ты не дѣлалъ намъ зла*, какъ и мы не коснулись до тебя“ (Быт. 26. 29). Царь Навуходоносоръ, передавъ пророка Іеремію начальнику тѣлохранителей, приказалъ: „...*и ничтоже* (въ евр. подлинникѣ: m'umah—никакъ, нисколько) *ему сотвори зла*“ (Іер. 39. 12). По существу же, изъ данной статьи, какъ она мною здѣсь изложена, явствуетъ, что черные болгаре въ эпоху составленія Договоровъ, какъ уже было замѣчено выше (стр. 171), вопреки пространной аргументаціи *Д. И. Иловайскаго*, вовсе не были подчинены Руси, а находились въ союзѣ, или же быть можетъ, въ большей или меньшей зависимости отъ Византіи и во всякомъ случаѣ пользовались покровительствомъ послѣдней наравнѣ съ дружественными ей корсунцами.

III. Послѣдняя Договорная статья имѣетъ своимъ предметомъ оказываніе *взаимной военной помощи*. Исправленный мною текстъ ея таковъ:

---

[1]) Варіантъ: „*имѣйте*“ къ слову: „имате“ взятъ мною изъ читаемаго въ концѣ грамоты Святослава 971 г. предложенія: „се же *имѣйте* во истину, якоже сотворихомъ нынѣ къ вамъ и написахомъ“ и пр.—предложенія, заключающаго въ себѣ, какъ увидимъ ниже, наборъ словъ. Реченіе: *воюють*—изъ ст. 11-й Договора Игоря: „А о сихъ, оже то приходять Чернии Болгаре, *воюють* въ странѣ Корсуньстѣй“.

[2]) Слова: „*и Чернии Болгаре*“ вынуты мною изъ ст. 11-й *Игорева* Договора: „оже то приходять *Чернии Болгаре* и воюють“.

[**Егда же требуеть** (чит. *требуемъ*) **ка войну ити**]. а) Аще ли [вар.: егда же) хотѣти начнеть царство наше отъ васъ вои на противящаяся намъ, да пишемъ великому князю вашему [вар.: мы напишемъ къ князю вашему] и послеть к намъ, еликоже хочемъ [вар.: (*еже на*) потребу]. б) [Тогда (чит.: *Ти*, егда), аще просить вои у насъ князь Руский], [да (чит.: егда) воюеть], [дамы ему, елико ему будеть требѣ]; и оттоле увѣдять ины страны, каку любовь имѣють Грьци съ Русью“ [1]).

Въ параллель къ этой статьѣ приведу соотвѣтственныя постановленія договора, заключеннаго Іудою Маккавеемъ и народомъ іудейскимъ съ римлянами (1 Мак., 8, 24—27):

„Если же настанетъ война прежде у Римлянъ... то народъ іудейскій долженъ оказать имъ всѣмъ сердцемъ помощь на войнѣ, какъ потребуетъ того время... Точно также, если (ср.: „Ти, егда“) прежде случится война у народа іудейскаго, римляне отъ души будутъ помогать имъ въ войнѣ, какъ потребуетъ того время“ (Ср. „елико ему будеть требѣ“).

Сдѣлаю еще одно замѣчаніе. Выраженіе „царство“, употребленное въ настоящей статьѣ, равно какъ и во всемъ Договорѣ, вмѣсто „царь“, *Лавровскимъ* (стр. 137) признается „явнымъ, несомнѣннымъ и притомъ буквальнымъ переводомъ съ греч. языка, на которомъ βασιλεία употребляется, вм. βασιλεύς, въ значеніи царскаго величества. Противъ несвоеземности и переводности слова *царство* въ указанномъ значеніи спорить не приходится. Но можно и должно возражать противъ смѣлаго вывода автора, будто „постоянное употребленіе такого слова, даже при отсутствіи другихъ доказательствъ, можетъ привести къ заключенію о греческомъ происхожденіи Договора“. Извѣстно, что въ дипломатическихъ актахъ, на какомъ бы языкѣ они ни были писаны, титулы государей, отъ имени которыхъ акты составлены, обозначаются всегда съ самою щепетильною точностью. Совершенно естественно, поэтому, что и въ нашихъ Договорахъ греческіе императоры величались принятымъ имъ титуломъ. Основывать же на употребленіи слова „царство“ заключеніе о греческомъ происхожденіи всего Договора —слишкомъ рискованно. Вѣдь, напр., въ хрисовулахъ и Законникѣ царя Душана сплошь и рядомъ употреблено выраженіе:

---

[1]) *Заголовокъ*, а равно слово: *потребу* взяты мною изъ ст. 10 Дог. *Олега 912 г.* Варіантъ: „*мы напишемъ къ князю вашему*“—изъ ст. 2-й Дог. *Игоря*—изъ предложенія „аще ли убѣжавше в Русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять“. Наконецъ, начальное предложеніе абзаца б—изъ 2-й части ст. 8-й того же Договора.

„Царьство или Господьство ми“ въ такомъ же значеніи,. какъ и греч. βασιλεία или δεσποτεία, или средневѣково-латин. imperium. Слѣдуетъ ли, однако, отсюда, что хрисовулы и Законникъ писаны первоначально по-гречески или по-латыни? Мало того, можно сказать, что и сами выраженія βασιλεία и δεσποτεία въ свою очередь переведены буквально съ еврейскаго языка, такъ какъ въ библейской и особенно въ по-библейской письменности употребляется очень часто, преимущественно по отношенію къ Богу, mál-chuth—царство, величество, majestas, вм. melech—царь.

ОТДѢЛЪ XIV.

Формула ратификаціи и даты Договоровъ.

а) **На** (чит.: *А*) **утвержение обоему...** (*царю*) **таковому совещанію** (*сице*): [Да хранить (чит.: *хранимъ*) любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце сьяеть и весьмиръ стоить]!...

[Вар. по Договору *Святослава 971 г.*) [Да схранимъ правая съвѣщания] [в нынешния вѣки и в будущая]! [1]).

б) [**В коемь мѣстѣ**] (*и*) [**в кое время**] (*писано*)? [Писано] *въ*) *градѣ*) [царства вашего] (чит.: *нашего*; по Договору Святослава: въ Дерестрѣ), мѣсяца сентября [8], а недѣли въ [2] (*день, индикта*) 15, в лѣто созданна мира сего (чит.: *въсего*) 6420. (Эта дата относится къ Договору *Олега* 912 г. Въ Договорѣ *Игоря* значилось, по сообщенію Татищева: „Лѣта 6453 (945), индикта 4, апрѣля 20, въ третію седмицу по Пасхѣ. Дата же Договора *Святослава*: „Мѣсяца Іюля, въ 11 день, индикта 14, въ лѣто 6479) [2]).

Достовѣрность установленнаго мною чтенія приведеннаго заключительнаго мѣста Договора подтверждается сопоставленіемъ его съ окончаніемъ т. н. *Константинова вѣна*,—подложной дарственной грамоты Константина Великаго папѣ Сильвестру, латинскій оригиналъ которой относится, какъ полагаютъ, къ послѣдней четверти VIII в.: „Царское подписаніе *сице*: Божество

---

[1]) *Заглавіе* взято изъ окончанія Дог. Олега 912 г. Слово: „*сице*“ прибавлено мною по смыслу. Основной текстъ формулы ратификаціи взятъ изъ окончанія Дог. *Игоря*. Варіантъ по Договору Святослава составленъ изъ двухъ фразъ, изъ конхъ первая взята изъ Святославовой же грамоты, изъ предложенія: „Якоже кляхъся ко царемъ Гречьскимъ..., да съхранимъ правая съвѣщанья“, а вторая—изъ заключительныхъ словъ Договора *Игоря*.

[2]) Въ *заглавіи* предложенія, опредѣляющаго дату, слова: „*в коемь мѣстѣ*“ взяты изъ ст. 8-й Дог. *Игоря*,—изъ предложенія: „аще обрящють

васъ да соблюдетъ во многая лѣта, святѣйшіи и блаженіи отцы! Дадеся въ Риму, въ день третій каландъ Априліевыхъ“. Мы видимъ отсюда, что въ государственныхъ грамотахъ обычно было непосредственно предъ подписями государей, отъ имени которыхъ акты составлялись, излагать какое-либо фразистое восклицаніе или изреченіе и означать мѣсто и время выдачи акта. Отдѣльные же обороты и слова нашей утвердительной формулы даютъ поводъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ.

1. Помѣщенный въ концѣ Дог. Олега отрывокъ: „И таковое написаніе дахомъ царства вашего обоему пребывати таковому совещанию на утвержение и на извѣщение межи вами (или нами) бываюшаго мира“—совершенно невразумителенъ. *Шлецеръ* (II, 746) перевелъ: „И такое же писаніе дали мы (?) вашему царству для утвержденія, чтобы обѣ стороны оставались при заключенномъ мирѣ“. Но Шлецеръ самъ признается, что какъ его переводъ, такъ и переводы *Татищева* и *Елагина*, „непонятны и безтолковы“. И въ самомъ дѣлѣ, къ кому относится *дахомъ?* Къ русскому князю оно никакъ относиться не можетъ потому, что послѣдній, какъ уже объяснено выше (стр. 55), всегда говоритъ о себѣ и о немъ говорятъ въ единственномъ числѣ. Если же это слово относится къ греческимъ императорамъ, то оказывается нелѣпою слѣдующая затѣмъ фраза: „дахомъ царства *вашего*“. Далѣе, уже совсѣмъ темно выраженіе: „обоему пребывати таковому совещанію“. Между тѣмъ непроглядная темнота даннаго мѣста, какъ и всей Договорной грамоты, происходитъ только отъ того, что въ немъ натыканы неимѣющія между собою рѣшительно никакой связи слова, вырванныя изъ другихъ мѣстъ акта. Изъ этого-то словосплетенія я и выдѣлилъ фразу: „*А утвержение обоему таковому совещанію*“, прибавивъ, для смысла, послѣ „обоему“ слово *царю*, основываясь на томъ, что въ лѣтописныхъ сводахъ, вслѣдъ за текстомъ Договора Олега 912 г., помѣщено извѣстіе объ обратномъ прибытіи въ Кіевъ посланныхъ княземъ въ Царьградъ для совершенія мирнаго трактата русскихъ пословъ,—гдѣ говорится, что „послы

Русь кубару Гречьскую въвержену *в коемь любо мьстѣ*“. (Слово „любо“ относится къ другой статьѣ). Выраженіе: *в кое время* заимствовано изъ ст. 10-й Дог. *Олега 912 г.*,—изъ предложенія: „...да аще *в кое время* елико ихъ придеть и хотять остати у царя вашего и пр.“—Въ текстѣ нашей статьи слово „*писано*“ извлечено изъ начальнаго предложенія Договора Святослава: „Равно другаго... *писано* при Феофелѣ Синкелѣ“. Выраженіе: „*царства вашего*“—изъ окончанія Дог. *Олега 912 г.*,—изъ предложенія: „И таковое написаніе дахомъ *царства вашего* на утвержденіе и пр.“.

повѣдаша вся рѣчи *обою царю*“, подразумѣвая, конечно, обоихъ тогдашнихъ византійскихъ императоровъ Льва и Александра.

2. Любопытно, что въ утвердительной формулѣ, гдѣ, казалось, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно было ожидать яркій отпечатокъ вліянія греческаго элемента, встрѣчаемъ не грецизмы, а гебраизмы. А именно: выраженіе: „*дондеже солнце сьяетъ*“ взято изъ Пс. 71 (72), стиха 5, гласящаго въ переводѣ нѣкоторыхъ комментаторовъ: „Да благоговѣютъ предъ Тобою, доколѣ (*свѣтитъ*) солнце и доколѣ луна въ роды родовъ“, и стиха 17: „*доколѣ солнце стоитъ*, будетъ возрастать имя его“. Фраза же: „*и весъмиръ стоитъ*“ взята изъ Эк. I. 4: „и земля во вѣкъ стоитъ“, съ замѣною только слова *земля* сложнымъ словомъ *весъмиръ*, равносильнымъ, по объясненію *И. И. Срезневскаго* (Изв. Ак. Н. III, 281), греч. *κόσμος*, нѣм. Weltall и, дополню отъ себя, евр. olam. Прибавлю еще, что означенная фраза встрѣчается и въ грамотѣ в. к. Мстислава Владиміровича новгородскому Юрьеву Монастырю (1128—1132 г.): „*донелѣже ся миръ състоитъ*, молите Бога за мя“, а также въ Житіи Антонія Римлянина ($^1/_2$ XII в.): „доколѣ Божіимъ строеніемъ *міръ вселенная стоитъ*“ (X— тія *Буслаева*, 116 и 140).

3. Предложенное мною чтеніе: „*писано въ градѣ царства нашего*“ имѣетъ себѣ оправданіе въ томъ, что такое же выраженіе находится и въ позднѣйшихъ грамотахъ и актахъ. Такъ, напр., въ *шертной записи* пословъ крымскаго хана, данной въ 1760 г. предъ послами царя Ал. Михайловича (I П. Соб. Зак., № 469) значится въ самомъ концѣ: „*Писанъ—...въ царствующемъ градѣ* Москвѣ“; *шертная грамота* того же хана (т. ж., № 479) заканчивается: „соблюди, Всемогущій Богъ, на семъ свѣтѣ и будущемъ свѣтѣ, вездѣ, сю нашу шерть нерушимо..., писано *въ царственномъ мѣстѣ* въ Бакчисараѣ 1081 году; въ четырехъ изъ семи обслѣдованныхъ проф. *Ясинскимъ* уставныхъ грамотъ литовско-рус. государства первой четверти XVI в. употреблено въ датировкѣ: въ одномъ актѣ—слово „*писанъ*“, а въ другихъ актахъ—„*данъ*“ (Datum), или „*дѣялось и дано*“ (Actum et factum). Замѣчу еще, что выраженіе: „царствующій градъ“, „царственное мѣсто“—библейское; такъ, напр., въ II Ц. 12. 26 читаемъ: „и взя *градъ царства*“, *καὶ κατέλαβε τὴν πόλιν τῆς βασιλείας*,—по синод. рус. переводу: „взялъ царственный градъ“.

4. Дата Договора Олега 912 г. въ Лавр. и Ип. сп. означена: „мѣсяца сентября 2, а въ недѣлю 15, в лѣто созданиа мира (въ Ник. Лѣтоп. прибавлено: *сего*) 6420“. *Шлецеръ* и *Бѣляевъ* перевели буквально: „мѣсяца сентября во 2 день, въ недѣлю 15“. Но

что такое 15 недѣля?—этого никто не объяснилъ, да и объяснить невозможно. Между тѣмъ, принимая во вниманіе, что въ Договорахъ Игоря и Святослава показанъ, сверхъ мѣсяца и года, также и индиктъ, можно смѣло предположить, что и въ Договорѣ Олега предъ цифрою 15 стояло въ подлинникѣ „индикта“, и что, кромѣ того, имѣлась сохранившаяся въ Радзивил. спискѣ числительная буква ѝ (8). Руководствуясь этимъ соображеніемъ, я и установилъ чтеніе: „Мѣсяца сентября 8, недѣли въ 2 (день), индикта 15“. И оказывается, что эти числовыя показанія вполнѣ согласны между собою: по индиктному счету, 6420 (912) годъ былъ 15-й, а такъ какъ въ этомъ году христіанская Пасха была *12 апрѣля*, то *8-е Сентября*, дѣйствительно, приходилось во *2-й день недѣли*, т. е. во вторникъ.

5. Самый же способъ означенія даты сходенъ съ принятымъ въ евр. религіозно-граждан. актахъ, напр., въ бракоразводномъ письмѣ (get): въ такой-то (*первый*, *второй*, *третій* и т. д.) день недѣли, такого-то числа такого-то мѣсяца, такого-то года отъ сотвор. міра, причемъ *недѣля* выражена словомъ schabbath, означающимъ какъ субботній день, субботу—*недѣланіе*, покой, отдыхъ, такъ и седмицу. По поводу слова „недѣли“ *И. Д. Бѣляевъ* высказалъ слѣдующее: „Замѣчательно, говоритъ онъ, въ Олеговомъ Договорѣ еще одно слово, чисто-славянское, но *отнюдь* не русское, выражающее понятіе, *вовсе неизвѣстное для современниковъ Олеговыхъ на Руси*: это слово *недѣля*. По всему вѣроятію, слово сіе заимствовано Олеговыми руссами отъ болгаръ и, можетъ быть, въ послѣдствіи зашло въ Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ“, (Изв. Ак. Н., I, 326). Но не гораздо ли вѣроятнѣе, что *недѣля*, будучи буквальнымъ переводомъ евр. *шабатъ*, заимствовано руссами отъ іудео-хазаръ или евреевъ и вошло въ обиходъ русскаго языка еще задолго до всеобщаго крещенія Руси? Вѣроятность этого предположенія подтверждается названіями дней недѣли: вторникъ, четвергъ и пятница, уже несомнѣнно заимствованными у евреевъ, у которыхъ нѣтъ особыхъ названій для будничъ дней седмицы, а таковые означаются порядковыми числами, причемъ первымъ днемъ считается день, слѣдующій за субботой,—воскресенье. Русскіе же христіане, усвоивъ названіе недѣли воскресному дню, стали считать первымъ днемъ седмицы понедѣльникъ, вторымъ—вторникъ и т. д.

Глава четвертая.

Возстановленіе текста и объясненіе параллельныхъ Договорной Правдѣ статей Русской Правды.

I.

Статьи о преступленіяхъ противъ жизни.

Наличный текстъ.	Возстановленный текстъ.
(Списокъ Карамзинскій).	**Правда Роуская (Росьская).** (Вар.: **Правда оуставлена Роуськои земли**).
Уставъ в. к. Ярослава Володимерича о судѣхъ.	а) **Соудъ** (вар.: **Соудъ Ярославль Володимирича**) **о душегубствѣ.**
Соудъ о душегубствѣ.	1. Аще оубіеть кто моужа, то мьстити братоу брата, любо отець (чит.: *отцю, сына*) или сыну (должно дополнить: *отца*), любо брато-чадоу, (вар.: ли братню сынови) (должно дополнить: *брато—чада*): оже не боудеть кто его мстяи, [аще ли (чит.: ли аще) не можеть (вар.: оже ли себе не можеть мстити], (должно дополнить: *мечеви да предастся*).
Правда Роуская.	2. Оже кто оубьеть жену, то тѣмь же соудомъ соудити, якоже и моужа.
1. „Аже оубиеть кто моужа, то мьстити братоу брата, любо отець, или сыну, любо братъ—чадоу, ли братню сынови; оже не будеть кто его мьстяи, то положить за голову 80 гривенъ, аще ли боудеть княжь моужь или тиоунъ княжь; аци ли боудеть роусинъ, горожанинъ, или гридъ, или коупець, или тиоунъ болярьскый, или мечникъ, любо изгои, ли словѣнинъ, 40 гривенъ положити зань.	По Ярославѣ же, пакы совъкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и моужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Ники-
2. **Соудъ Ярославлихъ дѣтей.** По Ярославѣ же пакы совъкупившеся	

сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и моужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ и отложиша оубиеніе за голову, но коунами ся выкоупати; а иное все якоже Ярославъ судилъ такоже и сынове его уставиша.

(„Правда оуставлена Роуськои земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ,Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ, Микула“. *Списокъ Академическій, предъ ст. 18-ой).*

3. О оубиистве соудъ. Аже кто оубіеть княжа моужа въ разбои, а головника не ищоуть, то верьвноую платити въ чей же верви голова лежить: то 80 гривенъ; аще ли людинъ, то 40 гривенъ.

15. *(Окончаніе статьи)*..., а на костехъ и по мертвеци не платити виры, оже имени не вѣдають, ни знають его.

4. Которая ли верьвь начнеть платити дикоую виру, колико лѣтъ за тоу платять тоу виру, занеже безъ головника имъ платити; боудетъ ли головникъ ихъ въ верви, то зане къ нимъ прикладываютъ, того же дѣля имъ помагати головнику, либо си дикоую виру; но платити и въопчѣ 40 гривенъ; а головничьство, а то самомоу головнику, а въ сороцѣ гривенъ заплатити ему изъ дружины своею часть; но оже боудеть оубилъ оже въ свадѣ или въ пироу явлено, то тако ему платити по вервининѣ, еже ся прикладываютъ вирою.

5. *Оже станетъ безъ вины разбои.* Боудеть ли стоялъ на разфоръ (вар.: егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ [Русинъ] (вар.: Кыянинъ), Чюдинъ, Микула), и отложиша оубиение за головоу, но коунами ся выкоупати, а иное все, якоже Ярославъ соудилъ, (такоже и сынове его уставиша).

[Варіантъ. Послѣ словъ: „оже ли себе не можеть мьстити“: „И Великыи Князь то Ярославъ Володимеричъ былъ оуставилъ оубити, но то сынове его по немъ оуставиша на коуны“].

б) [О убиистве] [Соудъ Ярославлихъ дѣтей].

Аже кто оубиеть княжа моужа..., то [ему платити] 80 гривенъ, аще ли людинъ, то 40 гривенъ.

[Варіантъ. (*Аще кто оубиеть моужа*), то положити за головоу 80 гривенъ, аще ли боудеть княжь моужь или тиоунъ княжь, аци ли боудеть... [или гридь (гридінь),[или мечьникъ],или тиоунъ,болярескый, (ли) горожанинъ, иликоупець, любо изъгои (глосса: лисловѣнинъ, въ др. сп.: селянинъ),[любо ябетникъ], то 40 гривень положити зань].

2. (*Оже кто оубиеть жену*), то полвиры—20 гривенъ.

в) [По (чит.: *О*) **вервининѣ]**, [вар.: любо си дикоую виру] (чит.: *людьской вирѣ*)].

1. [Оже станеть... разбои], а головника не ищоуть (по др. сп.: не изыщуть), то верьвноую платити [40 гривенъ], въ чей же верви голова лежить].

бои безо всякыя свады, то за разбоиника люди не платять, но выдабоудуть самого всего и съ женою и зъ дѣтми на потокъ и на разграбление.

6. Аже кто не вложится въ дикую вину и виру, томоу людие не помагають, но самъ платить.

76. Аже холопъ оударитъ свободна моужа, а убѣжить въ хоромы, а господинъ его не выдастъ, то платити зань господиноу 12 гривенъ; а за тѣмъ аще гдѣ налѣзеть оудареныи тои своего исца, которыи его оударить (долж. быть: *ударилъ*), и Великыи Князь то Ярославъ Володимеричь былъ оуставилъ ѳубити, но то сынове его по немъ оуставиша на коуны, или взяти (долж. быть: *вязати*), или бити развязавъше, или взяти гривна коунъ за соромъ.

101. Оже кто оубиетъ жену, по (*то*) тѣмъ же судомъ судити, якоже и моужа; оже боудеть виноватa, то полвиры, 20 гривенъ.

2. [...А по костехъ и по мертвеци не платити верви [виру], аже имене не вѣдають, ни знають его].

3. Которая ли вервь начнеть платити дикоую (чит.: *людьскую*) виру, колико лѣтъ заплатять тоу вину (чит.: *виру*), занеже безъ головника имъ платити.

4. Боудеть ли головникъ ихъ въ верви, [оже боудеть оубилъ въ свадѣ или въ пиру явлено], то зане къ нимъ прикладываеть [вар.: еже ся прикладываеть вирою], того же дѣля имъ помагати головнику и платити въопчѣ [изъ дружины]... головничество. Но [аже кто не вложиться въ дикую (по нѣк. сп.: *людьскую*) вину (исправлено: виру), томоу (вар.: [то] [ему]) людие не помагають, но самъ платить] [вар.: то самомоу головнику заплатити ...своею частію].

5. Боудеть ли сталъ на разбои [вар.:въ разбои] (чит.: *разбои*) [безъ вины], безо всякыя свады, то за разбоиника люди не платять, но выдадоуть самого всего и съ женою и дѣтми на потокъ и на разграбление.

ОБЪЯСНЕНІЯ.

1. Къ общему заглавію памятника, къ статьѣ а, по установленному мною чтенію ея, и слѣдующей за нею справочной замѣткѣ.

1. Заглавіе. Какъ извѣстно, на предшествующемъ статьѣ о душегубствѣ заглавіи „Судъ Ярославль. Правда Русьская“, или „Уставъ вел. кн. Ярослава Володимерича“, въ связи съ сообщеніемъ лѣтописей: Новгородской 1-ой, Соф. 1-й, Воскр., Никон., Твер. и др., что Ярославъ далъ новгородцамъ Правду и Уставъ, *Карамзинъ* и нѣкоторые другіе ученые основывали свой взглядъ на нашъ памятникъ, по крайней мѣрѣ въ начальной и древнѣйшей его составной части, какъ на произведеніе законодательной

дѣятельности Ярослава. Взглядъ этотъ нынѣ всецѣло опровергнутъ авторитетными изслѣдователями, убѣдительно доказавшими, что Русская правда представляетъ собою не оффиціальный кодексъ, изданный Ярославомъ и расширенный и видоизмѣненный его преемниками, а сводъ составленныхъ частными лицами въ разное время частичныхъ сборниковъ отдѣльныхъ юридическихъ нормъ и народныхъ обычаевъ.

Я позволю себѣ дополнить доводы въ сторону мнѣнія писателей этой послѣдней категоріи посильнымъ замѣчаніемъ, относительно генезиса упомянутыхъ заглавія и лѣтописнаго сообщенія.

Несомнѣнно, что уже въ первыя времена русской исторической жизни существовалъ сводъ правовыхъ постановленій, упоминаемый еще въ Договорахъ князей Олега и Игоря съ Византіею подъ именемъ „Закона Русскаго“, въ отличіе отъ „Закона или Устава Греческаго“. Въ этомъ сводѣ, не потерпѣвшемъ существенныхъ измѣненій до самой кончины Ярослава Мудраго, первоначально стояла на самомъ передовомъ мѣстѣ статья о душегубствѣ, угрожавшая за это преступленіе, подобно соотвѣтственнымъ статьямъ сказанныхъ Договоровъ, смертною казнію. Но во второй половинѣ XI в., въ виду постановленной на съѣздѣ сыновей Ярослава замѣны смертной казни денежною пенею—вирою, возникло новое, такъ сказать, неоффиціальное изданіе компиляціи русскихъ законовъ. Редакторъ ея, оставивъ неприкосновенною прежнюю статью объ убійствѣ, текстъ которой приведенъ мною выше подъ лит. *а*, изложилъ вслѣдъ за нею новую статью, означенную мною лит. *б*, по содержанію своему, согласную съ постановленіемъ съѣзда Ярославичей. А чтобы объяснить появленіе послѣдней, редакторъ помѣстилъ на полѣ рукописи замѣтку, что смертная казнь за душегубство, *примѣнявшаяся еще при Ярославѣ*, сыновьями его замѣнена установленіемъ виры. Эта-то замѣтка и дала основаніе позднѣйшимъ сводчикамъ юридическаго сборника подъ именемъ „Русской Правды“ или „Правды уставленной Русской земли“ озаглавить старую статью объ убійствѣ: „Соудъ *Ярославль* о душегубьствѣ“, а новую — „Соудъ *Ярославлихъ дѣтей*. О убійствѣ соудъ“ [1]). Затѣмъ, при частыхъ переписках Правды, статьи, означенныя мною подъ лит. *а* и *б*, перемѣшались и перепутались какъ между собою, такъ и съ другими статьями, а слова: „Соудъ Ярославль“ или, какъ даютъ нѣкоторые списки, „Соудъ Ярославль Володимеричъ“ были разъеденены отъ словъ: „о душегубствѣ“ и

---

[1]) Такое заглавіе сохранилось въ Бѣляевскомъ спискѣ. См. проф. *Мр.-Дроздовскаго*, ук. соч., в. II, с. 85.

поставлены особою строкою во главѣ памятника, въ видѣ общаго надъ нимъ надписанія. Отсюда и явилось понятіе о Русской Правдѣ, какъ о законодательномъ актѣ, изданномъ Ярославомъ.

Что же касается вышеупомянутаго *лѣтописнаго* сообщенія, то генезисъ его, какъ мною уже указано было въ одной изъ прежнихъ моихъ работъ [1]), можетъ быть объясненъ при помощи сопоставленія съ приступомъ къ т. н. „Закону Судному людемъ“, совершенно неосновательно приписываемому первому христіанскому императору Константину Великому: „Преже всякои правдѣ подобно (или достойно) есть о Божии вѣрѣ глаголати; темже святыи Костянтинъ первый законъ написа, преда, тако глаголя“. Въ виду того, что здѣсь ощущается пропускъ тѣхъ именно словъ, которыя будто-бы сказаны были царемъ Константиномъ, я выставилъ догадку, что послѣ сочетанія: „тако глаголя“ въ первоначальномъ подлинникѣ приведенъ былъ стихъ 8 главы I книги Іисуса Навина: „Да не отступитъ книга закона сего отъ оустъ твоихъ и да поучаешися въ ней день и нощь, да оуразумѣеши творити вся писаная“. Свою догадку я основывалъ отчасти на томъ, что и описанная бар. Розенкампфомъ русская вступительная статья къ Номоконону Фотія, содержащая въ себѣ, между прочимъ, наставленіе властителямъ быть твердыми въ отправленіи правосудія, заканчивается аналогичною фразою: „Того ради закону Божію поучатися день и нощь“ [2]). Допуская же такое чтеніе приступа къ Закону Судному, можно предположить, что, разъ установился взглядъ на Р. Правду, какъ на законодательный актъ, изданный Ярославомъ, то списатели ея, въ виду того, что она въ нѣкоторыхъ сборникахъ церковно-юридическаго содержанія помѣщена въ сосѣдствѣ съ Закономъ Суднымъ, пожелали придѣлать и къ ней вступленіе, сходное съ приступомъ къ этому послѣднему памятнику. Опустивъ фразу; „Преже всякои правдѣ подобно есть о Божии вѣрѣ глаголати“, какъ не идущую къ сборнику исключительно свѣтскихъ законовъ, списатели первоначально изложили, можно думать, вступленіе въ такомъ видѣ: „Великый, или велемудрый, князь Ярославъ (взамѣнъ словъ: святыи Костянтинъ) давъ Правду и Уставъ списавъ, тако рекше (или рече): по сей грамотѣ ходите, яко же списахъ вамъ, такоже держите“ (Ср. приведенный выше библейскій стихъ: „да оуразумѣеши творити вся писаная“, или, по русскому синодальному переводу:

---

[1]) Труды Кіев. Дух. Ак.“ за 1891 г., Авг. „Кирилло-Меѳодіевскіе вопросы“.

[2]) „Обозр. Кормчей книги“, 1829 г., с. 265.

„дабы въ точности исполнять все, что въ ней, книгѣ закона, написано“). Когда же затѣмъ Правда, снабженная сказаннымъ вступленіемъ, внесена была въ лѣтописные сборники и помѣщена: въ однихъ подъ 1016, а въ другихъ—подъ 1019 г., непосредственно за словами: „И нача Ярославъ вои дѣлити старостамъ и т. д., а Новгородцемъ по 10 гривенъ, и отпусти я вся домовь“,—то вступленіе подверглось слѣдующимъ измѣненіямъ: *во 1-хъ*, начальныя слова: „Великый князь Ярославъ“ были опущены, какъ излишнія, потому что впереди уже стояло имя Ярослава; *во 2-хъ*, въ сочетанія: „и давъ Правду“ и „тако рекше“ включено *имъ*, котораго нѣтъ въ приступѣ къ Закону Судному послѣ словъ: „законъ написа, преда“ и „тако глаголя“; и *въ 3-хъ*, между вступленіемъ и текстомъ Правды появился особый заголовокъ: „А се есть Правда Рускаа“ [1]). Отсюда и сложилось мнѣніе, будто предшествующія этому послѣднему заголовку слова: „давъ Правду и Уставъ списавъ и т. д.“ принадлежатъ лѣтописцу, сообщающему дошедшее до него историческое преданіе о томъ, что Ярославъ далъ Уставъ и Правду *имъ*, Новогородцамъ,—тогда какъ они на самомъ дѣлѣ образуютъ сочиненную, повторяю, самимъ сводчикомъ или списателемъ Правды вводную часть этого памятиика. Лѣтописцу же объ изданіи Ярославомъ цѣлаго уложенія и устава ничего не было извѣстно, судя по тому, что въ старшихъ лѣтописныхъ сводахъ (Лавр., Ипат., Радзив.), гдѣ отсутствуетъ текстъ Правды, нѣтъ и означеннаго сообщенія, ни подъ 1016, ни подъ 1019 г. [2]).

И такъ, имя вел. князя Ярослава, фигурирующее въ заглавіи нашего памятника, такой же псевдонимъ, какъ и имя царя Константина Великаго въ заголовкѣ надъ „Закономъ Суднымъ людемъ“.

2. Статья подъ лит. а, „о душегубствѣ“.

Текстъ ея возстановленъ мною главнымъ образомъ посредствомъ прибавки словъ: „аще ли не можеть“ и „оже ли себе не можеть мстити“, извлеченныхъ изъ 2-ой ст. Ак. списка, гдѣ они положительно стоятъ не у мѣста, какъ это указано было мною въ очеркѣ: „о судеб. доказательствахъ по Рус. Правдѣ“ [3]), а также словъ: „мечеви да предастся“, взятыхъ изъ Закона Суднаго

---

[1]) Такъ читается въ Коммис. сп. Новогор. 1-й лѣтоп. См. *А. А. Шахматова*, „Разыск. о др. рус. лѣтоп. сводахъ“, с. 215.

[2]) Въ Твер. лѣтоп., хотя и имѣются означенныя вводныя къ Правдѣ слова, несмотря на отсутствіе самаго текста памятника, но составитель этой лѣтописи самъ объясняетъ, что онъ не помѣстилъ текста Правды и Закона Суднаго только „множества ради“.

[3]) См. „Вѣстникъ Права“ за 1906 г., кн. II, с. 316—7.

(Рус. Достоп., II, 183). Смыслъ же данной статьи—тотъ, что за убійство мужа (*мужчины)* обязаны отомстить убійцѣ (т. е. казнить, умертвить его) ближайшіе родственники убитаго: братъ долженъ мстить за брата, отецъ за сына, сынъ за отца, двоюродный братъ за двоюроднаго брата; если же не будетъ вовсе мстителя, или родственникъ не въ состояніи мстить, то убійца подвергается (судомъ) казни посредствомъ меча. Этотъ же законъ примѣняется и въ случаѣ убійства жены *(женщины).*

Постановленіе это, сходное съ подлежащею статьею Договоровъ Олега и Игоря съ греками (выше, стр. 87), еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ послѣдняя, обнаруживаетъ свою зависимость отъ *моисеево-талмудическаго права*, въ чемъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ, представляемыхъ здѣсь въ переводѣ, выдержекъ изъ Кодекса Маймонида:

Узаконенія о душегубствѣ (буквально: „объ убійствѣ души"), **гл. I, §§ 1 и 2.** „На кровоискупителѣ лежитъ обязанность умертвить убійцу, какъ сказано: „кровоискупитель (или мститель за кровь) самъ можетъ умертвить убійцу". И всякій, кто правоспособенъ къ наслѣдованію, признается искупителемъ крови. *Если же искупитель (мститель) не хочетъ, или не можетъ умертвить, или если у убитаго нѣтъ искупителя (мстителя), то судъ подвергаетъ убійцу смертной казни посредствомъ меча..... И мужчины, и женщины одинаковы, относительно кровоискупленія*" [1]).

Приведенная параллель подтверждаетъ, что, вопреки мнѣнію *Н. Д. Иванишева* [2]), *месть* въ Договорахъ Олега и Игоря, а также въ Русской Правдѣ, не была „безпредѣльною", не давала родственникамъ убитаго неограниченнаго права на самовольную личную расправу съ убійцею для удовлетворенія своей субъективной, эгоистической жажды мщенія, а означала, какъ и въ еврейскомъ законодательствѣ, право и обязанность родственниковъ убитаго исполнять казнь умышленнаго убійцы, согласно постановленному судомъ смертному приговору [3]), и что, въ частности, въ ст. 101 Карам. сп., къ разъясненію которой я еще возвращусь, рѣчь идетъ не объ убійствѣ мужемъ жены, какъ толкуютъ нѣкоторые комментаторы, а объ убійствѣ женщины вообще.

---

[1]) См. упомянутую выше въ текстѣ статью мою, напечатанную, въ „Вѣст. Права".

[2]) „Сочиненія" Н. Д. Иванишева, К. 1876 г., стр. 62 и 69.

[3]) О таковомъ значеніи т. н. кровной мести (Blutrache) по библейско-талмудическому праву см. Dr. *E. Goitein*: Das Vergeltungsprincip im bibl. u. talmudischem Strafrecht. Fr. a. M. 1893, S. 25, Anm. 2.

3. Справочная замѣтка редактора Русской Правды, касательно постановленія Ярославичей.

Предложенная мною эмендація текста этой замѣтки достигнута при помощи прибавленія къ ст. 2-ой Кар. сп., въ видѣ варіантовъ, *во 1-хъ*, заголовка предъ ст. 18-ю *Акад.* сп., и *во 2-хъ*, предложенія, вынутаго изъ ст. 76-й Кар. сп. Основываясь на сказанномъ заголовкѣ, многіе изслѣдователи въ прежнее, а нѣкоторые еще въ настоящее время [1]), различали и различаютъ въ составѣ краткой редакціи Русской Правды двѣ половины, изъ коихъ первая, содержащая начальныя 17 ст. Академическаго списка, составляетъ законодательный сборникъ, изданный Ярославомъ, а вторая, обнимающая рядъ статей отъ 18-й до конца, т. е. до 43-й включительно, является однимъ цѣльнымъ законодательнымъ актомъ, принятымъ на съѣздѣ старшихъ Ярославичей (*В. О. Ключевскій*), или совокупностію четырехъ уставовъ, изданныхъ сыновьями Ярослава разновременно *(Ланге)*. Мнѣніе это опровергнуто проф. *Сергѣевичемъ* и *Влад.-Будановымъ*, указавшими на то, что въ т. н. Правдѣ Ярославичей, съ одной стороны, вовсе не находимъ весьма важнаго постановленія Ярославичей объ отмѣнѣ кровной мести, а съ другой—встрѣчаемъ уставъ о пошлинахъ въ пользу вирника, обозначенный въ ст. 42-й Акад. сп., какъ „урокъ Ярославль“. Откуда же, однако, взялся упомянутый заголовокъ предъ статьею 18-ю краткой редакціи Правды? Этого никто изъ комментаторовъ не объяснилъ. Мнѣ же представляется неподлежащимъ сомнѣнію, что онъ въ данномъ мѣстѣ поставленъ лишь по ошибкѣ писцовъ и что начало его: „Правда оуставлена Роусьской земли“—не что иное, какъ варіантъ общаго надписанія, относящагося ко всему памятнику: „Правда Росьская“; дальнѣйшее же содержаніе разсматриваемаго заголовка: „егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ и пр.“—разночтеніе соотвѣтствующихъ словъ ст. 2-й Кар. сп. „паки совъкупившеся сынове его Изяславъ, Святославъ и т. д.“.

Другой такой же, изложенный только иными словами, варіантъ составляетъ предложеніе, вплетенное въ ст. 76 Кар. сп.: „И Великии князь то Ярославъ Володымеричь былъ оуставилъ оубити и пр.“. Для разъясненія вставочнаго характера этого предложенія я сопоставлю рядомъ статью 76 Кар. съ тождественною съ нею статьею 16-ю Акад. сп.

---

[1]) См. проф. *В. Н. Ключевскаго*: „Курсъ рус. Исторіи“, изд. 3-е, стр. 280—1.

Ст. 16-я Акад. списка.

Или холопъ оударить свободна моужа, а бѣжить въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его: то *холопа пояти*, да платить господинъ зань 12 гривнѣ; а затымъ, гдѣ его налѣзоуть оудареныи тои моужь, да бьють его.

Ст. 76 Карамз. списка.

Аже холопъ оударить свободна моужа, а убѣжить въ хоромы, а господинъ его не выдасть, то платити зань господиноу 12 гривенъ, а за тѣмъ аще гдѣ налѣзеть оудареныи тои своего исца, которыи его оударить (чит.: *ударилъ*), *и Великыи Князь то Ярославъ Володимеричь былъ ауставилъ оубити, но то сынове его по немъ оуставиша на коуны*, или взяти (этого слова нѣтъ въ Синод. сп.), или бити развязавъше, или взяти гривна коунъ за соромъ.

Эверсъ (с. 314) перевелъ ст. 16-ю Акад. сп. такъ: „Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка и скроется въ домѣ, а господинъ не захочетъ выдать его, то (выраженіе: „*холопа пояти*“ оставлено безъ перевода) платитъ господинъ за него 12 гривенъ. А затѣмъ ударенный имъ человѣкъ, если встрѣтитъ его гдѣ-нибудь, *имѣетъ право бить его*“. Въ примѣчаніи къ этой статьѣ Эверсъ (317) ставитъ вопросъ, не слѣдуетъ ли, быть можетъ, читать, вм. „бьють“,—*убьють?* Другіе же ученые (проф. *Вл.-Будановъ* и *Ключевскій* въ ук. соч., стр. 281 и 300) безъ всякихъ колебаній толкуютъ слова: „да бьють его“—оскорбленный можетъ *убить* холопа. Но объясненіе это должно быть рѣшительно отвергнуто, какъ противорѣчащее прежде всего грамматическому смыслу текста статьи, на рѣдкость исправнаго и точнаго, за исключеніемъ только двухъ неумѣстныхъ словъ: *холопа пояти*, попавшихъ сюда несомнѣнно изъ предыдущей, 15-й, статьи Акад. сп., гдѣ они, надо полагать, отмѣчены были на полѣ рукописи въ качествѣ варіанта къ начальному выраженію статьи: „Аще кто *челядина пояти* хощеть“. Притомъ же, ни въ варварскихъ кодексахъ, ни въ славянскихъ, ни въ русскихъ юридическихъ памятникахъ не находимъ такого безчеловѣчнаго закона, чтобы холопа за одно лишь удареніе свободнаго человѣка послѣдній могъ убить безъ суда и расправы. Даже по Лит. Статуту, въ которомъ сословныя различія въ наказаніяхъ доведены до крайности, холопъ подвергается смертной казни, и то—по судебному приговору, лишь за *изувѣченіе* дворянина; нанесеніе же холопомъ простыхъ *побоевъ* дворянину

наказывается только лишеніемъ руки (Лит. Стат. 1588 г., XI, 49, 1). Поэтому, выражаясь словами проф. *Сергѣевича*, „трудно думать, чтобы именно такой уставъ (предоставленіе свободному человѣку убить ударившаго его холопа) сдѣлалъ христіанскій князь Ярославъ, покровитель книжнаго просвѣщенія, строитель монастырей, „до излиха“ любившій мирную жизнь монаховъ“ („Рус. юрид. древности“, изд. 2-е, I, 112), Чтобы какъ-нибудь устранить недоумѣніе, вызываемое ст. 16 Ак. сп. въ связи съ ст. 76 Кар. сп., нашъ ученый допускаетъ предположеніе, что Ярославъ, введшій смертную казнь за убійство, ввелъ эту казнь и для рабовъ. Но почему за ударъ только?—„Относительно этого, говоритъ профессоръ, мы находимся въ полномъ невѣдѣніи. Составитель статьи, можетъ быть, не имѣлъ полныхъ свѣдѣній объ уставѣ Ярослава и сдѣлалъ очень неточное о немъ сообщеніе“. О неосновательности этой догадки нѣтъ надобности распространяться. Между тѣмъ, всѣ трудности, представляемыя обѣими анализируемыми статьями исчезнутъ, если признать предположеніе: „И Великыи Князь то Ярославъ Володимеричь былъ оуставилъ оубити, но то сынове его по немъ оуставиша на коуны“ попало въ ст. 76 Кар. по безсознательной ошибкѣ писца, и притомъ, какъ можно полагать, слѣдующимъ образомъ: Въ протографѣ Карамзинскаго списка Правды за статьею о душегубствѣ непосредственно помѣщена была, какъ это и видимъ въ Акад. спискѣ, группа статей, опредѣляющихъ наказаніе за разнаго рода тѣлесныя поврежденія и обиды дѣйствіемъ. Въ концѣ сказанной группы стояло постановленіе о карѣ за нанесеніе холопомъ побоевъ свободному человѣку. Вблизи этой-то статьи на нижнемъ или боковомъ полѣ и отмѣчено было предложеніе: „И Великыи Князь то Ярославъ и пр.“,—въ качествѣ выноски, относящейся *къ статьѣ о душегубствѣ*. Когда же потомъ редакторъ Карамз. списка постановленіе о побояхъ, нанесенныхъ холопомъ, перенесъ въ ст. 76, которою заканчивается отдѣлъ Правды, трактующій о закупахъ и холопахъ (ст. 70 по 76 включительно), то онъ, по оплошности, прихватилъ и упомянутую выноску, включивъ ее въ средину текста статьи.

И такъ, по очисткѣ ст. 76 Кар. отъ вставленнаго въ нее предложенія: „И Великыи Князь то Ярославъ и т. д.“, какъ она сама, такъ и параллельная ей ст. 16 Акад. сп., станутъ вполнѣ понятными: свободный человѣкъ, потерпѣвшій обиду дѣйствіемъ отъ холопа, вправѣ, если поймаетъ гдѣ-либо своего оскорбителя, *представить его въ судъ*, который и подвергаетъ виновнаго тѣлесному наказанію („да бьютъ его“, какъ выражено въ ст. 16 Акад. сп., или: „[то] и́ бити разъвязавше“, какъ сказано въ ст. 76 Кар.

списка) [1]). Остаются только неясными заключительныя слова этой послѣдней статьи: „или взяти гривна коунъ за соромъ“, которыхъ нѣтъ въ ст. 16 Ак. сп. Комментаторы толкуютъ эти слова такъ, что оскорбленному свободному мужу предоставляется: либо бить ударившаго его холопа, либо взять за обиду гривну кунъ. Объясненіе это никуда не годится, ибо съ холопа вѣдь ничего нельзя взыскивать, такъ какъ у него никакого имущества не имѣется; съ другой же стороны, гривна кунъ слишкомъ незначительная пеня за оскорбленіе дѣйствіемъ свободнаго мужа, да еще холопомъ. Поэтому я полагаю, что означенныя слова составляютъ окончаніе совсѣмъ отдѣльной статьи, а именно: вслѣдъ за ст. 76 Кар. сп., которая въ Синод. сп. надписана: „А се оже *холопъ* оударить“, въ первоначальномъ подлинникѣ навѣрно стояла статья, озаглавленная: „А се оже *холопа* оударять“ и гласившая: „Аже кто холопа оударить, то взяти (ему) гривна коунъ за соромъ“. Безошибочность этой конъектуры подтверждается сопоставленіемъ со Смоленскою Правдою рижской редакціи, гдѣ въ самомъ началѣ, непосредственно за статьею о платѣ за убійство „волного человѣка“ и холопа, слѣдуетъ: „*Аже кто холопа оударить гривна коунъ*“ (Рус. Достопам., ч. II, 250).

Подводя итогъ всему изложенному, необходимо заключить, что, вопреки утвержденію проф. *Сергѣевича*, Ярославъ не только не „уставилъ“ смертной казни для рабовъ, но и не „ввелъ“ ея и за душегубство, да въ такомъ нововведеніи и не представлялось никакой надобности, такъ какъ этотъ способъ наказанія за предумышленное убійство, имѣя опору въ библейскомъ и византійскомъ законодательствахъ, былъ стародавнимъ институтомъ древне-русскаго права, не отмѣненнымъ и Владиміромъ Святымъ, какъ это указано мною обстоятельно при анализѣ лѣтописнаго извѣстія подъ 996 г., изъ текста котораго, исправленнаго посредствомъ перестановки нѣсколькихъ выраженій, явствуетъ, что Владиміръ, принявъ христіанство, сначала, „боясь грѣха“, воздержался вовсе отъ какой-бы то ни было казни разбойниковъ, но затѣмъ, уступивъ убѣжденіямъ епископовъ, сталъ казнить убійцъ, отвергши рѣшительно совѣтъ „старцевъ“—бояръ ввести систе-

---

[1]) Слово: *то* взято мною изъ фразы: „И Великыи Князь *то* Ярославъ“, гдѣ оно излишне. Выраженіе: „*бити разъвязавше*“, по мѣткому объясневію В. И. Сергѣевича (т. ж.), напоминаетъ мѣсто изъ „Моленія Даніила Заточника“: „безумнаго, аще *и кнутомъ бьеши, развязавъ* на санѣхъ (т. е. привязавъ на санѣхъ), не отъимется безумія его“.

му наказаній денежными пенями, вирами, въ цѣляхъ увеличенія средствъ, нужныхъ для пріобрѣтенія оружія и коней для войска [1]).

Что же касается словъ разсмотрѣннаго предложенія, ошибочно включеннаго въ ст. 76 Кар.: „Ярославъ оуставилъ было и́ оубити“, то вѣдь все это предложеніе только позднѣйшій перифразъ вошедшей въ ст. 2 Кар. сп. справочной замѣтки, что сыновья Ярослава замѣнили практиковавшееся при немъ „убіеніе за голову“ денежнымъ выкупомъ, но отсюда никакъ нельзя заключить, что смертная казнь за убійство *впервые* введена была Ярославомъ.

II. Къ статьѣ подъ литерою б по установленному мною чтенію ея..

Текстъ этой статьи, озаглавленной: „Судъ Ярославлихъ дѣтей о убійствѣ“ воспроизведенъ мною изъ ст. 3 Кар.. по *исключеніи* изъ нея словъ: „въ разбои, а головника не ищуть, то вервьную платити въ чей же верви голова лежить“, которыя должны быть перенесены въ статью, трактующую о т. н. дикой вирѣ, и по *дополненіи* ея словами: „ему платити“, взятыми изъ ст. 4 Кар. сп. Смыслъ реставрированной такимъ образомъ статьи нашей самъ по себѣ ясенъ: за убійство княжескаго мужа взыскивается двойная вира—80 гривенъ, за убійство людина (свободнаго человѣка вообще—ординарная вира въ 40 гр.,—а за убійство жены т. е. женщины,—полувирье, 20 гр. Въ объясненіи нуждается только относящійся къ разсматриваемой статьѣ варіантъ, содержащій перечень названій лицъ по сословіямъ и должностямъ, убійство коихъ наказывается вирою въ 40 гривенъ. Изъ числа этихъ названій я остановлюсь лишь на терминахъ: *роусинъ*, *изгой*, *словѣнинъ* и *ябетникъ*.

Проф. *П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій* въ обширномъ приложеніи ко 2-му выпуску своихъ „изслѣдованій о Русской Правдѣ“ (стр. 176—184), приводя мнѣніе: *Иванишева*, что въ этомъ памятникѣ подъ названіями *русинъ* и *словенинъ* разумѣются всѣ свободныя лица двухъ, въ то время еще не слившихся, народовъ германскаго и славянскаго происхожденія,—а также мнѣніе *Ф. Виттс*, что русинъ есть вообще подданный князя, а славянинъ—особое названіе новгородца,—и *Ланге*, что русинъ есть житель кіевскаго княженія и вообще южно-русскихъ княжествъ, въ отличіе отъ

---

[1]) См. мою работу: „Библейско-агадическія параллели къ лѣтописнымъ сказаніямъ о Владимірѣ Святомъ“, стр. 95—101.

жителя Новогорода,—присоединился отчасти къ взгляду Иванишева. „Различіе русина отъ славянина, говоритъ авторъ, соблюденное Правдою, какъ нельзя болѣе умѣстно въ то отдаленное время, когда пришлое племя (варяго-руссы) не могло еще объединиться съ туземнымъ населеніемъ... Нельзя забывать, что началомъ нашей исторіи было *призваніе*, а не *завоеваніе*. Отсюда различіе туземцевъ и пришельцевъ не вело къ различію предъ судомъ; это различіе было, такъ сказать, внутреннее, а не внѣшнее,—нравственное, но не юридическое, оно чувствовалось и князьями и народомъ, и это *чувство* засвидѣтельствовано и Начальною Лѣтописью, и Правдою, которая, различая русина отъ славянина, не различаетъ, однако, ихъ въ платѣ за убійство; въ этомъ отношеніи могутъ отличаться *княжи мужи* и остальные *людіе*, но не народности, составляющія Русь".

Но я обращаю вниманіе на то, что, кого бы ни разумѣть подъ русиномъ и словениномъ, упоминаніе о нихъ въ Правдѣ въ перечнѣ лицъ, отличающихся другъ отъ друга по своему служебному и сословному положенію, а не по другимъ признакамъ, представляется во всякомъ случаѣ крайне загадочнымъ. Загадка, по моему, объясняется тѣмъ, что слово „русинъ", отсутствующее, надо замѣтить, въ Пушкинскомъ и Погодинскомъ спискахъ [1]), поставлено въ ст. 1-й Кар. сп. не у мѣста, а должно быть передвинуто внизъ въ ст. 2-ю того-же списка и помѣщено рядомъ съ именемъ *Никифора*, какъ варіантъ къ тексту надписанія надъ ст. 18 Ак. сп.: „Микифоръ *Кыянинъ*". А что русинъ, какъ справедливо указано Ланге, означаетъ именно жителя кіевскаго или вообще какого-либо южно-русскаго княженія—доказывается тѣмъ, что Начальная лѣтопись подъ 1051 г. называетъ митрополита Илларіона *русиномъ*, въ смыслѣ, конечно, не варяго-русса, а уроженца Кіева или Приднѣпровья. Что же касается реченія „*словенинъ*", то вѣдь въ нѣкоторыхъ спискахъ, вмѣсто него, имѣется „*селянинъ*",—сельскій обыватель, а это послѣднее слово нужно считать подлиннымъ, такъ какъ „селянинъ" противополагается стоящему предъ нимъ „горожанину"—городскому обывателю, мѣщанину [2]).

Слово *изгой* обслѣдовано мною подробно въ очеркѣ: „Критико-сравнит. разборъ устава в. кн. Всеволода о церков. судахъ".

---

[1]) См. *Калачова*: „Предвар. юрид. свѣд. о Рус. Правдѣ", 1880 г., стр. 179, вын. *a*'.

[2]) Ср. Уставную королев. грамоту жителямъ витебской области отъ 16-го іюля 1503 г.: „Тежъ который будетъ князь, або бояринъ, або слуга, або мѣщанинъ".

Въ результатѣ своихъ розысканій я пришелъ къ выводу, что „изгой„ значитъ не вообще человѣкъ, вышедшій или изгнанный изъ своего прежняго сословія или состоянія, какъ толкуется этотъ терминъ большинствомъ комментаторовъ, а единственно и исключительно: рабъ, выкупившійся изъ рабства, вышедшій на волю, тоже, что *прощенникъ* и *пущенникъ*,—освободившійся изъ холопства осѣдлый земледѣлецъ, крестьянинъ [1]). Теперь добавлю, что въ сочетаніи: „любо изгои, ли словѣнинъ“ (чит.: *селянинъ*) послѣднее слово служитъ только поясненіемъ перваго: *изгой* и есть *селянинъ*,—сидящій на пахатномъ участкѣ земли, „*селъ*“, своимъ хозяйствомъ, своимъ дворомъ.

Но что значитъ *ябетникъ?—Эверсъ* (315) замѣтилъ, что, „этого слова не встрѣчается нигдѣ болѣе и значеніе его неизвѣстно“. Онъ, впрочемъ, пытался сблизить это реченіе съ польскимъ gabać—настоятельно требовать, полагая, что, быть можетъ, оно означало сборщика, взыскателя податей, фискала. По мнѣнію же бар. *Розенкампфа*, принятому всѣми толкователями, ябедникъ, кажется, происходитъ отъ норманскаго или готскаго языка,—отъ слова Aembet,—должность или порученіе,—такъ, что ябедникъ, прибавляетъ отъ себя проф. *Вл.-Будановъ*, встарину значило публичнаго обвинителя (X—тія, I, прим. къ ст. 1 Ак. сп.). Этимъ гаданіямъ я позволю себѣ противоставить свою догадку. Я полагаю, что въ протографѣ Ак. сп., вмѣсто *ябетникъ*, читалось: „*обидьникъ*“, которое, встрѣчаясь въ древне-русской письменности часто въ сопровожденіи словъ: преступникъ, грабитель, хищникъ [1]), значитъ: обидчикъ, насильникъ и употреблялось, можно думать, какъ презрительная кличка *варяга* въ его общемъ значеніи иностранца, инородца, иновѣрца, безотносительно къ его національности. Подтвержденіемъ тому можетъ служить аналогія съ данными *еврейскаго* языка. Въ Талмудѣ, какъ мною не разъ уже объяснено въ прежнихъ моихъ работахъ, находится иноземное слово *pharhang*, (=варягъ), чередующееся съ еврейскими словами „*гой*“, или „*нохри*“. (чужестранецъ, иноплеменникъ, варваръ) и объясняемое комментаторомъ Библіи и Талмуда, *Соломономъ Ицхаки* (сокращ. *Раши*), жившимъ въ XI ст. во Франціи: притѣснитель, мучитель, извѣтчикъ, ябедникъ, каковое объясненіе передано лексикографомъ *Буксторфомъ*: hostis et angustator, id est *mezik* (евр. слово), vi,

---

[1]) „Вѣстникъ Права“ за 1905 г., Декабръ, стр. 141—148.

[1]) См. *Срезневскаго*: Матеріалы для словаря и пр., подъ словомъ *обидьникъ*.

dolo, ac machinationibus alios opprimens“ [1]). Наша Начальная Лѣтопись (Лавр. подъ 862 г.) также называетъ варяговъ *находниками*, т. е. самоуправцами, насильниками [2]). Итакъ, по моему, подъ словомъ ябедникъ или обидьникъ скрывается названіе *варяга*, иностранца, гостя, за убійство котораго взимается простая вира въ 40 гривенъ, какъ и за туземныхъ свободныхъ людей нисшаго класса. Такая же уравнительность платы за голову иностранца и туземца установлена и въ близкомъ по содержанію къ Русской Правдѣ договорѣ новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г.: „А оже убьеть купчину Новгородца (пропущено: въ нѣмецкои земли (см. выше, стр. 182, вын. 2), или Нѣмчина купчину Новѣгородѣ, то за ту голову 10 гривенъ серебра“ (=40 гр. кунъ). Тоже видно и изъ ст. 4-й Рус. Правды по сп. кн. Оболенскаго: „(Или ударить) жердію или попехнеть, а знаменія нѣтъ, а видокъ будеть, аще будеть бояринъ, или людинъ или *варягъ крещенія не имѣя* (ср. pharhang—„гой“), то по ихъ пути платити бесчестіе“ [3]).

III. Къ ст. подъ лит. в, объ общинной вирѣ.

Статья эта соприкасается съ постановленіями Договоровъ русскихъ съ греками только въ одномъ, 5-мъ, пунктѣ, имѣющемъ своимъ предметомъ выдачу общиною предумышленнаго убійцы на потокъ и разграбленіе. Но, въ виду тѣсной связи этой статьи съ предыдущими, я счелъ нужнымъ привести ее здѣсь и подвергнуть разсмотрѣнію во *всемъ* ея объемѣ.

Пунктъ 1-й. *Заголовокъ*: „*О вервининѣ*“ взятъ изъ ст. 4 Кар.,— изъ сочетанія: „то тако ему платити по вервининѣ“; оттуда же взятъ и варіантъ: „любо си дикоую виру“, каковую фразу должно читать: о людской (т. е. общинной) вирѣ. Самый же текстъ обсуждаемаго пункта составленъ изъ надписанія надъ статьею 5-ю и предложенія, вынутаго изъ ст. 3-й, съ добавленіемъ словъ „40 гривенъ“, взятыхъ изъ ст. 4-й Кар. же списка. Правильность предлагаемаго мною чтенія доказывается сопоставленіемъ даннаго пункта

---

[1]) См. мою статью: „Опытъ возстанов. текста и объясн. др.—рус. юрид. памятниковъ„ въ „Вѣстникѣ Права“за 1903 г., Апр., стр. 55.

[2]) Слово „находникъ“ производно отъ слова „находъ“, равносильнаго „наѣзду“, значащему: нападеніе, учиненіе насилія, какъ это видно изъ ст. 1-й Псков. Суд. Грамоты: „а разбой, *находъ*, грабежъ 9 гривенъ“. По словарю Linde, *nachod*=napad, napadnienie na kogo. Ср. проф. *Д. І. Тальберга*. „Насильств. похищ. имущества“, стр. 32.

[3]) „Текстъ Р. Правды“, *Н. Калачова*, 1880 г., стр. 42.

въ исправленномъ видѣ съ параллельнымъ мѣстомъ устав. грамоты переяслав. рыболовамъ 1506 г.

Р. Правда.	Устав. грамота.
[Оже станеть... разбои], а головника не ищоуть (изыщуть), то вервьвноую платити [40 гривенъ], въ чей же верви голова лежить.	А учинится у нихъ душегубство, а не доищутся душегубца, ино намѣстникомъ за голову четыре рубли, а заплатити виру всѣми рыболовлими дворы.

Сличеніе обоихъ текстовъ даетъ возможность установить съ точностію значеніе каждаго слова занимающаго насъ пункта статьи Рус. Правды. Такъ, глаголъ *станеть* значить: учинится, или, по выраженію другихъ, кромѣ указанной, уставныхъ грамотъ восточно-русскихъ и литовско-русскихъ: „станется“, „доспѣется“, „случится“ [1]). „*Разбой*“ равносильно душегубству уставныхъ грамотъ. Только впослѣдствіи, какъ извѣстно, въ юридическихъ актахъ періода мѣстныхъ законовъ и въ московскихъ законодательныхъ памятникахъ слово „разбой“ стало обозначать самостоятельное преступленіе, отличное не только отъ убійства, но и отъ грабежа. Нужно, кстати, еще упомянуть объ усиліяхъ изслѣдователей выяснить смыслъ терминовъ *„убійство въ обиду“* и *„убійство въ разбои“*, употребленныхъ въ ст. 18 и 19 Ак. сп. Правды. Проф. *Вл.-Будановъ* (X-тія, I, пр. къ ст. 19 Акад.) находитъ, что оба они означаютъ одно и тоже преступленіе—*умышленное* убійство; *Тальбергъ* (ук. соч., 10),—что „убійство въ обиду“ представляетъ болѣе тяжкую форму преступленія, нежели убійство „въ разбои“; проф. *Мрочекъ-Дроздовскій* (Прил. ко 2 вып. ук. соч., 151),—что „убійство въ обиду есть именно разбой безъ вины, или безъ всякой свады“; акад. же *В. О. Ключевскій* полагаетъ какъ-разъ наоборотъ, что убійство „въ обиду“—тоже, что и въ свадѣ“—неумышленное душегубство, въ отличіе отъ убійства „въ разбои“,—совершеннаго съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ („Курсъ р. исторіи 1908 г., 1, с. 296). Но всѣ эти и другія, столь противорѣчивыя, объясненія сказанныхъ терминовъ вполнѣ несостоятельны, какъ построенныя на явно испорченномъ текстѣ, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Далѣе, *вервьная* (подразумѣвается: вира), это—общинная, *людская* вира, которая уплачивалась, за круговою отвѣтственностію, всѣми „дворы“, какъ сказано въ приведенной устав. грамотѣ, или всею „волостію“, по выраженію устав. грамоты Артамоновскаго

---

[1]) См. *М. Ясинскаго*: Устав. земскія грамоты лит.-рус. государства, стр. 177—8. *Н. Загоскина*: Устав. грам. 14—16-го вв., стр. 49—50.

стана крестьянамъ 1506 г. Крайне желательно было бы поэтому, чтобы „вервьная, или людская вира“, или „вервинина“ вытѣснила окончательно изъ историко-правовѣднаго языка дикое выраженіе: „*дикая вира*“, обязанное своимъ происхожденіемъ только грубой смѣшной опискѣ,—подобно тому, какъ лишь по милости напутавшаго писца, появилось и, къ сожалѣнію, удерживается до сихъ поръ въ историко-юридической литературѣ другой небывалый терминъ „*поклепная вира*“, ошибочно замѣнившій оборотъ: *поклепъ и вѣра* (недостаточно обоснованное обвиненіе и присяга [1]). Наконецъ, самый размѣръ людской виры, установленный однообразно въ 40 гривенъ, безразлично, принадлежитъ ли убитый къ привилегированному, или же простому классу, соотвѣтствуетъ столь же однообразному размѣру общиной или волостной виры въ 4 руб., опредѣленному въ преобладающемъ большинствѣ уставныхъ грамотъ 14—16 вв., обслѣдованныхъ проф. *Н. П. Загоскинымъ*, что́ даетъ поводъ думать, не соотвѣтствуетъ ли въ данномъ случаѣ рубль серебра, подобно литрѣ серебра и паволокѣ Договоровъ Олега и Игоря, 10-и гривнамъ кунъ.

Пунктъ 2-й. Этотъ, неумѣстно приплетенный къ ст. 15 Кар. сп., пунктъ изложенъ мною по тексту Троиц. сп., но съ прибавкою слова „виру“, взятаго изъ фразы начальнаго предложенія ст. 15-й: „то ти выведутъ *виру*“. Суть его—въ томъ, что, если на территоріи верви находятъ однѣ лишь человѣческія кости или трупъ убитаго лица, то вервь свободна отъ платежа виры. Относительно происхожденія какъ даннаго, такъ и предшествующаго ему пункта анализируемой статьи я раньше уже имѣлъ случай указать, что, по мнѣнію *А. Бинера*, автора извѣстнаго сочиненія по исторіи инквизиціоннаго процесса и суда присяжныхъ, а равно издателя 1-й части Рус. Достопамятностей, начало отвѣтственности общины при нахожденіи въ предѣлахъ ея территоріи трупа неизвѣстно кѣмъ убитаго человѣка восходитъ къ моисееву законодательству [2]). Проф. же *В. В. Сокольскій* находитъ мнѣніе Бинера „несправедливымъ“, такъ какъ приводимая имъ цитата изъ Моисеева Пятикнижія говоритъ только объ очистительной жертвѣ [3]). Между тѣмъ, сличеніе мѣстъ Рус. Правды и устав. грамотъ, относящихся къ общинной вирѣ,съ соотвѣтственными постановленіями моисеево-талмудическаго права убѣждаетъ въ дѣйствительной наличности нѣкоторыхъ чертъ

---

[1]) См. мою статью: „О судеб. доказательствахъ по Рус. Правдѣ“ въ „Вѣстникѣ Правда“ за 1906 г., кн. II, стр. 299.

[2]) См. означенную въ предыдущемъ примѣчаніи статью мою, стр. 303.

[3]) „Главн. моменты въ ист. повальнаго обыска“, К., 1871, с. 17.

сходства между ними. Такъ, первые два стиха гл. XXI Второзаконія гласятъ:

> Если въ землѣ, которую Господь Богъ твой даетъ тебѣ во владѣніе, найденъ будетъ убитый, лежащій на полѣ, и неизвѣстно кто убилъ его, то пусть выйдутъ старѣйшины твои и судьи твои и измѣрятъ (разстояніе) до городовъ, которые вокругъ убитаго".

Эти и послѣдующіе стихи обставлены въ талмудическихъ источникахъ многими толкованіями, изъ коихъ я приведу только два. Выраженіе „измѣрятъ" объясняется такъ: „Отъ какой части тѣла начинаютъ измѣреніе?—отъ головы (отъ носа). Если голову убитаго находятъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ туловище, то послѣднее переносится въ мѣсто нахожденія головы и предается тамъ погребенію" [1]). Отсюда понятно опредѣленіе Правды: „то вервьноую платити, въ чей же верви *голова* лежить, а на костехъ... не платити верви виру". Далѣе, стихъ 1-й упомянутой главы Пятикнижія комментируется Талмудомъ слѣдующимъ образомъ: „Сказано: „если найденъ будетъ убитый лежащій на полѣ". Это значитъ: *лежащій*, но не висящій на деревѣ; „*на полѣ*"—но не плавающій на поверхности воды" [2]). Этому толкованію, воспринятому упомянутою выше арамейскою парафразою Пятикнижія подъ названіемъ „Таргумъ Іонаѳанъ-бенъ-Узіель", соотвѣтствуютъ выдержки изъ напечатанныхъ проф. *Н. П. Загоскинымъ* устав. грамотъ: „А кто... *съ дерева* убіется.., или *рѣкою или съ озера* наплавъ *убитого* или утопленника подъ ихъ дворы... привалитъ, а обыщутъ того безъ хитрости, ино въ томъ виры и продажи нѣтъ" [3]). Слово „*убитого*" показываетъ, что общинѣ не вмѣняется въ вину нахожденіе въ ея земляхъ мертваго тѣла не только въ тѣхъ случаяхъ, когда доказано, что умершій погибъ отъ самоубійства или отъ дѣйствія силъ природы, но и тогда, когда совершено было душегубство, если трупъ найденъ не „на полѣ", а принесенъ теченіемъ воды [4]).

---

[1]) Кодексъ Маймонида, узаконенія о душегубствѣ, гл. 9, § 9.
[2]) Кодексъ Маймонида, т. ж., § 11.
[3]) „Устав. грамоты" XIV—XVI вв.", вып. 2-й, стр. 51—2.
[4]) Впрочемъ, изъ Уставной Устюжно-Железопольской грамоты 1614 г. можно заключить, что, въ случаѣ приплытія мертваго тѣла по рѣкѣ или по озеру, община освобождается отъ платежа виры лишь при условіи, если трупъ не будетъ никѣмъ опознанъ: „А взыщуть на нихъ въ посадѣ убитого мертваго тѣла, или водою приловетъ, а не познаетъ его никто, а исца ему и душегубца нѣтъ, и крестьяномъ въ томъ виры и продажи нѣтъ" (ср. выраженіе разбираемой статьи Правды: „и... по мертвеци не платити верви виру, *оже имене не знаютъ, ни вѣдаютъ его*"). Изъ судебнаго же дѣла, изложеннаго въ актѣ 5-го Августа 1596 г., о найденномъ въ г. Дубнѣ трупѣ убитаго неизвѣстнаго человѣка видно, что члены

На библейскую основу положенія древне-русскаго права, касательно обязанности общины очистить себя отъ подозрѣнія въ принадлежности къ ней убійцы, въ случаѣ, если въ предѣлахъ ея территоріи найденъ будетъ трупъ убитаго, указываетъ проявляющійся въ юридическихъ актахъ западной Россіи взглядъ, по которому нахожденіе трупа считается осквернеміемъ земли, „змазой грунту“ [1]). Взглядъ этотъ отражаетъ начало моисеева законодательства, выраженное, между прочимъ, въ стихѣ 33 гл. 35 Чиселъ: „И не оскверняйте земли, въ которой вы находитесь, ибо *кровь оскверняетъ землю*, и земля не иначе очищается отъ пролитой въ ней крови, какъ кровію пролившаго ее“. Смыслъ этого мѣста—тотъ, что убійство составляетъ нарушеніе не только частныхъ интересовъ убитаго и его семьи, но и порядка общежитія, высшихъ интересовъ *земли*, т. е. общества, государства, и что преступленіе кровопролитія можетъ быть погашено только казнію убійцы [2]).

Въ заключеніе обращу вниманіе на то, что слово „**вервь**“—переводъ еврейскаго chewel, означающаго: 1) веревку, шнуръ (Іис. Нав., 2, 15; Эсѳ. 1. 6); 2) группу, сонмъ (I Ц. 10. 5); 3) жребій, удѣлъ (Пс. 104 (105). 11); межевую вервь (Зах., 2. 5; по объясненію Талмуда, вервь, какъ единица мѣры протяженія, была двоякая: одна содержала 4, а другая 50 локтей), и 4) полосу, *область*, по переводу Лютера—Gegend (Второз., 3. 13, 14). Въ послѣднемъ значеніи слово „вервь“ и употреблено въ разсмотрѣнномъ пунктѣ постановленія Правды,—вопреки мнѣнію проф. *Ясинскаго*, полагающаго въ своей упомянутой статьѣ (см. здѣсь же выноску первую), что въ нашемъ памятникѣ подъ вервью разумѣется не что иное, какъ село, сельская община, а не болѣе крупная территоріальная и земская единица, въ родѣ округи, погоста, волости, какъ думали *Карамзинъ* и *Погодинъ*, производившіе, впрочемъ, „вервь“ отъ шведскаго корня Warf или Hwarf и считавшіе поэтому опредѣленіе о людской вирѣ заимствованнымъ изъ скандинавскихъ законовъ.

Что „вервь“ Р. Правды значитъ именно волость, явствуетъ

мѣстной громады, для своей очистки, должны были присягнуть въ томъ, „*что они не знаютъ между собою убійцы,—что они сами не были причиною убійства, и убитаго не знаютъ, кто онъ и откуда*“ (см. *Иванишева* „Сочиненія“, стр. 281). Эта формула присяги напоминаетъ стихи 6 и 7 гл. XXI Второз.: „И всѣ старѣйшины города того, ближайшіе къ убитому..., объявятъ и скажутъ: *руки наши не пролили крови этой, и глаза наши не видѣли*“.

[1]) См. статью проф. *М. Н. Ясинскаго*: „Село и вервь Р. Правды“ въ сборникѣ статей въ честь *Н. П. Дашкевича* (Eranos), 1906 г., стр. 297.

[2]) См. *Dr. Z. Frankel*: „Der gericht. Beweis nach mos.-talm. Rechte“, 1846, S. 19—20.

изъ приведенной выше уставной грамоты Артемоновскаго стана крестьянамъ 1506 г.: „А учинится у нихъ въ *волости* душегубство, а не доищется душегубца, и они дадутъ намѣстникомъ за голову вѣры четыре (рубли), *а заплатятъ вѣру волостью*“. Еще въ бо̀льшей мѣрѣ это доказывается сравненіемъ ст. 3 и 4 Кар, сп. съ изданнымъ д-ромъ *Фолькманомъ* на средненѣмецкомъ языкѣ древнѣйшимъ писаннымъ памятникомъ польскаго права, въ которомъ постановлено, что, если найденъ будетъ убитый, лежащій на полѣ или дорогѣ, и неизвѣстно, кто его убилъ („Blibet aber eyn gemordet man uf dem veld adir uf der strose legende, unde weis man nicht, wer in geslogen hot“,—слово въ слово, какъ въ вышеприведенномъ 1-мъ стихѣ гл. XXI Второзаконія), то созывается судьею или же владѣльцемъ округа вся *опола* (dy gegenote, ср. указанный Лютеровъ переводъ евр. слова chewel—Gegend) и возлагаетъ на нее пеню, во избѣжаніе которой опола (волость, союзъ близь лежащихъ общинъ) можетъ указать на одну изъ входящихъ въ составъ ея сельскихъ общинъ (dorf), какъ на такую, къ которой принадлежитъ виновный. Послѣдняя въ свою очередь можетъ указать на родъ (geslecht), а родъ на отдѣльное лицо (eyn man) [1])

Отсюда ясно, что и „вервь“ Р. Правды равнозначуща волости, околинѣ, ополѣ.

IV. Пункты 3-ій и 4-ый. Пунктъ третій нашей статьи, постановляющій, что платежъ людской виры, когда преступникъ скрылся, разсрочивается на много лѣтъ, не даетъ никакого повода къ примѣчаніямъ. Четвертый же пунктъ по возстановленному мною тексту его требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій [2]).

Проф. *Вл.-Будановъ* (X-тія, прим. 10 къ ст. 4 Кар.), держась чтенія списковъ, переводитъ сказанный пунктъ такъ: „Но, если преступникъ находится въ верви, то вервь должна помогать преступнику, *или тоже платитъ дикую виру*, потому, что преступникъ прикладывается къ верви (состоитъ съ нею въ круговой

---

[1]) См. В. В. Сокольскаго, ук. соч., стр. 22—23.

[2]) Чтеніе этого пункта установлено мною посредствомъ: а) соединенія ст. 4 и 6 Кар. сп., б) перестановки въ нихъ отдѣльныхъ фразъ и цѣлыхъ предложеній и в) исключенія изъ текста словъ: „а въ сороцѣ гривенъ“, которыя должны быть перенесены въ окончаніе ст. 7 Кар. сп., гдѣ они составятъ начало особой статьи, имѣющей своимъ предметомъ опредѣленіе количества пошлинъ въ пользу вирника и металника: „[А въ сороцѣ (40) гривенъ] вирнику 8 гривенъ, а 10 коунъ перекладная, а металнику 12 вѣкошь, а ссадная гривна“. Что мое предположеніе правильно доказывается содержаніемъ непосредственно слѣдующей, 8-й, ст. Кар. сп.: „*Оже боудетъ вира въ 80 гривенъ*, то вирнику 16 гривенъ и пр.“.

порукѣ), но общая уплата простирается только на (виру) 40 гривенъ, а не головничество (вознагражденіе родственникамъ убитаго), которое уплачиваетъ одинъ убійца; что же касается виры въ 40 гривенъ, то преступникъ платитъ столько, сколько приходится на его часть (по расчету числа членовъ товарищества). Но на такихъ условіяхъ, т. е. съ помощію отъ верви, къ которой онъ прикладывается вирою, онъ платитъ только въ такомъ случаѣ, если совершилъ убійство въ ссорѣ или на пиру открыто (неумышленное убійство)". Переводъ этотъ не устраняетъ всѣхъ трудностей даннаго правила. Такъ, толкованіе фразы: „либо си дикоую виру"—*или вервь должна тоже платить дикую виру* не соотвѣтствуетъ ни буквальному смыслу сказанной фразы, ни общему смыслу статьи 4-й Кар. сп., трактующей исключительно объ условіяхъ, при которыхъ вервь *помогаетъ преступнику* въ уплатѣ виры, а не вмѣстѣ съ тѣмъ объ альтернативной *обязанности общины* также (?) уплатить виру, почему-то называемую *дикою*. Таковая обязанность ни въ какомъ случаѣ не лежала на общинѣ, если преступникъ находился на лицо. Далѣе, нельзя придумать никакого раціональнаго основанія для правила, по которому община, если принять объясненіе проф. Вл.-Буданова, должна была помогать преступнику въ уплатѣ только *виры*, а не *головничества*, разумѣя подъ послѣднимъ частное вознагражденіе родственниковъ убитаго. Наконецъ, выраженіе, означающее, что, въ случаѣ взысканія съ общины 40 гривенъ, преступникъ платитъ столько, сколько приходится на его часть по расчету числа членовъ товарищества—является излишнимъ многословіемъ, ибо, разъ предъ тѣмъ уже сказано было, что община помогаетъ преступнику, уплачивая вмѣсто него виру изъ мірской складчины, въ которой и онъ участвуетъ своими взносами, то незачѣмъ повторить еще особливо, что въ составѣ уплачиваемой виры заключается и часть, приходящаяся на долю преступника. Между тѣмъ, принявъ предложенное мною исправленіе текста, получимъ правило, удобопонятное и вполнѣ опредѣленное: если совершившій неумышленное убійство находится на лицо, то община уплачиваетъ за него *виру*, иначе называемую *головничествомъ*, но лишь тогда, если онъ участвуетъ въ общественной или артельной кассѣ, учреждаемой на предметъ взаимопомощи при уплатѣ виры; въ противномъ же случаѣ община не помогаетъ преступнику, и онъ долженъ уплатить *всю* виру (или, что́ то же, головничество) *своею частію*, т. е. изъ своихъ собственныхъ средствъ, изъ своего собственнаго имущества, понимая здѣсь слово „*часть*", какъ и въ ст. 4 Договора Олега (см. выше, стр. 92), въ смыслѣ евр. chelek—удѣла, достоянія, собственности. А что головничество синонимъ слову вира—на это указалъ еще

Дубенскій въ изданной имъ 2-й ч. Рус. Достопамятностей (стр. 23), а также *Калачевъ* (см. X—тію пр. *Вл.-Буданова*, I, прим. къ ст. 19 Ак. сп.). Мнѣніе же изслѣдователей, что головничество, въ отличіе отъ виры, шедшей въ пользу князя, составляло частное вознагражденіе самаго потерпѣвшаго или его родственниковъ—положительно ни на чемъ не основано.

V. Пунктъ 5-й, трактующій о выдачѣ предумышленнаго убійцы съ женою и дѣтьми на потокъ и разграбленіе, однороденъ по содержанію со ст. 4 Договора Олега, сходствующею, какъ замѣчено выше (стр. 93), съ соотвѣтственнымъ постановленіемъ монгольскаго устава. Различіе послѣдняго отъ нормы, изображенной въ ст. 5 Кар., заключается въ томъ, что по монгольскому уставу имущество и жена убійцы выдаются *родственникамъ убитаго*, какъ объ этомъ можно заключить изъ смысла нѣкоторыхъ другихъ аналогичныхъ статей того же устава (ст. 59, 60, 62 русскаго текста и ст. 53 текста Палласа), тогда какъ взысканіе, опредѣленное Рус. Правдою, замѣняетъ собою княжескую виру, причемъ къ конфискаціи всего имущества преступника *въ пользу князя* присоединяется еще и личная кара,—*потокъ*, соотвѣтствующій римской relegatio, точнѣе—deportatio, съ тою разницею, что, по русскому закону, вмѣстѣ съ убійцею заточалась и вся его семья.

II.

О случаяхъ безнаказанности убійства.

а) О ненаказуемости убійства вора.

1. Аже оубіють *огнищанина* оу клѣти, или оу коня, или оу говяда, или оу коровьѣ татьбы, то оубити въ пса мѣсто, а *тоже поконъ и тивоуницоу*.

(*Ак. сп., ст. 20*).

2. Аже оубьють *татя* на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва, то тои оубить; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжъ дворъ, и оже ли оубьють, а люди боудуть видѣли связанъ, то платити въ немь.

(*Ак. сп., ст. 38*).

3. Оже оубиють *кого* оу клѣти, или оу которые татьбы, то оубиють и́ въ пса мѣсто; аже ли додержать до свѣта, то вести и́ на княжь дворъ; аже ли оубиють и́, а боудоуть люди видели связана, то платити въ томъ (въ немь) 12 гривенъ.

(*Кар. сп., ст. 37*).

4. Оже оубиенъ *тать*, а подымуть ноги во дверѣ (чит.: *дворѣ*), ино убить; оли подымуть ноги за вороты, толи платити въ немь.

(*Ростовскій лѣтописный сп.*).

Акад. *В. В. Ключевскій* („Курсъ р. ист.“ 1908 г., I, 257) по поводу изложенной мною здѣсь въ четырехъ различныхъ редакціяхъ статьи объ убійствѣ татя, соотвѣтствующей ст. 6 Договора Олега, выразился: „Вы чувствуете внутреннюю связь этой статьи съ приведеннымъ мѣстомъ Моисеева закона (изъ книги Исходъ), но видите также, что Моисеево постановленіе обрусѣло въ Правдѣ, приноровлено къ мѣстному обществу и приняло своеобразныя туземныя формы выраженія“. Анализомъ этихъ формъ выраженій, критикою словъ я и займусь.

Первая редакція статьи (Ак. сп., ст. 20): „Если поймаютъ огнищанина (или тіуна) на мѣстѣ преступленія при совершеніи кражи въ клѣти, или коня, или вола, или коровы, то имѣютъ право убить его, какъ собаку“. Почему статья наша по обсуждаемой редакціи дозволяетъ только убить схваченныхъ при совершеніи кражи огнищанина и тіуна, а не всякаго вообще вора?—„Очевидно, отвѣчаетъ проф. *Вл.-Будановъ* (X—тія, I), что общія нормы права вырабатывались чрезъ частные юридическіе казусы. Эта статья, а равно и слѣд. (21-ая), служатъ доказательствомъ, что однимъ изъ главныхъ источниковъ Р. Правды были судебные приговоры“. Но съ такимъ выводомъ, насколько онъ опирается на ст. 20 и 21 Ак., нельзя согласиться, такъ какъ текстъ ихъ видимо испорченъ. Но, чтобы обнаружить ихъ порчу, приходится по неволѣ подвергнуть совмѣстному разсмотрѣнію также и связанныя съ ними статьи 18 и 19 *Акад.* Для наглядности сопоставлю рядомъ наличный текстъ всѣхъ этихъ четырехъ статей и предлагаемое мною исправленное чтеніе ихъ:

Наличный текстъ.	**Исправленный текстъ.**
18. *Аще оубьютъ огнищанина* (въ обидоу), то платити зань 80 гривенъ оубіици, (а *людемъ не надобь*), а въ подъѣздъномъ княжи 80 гривенъ.	18. Аще оубьють огнищанина..., то платити зань 80 грив. оубіици..., а въ подъѣздъномъ княжи 80 гр., [а въ княжи тиоунѣ 80 грив.] [вар.: а тоже поконъ и тивоуницоу].
19. (*А иже оубьютъ огнищанина въ*) разбои, или оубіица не ищоуть, то вирное платити, въ неи же в и р и голова начнеть лежати.	19 ...(*Оже станетъ*) разбои и ли убіица не ищоуть, то вирное платити, въ неи (чит.: *чьей*) же вири (верви) голова начнеть лежати.
20. *Аже оубьютъ* (*огнищанина*) оу клѣти, или оу коня,	20. Аже оубьють... (*татя*) [въ своемъ] (*дворѣ, или*) оу клѣ-

или оу говяда, или оу коровьѣ татьбы, то оубити въ пса мѣсто, (а тоже поконъ и тивоуницу).

21. (*А въ княжи тивоунъ 80 гривенъ*), а конюхъ старый (*оу стада*) 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ (*въ своемъ*) (*конюсѣ*), его же оубилѣ Дорогобоудьци.

ти, или оу коня, или оу говяда, или оу коровьѣ татьбы [вар.: оу стада], то оубити въ пса мѣсто...

21 ...[Въ конюсѣ]... (40 гривенъ), а конюхъ старыи... 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ..., его же оубилѣ Дорогобоудьци.

Для обоснованія предлагаемаго мною измѣненія текста приведенныхъ статей изложу слѣдующее:

а) *Ст. 18 Ак. сп.* переведена проф. *Вл.-Будановымъ* такъ: „Если убитъ будетъ огнищанинъ *умышленно*, до платитъ за него 80 гр. одинъ убійца, *а люди не платятъ ничего*“. Но почему *люди*, понимая это слово въ смыслѣ общины или верви, не платятъ ничего за умышленное убійство только *огнищанина*, а не всякаго другого лица? Да притомъ, гдѣ и когда выраженіе *въ сбиду* означало: умышленно? Я полагаю, поэтому, что ст. 18 и 21 Ак., трактующія о пенѣ за убійство, первоначально входили въ составъ ст. 1-й *Ак.* и что оба выраженія: „а людемъ не надобѣ“ и „въ обиду“ занесены въ теперешнюю ст. 18 Ак. изъ ст. 2-й того же списка, гласящей: „Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, *то не искати емоу видока*...., то взяти емоу за *обидоу* 3 гривнѣ. Въ видѣ варіанта къ фразѣ: „то не искати емоу видока“ на полѣ, можно думать, написано было: „то людемъ (чит: *людье емоу*) не надобѣ“ (т. е.: ему нѣтъ надобности представить свидѣтелей; ср. ст. 45 Кар.: „послуси ему не надобѣ“); выраженіе же „въ обидоу“ составляетъ ошибочное повтореніе словъ „за обиду“. Эти то варіанты и попали, по небрежности писцовъ, въ средину ст. 18 Ак.

б) *Ст. 19 Ак.* Происхожденіе описки въ началѣ этой статьи объясняется просто: писецъ, пропустивъ, по разсѣянности, слова подлинника: „оже станеть“ (разбой, т. е. если случится убійство, ср. ст. 3 *Кар.* по установленному мною выше, на стр. 208, чтенію), написалъ, вмѣсто нихъ, начальныя слова предыдущей (18-й) статьи: „А иже оубіють огнищанина“, откуда и явилось нелѣпое сочетаніе: если *убьютъ* огнищанина въ *разбоѣ*, т. е. въ убійствѣ.

в) *Ст. 20 Ак.* Вмѣсто: „Аще оубьють *татя*“, переписчикъ написалъ: „аще оубіють *огнищанина*“, находясь все еще подъ вліяніемъ начинающейся этими словами ст. 18-й. Далѣе онъ пропустилъ слова: „въ своемъ“ (дворѣ) и „оу стада“, которыя потомъ, спохватившись, поставилъ неумѣстно въ ст. 21 Ак.

г) *Ст. 21 Ак.* По очисткѣ этой статьи отъ сказанныхъ, перенесенныхъ въ нее изъ ст. 20-й, лишнихъ словъ „въ своемъ“ и „оу стада“, а также отъ предложенія: „А въ княжи тивоуни 80 гривенъ“, относящагося къ ст. 18-й Ак., получится только опредѣленіе пени за убійство княжескаго конюха въ (пропущенномъ, по ошибкѣ) количествѣ 40 грив. (ср. ст. 9 Кар.) и за убійство конюха стараго,—„старѣйшины конюхомъ“, конюшого (ср. ст. 10 Кар.)—въ количествѣ 80 грив. А при такомъ изложеніи текста данной статьи становится возможнымъ дать заключительной ея фразѣ: „яко оуставилъ Изяславъ..., его же оубилѣ Дорогобудьци (или Дорогобоужци)“ объясненіе, совершенно отличное отъ традиціоннаго толкованія его. Обыкновенно объясняютъ, что дорогобужцы убили стараго конюха, пасшаго лошадей Изяслава, за что князь приказалъ взыскать съ убійцъ 80 гр.,—пеню, взимавшуюся за убійство княжихъ мужей и тіуновъ княжихъ (*Сергѣевичъ*: Рус. юрид. древ., I, изд. 2, стр. 447). Но мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, что изслѣдуемая фраза означаетъ установленіе, *вообще*, замѣны смертной казни за душегубство денежными пенями, смотря по сословному или должностному состоянію убитаго,—являясь такимъ образомъ варіантомъ ст. 2 Кар.: „По Ярославѣ же паки совъкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и пр., и отложиша оубиеніе за головоу, но коунами ся выкоупати“. То, что въ этой послѣдней статьѣ приписывается тремъ Ярославичамъ сообща, заключительная замѣтка ст. 21-й Ак. считаетъ дѣломъ одного Изяслава. Слова же: „его же оубилѣ Дорогобужци“ относятся, по моему, не къ старому конюху, а къ *самому Изяславу*. Извѣстна манера составителей голыхъ перечней русскихъ князей и архипастырей упоминать вкратцѣ, относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ, обстоятельства, при которыхъ послѣдовала ихъ кончина. Такъ, напр., въ статьѣ Твер. лѣтоп.: „О княженіи Кіевскомъ и князяхъ ихъ“ читаемъ: „Первый Игорь, *его же убиша Древляне....*; и преставися Ярославъ, и осташася 3 сынове его: Изяславъ..., и *убиша Изяслава на рати Половци*“. Или: статья Воскр. лѣт.: „Начало православныхъ государей и вел. князей Русскихъ“ подъ 1055 г. даетъ: „А Святослава въ Кіевѣ не стало, и по семь сѣде въ Кіевѣ въ-третіе Изяславъ Ярославичь; а *Изяславъ убитъ на бою*“. Подъ 1159 г.: „И Ростиславъ съвокупися со братанами своими и поиде къ Кіеву на Изяслава, и бысть имъ бой... *и на томъ бою убіенъ бысть и самъ князь великый Изяславъ Давыдовичь*“ [1]). Въ виду этого, позволительно предположить, что въ данномъ случаѣ въ прототипѣ

---

[1]) См. „Сводную Лѣтопись“, состав. *Л. И. Лейбовичемъ*, 1876 г. стр. 263, 269 и 271.

Акад. списка послѣ перечисленія названій разныхъ лицъ (по сословіямъ и должностямъ), за убійство коихъ опредѣлена ординарная или же двойная вира, стояла первоначально замѣтка справщика: „Яко уставилъ Изяславъ“,—выражающая, что весь приведенный тарифъ платы за голову установленъ названнымъ княземъ, но затѣмъ позднѣйшимъ переписчикомъ прибавлено, для ближайшаго обозначенія личности Изяслава: „его же оубилѣ Дорогобужцы“. Почему Дорогобужцы? Возможно, что въ какомъ-либо письменномъ источникѣ содержалось извѣстіе, что какой-то князь Изяславъ былъ убитъ Дорогобужцами, а переписчикъ приплелъ это извѣстіе къ Изяславу Ярославичу, убитому въ бою на „Нѣжатинѣй нивѣ“.

И такъ, все изложенное доказываетъ, полагаю, что, вопреки утвержденію изслѣдователей, занимающая насъ ст. 20 Ак., какъ равно и слѣдующая за нею, ст. 21, содержитъ не судебный приговоръ по частному юридическому казусу, а общую правовую норму, касательно дозволенія убить всякаго, кто бы онъ ни былъ, вора, пойманнаго при самомъ совершеніи кражи „во дворѣ, или въ клѣти, или *у стада*“.

Вторая и третья редакціи. (Ст. 38 Ак. и 37 Кар.). Проф. *Вл.-Будановъ* въ примѣч. къ ст. 38 Ак. поясняетъ, что постановленныя въ ней ограничительныя условія („аще ли до свѣта держать..., то платити въ немь“) „не созданы вновь, а только занесены въ Сборникъ по поводу *новаго* юридическаго случая. Полное самоуправство надъ воромъ не позволено еще Договоромъ Олега“. Что сказанныя ограничительныя условія не составляютъ законодательнаго новшества—нѣтъ надобности и говорить, ибо выше (стр. 104), при разсмотрѣніи ст. 6 Олегова Договора, я уже имѣлъ случай привести отзывъ составителя выборки моисеевыхъ и римскихъ законовъ подъ заглавіемъ Lex Dei, что опредѣленіе условій, при коихъ дозволяется убійство вора, восходитъ еще къ моисееву законодательству. Мнѣніе же, что статья 38 Ак. и параллельная ей ст. 37 Кар. занесены въ сборникъ, именуемый Русскою Правдою, по поводу *новаго* юридическаго казуса, ничѣмъ не подтверждено. Что же касается болѣе пространнаго содержанія обѣихъ упомянутыхъ статей (38 Ак. и 37 Кар.), сравнительно со статьею 20 Ак. сп., то оно объясняется тѣмъ, что писецъ, написавъ (съ погрѣшностями) первую часть этой послѣдней статьи до словъ: „въ пса мѣсто“, остановился здѣсь, не дописавъ, по недосмотру, второй ея части,—подобно тому, какъ тотъ же писецъ, забывъ, что имъ уже занесена полностію статья 2 Ак. (=ст. 24 Кар.)—„о мужѣ кровавѣ“,—по оплошности, привелъ эту же статью вторично, но написалъ (см. ст. 28 Ак.) только первую ея половину: „Аще же пріидеть кровавъ моужь любо синь, то не искати

ему послоуха“, опустивъ совсѣмъ ея окончаніе. Строить на такихъ очевидныхъ до наглядности ошибкахъ переписчиковъ какіе бы то ни было выводы—значитъ строить на пескѣ.

Четвертая редакція. Добавочная къ ст. 38 Ак. статья, найденная Татищевымъ въ Ростовской лѣтописи, обратила на себя вниманіе *Як. Іримма*, нашедшаго въ ней сходство съ постановленіемъ скандинавскихъ законодательствъ, по которому убійство вора, схваченнаго при подкопѣ или насильственномъ влѣзаніи въ чужую усадьбу, наказуемо, если ноги убитаго пали внутри, а голова внѣ ограды двора; если же ноги пали по направленію къ наружи, а голова—во внутрь, то взыскивалась пеня,—такъ какъ предполагается, что голова падаетъ туда, гдѣ стояли ноги (Deutsche Rechtsaltertümer,S. 628). Постановленіе это указано *Н.И. Калачевымъ* (означ. соч., стр., 185) и проф. *Вл.-Будановымъ*, безъ изложенія, впрочемъ, самаго, только-что приведеннаго мною, содержанія его. Но мнѣ кажется, что аналогія здѣсь неумѣстна, потому что въ нашей статьѣ ничего не говорится о нахожденіи во дворѣ или внѣ двора *головы* убитаго вора. Я предлагаю поэтому такое чтеніе данной статьи:

„**Оже убіенъ тать**“. А подымуть *оного* во *дворѣ*, ино убить; оли подымуть *оного* за вороты, толи платити въ немь“.

Т. е. *Объ убійствѣ вора.* Если поймаютъ *его* во дворѣ, то его имѣють право убить; если же *его* поймаютъ за воротами, то платить за убійство его.

При такомъ чтеніи, статья наша, очевидно, извлеченная изъ какого-нибудь номоканоническаго сборника, можетъ быть сербскаго, гдѣ, вм. „ноги“, стояло: „ніега“, или „онога“, представляетъ собою, замѣчательнымъ образомъ, парафразу стиховъ 2 и 3 (по евр. нумераціи, 1—2) гл. XXII кн. Исходъ въ истолкованіи Талмуда Іерусалимскаго, который эти два стиха передаетъ такъ: „если найдется воръ въ подкопаніи и будетъ убитъ, нѣтъ вины за его кровь; если же внѣ подкопа—есть вина за его кровь“ [1]).

б) О ненаказуемости или уменьшенной наказуемости убійства раба.

Трактующая объ этомъ ст. 102 Кар. сп. гласитъ: „А въ холопѣ и въ робѣ [*оже боудетъ виноватъ*, или, по др. сп., *виновата*] [2]),

---

[1]) Талмудъ Іерусалимскій, тракт. Сангедринъ, гл. 8. Ср. изслѣдованіе рав. Х. *Черновица*: „Ученіе о кражѣ и грабежѣ по библейско-талмуд. праву“ (на евр. языкѣ). Одесса, 1909 г., стр. 22 и сл.

[2]) Фразу эту я перенесъ сюда изъ предыдущей, 101-й, статьи Кар., гдѣ она только затрудняетъ смыслъ.

виры нѣтъ, но оже боудетъ безъ вины оубіенъ, то за холопа и робу платити оурокъ, а князю продажи 12 гривенъ".

Насколько предыдущая статья во всѣхъ ея редакціяхъ является точнымъ воспроизведеніемъ нормы моисеева законодательства, настолько настоящая статья чужда началамъ сего послѣдняго. По моисееву Пятикнижію (Исх., 21. 20, 21) „если кто ударитъ раба *своего* или служанку *свою* палкою (нѣкоторые переводятъ: розгою), и они умрутъ подъ рукою его, то онъ долженъ быть наказанъ (по объясненію Талмуда, казненъ мечемъ); но, если они день или два переживутъ, то не должно наказывать его". По талмудическому толкованію, если удары нанесены не палкою или розгою, а ножемъ, мечемъ, камнемъ и тому подобнымъ опаснымъ для жизни орудіемъ, то господинъ подлежитъ смертной казни, хотя бы рабъ умеръ не чрезъ день или два, а чрезъ годъ. Убійство же *чужого* раба наказывается совершенно одинаково, какъ убійство свободнаго человѣка [1]). Постановленіе Пятикнижія вошло буквально въ капитуляріи Карла Великаго и въ сборникъ законовъ короля Англіи Альфреда Великаго, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ—въ византійскіе Эклогу и Прохиронъ, и дословно—въ Законъ Судный [2]). Наша же 102 ст. Кар. сп., хотя и выражаетъ проникшее, благодаря настойчивому воздѣйствію представителей церкви, въ нѣкоторые средневѣковые кодексы правило, что господину не вмѣняется въ вину убійство раба только при наличности вины послѣдняго (ne domini extra culpam servos suos occidant, Lex Visig, VI. 5, 12), но это условіе относитъ лишь къ случаямъ убійства *чужого* раба. Что же касается собственнаго холопа, то надъ его жизнію власть господина въ древнюю эпоху была неограничена; своего холопа господинъ, согласно приведенной Гриммомъ старинной нѣмецкой пареміи, вправѣ былъ безнаказанно „кипятить или жарить" (sieden oder braten).

III.

О нанесеніи побоевъ и ранъ.

Параллельныя статьѣ 5 Договора Олега статьи 21 и 25 Рус. Правды по Кар. сп., трактующія о побояхъ, привлечены проф.

---

[1]) Кодексъ Маймонида, раздѣлъ: „о душегубствѣ", гл. 2, § 14. Ср. Dr. *M. Mielziner*: Die Verhältnisse der Sclaven bei den alten Hebräern", 1859, S. 54, 55.

[2]) См. Jac. *Grimm*, op. cit, p. 334, 335.—I. Yanoski: De l'abolition de l'esclavage ancien de moyen age. Paris, 1860, p. 121; Печат. Кормчую, гл. 48, грань 39, ст. 86; т. же, гл. 49, зачало 16, ст. 6; Рус. Достопамятности, ч. II, с. 185.

Вл.-Будановымъ въ качествѣ самаго убѣдительнаго, по его мнѣнію, доказательства вѣрности своего взгляда, что хорвато-далматскіе юридическіе памятники, изслѣдованные имъ въ своемъ трудѣ: „Неизданные законы юго-западныхъ славянъ“, а именно: „Законникъ города Каствы“ и „Законъ общины Вепринской“, преимущественно же послѣдній, „имѣютъ ближайшее и поразительное сходство съ Р. Правдою и узаконеніями той же эпохи, и, что особенно замѣчательно—сходство простирается именно на тѣ стороны права, въ которыхъ славянское право отличается отъ правъ другихъ народовъ той же степени культуры“ (Ж. М. Н. Пр. за 1881 г., Мартъ).

Въ виду особаго значенія, которое самъ авторъ придаетъ своимъ замѣчаніямъ, высказаннымъ по поводу интересующихъ насъ теперь статей Правды, въ связи съ соотвѣтственными постановленіями Вепринскаго статута, я процитирую съ небольшими пропусками подлинныя его слова:

...„Законъ Вепринца постановляетъ: „Кто ударитъ (друга) дланью (ладонью), тотъ платитъ марокъ 5. А кто ударитъ пястью (кулакомъ) или камнемъ, платитъ марку 1“ (ст. 20—21). Русская Правда въ параллельныхъ статьяхъ говоритъ: „Если кто кого ударитъ батогомъ, или чашею, или рогомъ, или тупою стороною меча, (тылеснищею, по др. сп.: тылеснію), то (платитъ) 12 гривенъ (ст. 25 Кар.) А кто ударитъ мечемъ, но не посѣчетъ на смерть, то три гривны; если же посѣчетъ на смерть, то вира“ (ст. 21 Кар.). То-есть, и по законамъ Вепринца, и по Русской Правдѣ удары, не угрожающіе не только жизни, но и здоровью, караются въ четыре и въ пять разъ строже, чѣмъ раны мечемъ, ударъ камнемъ, несравненно болѣе опасные... Такое сходство въ постановленіяхъ двухъ законовъ, удаленныхъ одинъ отъ другого и пространствомъ, и временемъ, становится тѣмъ поучительнѣе, чѣмъ сходныя постановленія оригинальнѣе и непонятнѣе, ибо въ странностяхъ предметы расходятся, а не сходятся. Мы видимъ здѣсь не чудачество, не аномалію, а новое доказательство... мысли о свойствахъ древняго славянскаго уголовнаго права (обращенія вниманія на внутренніе мотивы преступнаго дѣйствія). Грубая мѣрка оцѣнки преступленія по степени нанесеннаго вреда предполагаетъ и въ этомъ вредѣ нѣчто столь же грубое, матеріальное; для понятія вреда нужно, чтобы былъ выколотъ глазъ, чтобы былъ выбитъ зубъ. Честь есть предметъ неуловимый для этой эпохи права; честь не входитъ въ число объектовъ преступленія. Щекотливость чести, но и то сословной или чиновной, наступитъ позднѣе, въ такъ называемую среднюю эпоху. Не то находимъ мы въ славянскомъ правѣ, именно въ приведенныхъ постановле-

ніяхъ Русской Правды и Вепринскаго закона. Ударъ, нанесенный дланью (ладонью), есть ударъ, не опасный для здоровья, но чувствительный для чести; ударъ камнемъ опаснѣе для здоровья, но не оскорбляетъ чести. Изъ этихъ двухъ благъ, охраняемыхъ уголовнымъ закономъ, этотъ послѣдній ставитъ въ пять разъ выше честь, чѣмъ здоровье. Точно также и Русская Правда считаетъ (и справедливо) ударъ чашею (во время пира), тупою стороною меча, батогомъ, палкою—актами нападенія на честь, за которые и караетъ въ четыре раза строже, чѣмъ за нанесеніе раны обнаженнымъ мечемъ, при чемъ страдаетъ только здоровье, но не честь потерпѣвшаго".

Означенныя соображенія и сдѣланный изъ нихъ выводъ при внимательномъ взвѣшиваніи оказываются совершенно шаткими, какъ опирающіеся на невѣрныя посылки и, главное, на неисправные тексты. Такъ, достопочтенный авторъ находитъ безспорнымъ, что ударъ батогомъ, палкою, чашею и тупою стороною меча Русскою Правдою квалифицируются, какъ нападеніе на честь. Но на чемъ основано это утвержденіе? Обиднымъ вѣдь можно считать развѣ только ударъ батогомъ (плетью) и тылесницею, понимая подъ послѣднимъ словомъ не тупую сторону меча, а *тылъ десницы* (десница читается въ Чудов. I сп.), т. е. заднею частію ручной кисти [1]). Но почему удары рогомъ, чашею, а въ особенности, упоминаемою въ ст. 3. Акад. сп. на первомъ планѣ жердію признаются и должны, какъ выразился нашъ ученый, справедливо признаваться исключительно оскорбленіемъ чести, а не актами, направленными на причиненіе тѣлеснаго поврежденія? Затѣмъ, если согласиться, что побои, нанесенные палкою и жердію наказываются въ четыре раза строже, нежели ударъ обнаженнымъ мечемъ, только потому, что ими выражается презрѣніе къ потерпѣвшему, то, чѣмъ объяснить, что по ст. 26 Кар. за тѣ же побои назначена пеня уже не въ 12, а въ 3 гривны, не говоря о томъ, что по большинству списковъ такая же 3-гривенная пеня назначена и за ударъ по лицу [2]), и что, съ другой стороны, за ударъ мечемъ или ножемъ въ трехъ спискахъ опредѣлена пеня, вмѣсто 3 гр., въ 9 гривенъ? [3]). Кромѣ того, по мирной грамотѣ новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г., на которую ссылается проф. Вл.-Будановъ въ подтвержденіе сходства закона Вепринца съ памятниками древне-русскаго права, какъ удары желѣзомъ или коломъ,

---

[1]) См. Рус. Достоп., ч. II, стр. 66.

[2]) *Калачовъ*: „Предвар. юрид. свѣдѣнія для пол. объясн. Р. Правды", стр. 221.

[3]) *Калачовъ*, ук. соч., стр. 193.

направленные, конечно, только на поврежденіе тѣла, такъ и оскорбительное срываніе покрова съ головы женщины караются одинаково пенею въ 6 грив.; по смоленской же договорной грамотѣ 1229 г., въ основу которой, какъ полагаютъ изслѣдователи, легла Р. Правда, за ударъ деревомъ до крови положены полторы гривны серебра=6 гр. кунъ, а за явно оскорбительные удары, по лицу, или батогомъ, или за хватаніе за-волосы—вдвое меньше, т. е. 3 грив. кунъ.

Все изложенное и даетъ основаніе заключить, что текстъ данныхъ статей Правды испорченъ и особенно ошибочны цифры штрафа, каковыя ошибки въ цифровыхъ знакахъ встрѣчаются въ нашемъ памятникѣ и вообще сплошь и рядомъ [1]). Воспроизвести же первоначальный текстъ обсуждаемыхъ статей возможно путемъ сличенія ихъ съ постановленіями о побояхъ титула 39 Прохирона (Зак. Градскаго), уже разъ приведенными мною выше (стр. 99) при разсмотрѣніи ст. 5 Договора Олега, а также съ соотвѣтственными опредѣленіями Монгольскаго Устава.

Въ упомянутомъ титулѣ Прохирона, какъ мы видѣли, постановленія о смертельныхъ побояхъ слѣдуютъ одно за другимъ по такой градаціи: 1) удары *мечемъ*, причинившіе смерть, угрожаются отсѣченіемъ головы, а обыкновенные удары мечемъ —отсѣченіемъ руки; 2) побои, нанесенные въ ссорѣ и дракѣ *деревомъ* или *камнемъ*, и *толканіе* („пьханіе“), имѣвшіе послѣдствіемъ смерть удареннаго,—отсѣченіемъ руки; 3) смертельные удары *болѣе легкими предметами* („легкымъ чимъ“)—тѣлесною карою и изгнаніемъ, и 4) смертельный ударъ *рукою*—только изгнаніемъ. По Монгольскому Уставу (ст. 92 русскаго текста, и ст. 84 текста Палласа) за удары, нанесенные въ дракѣ какимъ-либо *опаснымъ оружіемъ* взыскивается 45 скотинъ,—*деревомъ* или *камнемъ*—доспѣхъ и 9 скотинъ; *кулакомъ* или *плетью*—5 скотинъ.

Едва-ли можно сомнѣваться, что и въ Рус. Правдѣ статьи, относящіяся къ побоямъ (*не*смертельнымъ) и раненію, шли первоначально въ такомъ же послѣдовательномъ порядкѣ, т. е. отъ наиболѣе строго наказуемыхъ ударовъ къ караемымъ слабѣе, и изложены были въ слѣдующемъ видѣ:

---

[1]) Для примѣра укажу на слѣдующія ошибки въ цифрахъ: 1) въ ст. 89 Кар., въ выраженіи: „Оже мучитъ смердъ смерда.., то 3 гривны продажи“, вмѣсто 3, въ одномъ изъ списковъ значится 10 (Калачовъ, ук. соч. стр. 191, XCV, выноска *f);* 2) въ ст. 135 Кар., вмѣсто 7 ногатъ, въ одномъ спискѣ—50, а въ двухъ спискахъ—80 (т. же, XCIV, выноска *f)*; 3) въ ст. 85 Кар.: „о накладѣхъ“, вм. „отроку *двѣ* гривны“, въ 4 сп. значится: 12 гривенъ, а вм. „перекладнаго 5 кунъ“, въ двухъ спискахъ—10 кунъ (т. же, стр. 225—6, CXXXVIII, выноска *e* и *b*'). Такихъ примѣровъ можно привести множество.

а) Аще ударитъ *мечемь* [или ножемь] и не утнеть на смерть, то [12] гривенъ продажи, а *самому* (*3 гривны*) (дополненіе: а самому судять за рану и еже лѣчебное есть); потнеть ли на смерть, то вира (платити) [1]).

б) [Не терпя ли противу тому тнеть *мечемъ*], (аще ли сего не постигнуть (чит.: *постигнетъ*) [смирять] (чит.: *смьрть*), [то вины ему въ томъ нѣту]. Т. е. нанесеніе встрѣчнаго удара мечемъ противнику, который ударилъ первымъ, не вмѣняется вовсе въ вину, если только не послѣдовала смерть побитаго [2]).

в) Оже кто ударить *мечемь не вынезъ его*, или рукоятью, то 12 гривенъ продажи, (а) за обиду [гривна] [3]).

г) Аже ли *вынезъ мечь*, а не ударивъ, то гривна кунъ [4]).

д) Иже *попьхнеть* мужь мужа любо къ себѣ, любо отъ себя, или *палицею* или *жердію* оударить [то князю вины 9 гривенъ] [5]).

е) Оже кто оударить кого *батогомъ*, или *чашею*, или *рогомъ*, [любо *пястью*], любо *тылесницею* (чит.: тыломъ десницы), то [3 гривны продажи] [6]).

Относительно же указанныхъ выше статей статута Вепринца, постановляющихъ, что кто ударитъ ладонью, платитъ марокъ 5,

---

[1]) Кар. сп., ст. 25. Слова: „или пожемь“ и дополненіе: „а самому судять и пр.“ взяты изъ списковъ 29, 33 и 34 (Калачовъ, ук. соч., стр. 193, XCIX, столб. 2); цифра „12“ перенесена сюда изъ ст. 21 Кар.

[2]) Обведенныя прямыми скобками слова взяты изъ второй половины ст. 21 Кар., а слова, заключенныя въ полукруглыя скобки—изъ второй половины ст. 3 Ак. сп.—изъ сочетанія: „аще сего не постигнуть..., *то тоу конець*“. (Послѣднія три слова, по моему, несомнѣнно стояли первоначально не здѣсь, а предъ началомъ Р. Правды, для означенія того, что въ сборникѣ разнородныхъ статей, гдѣ нашъ памятникъ впервые былъ помѣщенъ, предшествующая послѣднему статья окончена, а затѣмъ начинается новая статья—Р. Правда). Что касается слова „смирять“, то оно взято мною изъ заключительной фразы ст. 5 Ак. сп.: „*тогда чада смирять*“. *Эверсъ*, а за нимъ пр. *Вл.-Будановъ*, переводятъ ее: „дѣтямъ раненнаго смирять дерзкаго“. Но я позволяю себѣ думать, что въ ст. 5 Ак. сп., видимо, недостаетъ конца и что слово „чада“ составляетъ ошибочно поставленный здѣсь варіантъ къ слову „*сынови*“ въ сочетаніи предыдущей ст. 1 Ак. сп.: „любо сестриноу сынови“, а слово „смирять“ должно быть перемѣщено въ статью, означенную мною въ текстѣ подъ лит. **б**,—въ сочетаніе: „аще сего не постигнеть *смьрть*“.

[3]) Кар. сп., ст. 19=Ак., ст. 4. Слово *гривна* въ концѣ взято изъ ст. 25 Кар.

[4]) Кар., ст. 20=Ак., ст. 8.

[5]) Кар., ст. 26=Ак., ст. 9. Заскобленныя слова перенесены сюда изъ ст. 25 Кар., какъ она изложена въ спискахъ 29, 33 и 34 (Калачовъ, ук. соч. стр. 193),

[6]) Кар., ст. 21=Ак., ст. 3. Слова: „3 три гривны продажи“ взяты изъ ст. 26 Кар.

а кулакомъ или камнемъ (kamikom) 1 марку, — необходимо принять во вниманіе, что подлинникъ „Закона общины Веприн-ской“, написанный въ 1507 г. глаголицею, по заявленію проф. Вл.-Буданова, истлѣлъ и разорванъ и что хранящійся въ архивѣ Загребской академіи наукъ списокъ этого памятника, сдѣланный въ 1851 г. латинскими литерами, по разнымъ обстоятельствамъ, не могъ быть профессоромъ сѣренъ съ оригиналомъ. Въ виду этого, нельзя ручаться, что слово kamikom транскрибировано вѣрно, и можно предположить, что, вмѣсто kamikom (камнемъ), въ подлинникѣ стоитъ или стояло слово, означающее: колѣномъ, колѣнкомъ,—которое гораздо ближе подходитъ къ предшествующему слову pestu—пястью, кулакомъ.

Такимъ образомъ, утвержденіе, что болѣе строгая репрессія за обиду дѣйствіемъ, нежели за тѣлесныя поврежденія, составляетъ черту, свойственную всѣмъ славянскимъ законодательствамъ и, въ частности, Русской Правдѣ и Законамъ общины Вепринца, само по себѣ недостаточно обосновано. Во всякомъ же случаѣ положительно невѣренъ высказанный проф. *Вл.-Будановымъ* въ упомянутомъ его изслѣдованіи взглядъ, будто, въ отношеніи понятія о преступленіяхъ противъ чести и преимущественной (удвоенной) защитѣ чести женщины, общеславянское право рѣзко отличается отъ правъ другихъ не-славянскихъ народовъ. Достаточно указать, что талмудическое право, сообразно постановленіямъ редактированной въ концѣ 2-го в. по Р. Х. Мишны, опредѣляетъ:

> „Кто ударитъ другого *ногой*, платитъ пять „селъ“ (*села*—денежная единица, равняющаяся сиклу, содержащая 4 динаріевъ или зузовъ),—*кольномъ*—3 „селъ“,—сжатымъ *кулакомъ*—13 „селъ“,—*ладонью*—1 „селу“; за ударъ по лицу—50 „селъ“; за ударъ (по лицу) *тыломъ ручной кисти* (m'achure jado, ср. „тылесницею“ Р. Правды)—100 „селъ“; такой же штрафъ платитъ тотъ, кто дергаетъ другого за-уши, или деретъ за-волосы, или плюетъ на него, или срываетъ съ него верхнюю одежду (talith—китель), или обнажаетъ голову женщины“ [1]).

Подобныя же нормы содержатся и въ Монгольскомъ Уставѣ (ст. 98—100).

> „Ежели кто отдеретъ у кого на шапкѣ кисть, или выдеретъ съ головы его косу, и за то съ того человѣка взять *пять скотинъ*, а за выдраніе бороды и уса—лошадь и барана, а буде кто знат-

---

[1]) Талмудъ Вавил., тракт. „Бава-Кама“, л. 90а, *въ Мишнѣ*. Кодексъ Маймонида, раздѣлъ: „о раненіи и поврежденіи“, гл. 3, § 9. Ср. *Mayer*: Gesch. d. Strafrechte, S. 540.

ному человѣку въ лице плюнетъ или земли броситъ, или лошадь, на которой онъ будетъ сидѣть, по головѣ ударитъ плетью, или его съ лошади за полу потянетъ, и за то съ такого человѣка взять одну лошадь..., а кто у женщины волосы или кисть на шапкѣ выдеретъ, и за то съ онаго взять девять скотинъ".

Приведенныя параллели еще разъ подкрѣпляютъ мысль о близкомъ сходствѣ многихъ положеній древне-русскаго права, съ одной стороны, съ монгольскимъ, а съ другой, и притомъ въ несравненно бо́льшей мѣрѣ,—съ еврейскимъ правомъ,—сходствѣ, могущемъ быть объясненнымъ не случайнымъ совпаденіемъ и не тѣмъ, что „азіатскіе народцы XVII в. жили въ условіяхъ почти одинаковыхъ съ русскими XI—XII в.", какъ выразился въ одномъ мѣстѣ проф. *Вл.-Будановъ* [1]), а также не „единствомъ природы духа человѣческаго", по замѣчанію того же ученаго (т. ж.), а прямымъ заимствованіемъ отдѣльныхъ постановленій правомъ одного народа изъ права другого народа, ибо, чѣмъ, если не заимствованіемъ, обусловливается хотя-бы, напр., одинаковое различеніе какъ въ русскомъ, такъ и въ еврейскомъ правѣ, удара ладонью отъ удара, нанесеннаго тыльною стороною ручной кисти—„тылесницею"? Неужели и тутъ примѣнима доктрина о „единствѣ природы духа человѣческаго"? Почему же это единство не проявлялось и въ другихъ законодательствахъ, напр., въ германскихъ народныхъ Правдахъ? Или, быть можетъ, и евреи эпохи Мишны жили въ одинаковыхъ условіяхъ и стояли на одной степени культуры съ русскими XI—XII в.?!

---

[1]) См. его рецензію на изданный проф. *Ѳ. И. Леонтовичемъ* „Древній монголо-калмыцкій уставъ взысканій" въ Кіев. Унив. Изв. за 1879 г., кн. 8, стр. 206.

Глава пятая.

Полный исправленный текстъ Договорныхъ грамотъ, клятвенныхъ формулъ и относящихся къ заключенію и утвержденію Договоровъ лѣтописныхъ разсказовъ.

I.

Лѣтописные разсказы объ отправкѣ русскими князьями пословъ къ царямъ греческимъ для заключенія Договоровъ

I. Договоръ Олега.	II. Договоръ Игоря.	III. Договоръ Святослава.
а) Въ лѣто 6420... Посла мужи свои Олегъ (въ Царьградъ, ко царема Лву и Александру —*изъ Тверской лѣтописи*) построити мира (первого) и положити рядъ межю Русью и Грекы.	а) Въ лѣто 6453... Игорь же посла ...мужѣ своя къ Роману (чит.: *и Костянтину и Степану*) [глагола (чит.: *глаголати*) съ ними о мирѣ].	а) Въ лѣто 6479... И послаша (Святославъ и дружина его) лѣпшиѣ мужи ко цареви, и придоша въ Дерьвъстръ и повѣдаша цареви.
	б) Романъ же созва боляре и сановники. Приведоша Руския слы и велѣша глаголати...	б) Царь же радъ бысть (и) на утрия призва я́, и рече царь: „да глаголють сли Рустии“, и повелѣ царь писцю писати вся рѣчи Святославля на харатью.
		в) Нача глаголати солъ вся рѣчи и начаписецьписати...(1).

г) [Они же рѣша: Тако глаголеть князь нашь: „Хочу имѣти любовь со царемъ Гречьскимъ, свершеную (въ) прочая вся лѣта] (2).

г) (*Они же рѣша*): [„И (*се*) великий князь нашь Игорь (и князи) и боляре его, и людье вси Рустии послаша ны къ Роману и Костянтину и къ Стефану, къ великымъ царемъ Гречьскимъ, створити любовь съ самѣми цари, со всѣмь болярьствомъ и со всѣми людьми Гречьскими на вся лѣта, дондеже съяеть солнце и весь міръ стоить“] (3).

г) (*Они же рѣша: Тако глаголеть князь нашь*: [„Хочю имѣти миръ и свершену любовь со [Иваномъ] (чит.: *Иваномъ*) всякимь (исправлено: *великимъ*) царемъ Гречьскимъ и съ Василиемъ и Костянтиномъ, съ богодохновеными царі, и со всѣми людьми вашими ...до конца вѣка“] (4).

Примѣчанія.

1. Сегменты подъ лит. *б* и *в* въ третьей слѣва графѣ напоминаютъ стихи 21—23 гл. XIV первой кн. Маккавейской. Узнавъ, что послѣ смерти Іонаѳана первосвященникомъ сдѣлался, вмѣсто него, братъ его Симонъ, Спартанцы отправили послѣднему письмо такого содержанія: „Послы, присланные къ народу нашему, разсказали намъ о вашей славѣ и чести, и мы *возрадовались прибытію ихъ, и записали сказаннос ими въ народномъ совьтѣ* такъ: Нуминій, сынъ Антіоха, и Антипатръ, сынъ Іосона, послы Іудейскіе, пришли къ намъ возобновить съ нами дружбу. И угодно было народу принять этихъ мужей съ честію и *внести запись словъ ихъ въ открытыя народныя книги*, на память народу спартанскому“.

2. Сегментъ подъ лит. *г* въ первой графѣ слѣва перенесенъ мною сюда изъ окончанія лѣтописнаго разсказа, предшествующаго обязательной грамотѣ Святослава 971 г.

3. Сегментъ подъ лит. *г* въ средней графѣ перемѣщенъ мною сюда изъ текста Договора Игоря 945 г.

4. Въ 3-й слѣва графѣ, обведенный прямыми скобками сегментъ подъ лит. *г* взятъ изъ текста грамоты Святослава 971 г.

Особеннаго объясненія требуетъ предлагаемая мною поправка чтенія списковъ: „Хочю имѣти миръ и свершеную любовь со **всякимь великимь** царемъ Гречьскимъ“. *Шлецеръ* (III, 589) переводитъ: „Хочу имѣть миръ и совершенную любовь ко *всьмъ* (великимъ)

греческимъ царямъ и къ Василію и къ Константину". *Срезневскій* указалъ, что въ клятвенномъ обѣщаніи Святослава „нѣтъ самаго важнаго—имени императора Іоанна Цимисхія, тогда какъ имена его соправителей, Василія и Константина, стоятъ!... Могло ли это быть? Конечно, нѣтъ. Куда же оно пропало?—Оно не пропало, а спряталось". Чтобы вывести его наружу, авторъ обратился къ содѣйствію глаголиты,—къ помощи переложенія слова *всякъмь* на глаголическія буквы. „Не трудно, продолжаетъ онъ, написать глагол. *в* сходно и съ *и*, и съ *с*, не трудно и буквѣ *н* дать форму, похожую на *к*:—писецъ, переписавшій грамоту Святослава съ глаголицы на кириллицу, принялъ *и* за *в*, потомъ *в* за *с*, наконецъ *н* за *к*, и у него вышло *всякъмь*, вмѣсто *иваньмь*" [1]). Нѣтъ надобности доказывать всю шаткость этой гипотезы. Между тѣмъ слово „Иваномъ" я, безъ всякаго пособія глаголицы, нашелъ, дѣйствительно, запрятаннымъ въ одномъ уголку Договоровъ, а именно—въ началѣ послѣдней, 15-й, статьи Договора Олега 912 г.: „На утвержение же и неподвижение быти меже вами (въ Соф. Врем.: *нами*) хрестьаны и Русью, бывшій миръ сотворихомъ *Ивановымъ написаниемъ* на двою харатью царя вашего (въ Соф. Врем.—*нашего*) и своею рукою". Подчеркнутое выраженіе подвергалось различнымъ толкованіямъ. *Кругъ*, а за нимъ митрополитъ *Евгеній*, *Карамзинъ*, *Раковецкій*, *Погодинъ* и *Лавровскій* полагали, что переписчикъ договора, вмѣсто: „*киноварнымъ* писаніемъ", ошибкою поставилъ „Ивановымъ или Ивановомъ написаніемъ", такъ какъ въ византійскихъ трактатахъ часто встрѣчается выраженіе διὰ κιναβάρεως γράμματα. Мнѣніе это раздѣлялъ и *А. А. Куникъ*, находившій, что переписчикъ, „по незнанію византійско-русскаго слова „киноварь", читалъ *и*, вм. *ки*, и пропустилъ титло *р*, написанное вверху строки" [2]). Несогласенъ съ этимъ мнѣніемъ *Д. И. Прозоровскій*. Послѣдній въ обширной статьѣ, посвященной интересующему насъ выраженію [3]), не допуская, по изложеннымъ имъ доводамъ, самой мысли о начертаніи Олегова Договора киноварью, видитъ въ словахъ „Ивановомъ написаніемъ" указаніе на то, что эта мирная грамота составлена при участіи какого-то Ивана или Іоанна. Таковымъ, какъ думаетъ авторъ, можно вѣроятнѣе всего считать магистра Іоанна Елада, назначеннаго царемъ Александромъ, братомъ Льва Премудраго, однимъ изъ опекуновъ малолѣтняго Константи-

---

[1]) Изв. Имп. Ак. Наукъ, т. VII: „Слѣды глаголицы въ памятникахъ X. в.", стр. 346.

[2]) „Лѣт. занятій Арх. коммиссіи," XII, проток., стр. 222.

[3]) „Объ Ивановомъ написаніи". Труды II-го Арх. Съѣзда, стр. 34—42.

на Багрянороднаго. Но эта догадка, помимо приведеннаго самимъ авторомъ (на стр. 35) существеннаго возраженія противъ нея, непріемлема уже потому, что, если перевести фразу: „сотворихомъ Ивановомъ написаніемъ на двою харатью:“—мы совершили написаніемъ Ивана на двухъ хартіяхъ, то ясно чувствуется пропускъ необходимаго послѣ глагола „сотворихомъ“ дополненія въ винительномъ падежѣ, ибо недосказано: что̀ же собственно было совершено?

Еще болѣе непріемлемымъ представляется толкованіе обсуждаемаго мѣста, предложенное *А. В. Лонгиновымъ*. „По невозможности, говоритъ онъ (стр. 37 и 38), привлечь... какого бы то ни было Ивана къ написанію договора, остается намъ отвергнуть *рутинное чтеніе*, замѣнивъ его болѣе отвѣчающимъ порядку заключенія договора и грамматически правильнымъ. А именно: „На утверженье же и неподвиженіе быти межи вами, Хрестьяны, и Русью бывшій миръ сотворихомъ *и ва новымъ* написаніемъ на двою харатью, *царя вашего* и *своею рукою*..., т. е.: А для подтвержденія и незыблемости, между вами, христіанами, и русью бывшій миръ совершили мы *и вы*, *новымъ* написаніемъ на двухъ харатіяхъ—царя *вашего* и *своею рукою*“. Неправдоподобность такого чтенія явствуетъ изъ слѣдующаго: *во 1-хъ*, слова „бывшій миръ“, принимаемыя авторомъ за дополненіе къ слѣдующему за ними глаголу „сотворихомъ“, въ дѣйствительности, относятся къ предшествующимъ имъ словамъ: „На утверженіе же и неподвиженіе“,—какъ это видно изъ стоящаго въ концѣ 15-й же статьи Олегова Договора варіанта: „на утвержение и извѣщение межи вами бывающаго (вар.: бывшаго) мира“, а потому глаголъ „сотворихомъ“ опять-таки остается безъ дополненія въ винительномъ падежѣ; *во 2-хъ*, самое главное—то, что, вопреки мнѣнію автора, говорящими въ данномъ случаѣ являются не русскіе послы, а греки, что̀ подтверждается тѣмъ, что въ Соф. Временникѣ, вмѣсто „межи вами хрестьяны“, правильно стоитъ: „межи *нами*“ и, вм. „царя вашего“,—*нашего*, а далѣе въ Ип. и Радз. сп. читается: „предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единаго истиннаго Бога *нашего*“; въ виду этого, совершенно недопустимо установленное авторомъ чтеніе: „сотворихомъ мы, руссы, *и ва* (т. е.: и вы греки) *новымъ* написаніемъ“, ибо по смыслу рѣчи выходитъ, что „сотворили“ одни только греки, а не русскіе послы совмѣстно съ греками. По моему же, какъ замѣчено выше, дѣло объясняется такъ: въ приведенномъ отрывкѣ изъ ст. 15-й Олегова Договора первоначально значилось: „сотворихомъ... написаніе на двою харатью“; когда же непонятнымъ образомъ сюда, по ошибкѣ писцовъ, попало изъ текста рѣчи Святославовыхъ пословъ реченіе „Иваномъ“

(Цимисхіемъ), которое вовсе не вязалось съ послѣдующимъ „написаніе“, то позднѣйшимъ переписчикамъ пришлось передѣлать „Иваномъ“ на „Ивано*вомъ*“ (Ип. лѣтоп.) или „Ивано*вымъ*“ (Лавр. лѣтоп.), а „написа*ніе*—на „написані*емъ*“.

Остается еще объяснить въ предложеніи „Хочю имѣти миръ и свершену любовь со [Иваномъ] всякимь... царемъ Гречьскимъ“ описку въ словѣ „всякимь“. Для этого не нужно вовсе, подобно Срезневскому, тревожить глаголиту, а достаточно принять въ соображеніе, что прилагательное „великій“ очень часто изображается сокращенно, съ опущеніемъ буквы *и* послѣ буквы *л*, которая иногда ставится надъ строкою, такъ, напр., въ Кормчей книгѣ Рязанской 1284 г. встрѣчаемъ: „і *с ве*(*л*)*кыѣ* княгні“; въ одной договорной грамотѣ литовско-рус. князей 1349 г.: „а за *велкого* князя Олькѣрта“ [1]). Весьма вѣроятно, поэтому, что и въ данномъ случаѣ въ подлинникѣ стояло „ве(л)кимь царемъ“, почему естественно, что переписчикъ, принявъ, по ошибкѣ, Є за С, а Л за Ѧ, написалъ *всякимь*, но эта ошибка впослѣдствіи была исправлена посредствомъ отмѣтки между строкъ или на боковомъ полѣ слова „великимь“, и такимъ образомъ въ текстѣ существующихъ лѣтописныхъ сборниковъ очутились рядомъ оба слова, испорченное и исправленное [2]).

II.

Договорныя грамоты съ переводомъ ихъ на современный русскій языкъ.

Договоръ Олега 912 г.	Договоръ Олега 912 г.
Равно другаго (чит.: *Гавнодругъ*) свѣщания, бывшаго при царьхъ (чит.: *царствѣ*)...Лва и Александра, [христолюбивыхъ владыкъ].	Списокъ (или противень) договора, совершеннаго въ царствованіе Льва и Александра, христолюбивыхъ государей.
Договоръ Игоря 945 г.	**Договоръ Игоря 945 г.**
Равно другаго (чит.: *Равнодругъ*) свѣщанья, бывшаго при цари(*хъ*) Романѣ, и Костянтинѣ, и Степанѣ, [при Фефелѣ Синкелѣ и] (чит.: *и при Ѳеофанѣ сигклитѣ*).	Списокъ (или противень) договора, совершеннаго при царяхъ Романѣ, Константинѣ и Стефанѣ и при сенаторѣ Ѳеофанѣ.

---

1) Изв. Ак. Наукъ, X, с. 220 и 302.

2) Любопытно, что такая же ошибочная замѣна буквы Л буквою Ѧ встрѣчается въ „Изборникѣ в. кн. Святослава Ярославича 1073 г.“: вм. СЛОВЬСЄМЬ, рукопись читаетъ: СѦ О ВЬСЄМЬ. (См. „Изборникъ“, стр. 13, строка 1 св. и стр. 97, стрк. 20).

Договоръ Святослава 971 г.

Равно другаго (чит.: *Равнодругъ*) свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмь Князи Рустѣмь, и при (воеводѣ его) Свѣналъдѣ.

Договоръ Олега 912 г.

Мы отъ рода (чит.: *Ряда*) Рускаго... (слѣдуетъ перечень именъ пословъ и гостей)... [тѣхъ же](чит.: *тѣ же*) [отъ города Киева,... [также] исъ Чернигова,... исъ Переяславля, и прочии грады (чит.: *и прочихъ городовъ*)],....иже послани отъ Олга, великого, [о Бозѣ], князя Рускаго и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ и великихъ князь и его великихъ бояръ [и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его... Руси],... [еже] [инѣхъ] (чит.: *нѣнь*) [вар.: нынѣ] [сущихъ] и [потомъ] [быти] [хотящихъ], кь вамъ, Львови и Александру и Костянтину, великимъ, о Бозѣ, самодержьцемъ, царемъ Греческымъ, на удержание и на извѣщение отъ многихъ лѣтъ межи хрестианы и Русью бывьшюю любовь [вар.: удержати и извѣстити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многажды], [по повелѣнію], [иже отъ Бога суще... и по закону языка нашего],– [правосудихомъ], по хотѣньемъ нашихъ князь [свѣтлость] (чит.: *свѣтлыхъ*) (*и*) великихъ [и по] [наша... болѣ] (чит.: *нашей волѣ*), не точью простословесемъ (простословіемь), (но) и писаниемъ и клятвою твердою... такую любовь утвердити и известити по [Божьи] вѣрѣ и закону нашему.

Договоръ Игоря 945.

Мы отъ рода (чит.: *Ряда*) Рускаго съли и гостье... и объчии посли (чит.: *послуси*) (слѣдуетъ перечень именъ пословъ, гостей и

Договоръ Святослава 971 г.

Списокъ (или противень) договора, совершеннаго при Святославѣ, великомъ князѣ русскомъ, и при воеводѣ его Свѣналдѣ.

Договоръ Олега 912 г.

Мы, члены Совѣта русскаго (слѣдуетъ перечень именъ пословъ и гостей)..., тѣ изъ города Кіева..., тѣ изъ Чернигова..., изъ Переяслава и прочихъ городовъ, ...посланные отъ Олега, великаго, Божьею милостью, князя русскаго, и отъ всѣхъ, состоящихъ подъ его властію свѣтлыхъ бояръ, и отъ всѣхъ, находящихся подъ его властью руссовъ, какъ нынѣ сущихъ, такъ и тѣхъ, которые будутъ впослѣдствіи, къ Вамъ, Льву, Александру и Константину, великимъ, Божьею милостью, самодержцамъ, царямъ греческимъ, чтобы утвердить и провозгласить дружбу, бывшую впродолженіе многихъ лѣтъ между христіанами и Русью, по Божьей заповѣди и по закону народа нашего,—благоразсудили, по желанію нашихъ великихъ и свѣтлыхъ князей и по нашей волѣ, не только простымъ словеснымъ обѣщаніемъ, но и письменнымъ актомъ и твердою клятвою утвердить и провозгласить таковую дружбу по Божьей вѣрѣ и закону нашему.

Договоръ Игоря 945 г.

Мы, члены Совѣта русскаго, послы и гости и сторонніе свидѣтели (слѣдуетъ перечень именъ)... изъ города Кіева..., изъ Чернигова,

постороннихъ свидѣтелей), [...отъ города Киева,... исъ Чернигова..., исъ Переяславля и исъ прочихъ городовъ]—, посланіи отъ Игоря, великаго князя Рускаго,... [Ольги княгини,... Святославль (чит.: *Святослава*), сына Игорева,... Улѣбъ (*Улѣба*) Володиславль (*ля*), [нети Игорева]..., [Передъславинъ] (*Передъславы*), жены Улѣблѣ..., Якунъ (*Якуна*), нети Игоревъ (чит.: *Игорева*)...],... и всякоя княжья и отъ всѣхъ людій Руския земля. [Вар.: отъ Игоря и всѣхъ боляръ и отъ всѣхъ людій отъ страны Руския]. И отъ тѣхъ [Вар.: и отъ тѣхъ прежереченыхъ] заповѣдано обновити ветхій миръ,... и утвердити любовь, [отъ многъ лѣтъ] (*бывшюю*) межю Греки и Русью.

А о главахъ.

Суть, яко понеже мы ся имали..., главы таковыа.

1 [О вѣре (мирѣ) и любви].

а) По первому убо слову, да умиримся [вар.: урядимся] с вами, Грекы, да любимъ другъ друга отъ всеа душа и изволениа [вар.: елико наше изволение] и не вадимъ [руцѣ свои]... никакому же съблазну или винѣ, но сохранение (чит.: *сохранимъ*) [на] прочихъ и всегда лѣтъ с вами, Грекы, исповѣданиемъ и написаниемъ, со клятвою извещаемую любовь непреватну и непостыжну (чит.: *неподвижну*). б) Такоже и вы, Грекы, да храните таку же любовь ко княземъ нашимъ свѣтлымъ Рускымъ и ко всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего, несоблазну и непреложну, всегда и въ вся лѣта.

2. Иже ся ключить проказа.

[Аще ли ключится проказа [вар.: согрешенье] нѣкака отъ Грекъ,

О договорныхъ статьяхъ.

изъ Переяслава и изъ прочихъ городовъ, посланы отъ Игоря, великаго князя русскаго,.. Ольги княгини, Святослава, сына Игорева, ...Улѣба Володиславовича, племянника Игорева, Предславы, жены Улѣба, Якуна, племянника Игорева... и отъ всѣхъ людей русской земли. И тѣ, вышепоименованные, повелѣли намъ обновить старый миръ и утвердить дружбу, бывшую впродолженіе многихъ лѣтъ между греками и Русью.

Таковы суть статьи состоявшагося между нами договорнаго соглашенія.

1. О мирѣ и дружбѣ.

а) Во-первыхъ, да помиримся съ вами, греки, да возлюбимъ другъ друга отъ всей души охотной, да не способствуемъ никакому обману или погрѣшности, но да сохранимъ на будущее время и навсегда, неизмѣнно и безповоротно, дружбу съ вами, греки, провозглашаемую исповѣданіемъ, письменнымъ актомъ и клятвою. б) Также и вы, греки, должны сохранять несоблазненно и непреложно такую же дружбу къ свѣтлымъ князямъ нашимъ русскимъ и ко всѣмъ, находящимся подъ властью нашего свѣтлаго князя, навсегда и во всѣ годы.

2. Если случится проступокъ.

Если случится, что кто-нибудь изъ грековъ, находящихся подъ

сущихъ подъ властью царства нашего, да не имате власти казнити я́, но повелѣньемъ (чит.: *по велѣньемъ*) царства нашего, [да того дѣля грѣха], [да прииметь] [казнь], [елико явѣ будеть] [вар.: яко же явиться] [согрешенье] показаніи явлеными; [да егда] [не] будетъ (*показаній*) явленіи(*хъ*), да имѣеть (чит.: *иметъ*) вѣрное (чит.: *вѣру*) [вар.: да кленется] по вѣре своей].

3. [О] неятью (*неятіи*) вѣры.

а) А ему же (т. е. истцу) начнуть не яти вѣры, да кленется часть та, [иже есть] [на (чит.: *ина*) той части], иже ищеть. б) [Си же, вся да створять... Грекомъ... (чит.: *Греки*), идѣже (чит.: *иже*) аще ключиться таково] [отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ]... [Русь] (чит.: *Руси*).

4. [Идѣже (чит.: *иже*) аще створить убійство].

Аще кто [своею волею] убьетъ или Хрестьанина Русинъ, или Хрестьянинъ Русина, [вар.: по Дог. Игоря: Аще убьеть Хрестеянинъ Русина, или Русинъ Хрестеянина...], да умреть: [да держимъ будеть створивый убийство отъ ближнихъ убьенаго, да убьють и].

5. [О семъ].

а) Да аще есть домовитъ (имовитъ), да часть его, сирѣчь, *иже его будетъ*..., да возметь ближний убьенаго, а и жена (т. е. *жену*) убившаго да имѣеть (чит.: *иметъ*)...

(Вар. по Дог. Игоря: И... аще будеть имовитъ, да возмуть имѣнье его ближьнии убьенаго).

б) Аще ли (*же*) есть неимовитъ створивый убой..., [да соиметь съ себе и ты самыа порты, в нихже ходить].

(Вар. по Дог. Игоря: Аще ли есть неимовитъ створивый убийство, [яко да и порты в нихъ же ходить, да и то с него сняти).

власті̀ю нашего царскаго величества, совершитъ какой-либо проступокъ, то вы не имѣете права наказывать его, но по законамъ нашего царскаго величества, да приметъ онъ наказаніе, насколько виновность его будетъ изобличена достовѣрными доказательствами, а при отсутствіи такихъ доказательствъ, да клянется (жалобщикъ) по своей вѣрѣ.

3. О неправоспособности къ принятію присяги.

а) Если (истецъ) неправоспособенъ къ принятію присяги, то таковая дается противной сторонѣ. б) Тоже самое должны дѣлать и греки, если случится подобное отъ находящихся подъ власті̀ю нашихъ свѣтлыхъ князей руссовъ.

4. Если кто совершитъ убійство.

Если по своей волѣ (предумышленно) убьетъ или христіанина русинъ, или христіанинъ русина, то онъ подлежитъ смертной казни: ближайшіе родственники убитаго, да схватятъ убійцу и да убьютъ его.

5 О томъ же.

а) И если(совершившій убійство) состоятеленъ, то пусть удѣлъ его, т. е. все его имѣніе, возьметъ ближайшій родственникъ убитаго, а также пусть возьметъ и жену его.

б) Если же убійца неимущъ, да снимутъ съ него и носильное платье.

6. [О семъ].

Аще ли убежить сотворивый убийство..., [да держиться тяжи, дондеже обрящеться (*и*) да умреть.

(Вар. по Дог. Игоря: Аще ли же ускочить... (вар.: [убѣжить]), да ищютъ его, дондеже обрящется; аще ли обрящется, да убьенъ будеть).

6. О томъ же.

Если совершившій убійство убѣжитъ, то да остается онъ подъ судомъ, пока не будетъ разысканъ и казненъ.

7. [О семъ].

а) Аще ли [не хотяй] тако створивый [будеть] [неимовитъ], да вдасть [елико по силѣ] (вар.: елико можеть]..., да о процѣ, да ротѣ ходить своею вѣрою, яко никакоже... помощи (чит.: *по мощи*) ему... б) (*Аще ли*) [убежавъ], [да пребываеть тяжа отоле невзыскаема...

(Вар. по Догов. Игоря: Аще ли есть неимовитъ, [да (*вдасть*) како (*колико*) можеть...,] [а о процѣ да на роту ходить по своей вѣрѣ яко не имѣя ничтоже]...

7. О томъ же.

а) Но, если кто совершилъ убійство неумышленно, то пусть заплатитъ, сколько онъ въ состояніи, а объ остальномъ да присягаетъ по своей вѣрѣ, что платежъ ему рѣшительно не по силамъ. б) Если онъ убѣжитъ, то послѣ того уголовное дѣло оставляется безъ послѣдствій.

8. Ударение или (чит.: *и ли*) **бьенье** (чит.: *убіеніе*).

Аще ли ударить мечемъ..., [или] кацѣмъ любо сосудомъ, [и *ли* убьеть], [Русинъ Грьчина, или Грьчинъ Русина], [да повинни будуть то створшии прежереченною эпитеміею].

(Вар. по Дог. Игоря: Аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ либо оружьемъ..,).

8. О смертельныхъ побояхъ.

Если русинъ грека или грекъ русина ударитъ мечемъ (или копьемъ) или какимъ либо оружьемъ (или сосудомъ), и отъ этого послѣдуетъ смерть, то виновный подлежитъ вышеозначенному наказанію.

9. Аще приготовиться (чит. *противиться*) **татьбу творяй, и убьенъ будеть.**

Аще украдеть что Русинъ любо у хрестьанина, или паки хрестьанинъ у Русина, и ятъ будеть в томъ часѣ тать, егда татбу сътворить...., [аще ли... противятся, да убьени будуть (чит. *противить-*

9. Если сопротивляющійся при совершеніи кражи воръ будетъ убитъ.

Если украдетъ что-либо русинъ у христіанина, или, наоборотъ, христіанинъ у русина, и пойманъ будетъ въ то самое время, когда онъ совершаетъ кражу, то, если онъ сопротивляется, и будетъ

ся, да убьенъ будетъ), да не взыщеться смерть ихъ] [вар.: да не взыщеться смерть его] ни отъ хрестьанъ, ни отъ Руси; **б**).да [аще] [украдый] ятъ будеть тѣмже, у. него же будеть украдено, и связанъ будеть, [да аще ли ключиться кому (чит.:*тому*)... убьену быти], [вар.: или (чит. *и ли*) убьеть], *(повинснъ есть)*.

убитъ, да не взыщется смерть его ни отъ христіанъ, ни отъ руссовъ. Если же воръ схваченъ будетъ тѣмъ, у кого украдено, и связанъ будетъ, то за убійство его (обкраденный) подлежитъ отвѣтственности (какъ за смертоубійство).

10. [И (чит.: *Иже)* **сътворить тричи (или трижды**, чит.: *враждьı*].

[И аще створить] [троичи] (*трожды*, чит.: *враждьı*), [мученьа образомъ], [Грьчинъ Русину] (пропущено: *или Русинъ Грьчину*), [за то], [яко Божие здание... покону] (чит.: *то, яко по Божію законоданію*), (пропущено: *да створять ему*), [якоже будеть створилъ] [и онъ], (*и*) [да вдасть литръ 5 сребра], [вар.: да заплатить сребра литръ 5].

10. Если кто причинитъ раны или увѣчья.

Если грекъ русину или русинъ греку причинитъ мучительнымъ образомъ раны или увѣчья, то, согласно Закону Божію, да сдѣлаютъ ему то же, что сдѣлалъ онъ самъ, и да заплатитъ 5 литеръ серебра.

11. Аще ли кто искушенья ...створити (чит. *створить*).

Аще ли кто, или Русинъ Хрестьяну, или Хрестьянъ Русину... искусъ творити (чит.: *створить*) и насилье явѣ, [да аще възметь свое] и [мѣстникъ] [не] [увѣдѣлъ есть] [сего], [еже смѣ тое створити], да въспятить [и да погубить правду свою]; или възметь [вар.: аще ли взялъ будеть] дружне [вар.: чюжю (чит.: *чюже*)], да заплатить сугубо].

11. Если кто совершитъ захватъ.

Если кто изъ христіанъ или изъ руссовъ совершитъ захватъ или явное насиліе, то, если онъ, безъ вѣдома мѣстнаго начальства, захватилъ свою собственную вещь, то осмѣлившійся сдѣлать это, да возвратитъ ее и лишится своего права на нее, а если захватилъ чужую вещь, да заплатить вдвое.

12. [О тацѣхъ] (чит.: *о татехъ*).

12. О ворахъ.

а) Аще ли ключится украсти Русину отъ Грекъ что, или Грьчину отъ Руси, да возвратить [и отдасть] цѣну его. **б)** Аще украденое обрящеться продаемо, да вдасть и цѣну его сугубо. **в)** [Но паче [вар.: *паки*] убо] не точью едино [вар.: *первое*], но [многажды] [вар.: *множайши*] *(въ татьбь)*] [ятъ будеть], и тъ да показненъ будеть по закону Гречьскому и по уставу... Рускому.

а) Если случится, что русинъ у грековъ, или грекъ у руссовъ украдетъ что-либо, то да возвратитъ украденное и заплатитъ цѣну его. **б)** Если украденное окажется проданнымъ, то да заплатитъ и цѣну его вдвое. **в)** Если же воръ поймается въ кражѣ не одинъ разъ, но многократно, то онъ подлежитъ наказанію по закону греческому и по уставу русскому.

13. [(*Аще*) ли человѣка поработить].

(*Аще ли кто вѣдый свободна кого емлеть*), *и* [мниться, (*или*) в куплю] [и́ дасть],(*или въ*)[на д(е)нь] (чит.: *наданъ*) [дасть], [еже то створить, покажненъ будеть вельми], [по закону Греческому] (и) [по закону Рускому].

14. Аще ли ключиться проказа [лодьи] *(и)* **[аще ли отъ нея возметь кто что.**

а) Аще вывержена будеть лодья вѣтромъ великимъ на землю (*Рускую*) [вар: Аще обрящютъ Русь кубару Гречьскую ввержену...], и обращуться тамо иже отъ насъ Руси..., [да не преобидитъ (чит.: *пробидимъ*) ея], [на] (чит.: *но*) да [потщимся] снабдѣти лодию с рухломъ своимъ и отослати паки на землю хрестьаньскую; да проводимъ ю́ сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже пріидеть въ бестраш ное мѣсто. б) Аще и (чит.: *ли*) таковая лодья, ли отъ бури или боронениа земнаго боронима, не можеть возборонитися (по др. спискамъ: *возвратитися*) въ своа си мѣста, спотружаемся гребцемъ тоа лодья мы, Русь, [(и) воволочимъ (*въ*) Русь]; [вар.: да проводимъ ю́ в Рускую землю], да продають рухло тоя лодьи, и аще что можеть продати отъ лодья, и допроводимъ ихъ с куплею по здорову [вар.: да пустимъ я́ с честью и проданное рухло... ихъ]. в) Ти, аще ли ключиться [также] [лодьи Руской] [близъ земля Грецкаа]. г) [Аще ли кто покусится отъ Руси [или] (*отъ Грекъ*) взяти что отъ людий... (чит.: *отъ лодьи*)] [вар.: отъ лодьи что взято (взяти) любо], [да будеть повиненъ закону Руску и Гречьску].

15. [О] искупленое (чит. *искупленіи*) **[челядинъ]** (чит. *челяди и*) **[полоненыхъ].**

а) Аще [вар.: оже] обрящеться [челядинъ] обою страну[вар.: коея,

13. Если кто человѣка поработитъ.

Если кто завѣдомо свободнаго человѣка промѣнитъ, или продастъ, или въ приданное отдастъ, —кто это сдѣлаетъ, будетъ наказанъ весьма, по закону греческому и закону русскому.

14. Если случится несчастіе судну и если кто изъ него похититъ что-либо.

а) Если сильнымъ вѣтромъ выброшено будетъ греческое судно на русскую землю и случится тутъ быть кому-нибудь изъ насъ, руссовъ, то да не причинимъ ему никакой несправедливости, но постараемся охранять судно съ его грузомъ, отослать его обратно въ христіанскую землю и проводить его чрезъ всякое опасное мѣсто, пока оно не придетъ въ безопасное. Если судно отъ бури или мелей не въ состояніи добраться до своихъ мѣстъ, то мы, руссы, должны помочь гребцамъ его и да притащимъ его въ русскую землю, и пусть распродаютъ грузъ того судна и что возможно будетъ продать съ самаго судна, и мы съ честію выпроводимъ ихъ (благополучно) съ выручкою отъ проданной движимости. б) Такимъ же образомъ (должно поступать), если то же самое приключится русскому судну близь греческой земли. в) Если кто изъ руссовъ (или грековъ) дерзнетъ похитить что-нибудь изъ судна, то онъ подвергается отвѣтственности по закону русскому и (закону) греческому.

15. О выкупѣ рабовъ и плѣнныхъ.

а) Если рабъ одной какой-либо изъ (договорившихся) стран

любо страны] ...ли Русинъ, ли Грьчинъ, проданъ въ *ону* страну, да искупятъ и възмуть цѣну его,и возвратять и̑... въ свою сторону. б) Такоже, аще отъ рати ятъ будеть [вар.: держимъ есть].....[полоняникъ], [коея любо страны], да отдана будеть цѣна его и возвратиться въ свою страну...

окажется проданнымъ въ другую (союзную) страну, то да искупятъ его, уплативъ (опредѣленную) цѣну раба, и возвратятъ въ свою страну. б) Также, если на войнѣ взятъ будетъ плѣнникъ той или другой страны, да отдана будетъ цѣна его, и да возвратится онъ въ свою страну.

16. О работающихъ въ Грѣцѣхъ Руси.

а) Аще ли обрящутся Русь работающе у Грекъ..., [ли] [Грьчинъ] (*у*) [Русь] (чит.: *Руси*)..., аще... купилъ будеть..., да возметь цѣну свою, елико же далъ будеть на немь. б) (*Аще ли же есть неимовитъ, да имать* и̑) [купящіи] (*у себе, дондеже изъработаетъ цѣну*)..,[якоже речено есть] [вар.: яко же есть купля], (*мъзду ему нарицающе*) [на 6 мѣсяць] (*по*) [золотника два],—[ти (чит.: *и*) тако пущенъ будеть].

16. О русскихъ, находящихся въ неволѣ въ Греціи.

а) Если русинъ окажется въ неволѣ у грековъ, или грекъ у руссовъ, то, если (невольникъ) купленъ былъ, пусть (купившій) получитъ обратно уплаченную имъ цѣну. б) Если (невольникъ) неимущъ, пусть купившій держитъ его у себя, пока онъ не отработаетъ условленную покупную цѣну,—засчитывая за каждые 6 мѣсяцевъ по 2 золотыхъ; и такимъ образомъ онъ отпущенъ будетъ (на свободу).

17. Челядинаа цѣна.

Елико хрестеянъ отъ власти нашея плѣнена (чит.: *плъненыхъ*) приведуть (*въ*) Русь, (*или*) [отъ *Русси*] полонении] [вар.: плѣньници], [придуть] (чит.: *приведутъ*) [въ хрестьаны] [вар.: въ Грекы] и продаемымъ (исправлено: продаеми) бываютъ [вар.: *суть*], ту (чит.: *то*) аще будеть уноша [добръ], [да искупаютъ]... и̑ [по 10 златникъ], или [аще будеть] дѣвица добра, да вдадять златникъ 10 и поимуть ѐ; аще ли есть средовѣчь, да вдасть золотникъ 8 и поимуть і; аще ли будеть старъ, или дѣтець, да вдасть златникъ 5.

17. О цѣнѣ раба.

Сколько плѣнныхъ христіанъ, подданныхъ нашихъ, приводятъ въ Русь, или руссовъ въ Грецію, и продаваемы бываютъ,—надлежитъ выкупить ихъ: ссли это будетъ хорошій юноша или хорошая дѣвица—за 10 золотыхъ, и возьмутъ ихъ; если это человѣкъ среднихъ лѣтъ—за 8 золотыхъ, и возьмутъ его; если это старикъ или малолѣтній—за 5 золотыхъ.

18. Отъ челядина (чит.: *о челядинѣ*).

а) Аще украденъ будеть челядинъ Руский, или вскочить, [вар.: Аще ускочить (вар.: убѣжавше) че-

18. О рабѣ.

а) Если русскій рабъ будетъ украденъ, или убѣжитъ, или принудительно проданъ въ страну

лядинъ отъ Руси], или по нужи проданъ будеть [въ страну царствия нашего] и жаловати начнуть Русь..., [тогда] (чит.: *то, егда*) [покажеться таковое], да [аще будеть]... [лице], (лицемъ), [да поимутъ и́ в Русь] [вар.: да жалують Русь хрестьянскому царству и... възвращенъ будеть.. в Русь]. **б**) [И да възьметь отъ него] [еще же] [таковыи], (*или*) взимають (*ють*)... цѣну свою, якоже уставлено есть преже... **в**) И еже что принеслъ будеть [вар.: (еже) есть принеслъ что], [да въспятять [и́] опять всецѣло]... **г**) [Аще ли (*же*) не обрящется]..., да взимають 2 паволоцѣ [вар.: по 20 золота] за челядинъ. **д**) [Елико] же [приялъ есть], [толицѣмь прибудеть (*казнь его*) [вар.: в толико же продань будеть] **е**) [Ти] [вар.: такоже], (*аще*) ускочить челядинъ нашъ [вар.: отъ насъ] къ вамъ.

нашего царскаго величества и руссы будутъ жаловаться, то пусть ищутъ раба, и если послѣдній окажется на лицо, да возьмутъ его въ Русь. **б**) И пусть возьмутъ отъ него (укрывателя) еще такого же (раба), или взыскиваютъ цѣну его, какъ постановлено выше. **в**) И если рабъ принесъ что-нибудь, да возвратитъ это (принявшій раба) всецѣло. **г**) Если же (раба) не найдутъ, но будетъ доказано (укрывательство его), то взыскиваютъ по 2 паволоки (по 20 золотыхъ) за раба. **д**) Сколько же онъ принималъ (рабовъ), во столько увеличится штрафованіе его. **е**) То же самое (соблюдается), если убѣжитъ рабъ нашъ къ вамъ.

19. [Отъ погубившаго [вар.: *погубиша*] (чит.: О *погубившемъ*) **что любо].**

а) Иже будеть погубилъ (*что любо*) и жалують, да ищють и да имутъ è [вар.: свое]. **б**) Аще кто [обретаемое] [крьнеть] (чит.: *крыеть*],[да прииметь ту же казнь, якоже] [злодѣи].

19. О потерявшемъ что-либо.

а) Если кто потеряетъ что-нибудь и пожалуется, пусть ищетъ и беретъ свое. **б**) Кто утаитъ находку, подвергается тому же наказанію, какъ и воръ.

20. Обряжение (*О уряженіи*).

а) Аще кто [или отъ Руси или отъ Грекъ] умреть, не урядивь своего имѣнья, ци своихъ не имать, да отдасть (*ся*)] имѣніе [роду своему [вар.: его] **б**) (*Аще ли будуть дѣти*) к милымъ (по другимъ сп.: с малымъ, чит.: *малы*), да [дадять [ихъ] [не (чит.: *на*) руку] ближикомъ [съ] имѣнье][мъ] [и съ кормомъ своимъ]. **в**) Аще ли створить [уряженое (чит.: *уряженіе*)], таковый, кому будеть писалъ наследити имѣнье его, да наследить [вар.: возметь] è.

20. О завѣщаніи.

а) Если кто или изъ руссовъ, или изъ грековъ умретъ, не распорядившись о своемъ имуществѣ, и не имѣетъ (при себѣ) своихъ близкихъ, то имущество его да отдано будетъ его родственникамъ. **б**) Если останутся малолѣтнія дѣти, то они должны быть отданы на попеченіе ближайшимъ родственникамъ вмѣстѣ съ имуществомъ и доходными статьями. **в**) Если же (умершій) сдѣлалъ завѣщаніе, то тотъ, кого онъ письменно назначилъ наслѣдникомъ къ имуществу, пусть наслѣдуетъ таковое.

21. Отъ (чит.: О) **ходящихъ во Греки Руси, взимающихъ** [**мѣсячное**] **и** [**хотящи**(*хъ*)] [**возвратиться в Русь**].

а) [Аще кто идеть] [вар.: (аще) придуть] [отъ насъ, Руси], [вар.: да егда ходимъ] [в Греки], [или с куплею или въ солбу, ко цареви вашему], [да емлють] [у царя вашего] [почтіти] (исправлено: *печати*), [сли—злати, а гостье—сребрени], [и тогда возмуть мѣсячное], [яко имъ уставлено есть]. **б**) [Аще придуть Русь бес купли, да не взимають мѣсячна]. [Вар. по Дог. Ол. 907 г.: Аще приидуть Русь бес купли, да не взимають мѣсячины]. **в**) [Да, аще (вар.: понеже) хотять остати (чит.: *оставити*)] [странъ] у (чит.: *страну*) хрестьанскаго царя [вар.: царя вашего] [и възвратиться в Русь], да (*пущени*) будуть. **г**) Си [вар.: се], же творите [и о хрестьянехъ (по Ип. сп.: отъ хрестиянъ) пришедшимъ в Русь] [вар.: приходящимъ в Русь].

21. Объ отправляющихся въ Грецію руссахъ, получающихъ мѣсячное содержаніе и хотящихъ возвратиться въ Русь.

а) Руссы, отправляющіеся въ Грецію, или для торговли, или въ посольство, къ вашему царю, да берутъ отъ царя вашего грамоты съ печатями, послы—золотыми, а гости—серебрянными, и да получаютъ мѣсячное содержаніе, какое имъ положено. **б**) Если же руссы придутъ не по торговымъ дѣламъ, то не должны получать мѣсячнаго содержанія. **в**) А если хотятъ оставить страну христіанскаго царя и возвратиться въ Русь, да отпускаютъ ихъ. **г**) То же самое дѣлать и въ отношеніи христіанъ, приходящихъ въ Русь.

22. Иже посылаеми бываютъ... [**отъ князя вашего**] **посли и гостье.**

А великий князь Руский и боляре его, да посылаютъ въ Греки къ великимъ царемъ Гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и и с гостьми.

22. Объ отправляемыхъ княземъ вашимъ послахъ и гостяхъ.

Великій князь русскій и бояре его да посылаютъ въ Грецію къ великимъ царямъ греческимъ корабли, сколько хотятъ, съ послами и гостьми.

23. (*Иже начнеть*) **князь вашь посылати грамоты ко царству нашему.**

Да приносять [отъ нихъ] грамоты, пишюче сице: яко послахъ корабль селико...

23. Если князь вашъ будетъ посылать грамоты къ нашему царскому величеству.

Да приносятъ отъ нихъ грамоты, въ которыхъ означать такъ: я послалъ кораблей столько-то.

24. [**И отъ** (**о**) **тѣхъ**].

а) Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будуть намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему, [да увѣмы и мы, оже съ миромь приходять]. **б**) [Тако створять] [и Грекомъ], [аще ли]... [в Русь придуть].

24. О томъ же.

а) Если же придуть безъ грамоты, то ихъ передадутъ намъ, и мы держимъ ихъ подъ стражею до тѣхъ поръ, пока не снесемся съ вашимъ княземъ, дабы и мы могли знать, приходятъ ли они съ миромъ. **б**) Также должно поступать и относительно грековъ, приходящихъ въ Русь.

25. И приходящимъ (чит.: *о приходящихъ*) **Руси.**

Да запретить князь сломъ своимъ [и гостье(*мъ*)]..., приходящимъ [сде], да не творять бещинья в селѣхъ, ни въ странѣ нашей.

(Вар. по Дог. Олега 907 г.): **Приходячи Русь**. Да запретить князь сломъ, (и) приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селѣхъ и странѣ нашей.

25. О приходящихъ руссахъ.

Пусть князь запретитъ своимъ посламъ и гостямъ, прибывающимъ сюда, дѣлать безчинства въ селахъ и въ странѣ нашей.

26. А о сихъ.

[Оже то (чит.: *Ти, оже*, т. е., точно также, если) приходять] [отъ Грекъ] [съли и гостье] [и (чит : *к*) велимъ (чит.: *великому*) князю Рускому, да ихъ не пущаеть (чит.: *пущаемъ*) пакост(ить) странѣ его].

26. О томъ же.

Также, если отъ грековъ приходятъ послы и гости къ великому князю русскому, да не позволяемъ имъ причинять вредъ его странѣ.

27. Входяще же Русь в градъ.

Да входять въ градъ одинѣми вороты, съ царевымъ мужемъ, безъ оружья...[да послеть царство наше, да испишеть имяна ваша].

(Вар. по Дог. Олега 907 г.) И да входять в градъ одними вороты со царевымъ мужемъ, безъ оружья... [а послеть царьство наше, и да испишютъ имена ихъ].

27. О руссахъ, входящихъ въ городъ.

Пусть входятъ въ городъ одними воротами безъ оружія, съ царскимъ чиновникомъ; да пошлетъ наше царское величество переписать ихъ имена.

28. И отъ святаго Мамы (*И о св. Мамѣ*).

[А иже придуть гости], да витають у святаго Мамы.

(Вар. по Дог. Олега 907 г.). Приходяще Русь, да витають у святаго Мамы.

28. О св. Мамѣ.

Когда приходятъ гости (руссы), то должны имѣть пребываніе у св. Мамы.

29. (*О творящихъ*) **куплю Руси.**

И да творять куплю, *якоже* имъ надобѣ, [вар. по Дог. Олега 907 г. и да творять куплю, *елико* имъ надобѣ], не платяче мыта ни въ чемъ же [и да творять имъ мовь (по друг. варіантамъ: мытву, мовницу, чит.: *мытницы*), елико хотять] [вар.: [яко имъ любо], [елико хотячи].

29. О производящихъ торговлю руссахъ.

И да производятъ торговлю, какъ имъ надобно, не платя никакой пошлины, и да устраиваютъ имъ товарные склады, сколько имъ угодно.

30. И отъ (о) тѣхъ.

Да не имѣють волости купити [слебное] (по друг. варіантамъ: *хлѣбное, снѣдное*) [глосса въ Дог. Олега 907 г.: хлѣбъ и вино, и мясо, и рыбы, и овощи], [различныхъ] (чит.: *разноличны*) лише .ê. паволокъ (повторено: паволокъ) [вар.: 50 золотникъ].

30. И о томъ же.

Да не имѣютъ права дѣлать закупки съѣстныхъ припасовъ (хлѣба, вина, мяса, рыбы, различныхъ овощей) цѣною свыше 5 паволокъ (50 золотыхъ).

31. Да отъ тѣхъ (чит.: А *о тѣхъ*).

Да аще кто отъ Руси или Грекъ сотворить криво [извѣсти] (чит.: *извѣси*), (*лежить кань* [у святаго Мамы], [да показываеть цареву мужю], и [то]тъ да оправляеть [и запечатаеть... имъ] (чит.: *ихъ*), [якоже уставлено есть преже].

31. И о томъ же.

А если кто изъ руссовъ или грековъ искривитъ (испортитъ) вѣсы, то хранится пудъ (въ монастырѣ) Св. Мамы, пусть покажутъ царскому чиновнику, и тотъ да исправляетъ вѣсы и клеймитъ ихъ, какъ установлено издавна.

32. У (чит. *О*) **должающихъ.**

(*Аще ли*) [Русь] (*дължни будуть Грекомъ*),[да не имѣють (чит.: *имѣемъ*) власти зимовати (чит.: *заимати*), но,егда придеть осень да идуть въ домы своя в Русь].

32. О должникахъ.

Если руссы задолжатъ грекамъ, да не имѣемъ права насильно задерживать (должниковъ), но когда наступитъ осень, да отправляются (безпрепятственно) къ себѣ домой, въ Русь.

33. И о томъ.

[Ти], (*оже Гръци*), [ли отъ города нашего, ли отъ инѣхъ городъ] (*дължни будуть Руси*), [да не имѣють (чит.: *имѣемъ*) власти зимовати (чит.: *заимати*)] [и да придуть (чит.: поидуть) въ Грекы].

33. И о томъ.

Точно также, если греки (столичнаго) города нашего, или другихъ городовъ, будутъ должны руссамъ, то да не имѣютъ послѣдніе права насильно задерживать своихъ должниковъ, которые и могутъ (свободно) отправляться въ Грецію.

34. И (о) отходящей Руси.

[Паки (чит.; *паки ли*) [Русь] исходять] [отсюда], [да] взимають отъ насъ, еже надобѣ, брашно на путь и, еже надобѣ, лодьямъ, [и мужь царства нашего да хранить я] [и да возъвращаются съ спасениемъ въ страну свою.

(Варіантъ по Дог. Олега 907 г.) Пойдучи же домовь, да емлють

34. О возвращающихся домой руссахъ.

Когда руссы обратно отходятъ отсюда въ Русь, да получаютъ отъ насъ, если надобно, припасы на дорогу и то, что нужно для кораблей, и чиновникъ нашего царскаго величества да охраняетъ ихъ и да возвращаются благополучно въ страну свою. (Варіантъ по Дог. Олега *907* г.): Отправляясь же

у царя нашего на путь брашно, и якори и ужа, и парусы, елико имъ надобѣ.

обратно домой..., да получаютъ они отъ царя нашего на дорогу припасы, и якори, и снасти, и парусы, сколько имъ нужно.

35. А о Корсуньстѣй странѣ.

Елико... городовъ... [въ странѣ Корсуньстѣй], да не имате [вар: имѣйте] волости воевати [вар.: 1) да не воююте, 2) [князи Рустии], [да не воюють] на тѣхъ странахъ (чит.: *городахъ*), и та страна не покарается вамъ.

35. А о корсунской странѣ.

Сколько городовъ въ странѣ корсунской, да не имѣете права воевать въ тѣхъ городахъ, и та страна не покоряется вамъ.

36. Въ вустьѣ (чит.: *о устьи*) **Днѣпрьскомъ.**

Аще обрящють Русь Корсуняны [и Чернии Болгаре] рыбы ловяща [въ устьи Днѣпра, Бѣлъбережи, ни (чит.: *ли*) у Святаго Ельферья], [да не творять имъ зла никоегоже] (или: никакоже).

36. Объ устьѣ днѣпровскомъ.

Если руссы найдутъ корсунцевъ и черныхъ болгаръ, занимающихся рыболовствомъ въ устьѣ Днѣпра, Бѣлобережьи, или у св. Ельферія, да не причиняютъ имъ никакого зла.

37. [Егда же требуеть (чит.: *требуемъ*) **на войну ити].**

а) Аще ли [вар.: егда же] хотѣти начнеть царство наше отъ васъ вои на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему [вар.: мы напишемъ к князю вашему], и послеть к намъ, еликоже хочемъ [вар.: (*еже на*) потребу]. б) [Тогда (чит.: *Ти, егда*) аще просить вой у насъ князь Русский, [да (чит.: *егда*) воюеть], дамы ему, елико ему будеть требѣ; и оттоле увѣдять ины страны, каку любовь имѣють Грьци съ Русью.

37. Когда требуемъ на войну идти.

а) Если наше царское величество пожелаетъ (получить) отъ васъ войска противъ враговъ своихъ, то мы напишемъ къ великому князю вашему, и онъ пришлетъ намъ, сколько хочемъ (вар.: сколько потребно будетъ). б) Точно также, если князь вашъ, когда онъ воюетъ, попроситъ войска у насъ, то мы дадимъ ему, сколько ему будетъ нужно. И послѣ того всѣ страны узнаютъ, какая дружба (существуетъ) между греками и руссами.

На (чит.: *А*) **утвержѳние обоему...** (*царю*) **таковому совещанию** (*сице*):

А утвержденіе обоими царями настоящаго договора таково:

[Да хранить (чит.: *хранимъ*) любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце сьяетъ и весьмиръ стоить]!..

(Вар. по Дог. Святослава 971 г.). [Да хранимъ правая съвѣщания] [в нынешния вѣки и в будущая]!

Да сохранимъ правомѣрный договоръ ненарушимо, доколѣ солнце сіяетъ и вселенная стоитъ!

[В коем мѣстѣ] (*и*) [в кое время] (*писано*)?

[Писано] (*въ градѣ*) [царства вашего], (чит.: *нашего*; по Дог. Святослава: въ Дерестрѣ) мѣсяца сентября [8], а недѣли въ [2], (день), (*индикта*) 15, в лѣто созданиа мира сего (чит.: *вѣсего*)— 6420.

(Въ Дог. *Игоря*: лѣта 6453, индикта 4, Апрѣля 20, въ третію седмицу по Пасхѣ. Въ Дог. Святослава: Мѣсяца Іюля, въ 11 день, индикта 14, въ лѣто 6479).

Въ какомъ мѣстѣ и въ какое время (договоръ) писанъ?

Писанъ въ городѣ нашего царскаго величества (по Дог. Святослава: въ Дерестрѣ) мѣсяца сентября въ 8, а недѣли во 2-й день, индикта 15-го, 6420 года отъ сотворенія міра. (Въ Дог. Игоря: 6453 года, индикта 4, Апрѣля 20, въ 3-ю недѣлю по Пасхѣ. Въ Дог. Святослава: 11-го Іюля, 14 индикта, 6479 г.).

III.

Лѣтописные разсказы о ратификаціи Договоровъ.

А. Къ Договору Олега 912 г.

а. [Царь же Леонъ съ Олександромъ миръ сотвориста съ Олгомъ, имшеся по дань и ротѣ заходивше межы собою и целовавше сами крестъ, а Олга [и мужи его] водивше на роту... по Рускому закону..., и утвердиша миръ (1).

б. Царь же Леонъ почти послы Рускые дарми, златомъ и паволоками и фофудьами, и пристави к нимъ мужи свои показати имъ.... полаты златы, а и в нихъ сущаа богатество, злата много, и паволокы, и камньe драгое...., и тако отпусти à во свою землю с честию великою (2).

в) Послании же Олгомъ посли приидоша ко Олгови и повѣдаша вся рѣчи обою царю, како сотвориша миръ, и урядъ положиша межю Грецкою землею и Рускою, и клятвы не преступити ни Грекомъ, ни Руси.

г. (Олегъ же радъ бысть и повелѣ) [писати обоихъ (т. е. царей) рѣчи на харатьѣ] (3).

д. И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣмъ странамъ, княжа въ Киевѣ.

Примѣчанія.

1. **Къ сегменту подъ лит. а.** Въ старшихъ спискахъ онъ помѣщенъ вь срединѣ текста лѣтописной статьи подъ *907 г.*, трактующей о походѣ Олега на Царьградъ. Но я выше (стр. 32) привелъ основанія, оправдывающія перестановку этого сегмента въ

данное мѣсто, вслѣдъ за текстомъ условій Договора *912 г.*—Слова: „кляшася оружіемъ своимъ и Перуномъ богомъ своимъ и Волосомъ скотьемъ богомъ“ я исключилъ изъ настоящаго отрывка и перенесъ въ помѣщаемый мною ниже лѣтописный разсказъ объ утвержденіи присягою Договора *Игоря*—въ сегментъ подъ лит. **г.** (стр. 247), гдѣ въ нихъ, по ходу рѣчи, ощущается надобность для заполненія явнаго пробѣла.

2. **Къ сегменту подъ лит. б.** На содержащіяся въ этомъ сегментѣ (Лавр., изд. 1872 г., стр. 37) слова: „церковную красоту, и страсти Господня, и венець, и гвоздие, и хламиду, и мощи святыхъ, учаще я̀ къ вѣре своей и показующе имъ истинную вѣру“ —покойный проф. *И. И. Малышевскій* ссылался, какъ на одно изъ главныхъ доказательствъ весьма важнаго на Руси значенія *варяговъ*, какъ пособниковъ при начальномъ заимствованіи христіанства отъ православнаго Востока. „Кто были, спрашиваетъ онъ, тѣ послы Олега, которые обозрѣвали святыни Царьграда, слышали наставленіе о вѣрѣ и принесли въ Кіевъ назидательныя впечатлѣнія отъ того, что видѣли и слышали?—Лѣтопись знаетъ и сообщаетъ ихъ имена. Это: Карлы, Ингельдъ и пр.“ „Если мы считаемъ, продолжаетъ названный ученый, *очевидность* достаточнымъ доказательствомъ истины, то въ этихъ послахъ Олега можемъ признать только варяговъ-норамановъ“ [1]). Между тѣмъ, бросается въ глаза слѣдующая несообразность. Послы Олега, кто бы они ни были по національности, славяно-руссы или скандинавы, прибыли вѣдь въ Царьградъ съ опредѣленною миссіею—заключить договоръ съ греками. Этихъ-то пословъ, которые, по окончаніи порученнаго имъ дѣла, спѣшили отвезти мирную хартію своему князю для ея ратификаціи, въ чемъ наиболѣе заинтересованы были сами же греки,—этихъ пословъ царь Леонъ удерживалъ будто-бы въ Константинополѣ для наставленія ихъ въ христіанской вѣрѣ, на что, конечно, требуется болѣе или менѣе продолжительное время, и, что всего характернѣе,—назначилъ, для просвѣщенія пословъ, не патріарха, не епископовъ, или пусть бы даже простыхъ священниковъ, а „своихъ мужей“, т. е. свѣтскихъ сановниковъ, гражданскихъ или военныхъ должностныхъ лицъ. Послѣдніе же свои назиданія въ вѣрѣ начали яко-бы съ того, что одновременно показывали посламъ златыя палаты и—церковную красоту, паволоки, драгоцѣнныя камни и—мощи святыхъ, и такимъ образомъ учили представителей русской земли поклоняться

---

[1]) „Труды Кіев. Духов. Акад.“ за 1887 г., № 12.: „Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ“, стр. 2—3.

и Богу, и мамонѣ!... Не диктуетъ ли здравая логика, что ничего подобнаго не могло быть и не было, и что скорѣе всего надо предположить какую-либо погрѣшность въ текстѣ означеннаго лѣтописнаго повѣствованія? И дѣйствительно, вышеприведенныя слова вовсе не относятся къ составу текста даннаго извѣстія, а должны быть перенесены въ лѣтописную повѣсть, сообщающую о пріемѣ, оказанномъ *въ 987 г.* въ Царьградѣ русскимъ посламъ, *нарочито* отправленнымъ княземъ Владиміромъ и боярами *для испытанія вѣръ*: „И иде с ними (патріархъ) в церковь, и поставиша ѧ́ на пространьнѣ мѣстѣ, показующе красоту церковную (вставка варіанта: *церковную красоту*), пѣнья и службы архиерѣйски, престоянье дьяконъ (вставка: *и страсти Господня, и венець, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святыхъ*), сказающе имъ служенье Бога своего (вставка: *и учаще ѧ́ къ вѣре своей и показующе имъ истинную вѣру*“). По исключеніи же изъ текста извѣстія 912 г. упомянутыхъ, ошибочно вставленныхъ въ средину его, словъ, послѣднее оказывается лишь подражаніемъ библейскому разсказу: „Въ то время послалъ Бородахъ Баладанъ сынъ Баладана, царь Вавилонскій, письма и подарокъ Езекіи... Езекія, выслушавъ посланныхъ, показалъ имъ кладовыя свои, серебро и золото... и все, что находилось въ сокровищницахъ его“ (IV Ц. 20. 12—13).

3. **Къ сегменту подъ лит. г.** Заключенныя въ прямыя скобки слова: „псати обоихъ рѣчи на харатьѣ“ взяты изъ разсказа лѣтописи, предшествующаго тексту Договора *Игоря* 945 г. Въ Лавр. сп. (изд. 1872 г., стр. 45, строк. 20) слова эти не связаны союзомъ *и* съ предыдущимъ *глаголати* и смотрятъ вставкою, да и по смыслу они относятся къ сообщенію о ратификаціи Договора *Олега*, а не Игоря, ибо только первый оффиціально считается заключеннымъ съ двумя греческими царями—Леономъ и Александромъ, второй же заключенъ съ тремя—Романомъ, Константиномъ и Стефаномъ, почему выраженіе: „псати *обоихъ* рѣчи“ къ нему не подходитъ.

Б. Къ Договору Игоря 945 г.

а) [Присла Романъ и Костянтинъ и Степанъ слы к Игореви построити мира первого].

б) Послании же сли Игоремъ придоша к Игореви со слы Гречьскими и повѣдаша вся рѣчи царя Романа. Игорь же призва слы Гречьския, рече имъ: „глаголите, что вы казалъ царь?“ И рѣша сли цареви: „се посла ны царь, радъ есть миру, хощетъ миръ имѣти съ княземъ Рускимъ и любъве, твои сли водили суть царѣ

наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водити тебе и мужь твоихъ, [глаголя сице]:

в) [„На утвержение и неподвижение быти [вар.: пребывати] меже вами (чит.: *нами*), хрестьаны, и Русью бывший миръ, [вар.: на утвержение и извещение межы нами бывающаго (по друг. чтенію: *бывшаго* мира], мы свещание се написахомъ на двою харатью (послѣднія слова написаны дважды) и сотворихомъ (*имъ*) [нынѣ къ вамъ] [написаниемъ] (чит.: *киноварное написаніе*), [вар.: сотворихомъ пинехрусу], [и таковое написание дахомъ] [нашимъ посломъ]. И едина харатья..., на ней же [есть] крестъ и [подъ хрестомъ] *) [своею рукою] имяна наша написана, а на другой—послы ваши и гостье ваши. А отходяче посломъ царства нашего **), да допроводять къ великому князю Рускому Игореви и к людемъ его; и ти, приимающе харатью, [на ней же суть имяна наша написана], на роту идуть, [наши (чит.: *ваши*)] хрестьяне Руси, по вѣрѣ ихъ, [вар.: предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единаго истиннаго Бога нашего], а нехрестеянии—по закону своему, [вар.: а некрещеная Русь палагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и прочаа оружья]—хранити (*во*) истину, яко мы свѣщахомъ (и) написахомъ на харатью сию“... [варіанты: [да клянутся о всѣмь, яже суть написана на харатьи сéй], [хранити] во истину, якоже... написахомъ на харатьи сей и своими печатьми запечатахомъ] (1).

г) Обѣщася Игорь сице створити. Заутра призва Игорь слы и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, и покладоша оружье свое, и щиты и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, [и] елико поганыхъ Руси [кляшася оружьемъ своимъ и перуномъ богомъ своимъ, и Волосомъ скотьимъ богомъ], а хрестьяную Русь водиша ротѣ в церкви святаго Ильи, яже есть надъ ручаемъ... Пасынчѣ (чит.: *Песчаной Почайнѣ*), [въ сборнѣй церкви]: се бо бѣ сборная церки, мнози бо бѣша Варязи—**[Козарѣ]** хрестеяни... (2).

д) Игорь же, утвердивъ миръ съ Греки, отпусти слы, одаривъ скорою и челядью и воскомъ и отпусти я́.

е) Сли же придоша ко цареви и повѣдаша вся рѣчи [вар.: **бесѣды**] Игоревы и любовь юже къ Грекомъ.

ж) Игорь же нача княжити въ Кыевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. **[„Конецъ“]**.

---

*) Слова: „подъ крестомъ“ взяты изъ ст. 7-й Дог. Игоря по нумераціи „X—тіи“ проф. Вл.-Буданова,—изъ сочетанія: „аще ли купилъ будеть Грьчинъ, подъ хрестомъ достоить ему, да возметь цѣну свою“.

**) По ошибкѣ написано было еще разъ: „царства нашего“, каковыя слова потомъ помѣщены были одною строкою выше—въ сочетаніи: „есть у царства нашего“.

Примѣчанія.

1. **Къ сегменту подъ лит. в.** Данный сегментъ воспроизведенъ мною посредствомъ соединенія въ одно цѣлое отдѣльныхъ словъ и фразъ, которыя въ существующихъ спискахъ разбросаны въ заключительныхъ частяхъ Договоровъ Олега 912 г., Игоря 945 г. и Святослава 971 г. Содержаніе его составляетъ рѣчь византійскихъ царей, переданная чрезъ отправленныхъ ими къ Игорю пословъ. Тексту этой рѣчи предшествуетъ сочетаніе: „глаголя сице“, взятое мною изъ предложенія, стоящаго впереди грамоты Святослава: „и нача писець писати, глагола сице“. Выраженіе же: „и сотворихомъ имъ нынѣ къ вамъ написаніе“ съ варіантомъ: „сотворихомъ пинехрусу“ скомбинировано мною изъ фразы Договора *Олега* 912 г.: „сотворихомъ Ивановомъ написаніемъ“ и сочетанія, взятаго изъ конца грамоты Святослава: „якоже пинехрусу сотворихомъ нынѣ къ вамъ“. О томъ, что слово „Ивановымъ“ или „Ивановомъ“ въ данномъ мѣстѣ вставлено ошибочно, я уже говорилъ выше (стр. 229-231). Здѣсь я объясню, какимъ образомъ читавшееся, по моему предположенію, въ подлинникѣ „*киноварно*“ превратилось въ „нынѣ къ вамъ“. Думаю, что это могло произойти такъ: было первоначально написано: „*к ино вар но написаніе*“. Писецъ перепуталъ, написавъ, вм.: к ино,—*ино к*, а позднѣйшій переписчикъ, вмѣсто *ино*, начертилъ *н̄нъ* и, вм. совершенно непонятнаго *вар*,—*вам*, окончаніе же *но* вовсе опустилъ, полагая, быть можетъ, что оно поставлено излишне, подъ вліяніемъ сосѣдняго слога *на* въ словѣ *написаніе*. Что превратныя чтенія въ родѣ *ино к*, вмѣсто *к ино*, далеко не рѣдкость въ древнихъ славянскихъ и русскихъ рукописяхъ, я, для примѣра, сошлюсь на цитированный уже мною выше „Изборникъ Святослава 1073 г.“, гдѣ, вм. „въ дѣлахъ бо рукъ“ (стр. 49), всѣ рукописи имѣютъ: „въ рукахъ бо дѣлъ“. А что здѣсь, дѣйствительно, рѣчь идетъ о киноварномъ написаніи, т. е. киноварномъ оглавленіи договорныхъ статей—на это указываетъ пояснительный варіантъ: „сотворихомъ пинехрусу“. *Шлецеръ* (III, 595) замѣтилъ, что „*пине*“ или *пе* никакъ растолковать нельзя, но *хрусу* можно объяснить очень хорошо: здѣсь разумѣется χρυσοβούλλιον, *золотая печать*, которую визант. императоры привѣшивали къ своимъ грамотамъ. Такого же мнѣнія и *Карамзинъ* (Исторія, I, пр. 113). Другіе полагали, что это выраженіе значитъ πιναχρυσῆ—*золотая доска*. „Но такого слова“, говоритъ *Срезневскій* (Изв. Ак. Н., VII, 347), „сколько оно ни походитъ на греческое, въ греч. языкѣ нѣтъ“. „Вотъ почему, продолжаетъ онъ, чтобы добиться до какого-нибудь здѣсь годнаго греческаго слова, невольно приходитъ на мысль об-

ратиться къ глаголицѣ... Я позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько предположеній для глаголическаго чтенія этого непонятнаго слова..., но, не пришедши еще ни къ какому удовлетворительному исходу, считаю пока лишнимъ ихъ высказывать". Съ своей же стороны смѣю думать, что въ данномъ случаѣ, какъ и относительно слова „всякимь" Святославовой же грамоты (см. ыыше, стр. 231), глаголица ничуть не пособила бы выясненію точнаго смысла занимающихъ насъ словъ. Мнѣ кажется, что пригоднымъ здѣсь греческимъ выраженіемъ представляется именно: πίναξ χρυσοῦς, причемъ πίναξ употреблено здѣсь въ значеніи *оглавленія* (ср. напр. Синтагму М. Властаря: Πίναξ τῶν κεφαλαίων,—„сказаніе главизнамъ", или: Πίναξ τῆς Ἑξαβίβλου—Tabula Hexabibli—оглавленіе Шестикнижія Арменопула), такъ, что трактуемое выраженіе значитъ: златоцвѣтный указатель (главъ Договора), что́ и соотвѣтствуетъ выраженію: „киноварное написаніе", въ которомъ послѣднее слово означаетъ не грамоту, а надпись, заголовокъ. Такимъ образомъ обнаруживается, что подлинная договорная хартія, которая шла отъ византійскихъ императоровъ къ русскому великому князю, была снабжена оглавленіемъ договорныхъ статей, написаннымъ киноварью, но при занесеніи мирной грамоты въ сборники, предшествовавшіе нынѣ извѣстнымъ лѣтописнымъ сводамъ, общее оглавленіе было раздроблено и заголовки были помѣщены, въ видѣ маргинальныхъ рубрикъ, отдѣльно противъ каждой статьи. Но затѣмъ, при частыхъ переписках, эти заголовки попали въ самый контекстъ грамоты и разверстаны въ ненадлежащихъ мѣстахъ,—чрезъ что порча послѣдняго еще болѣе усилилась.

Дальнѣйшее выраженіе нашего сегмента по предлагаемому мною чтенію: „да на роту идуть наши (чит.: *ваши*) хрестеяне Руси по вѣрѣ ихъ, а не-хрестеянии по закону своему"—взято изъ ст. 3 Дог. *Игоря* (по нумераціи „Христоматіи"), трактующей о *штрафѣ* за укрывательство бѣглаго челядина. *Шлецеръ* (III, 135), представивъ переводъ какъ этой, такъ и связанной съ нею слѣдующей, 4-й, статьи Игорева же Договора, высказалъ: „Вотъ переводъ слово въ слово сей статьи: можно ли найти въ оной какой смыслъ"? Это замѣчаніе вполнѣ примѣнимо и къ новѣйшимъ комментаріямъ означенной 3-й статьи Игорева Договора. Между тѣмъ, безсмысленность послѣдней происходитъ оттого, что она вся состоитъ изъ безпорядочнаго набора отдѣльныхъ фразъ. Мѣста, куда эти фразы должны быть перенесены, указаны мною выше въ главѣ 3-й при разсмотрѣніи разныхъ статей Договоровъ и, въ частности, статьи, надписанной: „о челядинѣ" (стр. 147). Осталось неиспользованнымъ мною только сочетаніе: „да на роту идуть наши хрестеяне Руси и пр." Его-то и слѣдуетъ перемѣстить въ разбираемый

мною теперь сегментъ лѣтописнаго разсказа, воспроизводящій переданную греческими послами рѣчь византійскихъ царей, адресованную къ Игорю. Двѣ фразы же, представляющія собою варіантъ къ сказанному сочетанію: 1) „предлежащимъ Честнымъ Крестомъ и пр.“ и 2) „а некрещенная Русь полагаютъ щиты своя и т. д.“ заимствованы: первая—изъ ст. 15 Договора *Олега* 912 г., а вторая—изъ заключительной части Договора *Игоря*.

2. Къ сегменту подъ лит. г. Обоснованіе предложенной мною поправки текста читаемаго въ Лавр. сп. предложенія: „а хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви св. Ильи, яже есть надъ ручаемъ, *конецъ Пасынъчиь бесѣды* (и) *Козарь* (въ Радз. нѣтъ *и*): се бо бѣ соборная церки, мнози *бо бѣша Варязи хрестеяни*“—я представилъ въ своемъ очеркѣ: „Библ.—агадач. параллели къ лѣтоп. сказаніямъ о Владимірѣ Святомъ“. (стр. 126 и сл.), гдѣ объяснено, что данный отрывокъ, по производствѣ въ немъ указанныхъ мною перестановокъ и поправокъ, слѣдуетъ перевести такъ: а христіанскую Русь приводили они къ присѧгѣ въ церкви Св. Иліи, которая стоитъ надъ ручаемъ *Песчаною* (Почайнею),—въ соборной церкви: это была соборная (православная) церковь, такъ какъ многіе *варяги-хазаре* были христіанами [1]). Отсюда я позволилъ себѣ сдѣлать выводъ, что еще раньше появленія „крещенной Руси“ христіанство сдѣлало уже большіе успѣхи среди хазаръ, названныхъ здѣсь варягами въ общемъ смыслѣ чужеродцевъ, иноплеменниковъ, и что для этихъ-то новообращенныхъ хазаръ, высшій классъ которыхъ исповѣдывалъ іудейство, и возведена была первоначально Ильинская церковь въ Кіевѣ.

IV.

Рота присяги русскаго великаго князя и русскихъ пословъ и гостей.

а) Клятвенное обѣщаніе великаго князя.

1) Обѣщаніе.

(*Азъ*) [Игорь, великий князь] [и со мною боляре и Русь вся], [якоже (чит: *такоже*) кляхъся (въ Ип. сп.: азъ) ко царемъ Гречьскимъ] [и утвѣржаю на свѣщаньѣ семь роту свою], [яко николиже помышлю на страну вашю, ни сбираю вой, ни языка инаго приведу на страну вашю, и елико есть подъ властью Гречьскою, ни

---

[1]) Слово „бесѣды“, по моему изложенію текста, составляетъ варіантъ слова „рѣчи“ въ стоящей нѣсколько ниже фразѣ: „повѣдаша вся *рѣчи* Игоревы“, а слово „конець“ должно быть переставлено въ самый конецъ разсматриваемаго лѣтописнаго разсказа.

на власть Корсуньскую, и елико есть городовъ ихъ, ни на страну Болгарску; да аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся с нимъ].

(Варіанты по Договору Святослава): Азъ Святославъ (въ Хлѣб. и Погод.: великый), князь Руский, (*и князи*) [и боляре] [и иже суть подо мною Русь], [якоже (чит.: *такоже*) кляхъся] [къ Ивану, нарицаемому Цѣмьскию, царю Гречьскому]... (1).

2) Клятва.

Аще ли... [се] не съхранимъ, азъ же, и [же] (чит.: *иже*)*) со мною и подо мною, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ него же вѣруемъ, (в Перуна и в Волоса, скотья Бога), и да будемъ золоти, яко золото (въ Ип.: се), и своимъ оружьемъ да иссѣчени будемъ (2).

б) Клятвенное обѣщаніе русскихъ пословъ и гостей.

1) Обѣщаніе.

Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ... и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней, не преступити отъ нея ничтоже... [въ прочая [вар.: прочии] лѣта и воину (всегда)].

Мы же (*елико насъ есть нехрещено*) кляхомъся ко царю вашему, [кленшеся оружьемъ своимъ], [не преступити намъ, ни иному отъ страны нашея, отъ уставленыхъ главъ мира и любви] (3).

2) Клятва.

1. И иже помыслить отъ страны Руския разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье прияли суть, да приимуть месть отъ Бога вседержителя, осуженье на погибель въ весь (чит.: *сесь*) вѣкъ и в будущий; и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи отъ Бога, ни (чит.: *ли*) отъ Перуна), да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будуть раби въ весь (чит.: *сесь*) вѣкъ (*и*) в будущий.

2. Аще ли же кто отъ князь или отъ людий Рускіхъ, ли хрестеянъ, или не-хрестеянъ преступить се, еже есть писано на харатьи сей, будеть достоинъ [варіанты: достоить ему, достойно (*инъ*) есть **]

---

*) Слова: *се* и *же* взяты изъ конца Святославовой грамоты,—изъ сочетанія: „Се же имѣйте во истину“.

**) Варіанты: „достоить ему“ и „достойно есть“ взяты изъ ст. 6 и 7 Дог. Игоря (по нумер. X-тіи); гдѣ они, какъ объяснено выше (стр. 124 и 125, прим. лит. *а*), совершенно неумѣстны и только затемняютъ смыслъ рѣчи.

своимъ оружьемъ умрети, и да будеть клятъ отъ Бога и (чит.: *ли* отъ Перуна), яко преступи свою клятву.

3. А иже преступитъ се отъ страны нашея, ли князь, ли инъ кто, ли крещенъ, или не крещенъ, да не имуть помощи отъ Бога и да будеть рабъ въ сии вѣкъ *(и)* въ будущий, и да законленъ будеть своимъ оружьемъ... **(4)**

Примѣчанія.

1. Формула клятвеннаго *обѣщанія русскаго великаго князя* помѣщена въ наличныхъ лѣтописныхъ сборникахъ подъ 971 г. Нельзя, однако, сомнѣваться, что первоначально она читалась подъ 945 г. и гласила: „Азъ Игорь великий князь и пр.“,—такъ какъ Древняя лѣтопись положительно свидѣтельствуетъ о принесеніи именно княземъ Игоремъ клятвы на Перуновомъ холмѣ, но въ виду того, что та-же клятвенная формула съ измѣненіемъ только имени присягающаго русскаго князя и имени византійскаго царя, которому присяга приносится, повторена была и подъ 971 г., переписчики, но небрежности, опустили ее при внесеніи Договора *Игоря* въ лѣтописные своды. Слѣды же первоначальнаго ея текста сохранились, *во 1-хъ*, въ помѣщенномъ въ самомъ концѣ этого послѣдняго Договора выраженіи: „*Игорь великий князь*“, безсмысленно пристегнутомъ впослѣдствіи къ сочетанію: „Да аще будеть добръ“—сочетанію, которое, какъ мы видѣли выше, и само стоитъ не у мѣста, а должно быть перенесено въ статью, озаглавленную: „Челядинаа цѣна“,—въ предложеніе: „да аще будеть *уноша* добръ“, въ параллель сочетанію „аще будеть дѣвица добра“ (см. выше, стр. 144—5) и, *во 2-хъ*, въ повторительномъ чтеніи словъ: „азъ“, „якоже кляхся“, „боляре“ и „иже суть подо мною Русь“,—дающемъ основаніе заключить, что одинъ изъ двухъ варіантовъ относится къ тексту присяги Игоря, а другой—Святослава *).

2. Въ формулѣ *клятвы великаго князя* требуетъ къ себѣ вниманія выраженіе: „да имѣемъ клятву отъ Бога, въ него же

---

*) Кстати, считаю нужнымъ исправить здѣсь ошибку, допущенную мною въ предшествующемъ изложеніи. Выше, въ гл. 3-ей, въ концѣ стр. 144 и началѣ 145-й, я назвалъ предложенное *А. В. Лонгиновымъ* объясненіе стоящей въ лѣтописныхъ спискахъ въ концѣ Игорева Договора фразы: „да аще будеть добрѣ, Игорь великій князь, да хранить си любовь правую“—неудачнымъ, но, по недосмотру, не привелъ самаго объясненія. Вотъ оно: „Въ припискѣ къ договору 945 г. греки убѣждали Игоря блюсти договоръ для отвращенія гибельныхъ послѣдствій нарушенія клятвы: *будетъ* достойно своимъ оружьемъ умерети,—и да *будетъ* клятъ..., обращаясь къ нему съ такимъ внушеніемъ: *да аще будетъ*,—

вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья Бога". *Гедеоновъ* (Варяги и Русь, I, 269—270), оспаривая мнѣніе изслѣдователей, которые указываютъ на имя Бога въ заклинаніяхъ русскихъ князей и пословъ, какъ на доказательство существованія у славянъ верховнаго Бога, отличнаго отъ Перуна,—полагалъ, что имя Бога въ Договорахъ означаетъ христіанскаго Бога, карателя въ случаѣ клятвопреступленія не только крещенной, но и некрещенной Руси, и что греки хотѣли сдѣлать изъ руссовъ клятвопреступниковъ въ христіанскомъ смыслѣ, почему и требовали отъ нихъ выраженія вѣры въ христіанскаго Бога, что̀ и высказано словами: „да имѣемъ клятву отъ Бога, въ него же вѣруемъ"; слѣдующія же за тѣмъ слова: „в Перуна и въ Волоса скотья Бога" искажены переписчиками: вѣроятно, слѣдовало: „и отъ Перуна". Иное объясненіе означенныхъ словъ предложилъ проф. *Д. Я. Самоквасовъ*, высказавшій крайне оригинальную мысль, будто во время составленія Договора Святослава понятіе о языческой тройцѣ государственныхъ боговъ: Богѣ, Перунѣ и Волосѣ, не отличалось уже рѣзко отъ понятія о Св. Тройцѣ христіанской религіи. „Понятіе перваго лица въ языческой тройцѣ славянскихъ государственныхъ боговъ, говоритъ авторъ (у. с., 109), тождественно съ понятіемъ перваго Лица христіанской Тройцы; понятіе третьяго Лица Св. Тройцы—Животворящаго Духа—соотвѣтствовало понятію Велеса, какъ началу жизненному, оживляющему, веществу животворящему, одухотворяющему... Перунъ служилъ главнымъ различіемъ языческой религіи отъ христіанской". Оба эти толкованія, особенно же послѣднее, вполнѣ несостоятельны. Уже *Н. И. Костомаровъ* призналъ сочетаніе: „въ Волоса скотья Бога" позднѣйшею вставкою. Въ подкрѣпленіе этого, я въ упомянутой выше работѣ своей [1]) привелъ и отъ себя нѣсколько доводовъ, указавъ при этомъ, что Волосъ, собственно *Велосъ*, какъ и другія, поименованныя въ Начальной Лѣтописи языческія божества: Мокошь, Симаньргла, Стрибогъ, Дажьбогъ, Хорсъ или Харсъ, вовсе не бытовалъ среди кіевской Руси, а оказывается иноземнымъ богомъ, семитическаго происхожденія, приведеннымъ лишь, какъ параллельное названіе главнѣйшаго сла-

---

добрѣ (хорошо) Игорь великій князь *да хранитъ* си любовь правую" (стр. 110). Нѣтъ надобности распространяться о непріемлемости этого затѣйливаго толкованія, „идущаго наперекоръ припятому", какъ выразился авторъ (т. же). Достаточно указать, что, вм. „добрѣ", въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ „добръ", которое несомнѣнно относится къ предыдущимъ: „аще будетъ", а не къ послѣдующимъ: „Игорь великій князь да хранить си любовь".

[1]) „Библ.-агадическія параллели къ лѣтопис. сказаніямъ о Владимірѣ Св.", стр. 24—27.

вяно-русскаго бога Перуна, котораго сочинитель лѣтописныхъ повѣстей о Св. Владимірѣ въ одномъ мѣстѣ, видимо, смѣшалъ съ ханаанскимъ божествомъ *Фегоромъ* (по-еврейски *Пеоръ*),—а именно, Волосъ,—это богъ *Баалъ*, *Беелъ*, *Белъ* (Ваалъ, Вилъ, Belus, Βῆλος),—богъ распутства, „блуда скотильнаго“, скотства, а не скотоводства или богатства. Такимъ образомъ, домыселъ проф. Самоквасова о существованіи у славяно-руссовъ понятія о языческой тройцѣ и о соотвѣтствіи Волоса Животворящему Духу христіанской Св. Троицы не имѣетъ подъ собою никакой почвы.

Но неосновательно и мнѣніе Гедеонова, что подъ именемъ Бога въ Договорахъ разумѣется исключительно христіанскій Богъ, Которымъ греки заставили клясться язычниковъ-руссовъ. Вѣрнѣе полагать, что, въ виду разноплеменности и разновѣрія населенія Руси, въ составъ котораго входили исповѣдники іудаизма и магометанства, и въ виду того, что въ эпоху Договоровъ значительная часть самихъ не-крещенныхъ руссовъ уже давно вышла изъ состоянія грубаго язычества и имѣла понятіе объ истинномъ Богѣ, Творцѣ всяческихъ,—клятвенныя формулы редактированы были въ такомъ видѣ, что ихъ могъ произносить каждый „по вѣрѣ своей и по закону своему“. Такъ, въ разсматриваемой формулѣ присяги великаго князя и его мужей, принадлежавшіе къ княжеской дружинѣ іудео-хазаре, магометане и болѣе развитые руссы, произносили: „да имѣемъ клятву отъ Бога, в него же вѣруемъ“; настоящіе же язычники-руссы, вмѣсто этой фразы, произносили: „да имѣемъ клятву отъ Бога *Перуна*, в него же вѣруемъ“, или просто: „отъ Перуна“. Равно и двѣ, изъ числа изложенныхъ выше трехъ, формулы *клятвы русскихъ пословъ и гостей* составлены въ такой редакціи, что всѣ не-христіане, кромѣ язычниковъ, клялись: „да не имуть помощи отъ Бога“ или „да будеть клятъ отъ Бога“; язычники же, вм. „Бога“, произносили: „Перуна“, либо прибавляли къ слову „Бога“ слово „Перуна“. Въ третьей же формулѣ, какъ видно изъ текста, названіе Перуна уже вовсе исчезаетъ, и послы и гости, безъ всякаго различія вѣроисповѣданія („ли крещенъ, или некрещенъ“), клянутся прямо: „да не имутъ помощи отъ Бога“. А что дѣйствительно понятіе объ истинномъ Богѣ усвоено было извѣстною частью русскаго населенія задолго еще до оффиціальнаго крещенія руссовъ при Владимірѣ Св.—объ этомъ позволительно заключить изъ свидѣтельства Паннонскаго Житія св. Константина въ повѣствованіи о посольствѣ, снаряженномъ около 858 хазарскими язычниками къ императору Михаилу III съ просьбой о присылкѣ имъ учителя. Послы говорили: „Изначала вѣдаемъ мы только Единаго Бога, Который надъ всѣми, и

Ему кланяемся на востокъ, держимъ и свои старые обычаи, изъ которыхъ иные и студны. Теперь евреи склоняютъ насъ къ своей вѣрѣ и своимъ обрядамъ, а сарацины влекутъ въ другую сторону, понуждая насъ къ своей вѣрѣ... Поэтому шлемъ къ вамъ, помня старую *дружбу и любовь*, и просимъ совѣта... Пришлите намъ ученаго мужа, который бы могъ переспорить евреевъ и сарацинovъ, и тогда мы обратились бы къ вашей вѣрѣ“ *) Если принять въ соображеніе, что, по выводамъ проф. *В. И. Ламанскаго*, отправившіеся по вызову императора Михаила въ т. н. хазарскую миссію свв. солунскіе братья главнѣйшею и конечною цѣлію своего подвига поставили себѣ проповѣдь христіанства въ Приднѣпровьѣ, т. е., по объясненію названнаго ученаго, „въ недавной Хазаріи или Газарѣ“ **),—то можно допустить, что и авторъ Паннонскаго Житія подъ посольствомъ *отъ хозаръ* разумѣлъ собственно—*отъ Руси*, бывшей предъ тѣмъ въ даннических отношеніяхъ къ хазарамъ и помнившей старую любовь и дружбу со стороны Византіи, (ср. въ Договорѣ Олега: „на удержание и на извѣщение отъ многихъ лѣтъ межю Христианы и Русью бывшюю любовь“) и что заявленіе пословъ о томъ, что они изначала вѣдаютъ только Единаго Бога и пр. выражаетъ религіозныя идеи болѣе просвѣщенной части не-крещенныхъ *руссовъ*.

3. По поводу имѣющихся въ *„обыцаніи русскихъ пословъ и гостей“* выраженія: „мы же... кляхомъся церковью Святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви“, *А. В. Лонгиновъ* (стр. 104) замѣтилъ слѣдующее: „*Е. Голубинскій, В. Сергѣевичъ, А. Дмитріу* и мн. др., по недоразумѣнію, переносятъ мѣсто клятвы русскихъ представителей въ *цареградскую* церковь Св. Ильи. *С. Гедеоновъ, Н. Барсовъ* и другіе, хотя принимаютъ названную въ грамотѣ церковь Св. Ильи за *Кіевскую*, но утверждаютъ, что присяга въ ней-то и принималась послами и гостями. Оба мнѣнія противорѣчатъ тексту грамоты. Клялись русскіе представители въ *Царьградѣ*, по ихъ заявленію, не въ церкви св. Ильи, *а церковью св. Ильи въ сборной великой церкви св. Софіи*, каковою цареградскій Софійскій храмъ, послужившій прототипомъ *Кіевской Софіи*, заложенной Ярославомъ, слылъ у грековъ и русскихъ“. Но я полагаю, что именно мнѣніе г. Лонгинова и противорѣчитъ тексту Начальной лѣтописи. Какъ мы видѣли, греческіе послы говорили вел. кн. Игорю: „твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водити

---

*) См. *И. И. Малышевскаго*: „Свв. Кириллъ и Меѳодій“, стр. 40—1.

**) См. мою брошюру: „О библейско-агад. элементѣ въ повѣстяхъ и сказан. нач. рус. лѣтописи“, стр. 20. Журналъ „Украіна“ за 1907 г., Мартъ, стр. 381.

тебе *и мужь твоихъ*“ (Лавр., изд. 1872 г., 52). Отсюда ясно, что русскіе послы въ Царьградѣ *не* присягали, а приняли присягу, какъ повѣствуетъ лѣтопись: христіане—въ *кіевской* соборной церкви св. Иліи, а не-христіане—на холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ. Названный авторъ, равно какъ и Е. Е. Голубинскій, В. И. Сергѣевичъ и др., свое утвержденіе, что русскіе представители клялись въ Царьградѣ, основываютъ на глаголѣ: „кляхомъся“—въ прошедшемъ времени. Между тѣмъ предъ нами въ данномъ случаѣ лишь гебраизмъ. Въ еврейскомъ языкѣ глаголъ *клятися* употребляется въ формѣ прошедшаго времени, вмѣсто настоящаго. Такъ, напр., стихъ 16 гл. XXII Быт. русскимъ синодальнымъ переводомъ, по смыслу, передается: „Мною *клянусь*, говоритъ Господь“; славянскій же переводъ Библіи, держась буквы подлинника (bi nischbathi), даетъ: „Мною самѣмъ *кляхся*, глаголеть Господь“. Такимъ образомъ, и занимающее насъ предложеніе означаетъ: „мы... *клянемся* церковью св. Иліи“, а не: мы *клялись* (прежде въ Царьградѣ). Что же касается сочетанія „въ сборнѣй церкви“, то очевидно, что оно вставлено въ обсуждаемое предложеніе ненадлежаще, такъ какъ въ самомъ текстѣ клятвеннаго обѣщанія едва-ли умѣстно упоминать о томъ, *гдѣ* клятва произносится, почему и представляется вѣроятнымъ, что первоначально сочетаніе это стояло въ *разсказѣ лѣтописи* о мѣстѣ и порядкѣ выполненія Игоремъ и его мужами обряда присяги: „а хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви святаго Ильи и пр., [въ сборнѣй церкви]: се бо бѣ сборная церки и т. д.“ При этомъ достойно замѣчанія, что сама по себѣ клятва церковью вполнѣ соотвѣтствуетъ еврейскимъ религіознымъ понятіямъ. Чтобы не произносить „Божьяго Имени“, объясняетъ проф. *Авг. Вюнше* въ примѣч. къ Матѳ. V, 35, евреи клялись народными святынями, и между прочимъ, *храмомъ* *). Вотъ еще одно подтвержденіе мысли, что русское христіанство зародилось первоначально въ средѣ новообращенныхъ іудео-хазаръ, которые свои прежніе обычаи и вѣровоззрѣнія приноровливали къ новой своей религіи. Нелишне также отмѣтить, что дальнѣйшія слова даннаго сегмента: ...„и харатьею сею, *хранити все, еже есть написано на ней, не преступити отъ нея ничтоже*“,—напоминаютъ однородные библейскіе обороты рѣчи, напр., Второз. 28.58: „(Когда не будешь) *блюсти исполнять всѣ слова закона сего, написанныя въ книгѣ сей*“; или: „*и не отступишь отъ всѣхъ словъ... ни направо, ни налѣво*“ (т. ж., 14).

Остается еще присовокупить, что второй абзацъ разсматри-

---

*) См. Dr. August *Wünsche:* „Neue Beiträge zur Erläuterung der Evangelien aus Talmud u. Midrasch“, S. 59.—Талмудъ Вавил., тракт. *Кидушинъ*, 71-a.

ваемой формулы „обѣщанія“ воспроизведенъ мною посредствомъ спайки предложеній, взятыхъ изъ вступительной и заключительной частей Договора Олега 912 г.

4. Формулу „*клятвы русскихъ пословъ и гостей*, дошедшую къ намъ въ трехъ версіяхъ, помѣщенныхъ отчасти въ началѣ, отчасти въ концѣ текста Игорева Договора, равно какъ и „обѣщаніе“ тѣхъ же пословъ, интересно сопоставить съ „записью шертною“ калмыцкаго *тайши Аюкая Мончакова* съ товарищами, данной въ 1673 г. на съѣздѣ за Волгою при рѣчкѣ Соляной въ присутствіи боярина и воеводы князя Якова Одоевскаго съ товарищи (1 П. С. З., № 540): ...„Язъ *Аюкай Тайша*, за себя, и за братью свою, и *за племянниковъ*, (ср. въ Дог. Игоря перечисленіе пословъ отъ племянниковъ князя), и за всѣхъ своихъ улусныхъ калмыцкихъ родственниковъ, владѣтельныхъ и улусныхъ людей, которые съ ними вмѣстѣ кочуютъ..., шерть отца своего подкрѣпляю; шертую по своей калмыцкой вѣрѣ, и покланяюся, и цѣлую бога своего Бурхана, и молитвенную книгу *бичикъ* и четки, и саблю на свою голову и къ горлу прикладываю..., при бояринѣ и воеводахъ..., договорясь съ ними на томъ, что великому государю... Алексѣю Михайловичу..., намъ служить и великаго государя на недруговъ, гдѣ его повелѣнье будетъ, войною ходить, а подъ его городы войною ни подъ которые не приходить, и дурна никакова, и задоровъ не чинить, и жить съ государскими людьми въ миру и въ совѣтѣ, и быть мнѣ, Аюкаю Тайшѣ, у великаго государя... въ вѣчномъ подданствѣ и въ послушаньѣ, и добра ему и его людемъ хотѣти во всемъ вправду, безо всякія шатости и хитрости... А будетъ мы... шерть свою и утвержденье прежее и нынѣшнее чѣмъ-нибудь нарушимъ: и на насъ, тайшахъ... *буди Божій гнѣвъ и огненный мечъ, и тою саблею, которую я, Аюкай Тайша, вынявъ изъ ноженъ, на голову и къ горлу прикладывалъ, отъ непріятеля своего буду я зарѣзанъ по горлу своему, и будемъ мы прокляты по своей калмыцкой вѣрѣ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ*“.

Это замѣчательное сходство клятвенной формулы языческой Руси X в. съ текстомъ присяги, принесенной калмыцкимъ тайшею XVII в. предъ раскрытою священною книгою „Бичикъ“, можетъ служить подтвержденіемъ, и вообще, полезности проведенія аналогій между правоопредѣленіями Договоровъ и нормами монголо-калмыцкой судебной книги подъ названіемъ: „Цааджинъ-Бичикъ“, которая, хотя составлена въ первой половинѣ XVII в., но несомнѣнно основана на монгольскихъ законахъ и обычаяхъ древнѣйшей эпохи.

УКАЗАТЕЛИ:

I.

Указатель объясненныхъ и обсужденныхъ словъ и выраженій.

(Число означаетъ страницу).

Аще иже 89.
Бесчинье 172.
Бесѣда 250, пр.
Бояре 66—7.
Брашно 183.
Бывшій 50.
Велемудрый 63,
Великій 231.
Велѣти 63, 170.
Вервинина 207.
Вервьная 208, 211.
Вервь 211.
Весьмиръ 191.
Вира дикая, поклепная 207, 209.
Волосъ 253—4.
Вражба, вражда, вражба 107, 109.
Всецѣло 151.
Всякій 231.
Въспятити 14, 23.
Вѣра, вѣрное 81.
Глава 75.
Головничество 213.
Грѣхъ 84.
Дано 191.
Давать руку 78.
Давать въ руку 162.
„ на руку 162.
Другій, друга, дружка 49.
Дружне 121.
Долгъ, Должающій 179.
Дѣялось 191.
Едино 124.
Законоданіе 116.
Зимовати, Заимати 181.
Злодѣй 153.
Зубоѣжа 122.
Иваново 51, 229.
Идѣже 81, 87.
Иже, иже аще 89.
Извѣсти, извѣси 173, пр. 2, 178.
Иже его будеть 192.
Изгой 205—6.
Или 88, 89.
Имѣти 81, 87.
Ина часть 82, 85 пр., 186.
Иной 96—7.
Искусъ, искушеніе 117, 119, 122.
Исшити 20.
Киноварно 248.
Ключъ 28.
Клятися 256.
Княжь мужъ 179.
Колесо 15.
Конець 250 пр., 161.
Кормля, Кормъ 161.
Кренути, крыти 151, 177.
Криво 177.
Кърмникъ, комор-никъ 181—2.
Литра 116.
Любовь 77.
Мало 25.
Малый 162.
Местникъ 121.
Мовь, мовницы, мытницы 31, 174.
Мѣсячина 175.
Мѣданъ 130.
Намѣстникъ 122.
Написаніе 249.

Находникъ 207.
Неятье 81.
Нѣсть сіе, но 19.
Обидьникъ 206.
Обряженіе 159—60.
Объчии 58.
Оправити 177.
Паволока 148.
Пакость 172.
Первое слово. 78.
Печать 165—7.
Пинехрусу 248—9.
Писано 190.
Повелѣніе 69, 81, 170.
Погубить 25, 102.
Подругъ 49.
Подъ рукою 65.
Покуситься 119, пр. 1, 134.
Помощь 87—95.
Портъ 94.
Потреба 188.
Правосудити 70.
Прибывати 90.
Приготовиться 105.
Пристанище 20, 21.
Проказа 83.
Простословіе 70.
Прощенникъ, Пущенникъ } 206.
Работать 156.
Равнодругъ 47.
Разбой 208.
Разъдрати 23—4.
Рубежъ 179.
Рука 66.
Русинъ 205.
Рядъ, рядьцъ 57, 160.
Свои 161.
Свѣщанье 49.
Сей, о семъ 89, 137.
„ о сихъ 172.
Село, селянинъ 205—6.
Слебное 175.
Сигклитъ, Синкеллъ } 54.
Скотій 253.
Словенинъ 205—6.
Снѣдное 175.
Спасеніе, спасъ 183—4.
Статися 208.
Створить криво 177.
Створить мовь 174.
Съгрешенье 84.
Съли 57.
Ти 134.
Толицемь 91.
Толъстины 24.
Тълковины 7.
Тяжа 94.
Уклады 28, 31.
Уряженіе 159—60.
Хотящи быти 65.
Царевъ мужъ 179
Царство 50.
Царствующій градъ 191.
Часть 92, 185, 213,
Часъ 105.
Эпитемья 101.
Ябедникъ 206.

II.

Указатель личныхъ именъ *).

Абдуррахманъ III, халифъ, 61.
Авимелехъ, суд. изр., 186.
Адамъ, праот., 59.
Адулбъ (Адулобъ) посолъ, 38, 64.
Адинь, пос., 38.
Акунъ, пос., 62.
Актеву, пос., 35.
Ал-Бекри, араб. пис., 61.
Алвадъ, пос , 38, 64.
Алданъ, пос., 38-9, 62.
Александръ, царь виз. 5, 26, 32, 34-5, 46, 48, 63, 65, 72, 191, 227, 229, 231-2.
Александръ Невскій, в. кн., 116.
Алексѣй Михайловичъ, ц. моск., 136, 191, 257.
Алтунопа, кн. половецкій, 62.
Альфонсъ VI, король каст. 61.
Альфредъ Великій, король анг., 290.
Амартолъ, Г., мон., лѣт., 8, 12, 14, 22, 53.
Аминодъ, кн. рус., 60, 63.
Амміанъ Марцеллинъ, ист. 8, 17.
Андреевскій, И. Е., авт., 44-5, 180.
Антипатръ, пос., 228
Антіохъ, пос., 228.
Антоній Римлянинъ, св., 191.
Aptowitzer, V., авт. IX.
Апубьскарь, пос., 39, 64.
Арапша, царевичъ, 94
Аръфастовъ, пос., 38, 62.

*) Въ этотъ указатель не вошли имена Олега и Игоря.

Аристовъ, Н. Я., авт., 167.
Арменопулъ, Кон., 249.
Артаксеркъ III, ц. перс., 50, 79.
Архангелъ Михаилъ, 66.
Аскольдъ, кн., 3, 9, 24, 33.
Асѣнь, К., бол. ц. 107, 109.
Аюкай Мончаковъ, тайша, 257.
Баалъ (беелъ) бож., 254.
Барсовъ, Е. В., авт., 26, 33, 255.
Bar-Kappara, евр. законоуч., 122.
Батый, ханъ, 13, 19.
Баязетъ, султ., 157.
Бенеманскій, М., авт., 116.
Бернеръ, авт., 119.
Бородахъ Баладанъ, ц. вав., 246.
Бершадскій. С. А., авт., 62.
Бинеръ, А., авт., 209.
Bloch, M., авт., 176.
Болеславъ IV, кор., 110.
Борисъ, посад. новгор., 64.
Боричь, пос., 39, 64.
Борисъ Годуновъ, ц., 167.
Бруны, пос., 39.
Буксторфъ, Іоаннъ, оріент. 48, 58, 72, 88, 122, 206.
Бурханъ, бож., 257.
Буслаевъ, Ѳ. И., авт., 191.
Бѣлогрицъ-Котляревскій, проф., 119.
Бѣляевъ, И Д.., авт., VI, 59, 60, 62-3, 70, 78, 90, 96, 117, 121, 132-3, 136-8, 146, 150, 154-5, 165, 175, 176, 181, 183, 191-2.
Варѳоломей, посад. новг., 63.
Василій Дмитріевичъ, в. кн. 127.
Василій, ц. греч., 42, 228-9.
Велфромей, пос., 63.
Веніаминъ изъ Туделы, евр. путеш., 167.
Вередрикъ, пос., 59.
Веремудъ (Вельмудъ), пос., 35, 63.
Веспасіанъ, имп. рим., 26.
Вильда, авт., 115, 123, 127-8.
Витте, авт., 204.
Владиміръ Василькович, кн. волын., 50.
Владиміръ Святославичъ, св., 8, 26, 29, 63, 74, 109, 116, 122, 136, 178, 203, 204, 250, 253 354.
Владиміръ Ярославичъ, кн., 3.
Владиміръ, кн. полоц. 62.
Владимірскій - Будановъ, М. Ф., проф., X, 31, 35, 58, 73, 75, 79, 82, 86, 91, 93, 97, 102, 105, 118-9, 121-2, 124, 127, 134, 152, 156, 165, 171, 181-2, 185, 200-1, 206, 208, 212, 213-6, 218-9, 221-2, 224-6, 247.
Властарь, Матѳ., 126, 142-3, 153, 249.
Воиковъ, пос., 38, 63
Волосъ, бож., 5, 42, 245, 247, 251, 253-4.
Всеволодъ Мстиславовичъ, в. кн. 73, 122, 159, 160, 178.
Всеволодъ Яросл., в. кн., 8, 193, 200, 204, 217.
Всеславъ Брячеславичъ, кн. полоц., 8.
Вуефастъ, пос., 38, 63
Вузлѣвъ, пос., 39.
Wünsche, Aug., авт., 256.
Вячеславъ, кн., 77.
Гай б.Давидъ, евр. законоуч., 69.
Hamburger, авт., 67.
Гаркави, А. Я., авт., 69.
Гарунъ -аль- Рашидъ, халифъ, 60.
Гедеоновъ, С. М., авт., 56, 253-5.
Георгій, св , 17, 109.
Гердень, кн. литов., 67-8.
Goitein, E., авт., 199.
Голубинскій, Е., авт., 255-6.
Голубовскій, П. В , авт., 30, 45, 59, 62.
Гомолъ, пос., 39.
Горскій, А. В., авт., 18.
Горчаковъ, М. И., авт., 122.
Гошъ Мех., арм. законов., IX.
Грамматикъ, Л., лѣт., 9.
Гретцъ, Г., ист., 60.
Григорій Чудотворецъ, 153.
Гримъ, пос., 38, 63.
Grimm, Iac., авт., 96, 219-20.
Губе, Р., авт., 107.
Гуды, пос., 35, 62-3.
Гунаревъ, пос., 38.
Гунастръ, пос., 39.
Huschke, Ph., авт., 104.
Давидъ, царь, 66.

Давладъ, кн., 64.
Дажьбогъ, бож, 253.
Даніилъ, прор., 78.
„ Заточникъ 203.
Дарій II, ц. перс., 79.
Дашкевичъ, Н. П., авт., 211.
Димитрій, св,, 17-19.
Димитрій Ивановичъ, в. кн., 77.
Диръ, кн., 3, 9, 21, 24, 33.
Діаконъ, Л., виз. лѣт., 10.
Дмитріу, авт., 45, 255.
Довнаръ- Запольскій, М. В., авт., 31.
Дриновъ, М. С., авт., 28.
Дубенскій, Д. Н., авт., 214.
Duschak M, авт., 71.
Дунинъ, К., авт., 109.
Душанъ, Стеф., ц. бол. 108, 126, 142, 152-3 179.
Дюканжъ, визант., 53, 77, 184.
Евгеній, митроп., 229.
Евлискъ, кн., 38, 63.
Евстафій, нов. посад., 63.
Егри, пос., 38, 63.
Езекія, ц. іуд., 246.
Екатерина II, им-ца, 119.
Елагинъ, авт ,101,190.
Емигъ, пос., 39.
Еминъ, авт., 101.
Етонъ, кн., 38.
Ефремъ Сиринъ, 50.
Забѣлинъ, И., авт.,16.
Загоскинъ, Н. П., проф., 10-1, 174, 208-10.
Зигель, Ѳ. Ѳ., проф, 108, 165, 179.
Ибнъ-Шалибибъ, Амрамъ б. Исаакъ пос., 61.
Ибрагимъ-ибнъ-Якубъ, евр. путеш., 61.
Иванишевъ, Н. Д., проф., 199, 204-5, 211.
Иванъ Грозный, ц., 50, 73, 77, 167.
Иванъ Кантакузинъ, ц., 165.
Иворъ, пос., 38.
Иггивладъ, пос., 39.
Изяславъ Давыдовичъ, в. кн., 217.
Изяславъ Мстиславовичъ, кн., 30.
Изяславъ Ярославовичъ, в. кн., 8, 193-4, 200, 216-8.
Иловайскій, Д. И., ист , 2, 7-9, 17, 29, 60, 62, 171, 185, 187.
Илья, прор., 41, 251.
Инегелдъ, пос., 61.
Исаакъ, праот., 187.
Исаія, прор., 66.
Истръ, пос., 38.
Искусеви, пос., 38.
Іаковъ, праот., 92.
Yanoski F., авт., 220.
Іезубарнуіъ, патр., X.
Іеремія, прор., 13, 66, 187.
Іисусъ Навинъ, 111, 297.
Іоаннъ Еладъ, магистръ, 229.
Іонаѳанъ,первосвящ., 65, 129, 228.
Іонаѳанъ б. Узіель арам. перев. Библіи, 20-1, 104, 210.
Іоаннъ Васильевичъ III, в. кн., 157.
Іоаннъ Цимисхій, царь, 38, 42, 50, 51, 53, 228, 229, 230, 251.
Іорамъ, ц. іуд., 66.
Іосифъ, праот., 16-7, 19, 183.
Іуда Маккавей, 78, 188.
Казиміръ, кор., 50, 153.
Казиміръ Ягелловичъ, кор., 105, 152.
Калачовъ, Н. В., авт., 109, 205, 214, 219, 222-4.
Каницаръ, пос., 38.
Карамзинъ, Н. М. ист , 90, 96, 122, 149, 193, 195, 201-2, 211, 229, 248.
Карлъ, пос., 26-7, 34-5, 55.
Карлъ Великій, имп., 60-1, 220.
Кара, пос., 38.
Карпъ, пос., 35, 59.
Каршевъ, пос., 38.
Кириллъ, митроп., 101.
Кириллъ, св., 18.
Кистяковскій, А. Ѳ., проф., 112.
Клекъ, кн., 38.
Ключевскій, В. О., ист., 200-1, 208, 215,
Константинъ Великій, имп., 106, 189, 197.
КонстантинъV,ц.,142.
Константинъ VII, 35, 65, 72, 232.
Константинъ Багрянородный, 38, 48, 52, 54, 57, 180, 228, 231, 246.
Константинъ IX,ц.,42, 228-9.
Коснячко, воевода, 193-4.
Костомаровъ, Н. И., ист., 9, 253.
Кочій, половец.кн., 62.
Коцелъ, кн. морав. 63.
Cowley, A. E.,археол., 79.

Красноперовъ, И. М., авт., 61.
Krauss, Sam., авт., 53-4, 117.
Kremer, A., авт., 162.
Кригель, бр., изд., 149.
Кругъ, Ф. И., уч., 10, 229.
Ксеніасъ, Хинанишо, патр., X.
Ксеркъ, ц. перс., 79.
Куникъ, А. А., уч., 229.
Куци, пос., 38, 62.
Лавровскій, Н.А., авт., 43-6, 50-2, 54-6, 58, 67-8, 70, 75, 77, 90-1, 96, 105, 116, 118, 155-6, 172, 179, 183-6, 188, 229.
Лазаревскій, А. И., ист., 22.
Ламанскій, В И., проф., 255.
Ламбинъ, Н., авт., 2, 55, 169, 186-7.
Ланге, авт., 200, 204-5.
Ландфридъ, двор., 61.
Lazarus, F., авт., 167.
Левъ, ц. виз., 5, 26, 32, 34, 35, 46, 48, 63, 65, 72, 191, 227, 229, 231-2, 245-6.
Левинзонъ, И. Б, авт., 49, 78.
Лейбовичъ, Л. И., авт., 4, 217.
Леонтій, митроп., 116.
Леонтовичъ, Ѳ И., авт., IX, 93, 109, 123, 127-8, 226.
Леціусъ, проф., V.
Либи, пос., 38, 62.
Лидульфостъ, пос., 35, 62.
Линда, лексикогр., 11.
Ліутпрандъ, еп., 175-6, 183.
Ломоносовъ, М. В., пис., 91. 101, 183.
Лонгиновъ, А. В., авт., VI, 56-7, 70, 80, 90, 96, 98. 102, 118, 132-3, 135 6, 138, 140. 145, 156-8, 161, 165, 167, 171, 174-5, 177, 185-6, 230, 252, 255.
Ludolf, пос , 62.
Лютеръ, 92, 183, 211-2.
Ляскоронскій, В., проф., 31.
Маймонидъ, евр. филос. 66, 95, 99, 100, 113-4, 126, 176, 199, 210, 220, 225.
Макушевъ, В. В., авт., 91.
Малала. Іоаннъ, хрон., 22.
Малышевъ, авт., 78.
Малышевскій, И. И., авт., 22, 93, 245, 255.
Мама, св., 40, 147, 158, 171, 173.
Mayer S., авт., 86, 91, 97, 119.
Менандръ, ист. 45-6.
Меѳодій, св., 18.
Миклошичъ, Фр., филол., 146.
Микула, бояр., 194.
Миллеръ, В , авт., 60.
Müller, D. H., проф., IX.
Милюковъ, авт., 1.
Михаилъ III, виз.имп., 254-5.
Mielziner, M., авт., 220.
Моисей, законод., 13, 68, 89, 100, 104, 107, 110-1, 113-4, 129, 165.
Мокошь, бож., 253.
Молчановскій, Н. В., авт., 6.
Mommsen, Th., ист., 93, 119.
Моны, пос., 39, 156.
Моргулисъ М. Г., авт., 161.
Мр.-Дроздовскій, П. Н., проф., 78, 196, 203, 208.
Мстиславъ Владимировичъ, в кн., 191.
Мстиславъ Давидовичъ, в. кн. 45, 49, 59, 67, 167, 178.
Муторъ. пос., 62.
Муторица, посад. 62.

Навухадносоръ, царь. 187.
Наньерскій К. Э., археол., 68, 167.
Неклюдовъ, А., авт. 119.
Никифоръ, виз. имп., 10.
Никифоръ, бояр., 194, 205.
Николай Мистикъ, патр., 28.
Никольскій, В. Н., авт., 154—7. 159.
Новицкій М. П., авт., 182.
Нуминій, пос., 228.

Оболенскій, кн., авт., 2, 13, 20, 207.
Одоевскій, Як., боярь , 257.
Олькѣртъ, в. кн., 231.
Оттонъ I., импер., 61.

Павловъ А. С., проф., 88—9, 105, 107—10. 114, 126, 129, 135, 148—9, 172.
Палласъ, П. С., учен., 93, 123, 127, 129, 214, 223.
Перунъ, бож., 5, 39, 42, 245, 247, 251—4, 256.
Перенѣгъ, бояр. 194.
Платоновъ, С. Ѳ., авт., 30, 96.

Погодинъ, М. П., ист., 1, 10, 15, 29, 45, 63, 180, 205, 211, 229.
Поповъ, А. Н., авт. ,6,
Поссевинъ Антоній, лег., 73.
Потебня, А. А., авт.,6.
Прастѣнъ, пос., 38.
Передслава, княг., 233.
Прозоровскій, Д. И., авт., 52, 229.

Раковецкій, уч., 119, 229.
Регембодъ, пос., 59,
Рейске, уч., 184.
Рецемундъ, епис., 61.
Роалдъ, пос., 39.
Розенкампфъ, Г. А., бар., авт., 197, 206.
Романъ, виз. имп., 38—9, 46, 48, 52, 53, 171, 227, 231, 246.
Ростиславъ, кн. 15, 217.
Руалдъ, пос., 35, 38,
Рулавъ, пос., 5, 26—7. 34—5.
Рюаръ, пос., 35.
Рюрикъ, кн., 78, 132, 162.

Saalschuetz, авт., 83, 153.
Самоквасовъ, Д. Я., проф., 3, 14, 20, 22, 28, 55—6, 70, 78, 253—4.
Самуилъ, прор., 114,
Сарторіусъ, ист., 45.
Saysce, А. Н., авт., 79.
Святополкъ Владимировичъ в. кн., 21.
Святославъ Игоревичъ, в. кн. 3, 25, 42, 74, 181, 187, 189,—90, 192.
Святославъ Ярославичъ, в. кн., 231.
Свѣнь, пос., 39, 64.
Свѣнелдъ, воевода, 42, 50—2, 282.
Семпадъ, арм. законов., IX.
Сергѣевичъ, В. И., проф. 3, 24, 31, 75—6, 102, 118—9, 124, 156, 162, 200—1, 203, 217, 255—6.
Сигизмундъ двор., 61.
Сильвестръ,папа, 189.
Симаньргла, бож., 53.
Симеонъ, ц., бол., 3, 15, 18, 28, 70, 107, 186, 228.
Синко, пос., 39, 64.
Слуды, пос., 38, 63.
Соболевскій, А. И., акад., 45.
Сокольскій, В., авт., 102—3, 119, 121, 209. 212.
Соловьевъ, С. М., истор., 3, 90, 133, 140, 181.
Солонъ, греч. законод., 104, 176.
Соломонъ, царь, 22, 66.
Соломонъ Ицхаки (Раши) евр.ком., 206.
Срезневскій, И. И., филол., VI, 45, 57—8, 61, 66, 75, 82—4, 90, 94, 101, 118—9, 121, 176, 181, 183-4, 191, 206, 229, 231, 248.
Станиславскій, авт., 102, 119.
Staerk, W., авт. 79,
Стегги, пос., 38.
Стемидъ, пос., 5, 26—7, 34—5, 59, 62.
Стефанъ, ц. греч., 38—9, 46, 48, 52. 227—8, 231, 246.
Стефанъ Баторій, кор., 73, 167.
Стефановскій, авт., 134.
Суворовъ, Н. С., проф. 106—7, 109—10, 116.
Сурьбарь, кн. Половецкій, 64.
Сухомлиновъ, М. И., авт., 19.
Сфандръ, пос., 38, 63.
Сфирка, пос., 38, 64,

Тальбергъ, Д. Г., проф., 118, 207—8.
Татищевъ, ист., 7, 19—21, 23—24, 53, 91, 117, 121, 175, 190, 219.
Терновскій, Ф. А., проф., 12.
Тиленъ, пос , 39, 64.
Тимоѳеосъ, патр., X.
Труанъ, пос., 35.
Туадъ, кн., 38.
Тудко, кн.. 63.
Турбернъ, пос., 39.
Турбидъ, пос.. 38.
Турдъ, кн. 63.

Улѣбъ (Глѣбъ), пос., 38, 62, 233.
Успенскій, Ѳ. И., авт., 73, 167.
Ута, кн., 38, 62,

Фарлоѳъ, пос., 5, 26—7, 34—5, 63.
Фегоръ (Пеоръ), бож., 254.
Фефелъ (Ѳеофанъ), 42, 50—3, 190
Филаретъ, патріархъ, 160.
Флавій Іосифъ, ист., 26, 32—3, 65.
Флоринскій, Т. Д., филол., 108, 126, 142, 151—3, 179.
Фолькманъ, авт., 212.
Фостъ, пос., 62.
Frankel, Z., авт., 85, 211.

Фрастѣнъ, пос., 38,63.
Фрелавъ, пос., 35.
Фрутанъ, пос., 38.
Фурстѣнъ, пос., 38.
Хлѣбниковъ, проф., 102.
Хмельницкій Богданъ, гетм., 132, 174.
Хорсъ, бож., 253.
Цахаріэ, визант., 129, 135.
Цитовичъ, П. П., проф., 155, 159.
Челеби-Хидръ, эмиръ, 150.
Черновицъ, Х., авт., 219.
Чертковъ, А. Д., авт., 10.
Чюдинъ, бояр., 194.
Шахматовъ, А. А., филол., 8, 17, 22, 23, 25, 27, 198.
Шибридъ, пос., 38, 64.
Шлецеръ, ист., V, VI, VIII, 1, 3, 7, 10, 12, 20, 23—4, 28, 53, 72, 78, 80, 90—1, 96, 101—2, 117, 121, 124, 133-4, 165-6, 171, 174—7, 183, 185—6, 190—1, 228, 248—9.
Штейнбергъ, О., авт., 69.
Щербатовъ, ист., 101.
Эверсъ, Г., авт., 11, 30, 45, 80, 86, 90, 102—3, 117—9, 124, 131, 133—4, 146, 150, 157, 183, 186, 201, 206, 224.
Эсѳирь, библ. имя, 22, 61, 67.
Юпитеръ, бож. 26.
Юстиніанъ, царь, 142--4, 146, 148--9, 152 ·3.
Явтягъ, пос., 38, 92.
Ярополкъ Святославичъ, кн., 26.
Ярополкъ Владиміровичъ, в. кн., 30.
Ярославъ Владиміровичъ, в. кн., 2, 8, 21, 30, 122,127, 193, 195—8, 200—4.
Ярославъ Ярославичъ, кн., 44—5.
Ясинскій, М. Н., проф., 45, 68, 84. 191, 208, 211.
Ѳеофанъ, патрицій, 231.

III.

Указатель географическихъ названій.

Айферій Св., островъ, 180.
Алеманны, нар., 123.
Арменія, страна, Х.
Аттика, стр., 176.
Ахенъ, г., 60.
Багдадъ, гор., Х.
Бахчисарай, г., 191.
Болгаре, нар., 8, 10, 41, 63, 108, 109, 171.
Бѣлая, р. 180.
Бѣлгородъ, г., 158.
Бѣлобережье (Днѣпровск.) 41, 179, 180, 181, 187, 243.
Вавилонія, стр., Х, 167.
Варяги, нар., 4, 6, 7, 8, 27, 28, 29, 30, 34, 57, 135, 245.
Венеціане, нар., 133.
Вепринцъ, г., 221.
Весь, племя 7.
Византія, гос., 1, 15, 18, 28, 31, 33, 45, 53, 88, 96, 116, 123, 127-8, 134, 171, 185, 187, 196, 255.
Вифинія, обл. 13.
Волга, р., 257.
Вышегородъ, г., 30.
Вятичи, племя, 4, 6, 7.
Галата, часть Конст.-ля, 4, 10, 34.
Ганза, ганзейс. города, 58.
Геллеспонтъ, прол., 8.
Генуезцы, нар., 133.
Григорій св., островъ 180.
Готландъ, о., 44, 45, 67, 167.
Дагестанъ, обл., 60.
Двинская земля, 127.
Деревляне, пл., 4, 26.
Дерестеръ, г., 42, 50, 51, 189, 244.
Днѣпръ, р., 179, 180, 187, 243.
Дорогобужъ, г., 217.
Дубно, г., 210.
Дубровникъ (Рагуза), г., 157.
Дулѣбы, нар., 4, 6, 7.
Дунай, р., 180.
Египетъ, стр., 79.
Едомъ, нар., 66.
Ельферій, ост., 41, 179, 187, 243.
Ефесъ, гор., 150.

Завулонъ, колѣно изр., 21.
Загребъ, г., 225.
Израиль, нар., 66, 69, 71
Ираклія, обл., 13.
Исаахаръ, колѣно изр., 21.
Іерусалимъ г., 33, 76.
Іорданъ, р. 94.
Іудея, стр., 66, 67.
Іуда, колѣно изр., 21.
Кавказъ, стр., 60, 61.
Каства, г., 221.
Кастилія, обл., 60.
Кіевъ, г., 4, 5, 7, 16, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 39, 58, 59, 60, 61, 72, 125, 159, 166, 190, 205, 232-3, 245, 247.
Константинополь, г., 2, 3, 8, 9, 10, 54, 158, 175, 180, 182, 245.
Корсунь, г. и обл. 40, 82, 171, 184, 185, 186, 187, 243.
Краковъ, г., 50.
Кривичи, нар., 4, 6, 7. 8, 29, 30, 31.
Лиманъ Галатскій, 10.
Любечь, г., 5, 28, 30.
Любекъ, г., 59, 180.
Меотійская страна 8.
Меря, нар., 4,7, 29, 30.
Москва, г., 73, 77, 167. 191.
Новгородъ, г., 5, 29, 30, 31, 44, 45, 62, 101, 179, 180, 181, 182, 205, 207.
Норманны, нар., 72.
Нѣжатина нива, ур., 218.
Палестина, стр., 176.
Переяславль, г., 232, 233.
Персія, стр., 46.
Пиза, г., 132.
Подольская земля, 6.
Полтѣскъ, г., 5, 28, 30.
Польша, стр., 73, 77, 167.
Поляне, племя, 4, 7-8.
Посадъ Сергіевъ. г., 116.
Приднѣпровье, 60, 205, 255.
Пронскъ, г., 13.
Радомичи, племя, 4, 7, 130.
Рига, г., 45, 49, 59, 67, 167, 178, 179.
Римъ, г., 190.
Ростовъ, г., 5, 28, 30.
Рязань, г., 13.
Селевкія, гор., X.
Селинь, рукавъ Дунная, 180.
Сербы, нар., 108, 109.
Синай, гора, 114.
Сирія, стр., 176.
Скиѳія, стр., 4, 6, 7.
Словены, нар., 4-8, 20-1, 23-4, 27, 20-30, 34.
Смоленскъ, г., 5, 28. 30, 45, 49, 113, 167.
Солунь, г., 17, 18.
Соляная, р., 257.
Сосолы, нар., 30.
Спартанцы, нар., 228.
Сѣверяне, нар., 4, 30.
Тиверцы, нар , 4, 6, 7.
Торкы, нар., 8.
Франки, нар., 10.
Фризы, нар., 104, 123.
Хазары, нар., 30, 60, 116, 255.
Ханаанъ, стр., 94.
Хорваты, нар. 4, 6, 7.
Царьградъ, 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 18, 19, 20, 24, 25. 27. 28, 32, 33, 34, 143, 165, 171, 181, 190, 245-6, 255-6.
Черниговъ, г., 5, 28, 30, 31, 39, 59, 72, 125, 232-3.
Черное море 132.
Чюдь, нар., 4, 6, 7.
Эгейское море, 8.
Ярославль, г., 39, 106.

Замѣченныя опечатки и погрѣшности.

Страница:	*Строка:*	*Гдѣ:*	*Написано:*	*Должно быть:*
8	1	сн.	1907 г.,	1908 г.,
20	12	свер.	Самоквасовъ едва-ли	Самоквасовъ-едва-ли
21	6	„	сегмента № 1).	сегмента № 1),
22	16	„	рус. редакціи,	рус. редакціи“,
25	18	сниз.	судн ѣдолжно	суднѣ должно
27	23	св.	Русью,“ о чемъ поговорю ниже.	Русью“.
27	9	„	Карла.	Карла,
33	2	„	Е. В. Бареова:	Д. В. Барсова:
44	12	свер.	находящейся,	„находящейся“,
47	7	„	сановниковъ:	сановниковъ“:
54	23	„	*kopromissa* и проч.	*kompromissa* и проч.
57	11	„	визатійской	византійской
67	16	„	„князямъ“	„князьямъ“
70	14	сн.	*простословесемъ*, а не *но точью*	*простословесемъ*,“ а не „*но точью*“
71	11	св.	явилисъ	явились
72	6	„	...1,	....,
78	1	сн.	Малытевъ	Малышевъ
81	2	„	Ласкеронскаго	Ляскеронскаго
83	3	св.	смерть.	смерть,
88	20	сн.	да будуть	да будуть“.
92	7	„	при чемъ имущество	при чемъ „имушество
95	10	„	„нехотя	„нехотя“
96	17	св.	помагаетъ ему.	помогаетъ ему“.
105	5	„	сдаюпимся	сдающимся
116	5	„	подумать	думать
117	19	сн.	заплатить	заплатить“.
119	9	„	дерзнеть	дерзнетъ
121	18	„	„дружне,	„дружне“,
122	19	св.	exercet	exrcet“
126	19	сн.	нумераціи	нумераціи
129	10	сн.	Арамейскихъ	арамейскихъ
137	14	сн.	дени.	день.
151	3	сн.	челядинъ;	челядинъ“;
162	2	сн.	untaer	unter
164	12	св.	серебренными	серебреными
164	13	сн.	Вираженіе	Выраженіе
165	11	сн.	Зибелемъ	Зигелемъ
168	10	„	и гостье	и гостье“.
173	5	св.	винуто	вынуто
177	7	сн.	помириться	примириться
179	1	сн.	Зибеля	Зигеля
179	17	„	Зибеля	Зигеля
186	5	св.	на	на-
188	19	сн.	величества	величества“.
191	13	„	1081 году.	1081 году“.
204	18	„	вообще	вообще)
206	3	„	Декабръ,	Декабрь,
208	12	„	въ свадѣ“	„въ свадѣ“
208	10	„	рус. исторіи	рус. исторіи“
208	3	„	Артамоновскаго	Артемоновскаго
209	3	„	Правда“	Права“
209	16	„	статьи	статьи,
213	19	„	расчету	разсчету
220	3	„	de moyen age	au moyen âge
230	8	сн.	и вы греки)	и вы, греки)
238	11	„	ссли	если
238	12	въ (переводѣ).	бываютъ,—	бываютъ,

Не приведены другія опечатки, легко исправимыя каждымъ читающимъ.